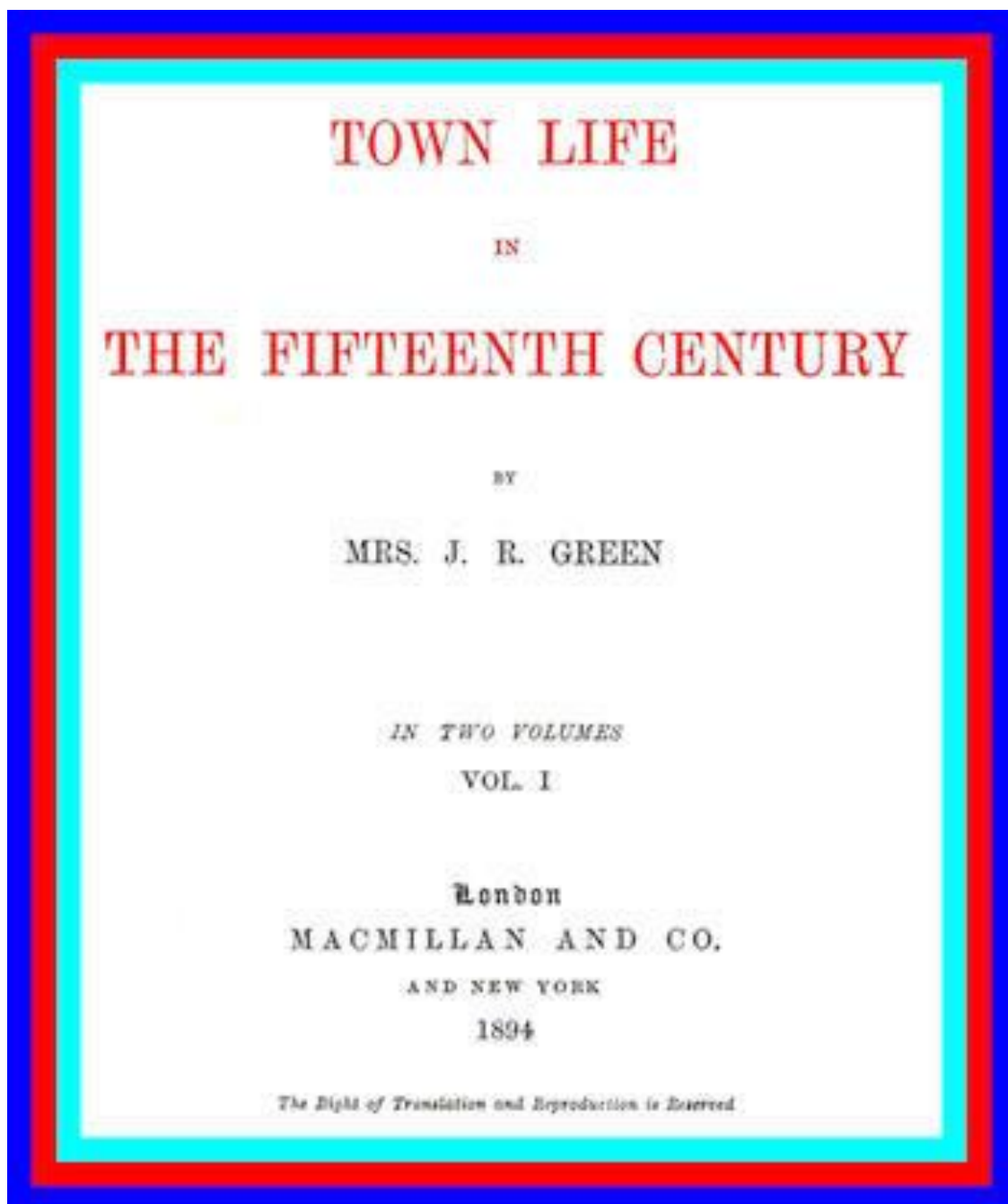

Городская жизнь в пятнадцатом веке, том 1 (из 2)

Элис Стопфорд Грин

The Project Gutenberg eBook of Town Life in the Fifteenth Century, Volume 1 (of 2).

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Городская жизнь в пятнадцатом веке, том 1 (из 2)

Автор: Элис Стопфорд Грин

Дата выхода: 5 ноября 2015 [eBook #50392]

Последнее обновление: 22 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Джованни Фини, MWS и Online Distributed Proofreading Team at <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/Canadian Libraries)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG ЕВООК ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ В ПЯТНАДЦАТОМ ВЕКЕ, ТОМ 1 (ИЗ 2) ***

ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ В ПЯТНАДЦАТОМ ВЕКЕ

VOL. I

ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ В ПЯТНАДЦАТОМ ВЕКЕ

BY MRS. ДЖ. Р. ГРИН

В ДВУХ ТОМАХ

VOL. I

Лондон

МАКМИЛЛАН И КО.

И НЬЮ-ЙОРК

1894

Право на перевод и воспроизведение сохраняется

Ричард Клей и сыновья, Лимитед,

лондон и бангей.

В ПАМЯТЬ О ДЖОНЕ РИЧАРДЕ ГРИНЕ

Март, 1894 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

За двадцать лет, прошедших с тех пор, как мистер Грин написал свой блестящий очерк ранней жизни английских городов и их влияния на историю английской свободы, изучение этой темы в нашей стране продвинулось совсем немного; и, думаю, не будет лишним сказать, что страницы его "Истории" по-прежнему представляют самую яркую и наводящую на размышления картину средневековых городов - картину, вдохновенную горячим сочувствием и эмоциями. В этом быстром и оригинальном исследовании смело вырисовываются истинные пропорции гражданской истории в нашей национальной жизни; а мещане и лавочники городов, долгое время пренебрегаемые и презираемые, занимают свое место в выдающихся рядах тех, благодаря кому наша свобода была завоевана их стойкой борьбой против угнетения, ведущей путь в росте и возвышении английского народа и несущей через века тирании полную традицию свободы. Но история этой великой гражданской революции, о которой во времена мистера Грина нельзя было сказать, что она вообще существовала, с тех пор остается в странном забвении у нас. В то время как в зарубежных странах изучение происхождения и развития муниципальных институтов было признано чрезвычайно важным и уже потребовало эрудиции и изобретательности длинной череды ученых, английские историки оставались в стороне. Ни одно английское имя не фигурирует в школьных конкурсах; ни один английский авторитет не призывается в свидетели, когда выдвигается научная теория для решения загадки; и если время от времени иностранные ученые пытаются втянуть английские города в круг своих обобщений, отсутствие в их распоряжении достаточных или достоверных материалов делает результат тщетным и неплототворным. Ни одна страна не была настолько отсталой, как наша, в муниципальной истории, независимо от того, рассматриваем ли мы ее с популярной или научной стороны. Путешественник, спросивший в книжном магазине провинциального городка местную историю или даже путеводитель, способен осознать расстояние, отделяющее нас от Франции, Италии или Германии, так же, как и студент, который попросит подробный отчет о том, как у нас зарождалась гражданская жизнь или какой-либо из ее

характерных институтов. Определенное количество городских историй действительно существует, но они далеко не всегда посвящены жизни самого района. Для значительного числа местных антикваров погребенные реликвии римского владычества оказались постоянным и животрепещущим интересом. Для изучающего средневековые монастырь и соборная башня возвышаются над убогой рыночной площадью и соломенной ратушей, которые лежат карликовые и неясные под их огромной тенью; и в современной, и в более древней истории мясники и пивовары, представляющие светские корпорации Йорка и Винчестера, практически вынуждены отступить перед присутствием духовных корпораций, которым приписывается слава церкви Святой Марии или церкви Святого Свитуна. Там, где не хватает церковных памятников исторического величия, пылкий апологет все же может найти оправдание убогости и скучности муниципальной истории в том, что в то или иное время город предоставлял свои улицы в качестве сцены для критической сцены в национальной драме, и таким образом - через поднятие королевского штандарта или трагедию выдающегося авантюриста - получал заемный титул на наш интерес. То, что история монастыря, главы и торжественного представления должна быть рассказана со всеми подробностями, я не оспариваю. Я лишь настаиваю на том, что, когда повествование закончено, мы все еще ждем рассказа о самом городе и скромных деталях его обычной жизни. Правда, есть признаки растущего интереса к таким вопросам, и в последнее время в Англии было проведено несколько восхитительных исследований наших муниципальных записей; тем не менее работа все еще находится в самом начале, и насколько необходимы дальнейшие исследования, я имел возможность узнать в ходе попытки проследить развитие примерно сорока или пятидесяти провинциальных районов, чтобы получить некоторое представление о состоянии наших средневековых городов и общем движении их истории. Подготовительную работу, которую иностранный студент находит уже законченной и организованной для своего использования, английский работник почти в каждом случае должен проделать сам. Даже самый краткий набросок истории города слишком часто предполагает долгий труд по поиску массы разрозненных и изолированных деталей, которые сначала должны быть собраны в некоторую связанную последовательность, прежде чем можно будет изучить общее содержание и значение истории по отношению к росту соседних районов. Те, кто пытался найти свой путь через неопределенность и путаницу материалов в их нынешнем виде, вероятно, будут самыми снисходительными судьями неизбежных ошибок в деталях, которые должны вкрасться при выполнении столь деликатной и трудной задачи.

В самом деле, из природы предмета очевидно, что любой писатель, желающий дать обзор жизни провинциального города в том виде, в каком мы можем представить ее сейчас - из печатных материалов, разбросанных в историях графств, археологических журналах, отчетах комиссий, несовершенных рефератах городских документов, парламентских отчетах, хартиях и бродячих памфлетах, - неизбежно должен подвергаться значительной коррекции в вопросах деталей со стороны специалистов, знающих местность. В то же время мне кажется, что без определенных усилий по получению всеобъемлющего представления об общем предмете, студент может оставить себя открытым для еще более серьезных ошибок, которые возникают из-за отсутствия некоторой установленной меры пропорций и неспособности отличить в каждом городе то, что является нормальным, от того, что является странным или характерным. Вопрос о происхождении я намеренно оставил в стороне, исходя из убеждения, что зарождение общества может быть более плодотворно изучено после того, как мы узнаем кое-что о его реальной жизни. Поэтому, избегая многих темных вопросов, я рассматривал в первом томе более простые и менее спорные аспекты роста богатства и независимости района. Во втором томе, однако, возникающие темы уже давно знакомы как вопросы для острых дискуссий; и иногда случалось, что, вновь обращаясь к источникам, из

которых черпаются все наши знания, я постепенно вынужден был придерживаться взглядов, противоположных общепринятым. Так, например, прослеживая развитие самоуправления в самом боро, я, кажется, обнаружил во фразах городских записей новое объяснение положения "communitas" рядом с "cives" - проблема, которая, насколько мне известно, никогда не была по-настоящему сформулирована, и трудности которой никак не разрешаются общепринятой интерпретацией. Более того, теория раннего триумфа и быстрого упадка демократического правительства кажется мне невозможной, и я предположил, что в росте общего совета мы можем найти некоторые свидетельства народного движения к более эффективному самоуправлению, которое, похоже, всколыхнуло промышленные классы пятнадцатого века. Есть и другие животрепещущие вопросы, в которых стремительные экономисты опередили историков и не посчитали преждевременным навести порядок с помощью принятых теорий в неясном хаосе социальной истории Средних веков. Однако, несмотря на их усердные усилия, вся проблема (включая даже установление фактов, от которых она зависит) развития английской торговли и мануфактур и их влияния на социальную жизнь, все еще ждет своего решения; И именно в путанице и невежестве, царящих в настоящее время, я могу найти лучшее оправдание тому, что по многим вопросам - таким, например, как отношение внутренних перевозок к свободной торговле и защите, общая организация труда, положение гильдии по отношению к наемному работнику, отношение муниципалитета к промышленной системе, а капиталиста к городскому советнику, - я осмелился расходиться с общепринятыми выводами.

Прежде чем закончить, я хотел бы добавить лишь одно слово личного объяснения. Единственное обучение или руководство, которое я когда-либо получал в исторической работе, заключалось в очень коротком периоде, в течение которого я мог наблюдать за методом и понимать темперамент, в котором выполнялась работа мистера Грина. У меня не было возможности посетить с ним английские города или проследить за его исследованиями в этом направлении. Самый плодотворный урок, который остался в моей памяти, - это день, проведенный в Анконе между двумя этапами путешествия инвалида, когда я смог увидеть интенсивный энтузиазм, с которым, по его привычке, он сначала направился к ратуше, и из фрагментов греческой и средневековой резьбы, встроенной в ее стены, из гавани и пирса, из названий улиц и крипты собора он извлекал век за веком некоторые записи о старой городской жизни. Несомненно, именно подобные воспоминания неосознанно заставили меня в процессе чтения обратиться к истории английских районов. В то же время я не сомневаюсь, что меня всегда удерживало от мысли написать книгу сознание полного отсутствия надлежащей подготовки к такой работе, если бы я не чувствовал себя связанным настоятельным обязательством сделать эту попытку. Когда работа мистера Грина закончилась, он попросил у меня обещания, что я попытаюсь изучить некоторые из тех проблем средневековой истории, где, как ему казалось, еще так много нужно сделать и так много еще предстоит открыть. В этой книге я сделал первый шаг к выполнению данного обещания. Завершать такую работу можно только с чувством сожаления и ужаса.

Элис Стопфорд Грин.

14, Кенсингтон-сквер,
Март, 1894.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I.	
СТРАНИЦА	
АНГЛИЙСКИЕ ГОРОДА	1
ГЛАВА II.	
ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПЯТНАДЦАТОГО ВЕКА	35
ГЛАВА III.	
ТОРГОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПЯТНАДЦАТОГО ВЕКА	75
ГЛАВА IV.	
ОБЫЧНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДА	124
ГЛАВА V.	
ГОРОЖАНЕ	169
ГЛАВА VI.	
ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ	197
ГЛАВА VII.	
БИТВА ЗА СВОБОДУ (ГОРОДА В КОРОЛЕВСКИХ ВЛАДЕНИЯХ)	226
ГЛАВА VIII.	
БОРЬБА ЗА СВОБОДУ (ГОРОДА В ФЕОДАЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЯХ)	250
ГЛАВА IX.	
БОРЬБА ЗА СВОБОДУ (ГОРОДА В ЦЕРКОВНЫХ ВЛАДЕНИЯХ)	277
ГЛАВА X.	
БИТВА ЗА ВЕРХОВЕНСТВО	309
ГЛАВА XI.	
ГОРОДА И ЦЕРКОВЬ	333
ГЛАВА XII.	
КОНФЕДЕРАЦИЯ	384

ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ В ПЯТНАДЦАТОМ ВЕКЕ

ГЛАВА I

АНГЛИЙСКИЕ ГОРОДА

Сегодня в Англии нет ничего, с чем можно было бы сравнить жизнь полноправного города пятнадцатого века. Даже возрождение наших местных институтов и муниципальных амбиций почти не пробудило в нас воспоминаний о великой традиции прошлого, о широких свободах, высоких достоинствах и привилегиях, на которые претендовали наши города в те времена, когда город был фактически свободным самоуправляющимся сообществом, государством в

государстве, гордящимся правами, вытекающими из незапамятных обычаев, и более поздними привилегиями, закрепленными законом.

В те времена город фактически управлялся по образцу маленького княжества. В границах, которые мэр и горожане с неизменной настойчивостью определяли в своих официальных прогулках, он вел свою изолированную самостоятельную жизнь. Жители защищали свою территорию, строили и поддерживали свои стены и башни, вооружали своих солдат, готовили их к службе и проводили смотры своих сил в установленное время. Они избирали своих правителей и чиновников по своему усмотрению и распределяли между офицерами и советниками такие полномочия по законодательству и управлению, которые казались им выгодными. Они составляли официальные конституции для управления общиной, а со временем, когда появлялись новые проблемы и обязанности, с неугомонной и плодотворной изобретательностью переделывали и пересматривали свои постановления, пока не создали из своей конституции разнообразную мешанину фундаментальных доктрин, общих предписаний и конкретных правил, несколько похожую на американские штаты нового времени. Ни один чужеземный чиновник, кроме судей Высокого суда, не мог пересекать пределы их свободы; шериф графства, бейлиф сотни, королевский сборщик налогов или сержант-оружейник были одинаково закрыты. Горожане сами устанавливали свои налоги, сами взимали их и платили через своих чиновников. Они претендовали на широкие права правосудия, будь то в силу древнего обычая или королевского пожалования; преступники представляли перед судом мэра, а городская тюрьма с ее кандалами и клеткой, виселица у ворот или на городском дворе свидетельствовали о власти, которая заканчивалась только смертью.^[1] Во всех торговых делах они пользовались широчайшими полномочиями, заключали сделки, вели переговоры и принимали законы, как это делают сегодня государства в более широком масштабе. Они могли заключать договоры и конфедерации, покупать и продавать, заключать сделки и торговать по своей воле; они могли составлять официальные договоры с другими районами, допускать их к своим торговым привилегиям или отстранять от них; они могли принимать законы о защите или проводить эксперименты в области свободной торговли. Часто их власть распространялась на обширную территорию, и окрестные деревни собирались на их рынках и подчинялись их законам;^[2] в случае со штабным городом могло случиться даже так, что их чиновники контролировали основную внешнюю торговлю целых провинций. В вопросах, которые их почти не касались, им было предоставлено право самим издавать законы, а если им не разрешалось принимать законы, они, по крайней мере, получали исключительное право их исполнять; король и парламент могли издавать приказы о мерах и весах или правилах, которые должны соблюдать иностранные купцы, но они были бессильны привести в исполнение свои постановления иначе, как через механизм и с согласия города. Государство возлагало на них тяжелые обязанности - надзор за водами речного бассейна, поддержание мира на морях. Они отправляли свои торговые баржи в составе флотилий под командованием адмиралов по собственному усмотрению и лишь слегка опирались на помощь государства для защиты или мести, отвечая на грабеж грабежом, заключая собственные договоры с мореплавателями других стран о захвате, выкупе и выкупе товаров, об обращении с простыми моряками или пленными "господами".^[3] Необходимость их согласия и сотрудничества в более важных торговых делах была настолько ясно осознана, что когда Генрих Седьмой в 1495 году заключил с Бургундией лигу мира и свободной торговли, договор был разослан во все главные города Англии, чтобы мэр мог приложить к нему городскую печать, "для равенства и стабильности дела"; та же форма была соблюдена и при бракосочетании леди Марии.^[4] Двести двадцать шесть бюргеров заседали в парламенте^[5] рядом с семьюдесятью четырьмя рыцарями графства; и каждый граф свободно решал, какова должна быть квалификация его членов и каким способом они должны быть выбраны, в то время, когда для

деревенских жителей все эти вопросы были бесповоротно решены королевским законом. В то время как крупные лорды со своими вооруженными отрядами печенегов абсолютно управляли выборами в графствах, несмотря на все статуты парламента, города отстаивали свою свободу избирать без страха и предпочтения и направляли в Палату общин тех членов, которые, вероятно, в то время наиболее полно представляли "народ", то есть в той мере, в какой народ еще был вовлечен в сознательное участие в национальной жизни.

Четыреста лет спустя память об этой свободной и энергичной жизни была полностью стерта. Когда в 1835 году были посланы комиссары, чтобы изучить положение английских боро, не нашлось ни одной общины, где бы еще жили древние традиции. Там были и мэры, и городские советы, и бургомистры; но бургомистры в большинстве своем были лишены всякого участия в выборах своих муниципальных чиновников, а сами они утратили все благородные черты своей прежней власти. Слишком часто сами границы старых "вольностей" города были забыты; а если древние ориентиры и помнили, то только потому, что они определяли границы, в пределах которых жители имели право голосовать за члена парламента; а в тех случаях, когда старые границы теперь существовали не по какой-либо другой причине, было полностью забыто, что они могли иметь какое-то другое происхождение. В других боро, где право голоса определялось иным способом, горожане просто потеряли память о древних границах своей территории; или же, руководствуясь какими-то смутными воспоминаниями о былом величии с более широкой юрисдикцией и обширными владениями, корпорация по-прежнему ежегодно "ходила по границам" земель, на которые теперь не претендовала. По мере того как угасала память о муниципальной жизни, появлялись районы, где, наконец, никто не подозревал, что корпорация когда-либо существовала для каких-то более значительных целей, чем выбор членов парламента. Не зная других общественных почестей и привилегий и не призванные ни к какому другому общественному служению, свободные люди видели в одной-единственной деградировавшей политической функции единственную цель своей корпоративной конституции; представительство народа было превращено ими в "собственность и торговлю", и эта единственная привилегия, питаемая коррупцией и частной алчностью, пережила упадок всех великих обязанностей древней гражданской жизни.[6]

Правда, были и исключения из этой общей апатии, и такие города, как Линн, все еще могли поддерживать настоящую муниципальную жизнь, а другие, как Бристоль, все еще могли демонстрировать хороший боевой характер, который имел большое значение в политической борьбе начала XIX века. Но простые провинциальные бюргеры потеряли, или забыли, или были лишены наследия, завещанного их предшественниками в XV веке. Вместе с утратой муниципальной независимости они потеряли и политический авторитет, а четыреста с лишним депутатов, которых они направляли в парламент, занимали там совсем не то место, которое когда-то занимали их предки. В Средние века рыцари шира были простыми выдвиженцами богатого или благородного сословия, попавшими в парламент благодаря власти лорда, в то время как бургомистры городов сохраняли более смелые и свободные традиции.[7] К моменту принятия билля о реформе, напротив, подавляющее большинство городских депутатов заседало в Общине как зависимые и слуги земельной аристократии, чьей миссией было обеспечить волю своих покровителей, и которые в своем продажном или робком подчинении просто передавали обратно богатому классу верховную политическую власть, которую ремесленники, лавочники и "подлые люди" из средневековых боро грозились разделить с ними.

Подлинная история этого необычного роста независимости в английских районах и его не менее необычного упадка могла бы составить одну из самых ярких глав во всей нашей

национальной истории. Но материалы для такой истории, неясные, фрагментарные и разрозненные, по-прежнему скрыты в муниципальных архивах, государственных списках и судебных протоколах, как будто англичане не имеют к этому никакого отношения. Действительно, многие хитроумные приемы, придуманные бюргерами для решения особых трудностей прошлого века, не могут служить образцом для нашего сегодняшнего использования, а их успех или неудача не могут быть аргументированы ни одной из сторон в наших современных спорах. Они ничего не говорят нам ни о преимуществах или недостатках защиты в наше время, ни о пользе государственного регулирования труда, ни о целесообразности торговых гильдий. Мы не можем возродить их суды или их привилегии, так же как не можем установить их виселицы или призвать современных граждан вырыть ров, который станет их защитой от враждебного мира. Мы не можем заимствовать их опыт и праздно жить за счет мудрости мертвых. Но нет более поразительного исследования вечной адаптации и приспособления, с помощью которых живые сообщества приспосабливаются к меняющемуся порядку вещей, чем изучение наших провинциальных районов в Средние века; И англичане, которые сегодня стоят в авангарде мира по своему пониманию свободы и политическим способностям, и чей вклад в искусство управления был, возможно, самым значительным фактом последних столетий, вполне могут оглянуться с того великого места на бюргеров, которые завоевали для них их право на рождение, и с повышенным интересом наблюдать за маленькой сценой средневековых районов, где их предки когда-то играли свою роль, пробуя дюжину схем представительства, строя планы управления, изобретая конституции, с живой энергией, которая еще не растратила свою силу, пройдя через десятки поколений.

Нет лучшей отправной точки для изучения городской жизни в Англии, чем пятнадцатый век, когда, когда позади остались века беспокойного роста, а их общества еще не были затронуты влиянием Ренессанса, Реформации или новой торговой системы, боро достигли своей процветающей зрелости. Было бы напрасно пытаться реконструировать их раннюю историю, если бы сначала не оказаться в самом центре этого бурного общества и, наблюдая за бесконечным разнообразием конституционного развития, не научиться находить и оценивать многочисленные силы, которые действовали, чтобы привести к столь сложному результату; и ни одно исследование их поздней истории невозможно без понимания огромной жизненной силы средневековых муниципалитетов. Это были мастерские, в которых формировалось политическое кредо Англии, где понятие свободного содружества с тремя сословиями - королем, лордами и общинами, - держащими по общему согласию свою власть, доказывалось и проверялось, пока не стало обыденностью, вульгарным достоянием каждого англичанина. Там люди, которым в конечном итоге предстояло совершить Реформацию, учились всем сложным вопросам между церковью и государством и практическому значению вмешательства в гражданские дела со стороны чужеземной власти, так что финальный кризис религиозных волнений был лишь драматической декламацией в грандиозном масштабе уроков, старательно повторяемых класс за классом на протяжении многих поколений до этого. И там, задолго до того, как великая национальная борьба последующих веков между Англией и континентальными державами возвысила патриотизм до его наивысшего пыла, люди уже были вдохновлены видением английской нации, стоящей на страже мира, и страстной преданностью ее великой судьбе; И на каждом рынке и в каждой гавани любовь к стране разгоралась благодаря новой торговле с ее гигантскими амбициями завоевать для Англии господство на морях, ее федерациям купцов, скрепленных отчаянной борьбой за господство, и ее полчищам пиратов, бороздивших океан с дикой радостью своих норвежских предков. В нашей истории нет перерыва, когда старый мир слился с новым, ибо дух пятнадцатого века был духом шестнадцатого века так же полно, как и дух сегодняшнего дня.

Города, какими мы их видим в XV веке, стали результатом многовековой подготовки. Очень медленно и постепенно Англия превращалась из чисто сельскохозяйственной страны с ее разбросанными деревнями зависимых земледельцев в ту Англию, которую мы знаем сегодня, - страну промышленных городов, где сельскохозяйственные интересы почти забыты при подсчете национального богатства. Наши современные города, действительно, почти все могут проследить свою историю в безвестности очень далекого прошлого; но их история, как мы находим ее в Domesday или при норманнских королях, - это просто маленькая деревушка, где несколько сельскохозяйственных рабочих собирались в своих бедных лачугах, обрабатывая по очереди землю своего господина и свои собственные небольшие владения; Или несколько более крупных деревень, которые располагались на разветвлении большой дороги, у речного брода или в удобном месте для ярмарки или рынка, и таким образом становились центрами небольшой местной торговли; в то время как на побережье несколько морских портов только начинали привлекать купцов со своими товарами в страну, которая давно была почти забыта торговцами с континента. Только в двенадцатом веке[8] наши боро начали иметь независимую муниципальную историю - с того времени, когда рост торговли шерстью при Генрихе Первом дал им новую коммерческую жизнь, а организация местного самоуправления при Генрихе Втором открыла им путь в новый мир политических экспериментов и спекуляций.[9] С этого времени все шло хорошо в муниципалитетах на протяжении трехсот лет. В течение тринадцатого века подавляющее большинство городов получило права на самоуправление, пока, наконец, эти гранты не закончились просто потому, что не осталось городов, не получивших права на самоуправление.[10] Правда, поток королевских хартий не прекращался, поскольку бюргеры, получившие первые порции независимости, постоянно добивались всех дальнейших привилегий, способных возвеличить их власть или защитить их достоинство; и последующие поколения патристически настроенных граждан собирали в своих городских сундуках под надежной охраной полудюжины замков кипы драгоценных пергаментов, каждый из которых даровал какое-то новое благодеяние или расширял границы свободы. Борьба за независимость, определяемая местными обстоятельствами, велась неравномерно, сначала в одном городе, потом в другом; здесь горожане бурно продвигались вперед, а там бездействовали или останавливались, обескураженные, на своем пути. Некоторым городам разрешили избирать мэра еще до 1200 года,[11] другие получили это право лишь три или четыре столетия спустя; Бристоль стал графством в 1375 году, более чем за сто лет до Глостера; и в XV веке все еще существовали графства, которые должны были получить свои первые хартии, или же обменять узкие и недостаточные права на полную эмансипацию. Но движение вперед не прекращалось; каждая победа была на счету у свободы, а каждый успех оправдывал веру и вдохновлял на новое рвение. Бюргеры продолжали наполнять свои кошельки, с одной стороны, и разрабатывать конституции для своих городов - с другой, пока в XV веке они не стали фактически хранителями английского богатства и арбитрами английской политики.

Поначалу муниципальная жизнь, даже в ее лучших проявлениях, была очень скромной. Самые большие боро в 1300 году, вероятно, могли похвастаться лишь четырьмя-пятью тысячами жителей, а правомочные бюргеры - еще меньшим числом;[12] то время как глинобитные или деревянные хижины с двускатными крышами из тростника и камыша, выстроившиеся вдоль узких переулков, укрывали людей, которые, смирившись с общей бедностью, торговали не более чем предметами первой необходимости.[13] Только в середине XIV века города, перейдя к более широкой промышленной деятельности, начали освобождаться от неопишемого убожества и нищеты раннего Средневековья; но уже с этого времени мы начинаем обнаруживать признаки растущего процветания, сначала под прикрытием экономного благосостояния, а затем с радостной показной роскошью. В течение следующих ста лет мы видим, как торговые порты, такие как Линн, Сэндвич,

Саутгемптон или Бристоль, и центры внутренних перевозок, такие как Ноттингем, Лестер или Рединг, и города-производители, такие как Норвич, Вустер, Йорк, накапливают богатство, удваивая и утраивая свои ежегодные расходы, повышая жалование своим чиновникам, строя новые кварталы, украшая свои общественные учреждения и церкви, расточая деньги на покупку новых привилегий для своих граждан или на расширение своей торговли. И пока большие города наслаждались урожаем благословений и жирных вещей, маленькие морские порты и рыночные города также свою долю в общей удаче, которой обогащалась вся Англия.

Возьмем, к примеру, город Колчестер, где со времен Завоевания проживало около 2200 человек, но за эти двести пятьдесят лет их численность ни разу не увеличилась. Об их образе жизни мы можем кое-что узнать из записей о пошлине, взимавшейся с их товаров около 1300 года. Одним из самых богатых торговцев в городе был мясник, чья стоимость достигала 7 фунтов 15 шиллингов. 2d.; в то время как запасы его собратьев по ремеслу состояли в основном из туш, сала и нескольких кадок для засолки, хотя у одного было две туши волов по два шиллинга каждая, а у другого в лавке было мяса на тридцать шиллингов. Если добавить к мясникам тринадцать зажиточных кожевников и четырнадцать торговцев, которые продавали перчатки, ремни, кожу, шелковые кошельки и футляры для иголок, а также сукно и фланель, а один даже кушаки (которые, с их серебряными украшениями, были дорогими изделиями), то список колчестерских плутократов будет исчерпан. Однако в течение четырнадцатого века рядом с кожевниками и мясниками стали селиться производители сукна. Картежники, гребенщики, суконщики, ткачи, сукновалы и красильщики съезжались в город и распространяли свою торговлю на соседние деревни. Торговцы шерстью развивали свой бизнес, пока в 1373 году судебные исполнители не превратили подвал под старым Моут-холлом в Шерстяной зал для удобства торговцев, а также добавили прекрасное крыльцо со сводом, нависающим над входом в Моут-холл, и несколько магазинов с соларами над ними. К концу столетия население увеличилось более чем в два раза. Бедные дома, которыми когда-то были застроены улицы, были снесены, а состоятельные люди построили магазины в новом стиле с палатами над ними, выходящими на улицу, и сдали их арендаторам, занимающимся торговлей.^[14]

В маленьком торговом городке Бридпорт произошла та же история. В 1319 году Бридпорт со своими ста восьмьюдесятью бюргерами не смог на "смотре оружия" или сборе бойцов выставить ни одного мещанина, который бы носил лук и стрелы, и отправил свой разношерстный полк, оснащенный универсальным ножом или кинжалом, или, что случалось, шестами, секирами, топорами, вилами или копьями, а один или два аристократа действительно носили меч. Только шестьдесят семь бюргеров из ста восьмидесяти платили налоги, а общая бедность, похоже, была крайней. Самый богатый человек имел одну корову, двух свиней, два медных блюда, несколько шкур и немного мебели - все это стоило 4 фунта 8 шиллингов; а один из самых уважаемых трактирщиков владел двумя свиньями, двумя кроватями, двумя скатертями, двумя ручными салфетками, лошадью, медным горшком, блюдом, несколькими деревянными сосудами и солодом.^[15] В 1323 году дела обстояли немногим лучше, поскольку тогда налогом было обложено восемьдесят человек, причем имущество некоторых из них оценивалось всего в шесть шиллингов, и это при системе, при которой точно подсчитывалось все имущество каждого человека - его карты, пряжа, обувь, подпруги, которые он делал или пытался продать, даже его запас овсянки. Однако столетие спустя мы видим новый Бридпорт. На его улицах поселились торговцы из Бристоля, голландцы и иностранные купцы и ремесленники; горожане стали процветать и объединяться в братства - братство св. Николая, братство св. Джеймса, братство Двух Факелов, братство Света Святого Креста в церкви Святого Андрея и еще одно в церкви

Святой Марии, а также братство Факелов в церкви Пресвятой Марии - очевидно, детище первой половины пятнадцатого века. Толл-холл был отремонтирован, дома в городе приведены в порядок, сделана новая дамба. В Гильд-холле появились часы, церковь перестроили и оснастили органом, а места в ней стали сдавать зажиточным горожанам. Когда, наконец, в 1458 году в городе вновь состоялся "смотр оружия", в нем не осталось ни одного имени из тех, кто фигурировал в списке 1319 года. Но эти новые торговцы пришли, смело вооружившись луками и стрелами, а также кинжалами, билами, шестоперами или копьями, или гордо маршируя со своими почтовиками, домкратами, салетами и "белой сбруей с басентом". Бридпортский стандарт изменился, и одному человеку, пришедшему с целым арсеналом оружия - ружьем, луком, двенадцатью стрелами, мечом и баклером, - было приказано на следующем сборе принести еще двенадцать стрел.[16]

Даже города, которые, как и Рай, познали все бедствия войны, ждали мирного момента, чтобы получить свою долю общего процветания. Сожженный французами в 1377 году, снова сожженный и опустевший в 1448 году, Рай долгое время оставался на уровне бедности, характерном для Средневековья. В 1414 году он приютил лишь горстку бедных людей - двадцать один бедный домохозяин в приходе Нессе, двадцать восемь в приходе Уотер-Мелль и еще большее число таких же бедных в приходе Маркет; в его стенах, по сути, был только один человек - лорд поместья - который был оценен в такую большую сумму, как 6s. 8 d., хотя в приходе без ворот, где жил мэр с дюжиной других зажиточных домовладельцев, двое из которых, кроме мэра, были оценены в аристократическую сумму 6s. 8d. К концу века, однако, рыбаки из Рая были известны на дальних морях, а торговцы - на ярмарках в стране и за рубежом. Лондонские купцы покупали недвижимость в процветающем городе, и появились новые кварталы с названиями, заимствованными из столицы - Патерностер-Уорд и Баклерсбери-Уорд. В 1493 году пять мещан оценивались в 400 фунтов стерлингов каждый, а общая стоимость имущества, которым владели жители, составляла 6303 фунта.[17]

Свидетельства накопления богатства действительно собираются со всех сторон. Труд и предприимчивость, которые в прежние века покрывали Англию замками, соборами и монастырями, теперь были направлены на то, чтобы покрыть ее новыми городами. Достаточно проехать по любой части страны, чтобы понять, как безжалостно люди пятнадцатого века считали приходские церкви, построенные их отцами в четырнадцатом веке, чтобы заменить их большими голыми зданиями, где размер и показуха слишком часто служили красоте, и при строительстве которых преуспевающие бюргеры больше демонстрировали свое богатство и щедрость, чем вкус и чувство. В Кентербери и Вустере, Ноттингеме, Бристоле и множестве других городов мы до сих пор можем любоваться новыми домами, которые возводились для торговцев, с их живописными очертаниями и тонкой резьбой. Пустыри в округах застраивались зданиями и образовывали новые палаты. Со всех сторон корпорации, движимые инстинктом муниципальной гордости, строили общие залы, устанавливали на рыночной площади величественные кресты, подобные тем, что мы до сих пор видим в Винчестере или Мальборо, мостили улицы,[18] или обеспечивали новый водопровод для растущего населения.[19] Если мы подсчитаем новые ворота, и набережные, и мосты, и пристани, и гавани, и шлюзы, и акведуки, и рынки, о которых повествуют городские записи, то мы будем поражены активностью, которая была поистине грандиозной. Общественный долг и частное предпринимательство шли рука об руку. Иногда на строительство церкви или рытье новой гавани призывалось все население; иногда благотворительность, направленная на религиозные нужды, превращалась в русло гражданского патриотизма, и добрые горожане оставляли деньги на основание больниц,

богаделен и школ, на мощение улиц, на оплату пошлин своего города, на оплату адвокатов для защиты его привилегий или на покупку хартии для защиты его прав от посягательств. Так, два торговца из Кентербери построили в 1400 году первый частный мост через реку; а в 1485 году лондонский мерсер Уильям Пратт за свой счет соорудил первый главный сток под Олд-стрит, чтобы отводить дождевую воду в реку.[20] В Бирмингеме вся община объединилась в "гильдию и прочное братство" для выполнения благотворительных работ, и главным образом, судя по всему, для ремонта двух больших каменных мостов и различных нечистых и опасных путей на большой дороге в Уэльс - работы, которую корпорация была слишком бедна, чтобы взяться за нее.[21]

Этот рост богатства не был единственной или даже самой яркой частью истории города на протяжении трех столетий со времен Генриха Второго до Генриха Седьмого. Торговля практически одинакова, где бы она ни существовала, и из ее узкого круга всегда найдется способ вырваться большей части человеческой энергии. Когда англичане потратили часть своих сил на создание нации лавочников, у них еще оставалось достаточно бодрости и энергии, чтобы разработать искусство управления, которое повлияло на всю мировую историю; и по-настоящему характерная часть средневековой истории - та, что позволяет нам оценить политический гений, с которым предтечи современной демократии разрабатывали схемы управления для созданных ими обществ свободных рабочих. Многие еще предстояло сделать в новом порядке жизни.[22] Уже в двенадцатом веке новая сила заявила о себе, когда во Франции средние и низшие классы впервые обрели голос в литературе. С этого времени поэты из народа и учителя социализма, пишущие на вульгарном языке для простого народа, ставили поразительные вопросы и смело отстаивали свои выводы. Ничто не укрывалось от их критики; когда они обсуждали исконные права человека, "общественный договор" между народом и его господами, тиранию дворян или права крестьян,[23] эти новые мыслители из народа давали знать о растущей энергии, слишком большой и страстной, чтобы спокойно жить в узких рамках средневековых обычаев и традиций. Однако неизбежные перемены происходили медленно, и те, кто жил в гуще движения, сами не осознавали реальных преобразований, которые происходили. Даже в конце XIV века автор "Пирса Плаумена", рисуя нам картину феодального мира, каким он был в то время, и не мечтает о том, что его рабство может быть когда-нибудь разорвано, что из тюрьмы средневекового общества можно выбраться. Впервые мы видим Англию не такой, какой она представлялась историкам и сатирикам двора или монастыря, а такой, какой она выглядела для того, кто стоял посреди этого огромного "поля, полного народа из конца в конец" - для поэта, который шел среди людей с сердцем, полным милосердия и жалости, кто днем смешивался с толпой на ярмарке, или наблюдал за торгами на рыночной площади, или путешествовал по проселкам и заходил в лачуги бедняков, а ночью сидел в пивной среди нищих и монахов-подвижников. Но в то время как он показывает нам все неприятности и смятение этой бурной толпы, общественный порядок остается для него простым и неизменным - по его убеждению, он установлен настолько прочно, насколько это возможно по велению Бога и природы. Он мог лишь повторять старые, проверенные временем советы о труде и послушании как об окончательном средстве от всех социальных бед: "Не советуй королю нерадеть". Но было более чем вероятно, что работа и послушание все еще могут оставить, как и раньше, жизнь, лишенную всего, кроме страданий. Тогда последнее утешение заключалось в смирении.

"Да, - говорит Терпение, - и вынимает из своего тычка

Кусочек Pater Noster и предложил всем нам.

И я слушал и смотрел, что это за средства к существованию;

А потом сказал: "Fiat voluntas tua", чтобы мы все нашли.

"Возьми, Актив, - сказала Терпение, - и ешь это, когда будешь голоден.
Или когда ты сжимаешься от холода, или сжимаешься от засухи;
И никогда тебя не постигнет ни печаль, ни гнев великого господина,
Prison nor other pain for-patientes vincunt".[24]

Таково было окончательное решение Лэнглендом проблем своего времени. Но англичане не были терпеливым народом, и проблема реорганизации общества стала очень серьезной к концу Средневековья, и, возможно, в пятнадцатом веке она была более насущной для страхов и совести людей, чем когда-либо прежде, или будет актуальна до наших дней. Это был насущный вопрос для скромных людей, для лавочников, торговцев, ремесленников и подмастерьев, которые в отсутствие привилегий были вынуждены думать о свободе; и в тесных переулках, убогих мастерских, беспорядочных рыночных площадях, маленьких соломенных общих залах средневекового города великие принципы свободы нашли свой ранний дом и боролись за свое совершенство и превосходство. Мещанам было недостаточно создать общества свободных людей - "джентльменов", как сказал бы Пирс Плаумен,[25] , для которых главным отличием между человеком и человеком было не богатство или бедность, труд или легкость, а свобода или рабство. Это была самая легкая часть их задачи, и она была практически завершена в самом начале их истории. Дольше и сложнее было выяснить, как на деле должно осуществляться искусство управления в этих общинах, и определить принципы их политического существования. Но и в этих вопросах бюргеры стали первопроходцами наших свобод, а их политические методы были переданы как часть наследия всего народа. Когда после множества обещанных и подтвержденных привилегий важные города перестали предъявлять требования, они направили свои силы на разработку сложных и искусственных конституций, которые ознаменовали высшую точку, которой достигла их гордая и самодостаточная независимость. Вместо того чтобы безропотно принять образец или теорию своих соседей, каждый город проводил свой собственный эксперимент в искусстве управления, с живостью и неугомонной изобретательностью, свойственной кульминационному моменту их деятельности.

Между тем по счастливому стечению обстоятельств боро были призваны принять участие в великом движении, в результате которого была создана Палата общин, в то время, когда дисциплина и опыт местного самоуправления подготовили их к оказанию реального влияния на формирование английской конституции в ее нынешней форме. Обеспечив большую часть своих основных свобод как раз перед тем, как Симон де Монфор в 1265 году призвал средний класс принять участие в работе парламента, и неуклонно укрепляя свои позиции в течение всех тридцати лет смены советов и пробных экспериментов, которые последовали за этим, они увидели, что представительство районов окончательно установлено в 1295 году - в тот самый год, когда представительство графств было, наконец, полностью признано.[26] Если какое-то время они играли, по-видимому, незначительную роль в политических баталиях, если отдельные действия членов боро почти не упоминаются,[27] факт остается фактом: на протяжении века, в течение которого формировалась Палата общин, члены[28] , посланные от этих свободных самоуправляющихся общин, составляли почти две трети Палаты. Эдуард Первый направил парламентские грамоты в 166 городов, а в парламенте 1399 года 176 представителей боро заседали вместе с семьюдесятью четырьмя рыцарями шира.[29] Какое-то время они молчали и попустительствовали, но есть немало примеров, свидетельствующих о неуклонном росте их значения и о том, как государственные деятели начали осознавать новую силу, с которой отныне приходилось считаться правительству.[30] К концу XIV века их влияние стало заметным; и, несомненно, именно благодаря энергичным бюргерам Палата общин в начале XV века обрела полномочия, которых у нее никогда не было раньше и не будет в течение двухсот лет.[31] В перечне петиций и статутах на

протяжении всего столетия, в котором их влияние на законодательство было явно преобладающим, мы можем искать истинное начало демократического правления в Англии.[32] Ведь еще в более ранние времена, когда Палате общин не было и семидесяти лет, ее власть уже была измерена, а воображение людей разжигала ее могущественная судьба. Если верховный король держал свое государство в Вестминстере,

"он лорд предшественник",

И глава их, и король их, не разделяя ничьей партии,
Но стоят, как кол, воткнутый в трясину
Между двумя землями для верного знака";

если его власть была абсолютной, и он мог

"требовать от общинников по своей воле

Чтобы они следовали за ним, находили его и приносили им его совет".[33]

но даже тогда Совесть предупреждала государя, что создать праведное правительство "без помощи общин очень трудно, по моему разумению";[34] и Разум

"советовал королю любить своих общинников,

Ибо общины - сокровище короля".[35]

Однако роль, которую играли города в национальной политике, степень их влияния, чем оно отличалось от влияния аристократического сословия, как оно влияло на вопросы управления, финансов, внешней политики, торгового законодательства, прочность монархии и формы конституции - все эти вопросы еще предстоит исследовать. Совершенно ясно лишь то, что мудрые правители тех времен видели огромные изменения, происходившие в расстановке сил в государстве, поскольку даже самые глупые из них чувствовали, что власть над кошельком, по крайней мере, переходит от сельских магнатов к городским купцам;[36] и они выражали свои убеждения изменением всего характера своей политики. Для королей и государственных деятелей дружба бюргеров даже в сравнительно спокойные времена с каждым днем становилась делом более важным и покупалась по их собственной цене. Подкупить в своих интересах они стремились уже не вельмож, а города; и по мере того как уменьшались подарки и пенсии придворным фаворитам, любезности и милостивые послабления в аренде оказывались в пользу районов.[37] С этого времени, даже когда города опустились до своего низшего состояния, их власть никогда не была полностью утрачена, и в их последующем унижении и коррупции мы все еще можем обнаружить свидетельства их политического влияния, поскольку мера их влияния была фактически ценой, установленной за их повиновение.

Если такая история долгих веков национального роста, заканчивающаяся удовлетворенной зрелостью, наводит на мысль о скучном однообразии, нам достаточно обратиться к истории городов в другие времена и в других местах, чтобы обнаружить, что в этом самом однообразии скрыт настоящий элемент необычности. Самый яркий контраст, пожалуй, находится совсем рядом, в блестящей и драматичной истории коммун во Франции - самой недолговечной из всех феодальных независимых владений в Европе.[38] Более раннего происхождения, чем английские, их история восходит к первой половине двенадцатого века, за пятьдесят лет до того, как это движение началось в Англии; а история их свобод, вместе

взятая, - это всего лишь краткая история длиной в двести лет, с 1130 по 1330 год. Их прогресс был быстрым, а упадок - столь же стремительным. Действительно, упадок наступил уже в 1223 году, в то самое время, когда Норвич, Ноттингем и ряд крупных английских городов впервые получили право самостоятельно выбирать правителей и отправлять правосудие. В 1280 году их положение было почти безнадежным,^[39] а полвека спустя жизнь свободных общин закончилась, а их свободы были полностью уничтожены, за исключением права заниматься торговлей.

И все же мы можем только удивляться тому, что эти попытки продолжались двести лет, поставленные перед трудностями, совершенно неизвестными английским бюргерам, или призраками, или тусклыми отблесками, с которыми им в худшем случае приходилось бороться лишь в своего рода призрачной борьбе. Что такое далекие отголоски чужих завоеваний или поражений, слышимые по нашу сторону воды, или сообщения о случайных местных восстаниях по сравнению с опустошительными войнами, которые прокатились по равнинам Франции и среди страданий которых коммуны боролись за жизнь? Необходимость войны оказалась фатальной для местной свободы, и не только в этом. Если воюющие короли и лорды создавали независимые общины для своих целей, с единственной идеей - сформировать укрепленные центры, способные к самообороне, такие коммуны вряд ли могли стать оплотом свободы, и самоуправление народа вскоре фактически падало перед требованиями военной дисциплины. Иногда к гибели свободы приводили более жестокие методы; и дрожащие жители, возвращавшиеся из лесов в свои разрушенные дома после того, как город был разграблен и сожжен врагом, молили о лишении избирательных прав, чтобы таким образом освободиться от тягот и повинностей коммуны, которую они больше не могли содержать. За границей же феодализм сохранял власть, которую здесь у него отняли норманнские короли, и был для бюргеров еще опаснее, чем сама война. Против могущества своего феодала, короля, дворянина или церковника, они могли в конечном счете лишь жалко бороться, и, возможно, после столетия отчаянной борьбы за освобождение, в ходе которой крестьяне видели, как их собратьев убивали тысячами, их фермы опустошали, у них отнимали богатства, их эмигранты возвращались голодными в разграбленные усадьбы, результатом всех их страданий было, наконец, получение нескольких торговых привилегий путем согласия на хартию, которая снова клала их к ногам своего господина. Слишком часто лорд избегал открытого насилия, призывая на помощь политическое ремесло, и придумывал для своих бюргеров такую форму хартии, которая, хотя и прекрасно отвечала его собственным целям, лишала общинное правление всякого истинно демократического элемента и превращала название свободы в насмешку. Что касается огромного числа больших и малых городов, находившихся под церковным владычеством, то они тщетно боролись с князьями Церкви, чье могущественное государство измерялось в масштабах всего континента, - князьями, за которыми всегда стоял Папа, готовый по их требованию издать указ об отлучении, оставлявший все имущество мещан на милость их господина. Стремился ли прелат уничтожить восставших крепостных огнем и мечом, придумывал ли он с более хитрыми намерениями какую-нибудь обманчивую форму хартии, или придумывал, как помешать всем действиям свободного правительства, сорвать его развитие и ограничить распространение его влияния, трагическая развязка всегда была под рукой - политическое рабство и деградация. Среди бесчисленных бед, одолевавших французские коммуны, административных трудностей, финансовых забот, публичных банкротств города за городом, злых моментов, когда королевский фискал и голодающий народ заключали союз, чтобы уничтожить привилегии бюргеров, гражданская свобода потерпела крах. Время и судьба объединились против коммуны, и вопрос о битве был решен еще до ее начала.

Против столетия роста и столетия упадка, которые составили историю французских коммун, мы должны выделить триста лет непрерывного процветания и привилегий, в течение которых английские бюргеры добавляли хартию к хартии и наполняли свои "общие сундуки" с регулярностью, не знавшей ограничений. Не стоит, однако, полагать, что англичане достигли этого счастливого состояния исключительно благодаря своему исконному превосходству; возможно, правильнее было бы благодарить за удачу незначительность, которая так долго их поджидала. На самом деле Англия отставала далеко в тылу, где не было шума и пыли сражений. Не там впервые была провозглашена идея муниципальной свободы; ведь в темные века бунта, беспорядков и пиратства кельты, латиняне, тевтоны, все члены европейского братства, по сути, нашли в объединении естественную защиту от опасности и помощь в труде; а вдоль великих торговых путей, пересекавших Европу, более важные общества людей, объединившихся для защиты и помощи, были сформированы еще до того, как англичане начали организовываться в самоуправляющиеся общины. В этой европейской драме все приняло грандиозные континентальные масштабы; люди спорили за огромные ставки, и в долгой битве могущественные владыки старого мира так и не были полностью побеждены, но все же наложили свою хватку на современное общество, которое боролось за установление нового порядка. В великой борьбе случались и поражения, как, например, во Франции, и свобода должна была начинать свой путь заново и вести людей по новым дорогам в поисках свободы и довольства. Но у нас, на нашем далеком острове, на протяжении всего Средневековья были все преимущества неясности. Согласно любому правильному методу определения нашего места в европейском порядке, будь то по годовому доходу, или размеру торгового флота, или силе армий, или количеству жителей, мы оставались какое-то время после потери Нормандии и Анжу в глазах Европы малозначимыми; и, насколько позволяло народное чувство, мы не обращали внимания на то, что происходило на континенте.^[40] Спокойные и защищенные, потому что никто не брал на себя труд думать о нас, пока мы были вне их ссор, мы были оставлены, чтобы выучить наши уроки так медленно, как мы хотели, заложить надежные, хотя и скромные, основы, практиковать наше мастерство путем безопасных экспериментов, пока наше искусство не было освоено. Скромный показ, который мы сделали в нашем национальном качестве, повторился в нашей муниципальной истории. Действительно, крошечные владения общины, немногочисленное население, бедная маленькая сокровищница, одинокая "общая баржа", горстка ополченцев, проходящих в строю со своими дубинами и вилами, представляют собой жалкую фигуру на фоне величественного состояния больших корпораций за морем. Но в этом скромном состоянии и заключалась их истинная безопасность. С самого начала расположившись в приятных местах, где короли-завоеватели низвергли возвышенное и вознесли смиренное, и где на их пути больше не стоял непобедимый враг, мещане могли беззаботно заниматься своими делами. На узкой территории, огороженной городской стеной и рвом, среди скудного населения, едва ли превышающего численность населения небольшого провинциального городка в наши дни, эксперименты, которые были бы невозможны в больших масштабах, были опробованы со всеми мыслимыми обстоятельствами и целесообразностями; и бургунды были обязаны своей ранней незначительности и изолированности свободой от сдерживания и диктата, в которой стал возможен реальный политический опыт.

Таким образом, в Англии, как и в других странах, характер нации и форма ее политической мысли в конечном счете формировались под влиянием внешних обстоятельств; и на формы нашей свободы оказали глубокое влияние то, как города относились к свободе, как они изменяли ее выражение в соответствии с особыми условиями, которым подчинялась каждая община, и как они использовали свою власть. Но поскольку само существование городов как важных центров жизни, равно как и характер их развития, зависит от полной

трансформации, которой подверглось английское общество в позднее Средневековье, я осмелюсь, прежде чем начать свое настоящее повествование, дать очень краткий и быстрый очерк промышленной и торговой революции, в которой была похоронена средневековая Англия и родилась современная.

ГЛАВА II

ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПЯТНАДЦАТОГО ВЕКА

История пятнадцатого века долгое время оставалась малоизвестной. Его принято считать "глубоко трагическим завершением великой эпохи", а историк оглядывается на золотой век тринадцатого столетия как на славное время английской и европейской истории - кульминационный период, к которому медленно восходили все предшествующие поколения и от вершин которого так же медленно и верно отступали последующие сыны человеческие. Период этого отката представляется как век, лишенный живописности и морального подъема, утонувший в материализме, убогий и вульгарный, время запутанного и неразборчивого разврата, где "сердце и сокровище" были связаны между собой неблагоприятным союзом, а политическая деморализация народа сопровождалась лишь его частной деградацией; и пятнадцатый век долго нес тяжелое бремя своей дурной репутации, а его записи остались сравнительно нетронутыми пытливыми поисками. [41] Как бы ни казался поверхностному читателю заезженным период Войны Роз, ни один студент еще не изучил в достаточной мере тайну века, в котором готовились великие революции следующего столетия - века, сделавшего возможным для Англии возрождение литературы и Реформации, основавшего ее торговое величие, совершившего революцию в ее промышленной системе, сбросившего последние узды феодализма и заложившего основы современного государства.

Действительно, ни один великий человек не прославил этот век. Ни один генерал или воин первого ранга не отличился в войнах, которые были рождены в беззаконии и поддерживались жадностью. Ни один талантливый государственный деятель не оставил свой след в управлении страной. Среди самих людей интерес к национальным делам казался мертвым; они совершали революции и ставили новых королей, как им было велено, и хранили запасы значков домов Йорков и Ланкастеров, чтобы быть готовыми к знаку верности, когда военная удача повернется в ту или иную сторону; [42] они забыли волнующие политические баллады прежних поколений и вместо них пели нравоучительные частушки. На смену могущественным богословам прежних времен пришли малозначительные комментаторы и толкователи. Не появилось ни одного религиозного лидера, реформатора или ученого, который бы всколыхнул народную мысль или совесть: Лоллардия с ее вопросами и критикой еще слышалась время от времени в больших городах и промышленных районах, но люди в целом подчинялись требованиям санкционированной религии и дисциплины. Литература была почти утрачена, так же как и серьезные виды обучения. В начале века один или два дворянина собрали библиотеки и принесли в Италию весть о Возрождении, а позже полдюжины ученых попали в итальянские университеты; но не было ни поэта, ни ученого, которые последовали бы за мастерами прежней эпохи. В пятнадцатом веке сам язык, на котором писал Чосер, был лишь наполовину понятен народной массе, а его сказки, должно быть, были неизвестны за пределами придворных

кругов. Люди довольствовались бесчисленными рифмами - о морали, о манерах, о геральдике, об искусстве обедать, о правилах бережливости и процветания; и во всей нашей истории нет времени, столь бесплодного в литературном отношении, как правление Генриха Шестого.

Даже в демократический век нелегко с первого взгляда понять, чем интересна эпоха, лишенная всего того, что прославило другие времена, и чье значение, кажется, уменьшается в сравнении с борьбой и победами предшествующих веков и великолепными достижениями века последующего; И у историков, оказавшихся лицом к лицу со столь унылым веком, может возникнуть соблазн придать ему характер грубости, жестокости, любого отличия, которое хотя бы выведет его из ряда абсолютно банальных. Но отличительная черта пятнадцатого века заключается не в его преступности и не в его вульгарности. Мы должны оценивать этот период как переходное время, во многих отношениях необычайно похожее на наше собственное. В столетия между Великой чумой и Реформацией, как и в девятнадцатом веке, подлинное значение нашей истории заключается в приходе нового класса к богатству и власти в результате великой промышленной революции. Разрушение старого аристократического порядка и создание среднего класса, который должен был войти в политику и даже в "общество", огромный рост материальных благ, новое отношение различных сословий друг к другу и несостоятельность в изменившихся обстоятельствах традиционных правил поведения, разнообразные карьеры, внезапно открывшиеся для таланта или честолюбия, упреки в адрес некомпетентности и бедности, Вульгаризация литературы и морали, последовавшая за их адаптацией к классу, еще не обученному критике или сравнению, распространение привычки к религии, тесно связанной с простой моралью, - все это напоминает нам о многих событиях наших дней и может сделать нас более терпимыми к непишущему и филистерскому элементу, как тогда, так и сейчас. Если раньше главный центр интереса находился в офисах королевского дворца, то теперь его можно увидеть скорее в новой ратуше, которая строилась почти в каждом районе Англии, или в офисе, где клерк мэра был занят изготовлением копий Magna Charta или выписок из Domesday, или переводом со старофранцузского обычаев и постановлений города, или поиском списков разъездных судей; Или в сельской местности, где поместья продавались и покупались с развитием провинциального, а не национального дворянства и появлением новых людей, владеющих старыми акрами, и где обострение борьбы за жизнь отражалось в бурных конфликтах и значительных уступках помещичьих судов. У нового среднего класса лавочников и фермеров не было ни летописцев, ни льстецов, потому что люди еще долго не могли понять, как быстро и полностью переходит влияние от старого правящего класса к массе управляемых, а летописцы все еще продолжали механически пересказывать события, теперь уже сравнительно тривиальные и несущественные. Только в следующем столетии они перешли от составления этих бесполезных анналов к обсуждению действительно важных вопросов, которые к тому времени уже навязывались самым тупым.

Таким образом, весь интерес пятнадцатого века заключается в жизни простых людей - ремесленников и торговцев в городах и в сельской местности, фермеров, арендаторов новых пастбищ, управляющих, приставов и армии иждивенцев в больших поместьях, которые делали всю работу по дому, пока лорд находился на войне или в Вестминстерских залах. Если век не произвел на свет великого администратора или государственного деятеля, он создал целый класс людей по всей стране, обученных практическим делам, выполняющих восхитительную работу по управлению местным самоуправлением, активных, предприимчивых, решительных, общественно настроенных, дисциплинированных в лучших из всех школ для политической службы. Если не было великого писателя, новый мир среднего класса терпеливо учился сам, основывал свои школы, изучал свои первичные

правила этикета и простые нормы морали, читал свои руководства по сельскому хозяйству, праву или истории, упражнялся в латинских рифмах и по-своему закладывал основы образования, которое аристократический класс был слишком горд, слишком равнодушен или слишком далек, чтобы передать ему.[43] Если страну не сотрясало религиозное возрождение, новое общество по-своему решало проблему помощи больным и бедным;[44] оно серьезно относилось к соблюдению религиозных обрядов, составляло свои английские литании и разрабатывало собственные планы по обучению людей разумной набожности.[45] Бюргеры начали выполнять в национальной экономике ту работу, которую в предыдущие века выполняли великие монашеские общества. Расширение торговли и производства перешло в их руки; они были заняты сбором и накоплением национального богатства.[46] Они придали труду новое достоинство в общественной жизни и новое место в национальных советах. Из городов исходил вечный протест против войн и беспорядков; во всех бедах XV века, гражданских войнах, придворных интригах, тирании узурпаторов и заговорах побежденных, локальных набегах частной мести или земельного голода, их влияние всегда было на стороне мира и спокойствия. Искусство находило у них покровителей; иллюминаторы и живописцы, архитекторы и колоколотейщики, создатели изящных святынь и образов,[47] граверы печатей, ювелиры и мастера по латуни, будь то английского происхождения или привезенные из чужих краев, процветали у их ворот; а их арфисты и менестрели, несомненно, сыграли свою роль в музыкальном развитии страны в то время, когда английские художники задавали моду на лучшую музыку вплоть до Бургундского двора.[48] Они фактически заложили основы нового английского общества. Люди Нового Учения, люди Реформации, люди, открывшие Новый Свет, были людьми, сформировавшимися под влиянием пятнадцатого века.

Вся эта деятельность была результатом великой промышленной и торговой революции, охватившей страну. До середины XIV века Англия была для Европы тем же, чем сегодня является Австралия, - страной, известной только как поставщик сырья для торговли.[49] К концу пятнадцатого века она заняла место центра мануфактурного производства, чьи готовые изделия расходились по всем великим рынкам Средиземноморья и Северных морей. Неудивительно, что во время перемен, превративших страну из земли сельскохозяйственных деревень в землю городов-мануфактур и открывших для нее путь к могущественной борьбе за право стать носителем мировой торговли, вся энергия ее народа, направленная в единое русло, должна была быть поглощена выполнением огромной задачи. Каждый был честно занят тем, что учился либо производить, либо продавать, преодолевая трудности, которые подстерегали торговцев, пытавшихся пробиться на мировой рынок на равных или, если возможно, более чем на равных условиях с конкурентами, долгое время занимавшими бесспорное первенство.

С двенадцатого века шерсть была одним из главных предметов экспорта Англии и одним из главных источников богатства для дворян, церковников, фермеров и даже королей. Продажа шерсти была настолько важна, что государственные деятели очень рано осознали необходимость обеспечения национальной казны долей в прибылях от главной национальной торговли; и для помощи королевской казне они разработали в первой половине тринадцатого века систему, которая была совершенно особенной для Англии, - организацию скрепок.[50]

Скрепка - это специально отведенное место, куда можно было привозить на продажу только определенные товары, сырье, такое как шерсть, шерстяные мехи, шкуры, свинец или олово, из которых шерсть была наиболее важной. Первые сто лет он находился в каком-то иностранном городе, как правило, в Брюгге, но затем был перенесен с места на место

Эдуардом Третьим, который с 1353 года проводил различные эксперименты по его созданию в Англии; но в конце концов, около 1390 года, Кале был выбран как наиболее выгодное место. Туда должен был везти свои товары каждый торговец (если только он не был готов платить высокий налог короне или покупать по цене короля лицензию на свободную торговлю); и везти их он должен был только по определенным маршрутам - из Линкольна через Сент-Ботольф, из Норвича через Ярмут, из Вестминстера через Лондон, из Кентербери через Сэндвич, из Винчестера через Саутгемптон, как решит правительство в своей мудрости. В некотором смысле эти места, где собирали шерсть для экспорта, становились городами Стейпла, а для контроля за их торговлей назначались определенные должностные лица, мэры и олдермены Стейпла. Товары купцов, предварительно взвешенные в пункте отправления, должны были быть снова взвешены в порту, где их отправляли, и скреплены печатью мэра Стейпла, а для проверки мошенничества существовала сложная система официальных бумаг, которые должны были отправляться в казначейство в Лондоне и в Стейпл в Кале для каждой такой операции по взвешиванию и взиманию пошлины. Были приняты все возможные меры предосторожности, чтобы сохранить положение купцов на европейском рынке с помощью правил, которые практически заставляли шерсть попадать в руки иностранных, а не местных покупателей, так что английские торговцы жаловались, что их интересы были принесены в жертву покровительству континента. Если, например, главный город Стэпл по какой-либо причине переносился из-за моря в Англию, местным торговцам категорически запрещалось экспортировать любые товары из Стэпла, так что иностранцы могли быть вынуждены или поощрены приехать и принять участие в торговле. Иностранным торговцам разрешалось голосовать вместе с ними за должностных лиц, и до 1445 года английские купцы тщетно просили, чтобы ни один степлер не принимал участия в выборах мэра или констебля Стэпла, если у него нет десяти мешков шерсти, набранных в Кале.

Заставляя таким образом всю экспортную торговлю страны идти по одному узкому каналу, государство в первую очередь преследовало цель обеспечить удобный способ сбора таможенных платежей в казну; со временем выяснилось, что эта торговая система может быть использована как оружие против иностранных народов в случае ссоры. Но самой последней целью организации штапеля было удобство торговцев. Сами купцы также не питали иллюзий на этот счет. Поначалу Штапель казался им противоречащим свободам Magna Charta;^[51] и долгий опыт научили их, как его положения могут поставить их в тупик между жадностью власть имущих и ненавистью крестьян, производивших шерсть, которую они продавали.^[52] Однако они все еще могли извлечь богатую выгоду из поверхностного бедствия - выгоду, которую можно найти в монополии и корпоративных привилегиях, - и это было разработано с непревзойденным искусством. Торговля шерстью, попавшая в их руки, была обставлена монополиями и правилами, защищена фиксированными ценами и временем продажи. Сток покупателей в Кале тщательно поддерживался; ни одному покупателю не разрешалось заказывать свою работу через комиссионный дом, так что торговцы могли быть вынуждены лично приходить на рынок и вести свои дела. По хартии Эдуарда Третьего мэр и двадцать четыре олдермена, выбранные всем купеческим сообществом, абсолютно управляли торговлей в Стейпле, назначали должностных лиц, следили за рынками, принимали постановления, касающиеся обращения с иностранцами, обязанностей трактирщиков или общего ведения дел, и вершили правосудие в соответствии с законом купца с присяжными присяжными из иностранцев или англичан или тех и других вместе, в зависимости от дела, подлежащего рассмотрению.^[53] А поскольку этот орган управления осуществлял общий контроль за пределами Кале над всеми английскими купцами, не только в Брюгге, но и во всей Фландрии, в то время как в Англии они управлялись через своих местных чиновников, власть Стейпла распространялась далеко и объединяла

всех разрозненных купцов под одной общей организацией.[54] Грозные благодаря своему богатству и силе, они могли заручиться поддержкой английских королей и бургундских герцогов в борьбе с конкурирующими торговцами. Прибыли, которые можно было получить в Кале, прельщали землевладельцев на родине,[55] и все, кто был достаточно богат, чтобы платить необходимые взносы и пошлины, стекались в их ряды, пока, наконец, великая ассоциация не включила в себя всех богатых шерстяников и не закрыла только для бедных фермеров и людей, не имеющих никакого значения в стране. Их монополия была настолько полной, а дисциплина настолько эффективной, что они могли абсолютно диктовать цены; а продуманная система объединения устраняла любой соблазн со стороны членов разорвать ряды.[56] В конце концов, вопреки первоначальным намерениям законодателей, они даже взяли в свои руки ведение экспортной торговли, и до тех пор, пока шерсть оставалась главным экспортом Англии, 80 процентов этой торговли проходило через их руки.

Но для государства вся эта сложная система защиты шерстяной торговли просто выросла из основополагающего представления о штапеле как о плодотворном источнике снабжения королевской казны; и эта теория была доведена до логического конца. С купцов из года в год требовалась фиксированная сумма, которую они должны были выплачивать независимо от того, хорошо или плохо шла их торговля; в то время как в своих торговых сделках они были ужасно затруднены множеством правил, изданных в отношении монетного двора в Кале и придуманных финансистами, которые с середины XIV века были охвачены тревогой по поводу возможного дефицита золота и серебра и произвольно использовали Стэпл как средство принуждения к притоку драгоценного металла в Англию.[57] Налогообложение также не было законным и регулярным во все времена. Купцы платили деньги за защиту и благосклонность короля в виде повторяющихся займов или подарков, вольных или принудительных. Капитан Кале, возглавлявший единственную постоянную армию, которой тогда располагали английские короли, выдвигал своего рода публичные требования на богатства степлеров для обеспечения жалованья своим солдатам; И у купцов не раз были веские причины дрожать за свою шерсть, и они могли тщетно взывать к возмещению ущерба, если весь их магазин конфисковывался для выплаты солдатской задолженности за два или три года, или если воинственные лорды "менялись со штапелем из Кале" на 18 000 фунтов стерлингов или около того для покрытия военных расходов.[58]

Однако все эти тяготы можно было нести до тех пор, пока бизнес в их руках процветал. Если парламент, подобный парламенту 1258 года, или великий государственный деятель, такой как Симон де Монфорт, призывали к тому, чтобы Англия сама стала независимым и самообеспечивающимся центром мануфактур, это казалось пустыми словами для монополистов, торгующих шерстью и владеющих мировым рынком, которые не видели необходимости отказываться от своего легкого пути к богатству в тот момент, когда рост мануфактур в Нидерландах открыл огромный рынок для английской продукции. Говорят, что во времена Эдуарда Третьего из английских портов ежегодно отправлялось 30 000 мешков шерсти.[59]

Но не успело закончиться правление Эдуарда, как экспортеры шерсти поняли, что их постигло несчастье. Торговля стала ускользать из их рук. Доход, который они платили со своих прибылей в королевскую казну, упал за несколько лет с 1391 по 1411 год до одной пятой от прежней величины[60] и все еще исчислялся этой меланхоличной пятой в 1449 году. Вместо тридцати тысяч мешков, которые они ежегодно подсчитывали в XIV веке, в конце XV века они не могли собрать более 8 624 мешков, а в последний год правления Генриха Восьмого даже это число сократилось до менее чем 5 000.[61] Налоги, которые были сравнительно легки для них в счастливые дни, стали непосильным бременем, когда их

склады опустели, а ряды поредели от банкротства и дезертирства.[62] В тот самый момент, когда вся Англия стремительно превращалась в страну овечьих пастбищ для бесконечного производства шерсти, великая компания торговцев шерстью была окончательно и бесповоротно разорена.

Шерсть, по сути, продавалась на родине, и от разорения купцов из Стейпла суконщики извлекли немалую выгоду. Ведь великая революция в торговле быстро завершалась - революция, в результате которой Англия из страны, главным занятием которой был экспорт шерсти, превратилась в страну, главным занятием которой был экспорт сукна.[63] Народ действительно долгое время производил грубую ткань для общего пользования.[64] Но во время правления трех Эдвардов постоянно укреплялась идея, что, обрабатывая собственное сырье[65], англичане могут легко сохранить для себя прибыль, которую до сих пор обеспечивали иностранцы, и в середине пятнадцатого века производители, несомненно, вели значительную экспортную торговлю.[66] Полвека спустя, в 1411 году, в тот самый год, когда субсидия на шерсть упала до одной пятой, широкие ткани впервые упоминаются в парламентском акте; с этого времени они становятся главными тканями в торговле. Словно на время забытые Казначейством, экспортеры сукна оказались свободны от всех субсидиарных налогов и были обязаны платить равнодушным властям пошлины, которые составляли менее двух процентов для туземцев и ганзейских купцов, занятых в торговле, и менее восьми процентов. и самодовольно соизмеряли эту сумму с пошлинами штапельцев - тридцать три процента, которые платили штапельские купцы, или семьдесят процентов все остальные торговцы,[67] налог, который, возможно, объясняет, почему в 1424 году парламент был вынужден запретить перевозку овец за море, чтобы там их стричь. Мануфактуры тоже заключили союз с недовольными шерстоводами. Фермер, который мог продать свою шерсть по соседству, не утруждал себя отправкой ее с досадными формальностями за море в Кале; а со временем торговцы тканями настояли на принятии законов, которые предоставляли им в определенные сезоны право первого выбора шерсти еще до того, как на рынок поступали штапели.[68]

В этих условиях торговля развивалась быстрыми темпами. Генуэзские корабли доставляли английские сукна к берегам Черного моря, венецианские галеры - в ямы венецианских красильщиков, купцы Ганзейского союза продавали их на новгородской ярмарке, английские торговцы ездили с ними на внутренние рынки Пруссии и отдавали в обмен на бочки с сельдью в Дании. В конце века английские купцы-авантюристы экспортировали около 60 000 кусков сукна в год; а в начале XVI века торговцы сукном хвастались, что никогда еще на памяти человечества не продавалось столько сукна из Англии. В 1509 году 60 000 тюков выросли до 84 789 штук, а в 1547 году - до 122 354;[69] и торговцы требовали еще большей благодарности и восхищения своей страны за то, что они "своей промышленностью" подняли на пятую часть цену, которую требовали от иностранцев.[70] Тем временем производитель завладевал и внутренним рынком, поскольку крупные религиозные корпорации и землевладельцы, которые раньше обеспечивали в своих поместьях все местные нужды, осознали новое положение вещей и, вместо того чтобы, как раньше, производить ткани дома, ежегодно отправлялись через всю страну в крупные швейные центры, чтобы купить материал для домашних ливрей,[71] ища в одном месте грубую полосатую ткань старого образца, а в другом - товары новой моды. Тонкие черные камзолы были любимыми подарками благотворителей церквям, а один патриотически настроенный джентльмен из Норфолка, увидев "палантин из тонкой камвольной ткани, почти как шелк", решил "сделать свой дублет полностью камвольным для поклонения Норфолку".[72]

Рост производства не ограничивался только изготовлением тканей. В течение нескольких столетий торговля железом превратила Уолд в Черную страну тех дней и будоражила Динский лес грохотом своих семидесяти двух передвижных кузниц; и теперь, что с металлами, что с углем страны, "купцы Англии утверждают и говорят, что королевство имеет большую ценность под землей, чем над ней".[73] В царствование Эдуарда Четвертого, когда среди шахтеров Мендипа произошел бунт, и лорд Верховный судья спустился вниз, чтобы "установить согласие и мир в лесу Мендип", говорят, что десять тысяч человек предстали перед ним на месте суда.[74] Но при всем том шахтеры уже не могли идти в ногу с потребностями страны, когда новые отрасли промышленности со всех сторон требовали металла, который раньше шел на удовлетворение нужд только фермеров; и хотя запасы были привезены из Швеции и Испании, цена на железо выросла вдвое по сравнению с тем, что было до чумы.[75] В конце XIV века кораблестроители оснащали суда как для иностранных, так и для английских покупателей. Английские оружейники стали выпускать из своих мастерских брашпили и бомбарды, превосходившие все, что производилось во Франции, и которые, как говорят, обеспечили Англии успех в войне с Францией при Генрихе Пятом.[76] Множество городов, больших и малых, хвастались своими колокольными мастерскими, как, например, Лондон, Солсбери, Норвич, Глостер, Бридпорт и другие.[77] Медные мастера из Динанта торговали с Англией с тринадцатого века, а в четырнадцатом веке у них был свой порт в Блэкуолле; но в 1455 году основатели открыли свое производство в Англии, тайно уехав из Динанта, чтобы воспользоваться более дешевым трудом и готовым товаром в этой стране.[78] Фламандские специалисты обучали англичан искусству изготовления кирпича, и местные строители возводили по всей стране первые кирпичные дома, появившиеся в ней со времен римлян.[79] Целый ряд промышленных экспериментов свидетельствовал о том энтузиазме, с которым народ принял вызов обеспечить себе прибыль иностранных производителей. Ремесленники, зачастую более амбициозные, чем искусные, пытались создать местную индустрию росписи по стеклу.[80] Вместо того чтобы привозить из-за границы ковры и гобелены, используемые для церквей, были открыты мануфактуры в Рамси,[81], откуда, возможно, и поступали некоторые из "подделок Арраса", украшавших дома более скромных торговцев. Работали рамы, "созданные для изготовления шелка"; кружевницы и ленточные ткачи[82] просили защиты у правительства; английские рабочие отправляли на рынок большое количество льна, который Голландия называла своей первой родиной. Экспорт сырья совсем вышел из моды. Торговцы больше не перевозили шкуры по морю раздетыми, чтобы их подготовил иностранный труд, а поручали эту работу английским ремесленникам у себя дома. И если в начале пятнадцатого века купцы привозили пиво из Пруссии в Англию, то к его концу они уже везли его из Лондона во Фландрию.[83]

Благодаря внутренней и внешней торговле богатства переходили в руки купцов с обескураживающей быстротой, и результаты этого процесса настораживали добропорядочных консерваторов. Парламентский статут, принятый в 1455 году, сетовал на старые добрые времена, когда в Норфолке и Норвиче при королевском дворе работали всего шесть или восемь адвокатов, "и в те времена в упомянутом городе и графствах царил великое спокойствие". Это "спокойствие" было нарушено мануфактурной и экспортной торговлей, и теперь восемьдесят или более адвокатов деловито посещали все ярмарки, рынки и собрания, подбивая людей на судебные тяжбы, и хотя им не на что было жить, кроме как на адвокатуру, они процветали так хорошо, что мудрому законодательному органу пришлось распорядиться, чтобы в Норфолке впредь, как и раньше, было только шесть адвокатов, а в Норвиче - два.[84] Не похоже также, что Норвич был исключительно злым, хотя в "Пирсе Плаумене" любостяжание представлено с "норфолкским носом", [85] ибо

примерно в то же время мы читаем в Ноттингеме о двадцати четырех свитках, написанных внутри и снаружи, с просьбами по торговым вопросам за один год. Вся страна, от короля до крестьянина, фактически делила прибыль торговцев. Подсчитано, что в правление Генриха Восьмого английский экспорт настолько превышал импорт, что приносил стране около 50 000 фунтов стерлингов в год, а при Генрихе Седьмом торговый баланс еще сильнее склонился в пользу Англии.[86] Король не только накопил огромные сокровища, но и в лавках золотых дел мастеров в Лондоне, по словам одного иностранного путешественника, было больше драгоценных металлов, чем во всех Риме, Милане, Флоренции и Венеции вместе взятых.[87] Что касается среднего класса, то свидетельства накопления богатства можно найти со всех сторон, а народные массы, несмотря на разорительные военные налоги, участвовали во всеобщем процветании. В середине XV века главный судья Фортескью сравнивает их состояние с состоянием французских коммун. "Эти пьют воду; едят яблоки с хлебом прямо-таки коричневого цвета из ржи. Они не едят мяса, но если оно есть, то редко, немного сала, или внутренностей и голов зверей, убитых для знати и купцов страны. Они не носят шерсти, но если она есть, то под верхнюю одежду надевают бедный плащ, сделанный из большого холста и называемый рясой. Их холщовые штаны из легкого холста и не доходят до колена, поэтому они подпоясаны, а бедра их голые. Их жены и дети ходят босиком; они не могут жить иначе..... Их природа растрачена, и род их сведен к нулю. Они сгорблены и немощны, не в состоянии сражаться и защищать королевство; ни оружия у них нет, ни денег, чтобы купить им оружие. Но, благословен Бог, эта земля управляется по лучшему закону, и поэтому ее жители не находятся в такой скудости и не страдают от этого, но они богаты и имеют все необходимое для пропитания от природы." "Во Франции люди солят мало мяса, за исключением бекона, ибо они покупают мало соли", если только королевские чиновники не обойдут и не заставят каждый дом принять определенную меру, такую, какую они сочтут разумной. Но "это правило вызвало бы отвращение в Англии, причем как у купцов, которым нравится иметь свободу в покупке и продаже соли, так и у людей, которые много солят свое мясо".[88]

Промышленная революция такого масштаба повлекла за собой политическую революцию. Английское население, пишет автор около 1453 года, "состоит из церковников, дворян и ремесленников, а также простого народа".[89] Это было новое и значительное деление. Торговцы и фабриканты заняли свои места рядом со своими собратьями по старшинству, заполнив всю землю, пока на мгновение не стало казаться, что в английской жизни больше ничего не имеет значения, кроме среднего класса - занятого, жесткого, процветающего, драчливого среднего класса. Медленно выходя из своей ранней безвестности, в этом веке он пришел к власти определенно, демонстративно, с гордым видом и высоким животом, занимаясь своими делами, не обращая внимания на двор, не обращая внимания на министров, кроме тех случаев, когда нужно было их подкупить, не обращая внимания на благородных, "гордых без гроша в рукаве", [90] терпимо относясь к церковникам и монахам только до тех пор, пока их можно было жестко держать в рамках отведенных им религиозных функций.[91] Отныне в мастерской и на рыночной площади дома политика и иностранные дела обсуждались с новой точки зрения - интересов торговца и производителя; а средний и рабочий классы начали бросать на произвол судьбы старый statecraft, чьи максимы до их прихода сослужили хорошую службу среди творцов национальной политики.

В вопросе о наших внешних отношениях мы видим, как дрейф общественной мысли и дискуссии отразился в памфлете, в котором один из министров короля, Молейнс, епископ Чичестерский, попытался обратиться к народному воображению и определить наше правильное отношение к континентальным народам. Его "Либел" (или "Маленькая книга") об английской политике, опубликованная около 1445 года, была явно рассчитана на вульгарное

употребление.[92] Написанная, как того требовал вкус того времени, в рифмованной форме, где отсутствие поэтического искусства и вдохновение простого здравого смысла вдвойне претендовали на внимание публики, она откровенно взывала к предрассудкам лавочника на рынке и ремесленника, живущего изготовлением своих домашних английских изделий - людей, которые видели в иностранных товарах изделия, греховная экстравагантность которых могла сравниться только с никчемностью, отличавшей все работы, сделанные не англичанином. Энергичными штрихами епископ обрисовал контуры торговых интересов Англии с каждой страной Европы, а в конце каждого абзаца страстно доказывал свою мораль. Придерживаясь фундаментальной аксиомы, что единственной и безраздельной заботой Англии во всех ее внешних отношениях является защита ее торговли, он утверждал, что пока она прочно удерживает узкие моря между Дувром и Кале, она может управлять торговлей всего мира. Ибо там вся торговля с севера на юг или с юга на север должна была проходить через ворота пролива, удерживаемые ее часовыми по обе стороны; так что, пока неумолимая судьба загоняла народы в ее сети, Англия, надежно укрытая за своей защитной стеной, бурным Ла-Маншем, не должна была ни о чем заботиться, пока она хорошо следила за своим флотом и держала его быстрым для захвата добычи и сильным для отгона врагов, чтобы они не заглядывали за стену. В самом начале своего существования коммерческое общество, таким образом, получило своего Кобдена, чтобы проповедовать после него доктрину невмешательства и царства морей.

Сторонники новой внутренней политики настойчиво наступали на пятки основателям новой дипломатии. Примерно через тридцать лет после "Обличения английской политики" было написано еще одно "Обличение" в подражание первому трактату.[93] Менее претенциозная и продуманная, чем первая, новая поэма, скорее всего, принадлежала перу человека менее высокого ранга, который общался с рабочими страны, а не с лондонскими купцами, пэрами королевства и министрами короля, и которого гораздо больше беспокоила наша промышленная политика внутри страны, чем наша торговая политика за рубежом. Его взгляд на наше положение также был довольно оптимистичным. Ибо, видя, что иностранные торговцы обязаны, хотя бы того или нет, приходить к нам либо за шерстью, либо за сукном и, таким образом, зависят от Англии в отношении одного из предметов первой необходимости, мы, поставленные в это счастливое положение всеобщего поставщика, явно "по Божьему указу" были предназначены сначала удовлетворять себя, а затем "править и управлять всеми христианскими королями" и делать пайнимов также "полноправными укротителями";[94] и поэтому "из всех людей, живущих на земле", были более всего обязаны молиться и угождать Богу. Признание этих неоценимых благ должно, конечно, принести соответствующее чувство долга продавать наши товары так дорого, как мы можем; "строго сдерживать" экспорт шерсти, чтобы "общинники этой земли могли иметь работу в полной мере";[95] и в любом случае экспортировать только самую грубую шерсть, на обработке которой прибыль должна быть небольшой - фактически пятая часть того, что можно было бы заработать на хорошем материале. "Цена проста, стоимость не меньше; те, кто обрабатывает такую шерсть, в остроумии подобны ослу". Прежде всего, рабочие люди должны быть защищены законом в условиях своего труда, чтобы "их бедная жизнь и невзгоды могли быть изменены на богатство, богатство, и процветание", и это на благо всего королевства. Развитие промышленности уже несло в себе современную теорию о том, что "все богатство королевства произрастает из трудов и работ простых людей..... Конечно, общее благо Англии должно расти из трудов простых людей".[96]

Поэтому с этого времени политика Англии должна была стать политикой великого индустриального государства. Но новый путь, на который стремился вступить ее народ, не должен был стать путем доброжелательности дома или гармонии с народами. Купец и

мещанин могли оставаться, как они и делали, абсолютно равнодушными ко всем планам простого военного усиления^[97], таким как завоевание Франции, так что после взятия Бордо французами в 1445 году не было поднято ни одного крика о возвращении наших потерянных владений; И они могли бы скорее рассчитывать на расширение своей торговли за счет смелого предприимчивого гения торговых компаний и пиратов, радующихся свободе от королевского вмешательства и военных ограничений и обращающихся к государству за дипломатической помощью только в тех случаях, когда это было удобно для заключения торгового договора. Но секрет мира еще не был найден, а урегулирование промышленных границ оказалось проще, чем определение военных рубежей.

Пока Англия не вызывала ревности только потому, что никогда не была конкурентом других народов; но очевидные неприятности подстерегали ее народ, как только он был втянут в коммерческую борьбу на континенте и вступил со своими мануфактурами в первые настоящие торговые споры. Например, нидерландский ткач с радостью принимал английского торговца как неисчерпаемого поставщика сырья; но совсем другое дело, когда англичанин приходил в качестве конкурирующего производителя, нагруженного тюками с тканями, отказывался от прежних поставок шерсти и устраивал на фламандских рынках прилавки, чтобы переманить своих давних клиентов. Процветанию фламандских городов пришел конец, а города в таких случаях ведут ожесточенные переговоры с конкурентами.^[98] Брюгге, который в XIII веке имел 40 000 ткацких станков, в конце XV века предлагал гражданство за сущие пустяки, чтобы вернуть жителей на свои опустевшие улицы; Ипр, который в 1408 году имел от 80 000 до 100 000 жителей и от 3000 до 4000 суконщиков, в 1486 году имел всего от 5000 до 6000 жителей и от двадцати пяти до тридцати суконных фабрик; в Генте дела обстояли немногим лучше. Против всех страданий столетия медленной смерти Фландрии - страданий, на которых процветал и жирел английский ткач, - обреченные производители поспешно возводили барьеры с этой и с той стороны, вводили налоги и пошлины, издавали муниципальные постановления и указы, чтобы закрыть доступ английским ткачам во Фландрию, на что англичане отвечали гневными репликациями, запрещавшими фламандским ткачам появляться на английских рынках. Подобные трудности возникали повсюду, когда появлялся английский торговец со своими товарами. Ганзейский союз изгнал его из Дании, а Тевтонский орден - из Пруссии. Кроме того, пока споры мануфактур не давали покоя Северу, торговые распри будоражили Юг, и английские торговые суда встречались с генуэзцами или венецианцами в морях Леванта, чтобы бороться за перевозную торговлю Средиземноморья. Пиратским войнам, бушевавшим от Сирии до Исландии, не было предела, пока великий государственный деятель Генрих Седьмой не предпринял свою великолепную попытку найти с помощью международных договоров средства для установления порядка в новом торговом государстве.

Вопрос внутренней политики также не был более простым для решения. Под неуклонным давлением общественных чувств правительство постепенно было вынуждено отказаться от ранней простоты своего взгляда на регулирование торговли как на финансовую меру в помощь казне, и стало с тревогой заботиться о защите промышленности в интересах общества. В частности, производители сукна вступили в период такой защищенности, какой никогда не знали штапелисты, когда короли стали кормильцами их торговли, а ее процветание рассматривалось как всепоглощающая обязанность правительства. Но когда в 1463 году (почти в тот же год, когда появилась вторая "Клевета") парламент начал активно заниматься промышленными проблемами,^[99] вопрос о торговом законодательстве уже стал чрезвычайно сложным и трудным. Как только деревенский ткач начинал делать ткани не для соседа, а для прусского мещанина или черноморского торговца, прежние условия его торговли становились совершенно невозможными. Вскоре вся отрасль была полностью

реорганизована как с торговой, так и с производственной стороны. Купцы-экспортеры, как мы увидим позже, объединились в новую и мощную ассоциацию, известную под названием "Купцы-авантюристы". Тем временем армия рабочих на дому была разбита на специализированные группы прядильщиков, ткачей, чесальщиков, набивальщиков, стригалей и красильщиков. Продавец все резче отделялся от изготовителя товара. Менеджеры и посредники организовывали производство и обеспечивали его сбыт и продажу. Суконщик поставлял сырье, отдавал шерсть для выделки и снова продавал драпировщику.^[100] А драпировщик "жил как джентльмен" и продавал крупной публике, презирая низшие формы торговли. Старомодные экономисты и робкие консерваторы с ужасом взирали на ускоряющиеся перемены, и заявляли, что страну ждет неминуемая гибель из-за безрассудного стремления ее жителей отказаться от ремесел или производства богатства и массово влиться в ряды торговцев или просто распространителей.

С этим разделением труда и ускоренной борьбой за прибыль в жизнь вошли соперничающие интересы, которых было более чем достаточно, чтобы разбить все сообщество на группы враждующих фракций. Высшие классы, государственные деятели, чиновники, дворяне, крупные светские и церковные собственники - в общем, все богатые владельцы стад, которые могли войти в компанию скобяников и разделить их прибыли, - желали обильного экспорта шерсти; В то время как мелкие фермеры и йомены, отгороженные бедностью от ассоциации и люто враждебные богатому монополисту, встали на сторону горожан, перед которыми впервые забрезжила перспектива богатства благодаря мануфактурной промышленности и экспорту сукна, и которые с радостью сохранили бы всю шерсть страны у себя дома.^[101] У купцов и промышленников были свои особые разногласия, ведь пока иностранный торговец хвастался своей энергией в повышении цен на сукно, посредники и производители на родине, чей интерес заключался в быстром сбыте, жаловались, что жители Нидерландов больше не покупают английские товары из-за их повышенной стоимости, и что английские города таким образом доведены до нищеты.^[102] Более того, крупные лондонские купцы предпринимали решительные усилия, чтобы заставить всю внешнюю торговлю Англии вестись через их склады в Лондоне и перекрыть все каналы торговли, кроме тех, которые они предоставляли сами;^[103] и требовали, чтобы все ткани для Нидерландов, то есть практически одна треть всех экспортируемых в то время тканей, доставлялись производителем в Лондон и там продавались, как утверждалось, купцам-экспортерам либо за кредит, либо по цене ниже себестоимости.^[104] Здесь, конечно, они вступали в конфликт с местными торговцами, которые хотели иметь частые и удобные рынки для своих товаров и свободу заключать собственные сделки с иностранными покупателями, приезжающими в их город; для суконщика этот вопрос распределения был очень важен, поскольку ему было бесполезно увеличивать производство с помощью машин, улучшать организацию труда или разделять работу между группами квалифицированных ремесленников, если он не мог найти свою прибыль в соответствующем развитии средств продажи. Купцы-экспортеры также ссорились с ремесленниками, которые, естественно, хотели, чтобы выделка и отделка тканей оставались в их собственных руках, в то время как купцы настаивали на преимуществах свободной торговли неразделанными тканями; по их мнению, суконщики, стремясь лишь к своему "единичному и частному богатству", забывали, что больше людей живет производством и продажей тканей, чем их выделкой, и что поэтому быстрое развитие экспорта путем вывоза сырья для отделки в Нидерландах действительно служит обогащению всего королевства.^[105] Однако те же самые торговцы более снисходительно смотрели на "единичные и частные богатства", которые шли в их собственные карманы благодаря прибылям от экспортной торговли, а также оказывались в противоречии с широкой публикой потребителей, которые всегда с тревогой следили за повышением цен. Временами у производителя возникали претензии к муниципальным

властям, когда он оказывался обеспокоен и скован традиционной мудростью городских советов, которые по разным причинам хотели сохранить окончательный контроль над его торговлей, чтобы приносить прибыль городу. Наконец, рабочий класс начал ощущать трудности, вытекающие новых методов организации производства, и проблемы, связанные с заработной платой, ценами и отношениями между работодателем и наемным работником, атаковали власти как в Вестминстере, так и в муниципальных советах. Ремесленники всех видов, как постоянно заявлялось, не могли больше жить своим занятием и были в большом несчастье;[106] самом деле, если судить по преамбулам к статутам и громким жалобам на свое состояние, рабочий человек считал, что он находится в таком плохом положении, что нуждается во всей помощи государства, чтобы обеспечить его работой.

Короче говоря, эта старая промышленная революция принесла с собой трудности, которые напоминают нам наших постоянных и настойчивых гостей - гостей, которые врываются в каждый пролом в привычном порядке, которым ограждена торговля, и которые появляются как незванный эскорт каждой новой формы промышленной конкуренции. Более того, чтобы добавить хлопот средневековому законодателю, потребитель тех дней постоянно настаивал на своем праве на первоочередное внимание правительства, как высшего диктатора, ради которого была воздвигнута вся колоссальная структура торговли, и только с его одобрения ей было позволено оставаться на этом амбициозном возвышении. С каждым новым предприятием производителя или купца проблема, с которой приходилось иметь дело законодателям, становилась все более тонкой и сложной. Гонимое то туда, то сюда новым конфликтом общественного мнения и страстью соперничающих интересов, озадаченное неразрешимой проблемой, как разработать законы, которые должны в равной степени приносить пользу всем претендентам на его помощь, правительство нерешительно пробиралось по неопределенному пути, отклоняясь из стороны в сторону в зависимости от направления последней движущей силы. Даже Эдуард Четвертый не имел определенной политики защиты и принимал законы то в ту, то в другую сторону, как того требовала настоятельная необходимость момента.

Но в условиях стремительно растущей торговли и палаты общин, три четверти членов которой составляли мещане, лично заинтересованные в решении этих вопросов, стоять на месте было невозможно; и новое промышленное законодательство постепенно стало выражением не самодержавного правления королей, а самосознательного правительства народа.[107] Длинная серия статуты иллюстрирует этот великий эксперимент. Новая защита, придуманная бюргерами и купцами для развития промышленности, совершенно отличалась от старой защиты, придуманной судом, занятым в основном проблемой пополнения пустой казны. Английский производитель и английский рабочий были его признанными подопечными, и в их интересах ни одна мера не считалась слишком героической и ни одна деталь не была слишком незначительной, будь то закрытие английских рынков для целого народа или решение вопроса о том, какой большой кусок кожи в интересах сапожного ремесла следует разрешить купить сапожнику для починки старого сапога. Все местные ремесла были "защищены" законами, в которых говорилось, что ни одна из вещей, которые англичане могли производить у себя дома, не может быть импортирована из других стран, и что ни одно из используемых ими сырьевых материалов не может быть вывезено необработанным или даже наполовину готовым, чтобы быть обработанным за границей. Весь народ, за исключением нескольких "великих сословий" и могущественных людей, должен ходить просто одетым в честные товары английского производства, и таким образом спасать себя от расточительства, а английских рабочих - от нищеты. Что касается долгого спора о разрешении иностранцам торговать в Англии, в котором король и народ всегда находились в сильной оппозиции, то теперь этот вопрос все

больше и больше регулировался в соответствии с желаниями торговцев. Англия перестала быть покорным хозяином гостей, которые, по вульгарному мнению, приехали процветать и жиреть на ее богатствах; против конкуренции чужаков было объявлено решительное сопротивление, пока ганзейский торговец не осмелился показаться за крепкими стенами своей цитадели Стальной верфи, а ломбардец тщетно пытался защитить свои последние привилегии от посягательств врагов.

Теория государственной защиты промышленности быстро развивалась, и ко времени Генриха Седьмого ее триумф был полным, а основы новой национальной политики были прочно заложены - политики, которая должна была в значительной степени руководствоваться промышленными интересами и представлять требования развитой промышленной организации, установленной законом и возведенной в огромные масштабы международным соглашением. Новое отношение государя к своему народу в таком государстве проявилось в конце века в первом мирном короле Англии, чьи подданные подчинились его правлению, единственному до тех пор английскому монархе, который не был сильным лидером в войне и , но избежал убийства или тюремного заключения от рук своего народа. На долю одного из наших величайших правителей, Генриха Седьмого, выпало необычайное несчастье стать первым государем современного образца, правившим над англичанами, и, как следствие, память о нем дошла до нас лишенным всей той условной славы, которую традиция до тех пор считала подобающей королевской власти. Он остался в истории таким, каким мы видим его на одном из его портретов, - тусклой неясной фигурой, печально взирающей с заднего плана полотна, где большая грубая фигура его сына, поставленная прямо перед ним, кажется, вытесняет из признанного существования все добродетели, кроме его собственной. Но в тонком, изможденном, изысканном лице с выражением безотчетного самодовольства, в пронизательном интеллекте, посвященном постижению новых проблем и бесконечному труду над их решением, в непостижимом попустительстве, с которым, "любя запечатывать свои опасности", [108] он нес бремя, которое отныне должно было выпасть на долю королей, и непоколебимую решимость его методов, мы узнаем новый тип королевского достоинства и измеряем работу, требуемую от правителей, которые видели, что власть простого личного господства, основанного на силе, постепенно уходит из их рук, и в меняющемся порядке мира были призваны взять на себя руководство новым содружеством, которое должно было быть.

ГЛАВА III

ТОРГОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПЯТНАДЦАТОГО ВЕКА

Французская пословица двенадцатого века говорит нам о том, что думал мир в старые времена о происхождении и пользе военного флота. "Point de marine sans pelerinages", - говорили люди, видя в благочестивых кающихся средства поддержки, а в святынях святого Иакова, святого Петра или Гроба Господня - предназначение. В те времена торговля избегала океанских путей и шла по хорошо известным сухопутным маршрутам через сердце Европы, а там, где суша заканчивалась, выбирала кратчайший путь по воде к следующей точке твердой земли.

И как медленно развивалась морская торговля в Европе, так же медленно она развивалась и среди англичан. Все товары, поступавшие к ним из-за границы, доставлялись к их берегам могущественными конфедерациями иностранных купцов, контролировавших великие континентальные торговые пути на северо-западе. Люди Империи" или Кёльнская Ганза, хозяева Рейнской магистралей и Кёльна, великого морского порта Империи, контролировали всю восточную торговлю, которая в то время большей частью проходила через Германию.[109] Фламандская Ганза из Лондона,[110] которую входили все крупные города Пикардии и Фландрии, а возможно, в свое время и сам Париж, перевозила по морю товары, которые собирались с половины Европы на великие ярмарки Шампани. Через эти две великие компании Англия сначала обменивала свою шерсть на некоторые предметы первой необходимости, такие как соль и рыба, железо и дерево, а также на некоторые предметы роскоши, такие как пряности и шелка из Леванта.

И даже когда торговля вышла за пределы узких морей и ушла из рук людей Кельна и фламандской Ганзы, их место заняли не англичане. Если водный путь Рейна лишился половины своей торговли, когда купцы Северной Италии отказались от старого маршрута через всю Европу и вместо того, чтобы отправлять свои товары на склады Кельна, отправили флоты через Гибралтарский пролив в порты Ла-Манша и Брюгге; если ярмарки Шампани зачахли, когда армии расположились на ее равнинах и превратили их в поля сражений, а фламандская Ганза Лондона медленно опустилась до ничтожности - это было сделано лишь для того, чтобы освободить место для других конкурентов чужой крови. Торговля с Востоком через Средиземное море и Бискайский залив была захвачена кораблями Флоренции, Генуи и Венеции.[111] Города Немецкого океана и Балтики объединились под знаменем Любека в новый Ганзейский союз[112], который сломил господство Кельна, захватил всю торговлю северных морей и открыл новую линию сообщения с Левантом. Новгород стал центром балтийской торговли, как Александрия - центром средиземноморской, а купцы тевтонской Ганзы предлагали английскому торговцу шелка и лекарства Востока, кожи, пеньку и лес Новгорода, металлы Богемии и Венгрии.

Средиземноморский купец был великим служителем растущей роскоши средневековой Англии. "Владения и лорды королевства", епископы, прелаты и приходские священники покупали у него золотые ткани, богатые парчи, облачения из белого дамаста, припудренного золотом Венеции,[113] и драгоценные изделия ювелиров и ювелиров, новомодное стекло и многие другие изысканные вещи - изделия, которые "могли бы быть проданы за дорого и обманчиво", - ворчал английский торговец домашними товарами отечественного производства. Весь этот роскошный трафик, вплоть до "обезьян и шутов, и хвостатых мармозеток, пустяков и мелочей, которые мало кому нужны", [114] вызывал острую ревность отечественного торговца; и даже государственные деятели с тревогой предсказывали опасности, которые должны постигнуть нацию от торговли, наполнявшей страну причудливыми безделушками и суетными вещами и уносившей в обмен драгоценное богатство народа, его сукно, шерсть и олово, высасывая бережливость из земли, как оса высасывает мед из пчелы. Но, несмотря на враждебность английских торговцев, нуждающиеся короли, стремящиеся завоевать расположение великих банкирских компаний Италии, старательно поощряли торговлю; и (всегда взимая адекватную пошлину за привилегии) освобождали купцов, приезжавших из-за проливов, от досадного контроля со стороны Стейпла; [115] позволяли их судам беспрепятственно заходить в порт Саутгемптона, а не вынуждать их идти в Кале; а их агентам - ездить по стране и покупать и продавать по своему усмотрению.

Именно Флоренция в первой половине XIV века возглавила средиземноморскую торговлю с Англией,^[116] а ее купцы одолжили Эдуарду Третьему деньги, которые только и позволили ему вести войну с Францией. Но когда Эдуард объявил себя неспособным платить по долгам и отказался от всех флорентийских займов, на город обрушилось разорение; его торговля была парализована, а коммерческие катаклизмы закончились политической революцией. Любекские банкиры заняли место его финансистов, став Ротшильдами средневекового мира, а генуэзские корабельные мастера захватили уплывшую из рук торговлю. Хотя завоевание порта Ливорно в 1421 году вызвало новый всплеск торговой активности во Флоренции,^[117] хотя ее купцы основали депо, банки и торговые поселения во всех великих городах Севера, хотя грузы шерсти снова стали поступать в ее гавани (один только английский купец в 1437 году продал агенту Альбертинской компании шерсти на сумму почти 12 000 фунтов стерлингов),^[118] господство республики в средиземноморской торговле так и не было восстановлено.

Ибо ее великие конкуренты, Генуя и Венеция, теперь были в равных условиях. Благодаря своему положению на Черном море генуэзцы до турецкого завоевания удерживали главный рынок на Востоке для европейских тканей; Их флоты, груженные золотом, шелком и пряностями Леванта, квасцами и мастикой с островов Хиос и Фокея, тулузской ватой и винами Прованса, приходили в Саутгемптон, чтобы обменять свой груз на английские ткани, которые они иногда везли прямо в Черное море, а иногда брали с собой, чтобы продать на фламандских рынках и таким образом получить двойную прибыль от своего путешествия.^[119] Для ведения бизнеса по всему миру в 1407 году в Генуе был основан Банк Святого Георгия с системой кредитных расписок на вложенные деньги, которые можно было передавать из рук в руки.

Однако огромные галеры Венеции были грозными соперниками генуэзских карраков. Ведь Венеция, спрятанная в Адриатике, не имея ничего своего, кроме соли, показала, пожалуй, в большей степени, чем любое другое итальянское государство, чего можно достичь с помощью щедрой системы государственной защиты.^[120] Именно оно создало свой торговый флот; именно оно ежегодно сдавало суда в аренду самым высоким претендентам для торговых целей; именно оно распорядилось вести их дела с наибольшей выгодой для общества; именно оно защитило их от конкуренции, запретив своим гражданам отправлять пряности сухопутным путем или ввозить из Англии ткани, которые не были доставлены на венецианских галерах долгим морским путем. Власть правительства превратила Венецию в империю Средиземноморья, и итальянские торговцы послушно везли ткани, олово или тюки шкур из Англии в Венецию, а из Венеции на Корфу. Фортуна благоволила самым проникательным из ее ухажеров и одаривала Венецию желанными благами торговли. Ее корабли ходили далеко, и итальянские купцы, которые раньше были известны в Англии только как финансовые агенты, нанятые папским двором для сбора дани, причитающейся Риму, теперь стекались на остров по делам совсем иного характера. Гавань Саутгемптона была переполнена галерами, на которых хитрые портные день и ночь резали тюки с купленным материалом на одежду, чтобы сэкономить на экспортных пошлинах на ткани.^[121] Во времена Ричарда Второго генуэзский купец, арендовавший замок как склад для своих товаров, предложил королю сделать Саутгемптон величайшим торговым портом на западе, и он вполне мог бы выполнить свое обещание, если бы лондонские купцы предусмотрительно не послали гонца, чтобы убить его у собственных дверей.^[122] Несмотря на негостеприимный и неодобрительный прием, оказанный самим Лондоном, лангобарды с помощью короля нашли средства для поддержания процветающего поселения, а в пятнадцатом веке венецианские консулы собирали письма для регулярной почты в Венецию раз в месяц.^[123]

Венецианцы были для торговли Средиземноморья тем же, чем купцы Ганзейского союза были для торговли Балтики и Немецкого океана. Двойную силу конфедерации городов, которую Любек привлек под свои знамена, придал союз с Тевтонским орденом - орденом, который зародился в Бремене и Любеке, а затем обосновался на Балтике, создав торговые процветающие Данциг и Эльбинг. Эти прусские города, хотя и владели Великим магистром Тевтонского рыцарского ордена как своим феодальным вождем, все еще зависели от Любека.[124] К ним присоединилось множество городов, столь внушительных уже одним только своим количеством, что когда послов Ганзейского союза в Англии в 1376 году попросили дать список членов, составлявших их обширное объединение, они презрительно ответили, что, конечно, даже они сами не в состоянии запомнить бесчисленные названия больших и малых городов во всех королевствах, от имени которых они выступают.[125] Находясь под странным разнообразием владычеств королей, герцогов, маркграфов, графов, баронов или архиепископов, они находили связь в своем общем союзе в Священной Римской империи и всегда считали Англию, отрезанную от этого великого содружества, "чужой" нацией.[126]

В войне или на торговых переговорах эта могущественная конфедерация, члены которой были приучены действовать сообща, как единое тело, гордо выступала как нация на равных с другими народами, и в силе своей объединенной корпорации она была на самом деле гораздо более грозной силой, чем ревнивые и изолированные республики Юга. Дания была положена к ее ногам в результате победоносной войны. Норвегия была полностью подчинена. Она заставила английских торговцев в Северном море подчиниться ее политике и воевать по ее приказу. В XIV веке Лига была настолько могущественной, что, когда Эдуард Третий разорил банки Флоренции, именно купцы Любека стали его кредиторами; их сделали фермерами английского налога на шерсть; они арендовали рудники северных графств и оловянные заводы Корнуолла.[127] Вся грузовая торговля северных морей находилась в их руках. Корабли Ганзы отправлялись из Халла или Бостона в Берген с английскими товарами и привозили обратно грузы соленой рыбы;[128] доставляли железо из Швеции, вино из рейнских виноградников, апельсины, пряности и иностранные фрукты из Брюгге; вывозили английские шерстяные ткани в Россию и балтийские порты, а обратно привозили дерево, олово, поташ, шкуры и меха. В мощных защитных сооружениях своего Стального двора[129] на берегу Темзы у Лондонского моста передовой отряд Лиги жил в условиях своего рода военной дисциплины и держался благодаря защите короля от ненависти лондонских торговцев и мещан, которая то и дело выливалась в жестокие бунты.

Таким образом, на протяжении всего XIV века именно чужеземцы вели торговлю с Англией по двум великим торговым путям - через Гибралтар в гавани Италии и далее в Александрию, а также через Зонд в балтийские порты и далее в Новгород. Всю прибыль от транзита и бартера получали иностранные торговцы, которые путешествовали от деревни к деревне по всей стране в поисках шерсти или ткани для иностранных судов, стоявших в каждой гавани - судов, которые были больше и лучше построены для торговли, чем те, которыми могла похвастаться Англия.[130] Более того, английское правительство было удовлетворено тем, что так оно и есть, и короли, желавшие создать союзы для своих внешних войн или пополнить оскудевшую казну дома, во всех торговых правилах проявляли свою благосклонность в основном к иностранным торговцам и оставляли местных судовладельцев на произвол судьбы. Однажды, правда, в правление Ричарда Второго, была предпринята одиночная попытка поощрить судоходство, и первый Навигационный акт, принятый в Англии, предписывал, "чтобы никто из сеньоров короля отныне не перевозил никаких товаров, отправляясь или прибывая в пределах королевства Англия, а только на кораблях, принадлежащих королю".[131] Этот закон, однако, по моде того времени, должен был

действовать всего несколько месяцев; и после очень короткого опыта парламент мудро решил, что закон должен соблюдаться только в том случае, если "корабли в тех местах, где будут жить упомянутые купцы, будут признаны способными и достаточными... а в противном случае будет законно нанять другие удобные корабли".[132] На этом эксперимент с государственной защитой закончился на следующее столетие; и против великих конфедераций и защищенных государством флотов континента английским купцам оставалось вести в одиночку, как только они могли, свою частную и авантюрную войну.

Английское судоходство, если оно вообще существовало, можно сказать, существовало вопреки закону. Военно-морского флота в национальном смысле слова не существовало. В различных портах стояло несколько балаганов[133] и небольших каботажных судов - часть из них принадлежала частным купцам, часть городским общинам, - и когда королю требовались корабли для государственной службы, будь то ловля сельди для своих домашних или война с французами, он просто требовал в любой гавани те суда, которые ему были нужны, заставлял их и их команды ждать по его воле неделями или месяцами, отправлял их туда, куда пожелает, и перекладывал все расходы на плечи города или владельца.[134] Более того, неудачливый купец конфисковывал свой корабль в пользу короны за любой несчастный случай, который мог на нем произойти - если человек погиб, или упал за борт, или если он столкнулся с другим судном или коснулся скалы. Хозяева могли разориться или в целях самообороны отказаться от владения кораблями, а матросы могли оставить море и перейти к другим занятиям, чтобы избежать принудительной службы на войне: вмешательство правительства в регулирование заработной платы только побуждало людей идти служить на иностранные суда за более заманчивую плату.[135] Мы не можем удивляться тому, что к концу XIV века в этих условиях, похоже, считалось более выгодным делать корабли для других, чем владеть ими, и что строители продавали свои суда иностранцам, а эти иностранцы "из-за чрезмерных прибылей, возникающих в результате, часто продавали их врагам королевства".[136] Генрих Пятый, правда, предлагал создать королевский флот, но его планы были прерваны смертью, а корабли проданы Генриху Шестому, и все пошло по-прежнему.[137]

Однако английские торговцы не сидели сложа руки в ожидании государственной защиты.[138] Уже в середине XIV века в морских портах забурлила новая жизнь, и вскоре каждый из них стал посылать свой контингент в отряд, отправлявшийся на завоевание моря. Большие и малые города создавали или укрепляли свои флоты, состоящие либо из "общих барж" общины, либо из частных судов их торговых компаний. Кораблестроение в Англии было дорогим из-за отсутствия в стране дерева, а также железа, пригодного для этой цели, и стоило, если верить современному наблюдателю, вдвое дороже, чем во Франции.[139] Поэтому бедные общины вроде Лидда, которые не могли позволить себе крупные предприятия, зарабатывали на жизнь, нанимая суда в Британии, Сэндвиче или Лондоне и оснащая их настолько экономно, насколько это было возможно, используя старую винную трубу, распиленную пополам, чтобы она служила бочкой для хлеба.[140] С другой стороны, процветающие порты, такие как Линн, из года в год пополняли городской бюджет крупными суммами на морские перевозки.[141] Гораздо более бедное место, Ромни, потратило 73 фунта стерлингов на свою обычную баржу в 1381 году; в 1396 году была куплена и оборудована еще одна за 82 фунта стерлингов; третья в 1400 году стоила более 40 фунтов стерлингов; а несколькими годами позже еще одно судно было приобретено для торговли в Бордо. Эти суда ходили в Шотландию и Ньюкасл, Норфолк и порты южного побережья; или в Ирландию за древесиной, в Амьен за морским углем, в Британию за солью, во Фландрию за

товарами из Леванта, в Южную Францию за грузами вина, масла и древесины. В 1400 году "новая баржа" везла из Рошели сорок два тунна вина, в 1404 году - сорок туннов, кроме того, масло и древесину, а в более позднем плавании - пятьдесят шесть туннов.[142] Повсюду торговый нрав овладевал людьми. В Рае, где жители имели обыкновение платить ежегодные пожертвования точно 8 сентября, наступило время, когда многие из них были за границей, одни посещали ярмарки, другие ловили рыбу в отдаленных морях, "и тогда божественное поклонение не соблюдалось ими так, как должно, а положенные пожертвования задерживались и почти никогда не выплачивались"; пришлось изменить день жертвоприношения.[143]

Однако более важной стороной этого движения был рост частного предпринимательства, о чем свидетельствуют ассоциации купцов, созданные во всех крупных городах для торговых целей. Уже во времена Ричарда Второго в Бристоле существовало "Братство купцов", которое руководило всей внешней торговлей и импортом иностранных товаров, и уже тогда делало это в весьма значительных масштабах, ведь когда в 1375 году бристольские корабли, груженные солью, были захвачены и сожжены в Ла-Манше, убытки составили 17 739 фунтов стерлингов. Не прошло и пятидесяти лет, как их торговые суда были известны во всех морях от Сирии до Исландии. Более богатые купцы постепенно создавали небольшие флотилии из десяти или двенадцати судов от 400 до 900 тонн; один из них, Уильям Каннингс, предок лорда Каннинга, который в 1461 году имел на плаву десять кораблей (один из них - *"Николай из Тауэра"*, откуда родом староста Саффолка), нанимал 800 моряков и 100 плотников, каменщиков и ремесленников.[144] Бристоль также не был единственным в своем роде. Гильдия купцов в Линне соперничала с гильдией в Йорке. "С божественной помощью и при содействии многих подданных короля" Джон Тавернер из Халла в 1449 году построил большой "каррак" по образцу могучих кораблей Генуи и Венеции. Движение распространялось все шире и шире, пока короткая история 169 купцов, которых пересчитал Эдуард Третий, когда хотел занять у них денег, не превратилась к концу XV века в компанию из более чем 3 000 торговцев, занимающихся только морской торговлей.[145]

Из какого бы города они ни приезжали, эти торговцы с иностранными портами были одинаково известны людям XIV века под одним важным именем - авантюристы. Поскольку в Англии существовала только одна защищенная отрасль - скрепка, каждый купец, не являвшийся скрепщиком, был свободным авантюристом. Вся торговля, которая велась за пределами Стейпла, была для него выигрышной.[146] Не привязанный ни к месту, ни к компании, ни к правительству, ни к законам, он мог сам найти себе уголок на мировом рынке и защищать себя на море и на суше. Совершенно равнодушное государство не оказало ему никакой помощи в его первых попытках стать перевозчиком английской торговли, не поощрило ни кораблестроителя, ни капитана предложением особых милостей или снижением пошлин на первое плавание.[147] Он вышел из порта в море опасностей. [148] Пираты всех наций, Виталиен Брюдер на Балтике и в Северном море, ликедлеры из Кале, бретонские крейсера, энергичные монополисты Ганзы, возмущенные купцы Юга, жаждущие мести, поджидали его на каждом углу горизонта. В 1395 году норфолкские торговцы были ограблены на 20 000 фунтов стерлингов "людьми королевы Дании, что стало гибелью для многих норфолкских купцов на всю последующую жизнь";[149] и частыми и жалобными были жалобы, которые поступали в Тайный совет от английских грузоотправителей, умолявших о возмещении ущерба и защите, когда возмущение следовало за возмущением.[150] Но государство, не имевшее организованных военно-морских сил, было бессильно установить порядок. Возлагало ли оно ответственность за

поддержание мира в открытом море на самих купцов, или на стэплеров, или по специальному поручению на адмиралов[151] побережья, или на комитет лордов, или на самого главного из нарушителей, капитана Кале, его эксперименты были одинаково тщетны. В целях самозащиты городские баржи и купеческие суда плавали компаниями под командованием выбранного ими самими адмирала, вооруженные до зубов, как маленькие военные против врага, и даже имевшие на борту пушки еще в 1407 году, до того как были изобретены ручные пушки.[152] Если бедствие настигало их, их хозяева обращались за компенсацией к правительству, они не ждали возмещения исключительно от государства; и английские правители, похоже, часто были не столько озадачены тем, как облегчить их страдания, сколько тем, как примирить великие иностранные конфедерации, чей гнев был вызван их быстрым и жестоким возмездием. На плаву, вероятно, не было более грозных пиратов, чем эти английские крейсера, ибо они были жестокими бойцами и быстро мстили; а среди иностранцев они завоевали репутацию тех, кто использовал свое судоходство только для того, чтобы мешать торговле других народов в узких морях и "препятствовать коммерции во всем христианстве".[153]

В этих условиях легко понять, что на протяжении всего столетия, когда вопрос об английском флоте всплывает в парламентских протоколах, статутах и официальных заявлениях, перед нами предстает современная картина, нарисованная в самых мрачных тонах.[154]

Государственные деятели нагромождают подробности, чтобы показать, насколько плохо торговая служба выполняет свои расплывчатые функции королевского флота.

Судовладельцы приносят свои громкие жалобы, чтобы доказать, как плохо их использует государство. Каждая сторона стремится пробудить в другой чувство долга, и разговоры об упадке английского могущества на море могут быть поставлены на службу любой из сторон, а потеря Южной Франции и временный удар, который это нанесло английскому судоходству, использовались для аргументации с обеих сторон. Море было нашей защитной стеной, говорили они; но теперь враг был на стене, и где была наша прежняя мощь кораблей и моряков? Сами голландцы смеялись над нашим бессилием, а когда они нагло подшучивали над кораблями, выгравированными на монетах Эдуарда Третьего, и спрашивали, почему мы не выгравировали на них вместо них овцу, считалось, что каламбур наносит глубокую рану национальной чести.[155]

Однако подобные суждения следует рассматривать в свете записей, которые рассказывают нам о том, чем на самом деле занимались английские корабли на плаву в те дни. Ведь именно в это время неофициальный англичанин, похоже, хвастался, что его народ обладает большим количеством прекрасных и мощных кораблей, чем любая другая нация, так что они являются "морскими королями";[156] и если хвастовство было несколько преждевременным, то в целом оно было ближе к истине. Уже сейчас флоты искателей приключений отправлялись на завоевание морей, и их предприятие знаменует собой один из великих поворотных моментов в нашей истории. Фактически именно в этом веке Англия поднялась с последнего места среди торговых народов на одно из первых. В конце XIV века, как мы уже видели, английские товары перевозились в основном на иностранных судах; сто лет спустя английские суда перевозили более половины всех тканей, экспортируемых из страны, и около трех четвертей всех других товаров[157], а Навигационный закон, провалившийся при Ричарде Втором, был триумфально введен в действие Генрихом Седьмым.[158]

Именно в северных морях развернулась настоящая борьба. Уже с ранних времен группы бродячих авантюристов курсировали из гавани в гавань, чтобы узнать, какие торговые трофеи оставили без присмотра ортодоксальные купцы Штапеля или Ганзы и как можно использовать плодородные ресурсы незаконных вольных торговцев, чтобы разрушить эти

величественные организации. Когда старые купцы сосредоточились в Брюгге и Кале, свободные торговые копы устремились на заброшенные рынки Брабанта и Голландии. Вытесненные из болот Миддлбурга, они устремились в Антверпен, который покинули степняки. Едва ганзейские купцы под напряжением датских войн ушли из Бергена, как на их место тут же пробрались авантюристы, основали свой собственный штапель, собрав там товаров на сумму 10 000 марок, и в течение многих лет упорно сражались огнем и мечом, чтобы удержать свои позиции.^[159] Если балтийские города отставали от западных членов Лиги в морской предприимчивости, в их гавани стекались флоты авантюристов, так что в одной только гавани Данцига их можно было увидеть три сотни, на борту которых находились торговцы тканями, готовые разнести свой товар по всем рыночным городам Пруссии. Они проникали на рыбные рынки Шонена, предлагая тюки ткани вместо денег^[160] за соленую сельдь и вызывая тревогу у ганзейских купцов. К концу XIV века они настолько преуспели в мире со всех сторон, что стали рассматривать крупные отрасли торговли как свою исключительную собственность, а также высказывать недовольство по поводу вмешательства в их доходы других "заносчивых купцов, которые не довольствовались своим делом, в котором они были воспитаны и благодаря которому они могли хорошо жить".

Это стало началом нового этапа в их истории. Теперь Авантюристы предложили войти в достойные ряды признанных ассоциаций и сменить свои бродячие войны на более официальные действия уставной компании; и по их мольбе Генрих Четвертый в 1406 году даровал им для лучшего порядка и защиты от других "мешающих купцов" хартию, в которой они приняли в качестве своего официального титула свое старое название "Авантюристы-купцы".^[161] Грамота включала все владения за морем и позволяла им странствовать, где им заблагорассудится, и привлекать в свои ряды всех искателей приключений Англии.^[162] Пока их организация была свободной и вольной, и, по сути, не являлась настоящей гильдией. Но она знаменовала собой уход их свободной и бурной молодости. С этого времени к ним со всех сторон стали приходить привилегии - английские гранты, подарки от иностранных городов, покровительство правителей разных стран. Наконец в 1446 году они получили новую хартию привилегий от герцога Бургундского^[163], в которой были установлены пошлины, обеспечена полная защита, а также создана организация, которая продержалась в течение следующего столетия. Они настолько уверились в своей силе, что когда Генрих Седьмой при своем воцарении повысил требуемую от них пошлину, они отказались платить, и он не осмелился привести приказ в исполнение.^[164] Видя в их успехах триумф английской торговли, он оставался их твердым сторонником, подтверждал их привилегии,^[165] а когда в Кале они захотели большей централизации и более строгой дисциплины, он дал им регулярную организацию по образцу степлеров при Эдуарде Третьем, с губернаторами и советом из двадцати четырех помощников.^[166] На фоне всех их успехов неудивительно, что наступило время, когда они сами забыли вольную дерзость своей авантюрной юности. В зрелые годы, будучи ярыми поборниками монополии и государственной защиты, они отбросили за спину само воспоминание о своих незаконных предшественниках, а для большей смелости проследили свое величие до предков, ставших уважаемыми благодаря баснословной грамоте самого короля Иоанна, и похвастились олдерменами в алых одеждах, которые якобы правили ими в старые добрые времена в Антверпене.

Легенда была порождена временем, когда Антверпен действительно был столицей купцов-авантюристов, домом и центром их торговли. Ведь именно там в XV веке они получили наследство, которое было оставлено в запустении, когда купеческие князья Штапеля окончательно удалились в Кале и тем самым практически передали всю прямую торговлю между Антверпеном и Англией в частные руки. Искатели приключений вскоре решили

вопрос о том, кто будет ее продолжать.[167] В 1407 году город подарил им дом с вечной преемственностью. Трое купцов собрались в зале для сбора пошлин вместе с казначеями города, чтобы добиться справедливости по отношению к своим собратьям. Известные в народе как "нация", [168] они рано показали свою силу, а в первой половине XV века привилегии в английской торговле все больше и больше отбирались у коренных торговцев Нидерландов и переходили в их руки. Они использовали свои полномочия в полной мере, жестко управляли, упорядочивали всю английскую торговлю с Низкими странами, диктовали, на какой ярмарке присутствовать, и определяли цены, несмотря на громкие уговоры незадачливых туземцев.[169] На больших ярмарках, проводимых в Нидерландах четыре раза в год[170], "они скрепляли товары, привезенные из Англии, и выставляли их на продажу"[171], а к 1436 году они могли похвастаться, что покупают больше товаров в Брабанте, Фландрии и Зеландии[172], чем все другие страны, и что если бы их купцы были отозваны, это было бы таким же большим ущербом для французской торговли, как если бы в страну была направлена тысяча военных.[173] Растущая ревность производителей Фландрии действительно временами грозила прервать весь их бизнес; и так как они первыми приняли на себя бурю коммерческого соперничества, то снова и снова оказывались на грани разорения из-за законов, принятых по обе стороны воды и запрещающих любую импортную или экспортную торговлю.

В отчаянной попытке спасти фламандских ткачей от разорения герцоги Бургундские запретили портным отделять английское сукно, а портным кроить его в Нидерландах и наложили суровые штрафы на любого человека во Фландрии, которого видели одетым в шерстяные вещи английского производства;[174] но ткань все равно поступала, ввозимая контрабандой спекулятивными торговцами из Антверпена или разбрасываемая лицензированными купцами, купившими у властей разрешение на обход закона.[175] Однажды из-за политических разногласий[176] искателям приключений пришлось перебраться в Кале и увидеть, как законная торговля с Низшими странами перешла к истерлингам, что "больно резануло их сердца"; но сначала "беспорядочно", потом законно, и вскоре они вернулись к своим прежним занятиям.[177] При неуклонной поддержке Генриха Седьмого, вся политика которого была направлена на развитие торговли с Бургундией и объединение Англии и Нидерландов в единое торговое государство, их процветание было обеспечено; и еще до конца века Антверпен, после двухсот лет борьбы за первенство в торговле, занял место великого торгового центра[178] в Нидерландах, в то время как его соперник Брюгге погрузился в полную нищету и упадок. Когда, наконец, после многих случайностей и перемен, англичане в 1506 году с помощью Генриха Седьмого добились свободной торговли сукном во всех владениях эрцгерцога Филиппа, кроме Фландрии, они фактически оказались в Нидерландах лучше, чем местные купцы, платили меньше пошлин, чем они, и находились в таком положении, что могли легко завалить страну своими товарами и окончательно уничтожить ее пришедшую в упадок суконную промышленность.[179]

Из своего центрального оплота в Антверпене купцы-авантюристы продолжали вести оживленную войну направо и налево, с одной стороны со Штапелем в Кале, с другой - с Ганзейским союзом.

Практически ревность скобарей впервые изгнала авантюристов из Брюгге, и, едва почувствовав свою силу, они приготовились заставить своих давних врагов расплачиваться за старые обиды. По отношению к купцам из Штапеля сам характер их торговли с самого начала заставил их занять воинственную позицию. Отстраненные от всякого интереса к продаже шерсти, их состояние зависело исключительно от обрабатывающей промышленности, и чем больше поощрялось ткачество на родине, тем больше была их

прибыль.[180] А поскольку торговцы шерстью стали претендовать на право экспортировать и продавать ткани, а также шерсть, они стали вдвойне неприятны для своих конкурентов. Теперь, однако, Авантюристы могли бороться с позиции, которую им давало их новое положение чартерной компании. Из своего признанного права требовать пошлины с продажи сукна на своих рынках они путем вольного толкования своих полномочий вывели право требовать от каждого торгового скобара в дополнение к обычным пошлинам вступительный взнос или ганзу в десять марок, уплатив которую, он становился свободным человеком Компании искателей приключений ' и подчинялся их законам и судам,[181] а если он отказывался платить, они конфисковывали его товары или заключали его в тюрьму, пока он не отдаст "ганзу".[182] Богатые купцы из Скрепки, которые везли свои товары в Миддлбург, могли оказаться в тюрьме среди преступников и убийц, зараженных одиозными болезнями; решительные искатели приключений отказывались от залога и спокойно игнорировали королевские письма с протестами.[183] Уже в 1457 году сшиватели горько жаловались английскому королю и герцогу Бургундскому, что под прикрытием жалованных грамот и хартий их враги так досаждали им и товарами, и людьми, что грозили им полным разорением.[184] Но решение Генриха Шестого о том, что авантюристы предъявляли несправедливые претензии, которые были строго запрещены в будущем[185], едва прервало битву, и та же серия жалоб и нападок была подана в 1504 году в Звездную палату, решением которой авантюристам снова было запрещено выходить за рамки своего права на взимание пошлин. Но если закон был против них, то на их стороне были их собственная неиссякаемая активность, беспринципная дерзость, большая самоуверенность и слабость умирающей компании Стэплов. Шесть лет спустя, когда скобарей снова вызвали к королю за их "кривые умы и бранные слова" и незаконные насильственные действия, они ответили бескомпромиссным презрением. Они допускали, что штаплеры могут иметь определенные привилегии в Кале, но что касается разговоров о правах в Бургундии, то, по их мнению, настаивать на этом после удаления штапл оттуда было нелепо. За пределами Кале скрепы не имели никаких прав. Что касается их претензий на исключительную юрисдикцию над своими членами, то "эту статью можно было бы исключить из их книги, поскольку каждый разумный человек знает обратное". Однако, несмотря на таких "разумных людей", закон снова был провозглашен против них; но, как они хорошо знали, закон был бессилён вновь создать разорившуюся компанию купцов-штапельщиков.[186]

Когда против них выступила вторая, более грозная армия - купцы Ганзейского союза, войну авантюристов пришлось вести с большей осторожностью. На протяжении нескольких столетий сомнительный конфликт велся на всех морях и в каждом порту от Данцига до Исландии. Первые сто лет дела у искателей приключений шли плохо. Лига монополизировала всю торговлю между скандинавскими королевствами и Англией;[187] изгнала англичан из Шонена, центра, куда съезжались все рыбаки Балтийского и Северного морей для засолки, упаковки и продажи своей рыбы;[188] преследовали их огнем и мечом в Бергене, скобяном городе севера,[189] рассеивая их то голодом, то декретами об изгнании; изгнали их из прусских городов, принадлежащих Тевтонскому ордену, которые они "разрушали" своими тканями,[190] и пытались разрушить их торговлю, издав приказ, согласно которому ни один купец Ганзы не должен покупать английские ткани за пределами самой Англии. Когда в 1368-9 годах Лига вела войну с Данией и Норвегией, чтобы подтвердить свое господство в Северных морях, она втянула в нее английских торговцев по пятам, а по ее окончании без раздумий отбросила их.[191] На требования парламента при Эдуарде Третьем и Ричарде Втором увеличить пошлины, взимаемые с ганзейских торговцев за вывоз товаров из Англии, он ответил презрительным отказом и издал указ о полном прекращении торговли с Англией, закрыв тем самым большой рынок в Эльбинге для

английских купцов, которые сделали его центром своей торговли с Россией и городами Пруссии.[192]

Однако английские торговцы восприняли все несчастья с упорством и непомерным мужеством молодости. На помощь собственного правительства надеяться не приходилось, пока такие короли-завоеватели, как Эдуард Третий и Генрих Пятый, были связаны по рукам и ногам с великими торговыми домами Любека и ганзейских городов займами, взятыми у них на ведение французских войн; В то время как Генрих Четвертый, который еще до вступления на престол побывал в Данциге и видел, как бедствуют там английские купцы[193], и который, стремясь заручиться поддержкой торгового сословия, настойчиво вел переговоры об улучшении их положения, не имел возможности привести в исполнение свои желания. Поэтому искатели приключений могли следовать только одному очевидному пути, который был им открыт, и продолжали вести постоянную разбойничью деятельность на морях и совершать ряд удобных нападений на вражеские аванпосты. Они отчаянно держались Бергене,[194] и упорно отстаивали формальное право, данное им Генрихом Четвертым, организоваться под началом консулов в Норвегии, Швеции или Дании для ведения своей торговли.[195] Рыболовецкие суда, которым был закрыт доступ на Балтику или в Берген, отправлялись в Исландию, где, поскольку остров был частной собственностью короля Норвегии (который сам был слугой Лиги) и не мог принимать никаких судов, кроме королевских или тех, что были разрешены королем, возможности для незаконной торговли были широки, а прибыли велики. Экономный народ, нуждающийся и отдаленный, охотно принимал контрабандные товары из Англии в обмен на свою рыбу; а контрабандисты вели грубый бизнес - разбойники и смельчаки из их компании грабили, убивали, угоняли скот, опустошали усадьбы и торговали по своим собственным законам.[196] Для них не имело значения ни то, что Генрих Пятый, подчиняясь Лиге, запретил торговлю, ни то, что во время шторма 1419 года двадцать пять английских кораблей за три часа были загнаны на побережье Исландии. Бристольцы нашли путь к ее берегам с помощью компаса, оставив нам первую запись о его использовании в Англии, вероятно, в 1424 году; а около 1436 года, в год, когда англичане были изгнаны из Бергена, в Исландию отправилось столько судов, что они не смогли получить обратный груз, и половине из них пришлось возвращаться домой пустыми.[197] Но северная торговля не была сплошным насилием и беззаконием. Английские купцы покупали двойные лицензии у английского и норвежского королей, что позволяло им вести регулярные перевозки, а в середине XV века один из бристольских купцов, Каннингес, держал в своих руках главную торговлю с Северной Европой. Его фактории располагались не только в балтийских портах, но его сделки с Исландией и Финляндией были настолько масштабными, что когда в 1450 году вся английская торговля с этими регионами была запрещена в силу договора с королем Дании, Каннингес был специально освобожден от нее из-за долгов датских подданных, и в течение двух лет он обладал монополией на эту торговлю.[198]

Тем временем авантюристы наблюдали за возможностью перенести войну поближе к дому, поскольку Лига, и без того отягощенная попытками сохранить свою монополию перед подъемом скандинавских держав и укреплением Бургундского герцогства, была еще более обеспокоена разногласиями в собственных рядах.[199] Поэтому в правление Генриха Шестого англичане среди прочих претензий возобновили свое старое требование, чтобы ганзейским купцам больше не оказывали поблажек за их счет, а относились к ним как к любым другим иностранцам и заставляли платить те же пошлины на вино и шерсть. Шансы на успех были, так как Любек и западные города, находя в своей силе и уверенности в себе

аргументы в пользу политики мира с Англией, были в целом за полюбовный компромисс; восточные же города во главе с Данцигом, более слабые на море и особенно чувствительные к любому увеличению денежного бремени, предпочитали борьбу покорности с ее опасностями.[200] Победила партия насилия, и последовала ожесточенная морская война с открытыми боевыми действиями, репрессиями, судебными исками и бесконечными уговорами. Однажды англичане захватили флот из 108 судов, возвращавшийся в Любек и Ригу, а ганзейцы в ответ наложили руки на богатые английские призы. Торговля была настолько разрушена, что Генрих Шестой объявил, что не может выплатить графу Палатину приданое его тетки леди Бланш, поскольку в его казну теперь не поступали пошлины и таможенные сборы от немецких купцов.[201] Наконец, спор достиг кульминации в 1469 году, когда англичане поссорились с немецкими торговцами в Лондоне, вызвали их в суд и наложили штраф в размере 13 520 фунтов стерлингов,[202] при этом члены Стальной верфи были брошены в тюрьму, а корпорация едва не распалась.[203] Ответ Бремену, Гамбургу и Данцигу дал флот, собравшийся против Англии под предводительством Карла Смелого. Но как раз в этот момент произошла английская революция, в результате которой Эдуард Четвертый был изгнан из страны, и все великие торговые организации, Ганзейский союз, фламандские и голландские корпорации, видя опасность, которая угрожала их торговле из-за новой политической ситуации, отбросили мелкие ссоры и объединились, чтобы снова посадить Эдуарда на трон.[204] Такая услуга требовала большой награды, и в 1474 году в Утрехте был подписан договор, по которому Ганзе были возвращены все ее прежние привилегии, и она получила во владение свой Гильд-холл и Стальную верфь в Лондоне, а также дома в Бостоне и Линне. Авантюристы, выдвинувшие смелое требование, чтобы пасхальцы отказались от права вывоза шерсти или шерстяных колодцев из Англии, вряд ли могли рассчитывать на успех; но они, по крайней мере, добились некоторого мира для своей колонии в Данциге.[205]

Ганзейский союз, однако, подошел к концу своих триумфов. С этого времени англичане стали оказывать на них сильное давление. Закон, запрещавший ввоз шелка и вывоз нестиранных тканей, нанес тяжелый удар по их торговле. Затем последовал приказ о том, что рейнское вино должно перевозиться только на английских кораблях. Чиновники использовали свои безграничные возможности для раздражения по доброй воле, и купец, высадившийся со своим товаром, которого сначала донимали неумолимые офицеры, сидевшие у таможенной квитанции, а затем всячески препятствовали мэру и корпорация,[206] конце концов был загнан общественными издевательствами за стены Стального двора, так что в 1490 году член Ганзы едва ли осмеливался показаться на улицах Лондона.

Тем временем сама великая конфедерация Содружеств проявляла серьезные признаки распада. Крупные города, которые больше не нуждались в защите ассоциации, были готовы отказаться от нее, и в 1501 году начали отказываться привозить свои ткани в Брюгге и искать более свободные условия торговли. В то же время монополия Лиги подвергалась угрозе со всех сторон. Прусские и ливонские города относились к ним как к врагам. Голландский флот соперничал с ними на Балтике. Датская торговая компания оспаривала их монополию в Дании. Шведы закрыли им доступ. Норвежцы делали периодические попытки обрести независимость. Наконец, в 1478 году пришло самое страшное бедствие, которое могло постигнуть их торговлю, - захват Новгорода москвичами, уничтожение его свободного правительства и разрушение его положения как одной из торговых столиц мира.

С разрушением фабрики Лиги, потерей всех ее владений в городе и полным расстройством восточных перевозок господство Ганзейской конфедерации было подорвано, как за полвека

до этого было подорвано господство итальянцев в южной торговле завоеванием Александрии. Английские авантюристы, естественно, видели в каждой новой беде, обрушившейся на их соперников, новый аргумент для агрессии, и приветствовали в Генрихе Седьмом лидера, достойного великого случая. Никогда еще они не находили лучшего друга или того, кто так тонко понимал народные инстинкты своего времени. Насколько полностью его решимость укрепить всеми доступными ему средствами позиции авантюристов в Антверпене против ганзейских торговцев в Брюгге и связать Англию и Бургундию в единое торговое государство, совпадала с потребностями и нравами его народа, что было наглядно продемонстрировано после двухлетнего перерыва в торговле с Низкими странами, вызванного делом Перкина Уорбека, когда взрыв народной радости приветствовал возобновление торговли, а дикий энтузиазм народа дал договору 1496 года, восстановившему старые добрые отношения, звучное название *Intercursus Magnus*.

Громкое имя, как обычно, немного наложило отпечаток на последующие поколения, а более значительные договоры остались незамеченными за неимением столь же помпезного названия. Поначалу, правда, в условиях политической неустроенности и торгового упадка, которыми были отмечены первые годы его правления, Генрих работал медленно и терпеливо, а в 1486 году даже подтвердил Утрехтский договор 1474 года, обеспечивший Ганзе ряд привилегий. Но эта политика мира продолжалась лишь короткое время, пока он готовился к войне. В 1486 году он возобновил торговый договор, заключенный Эдуардом с Британией в 1467 году.^[207] Однако настоящая кампания, можно сказать, началась с Навигационного акта 1489 года, когда судоходная торговля была взята под государственную защиту. И то, что подразумевала эта государственная защита, сразу же проявилось в серии коммерческих договоров почти со всеми торговыми странами Европы, независимо от того, где проходили их перевозки - в северных или южных морях. Создавая со всех сторон союзы против Ганзейской конфедерации, он неуклонно привлекал к себе дружбу скандинавских народов, уставших от господства Лиги. В 1489 году он отправил посольство (двое из депутации были купцами из Линна) для заключения торгового союза с Данией и Норвегией и добился от северных держав свободы торговли для англичан в Дании, Норвегии и Исландии, права приобретать землю, создавать корпорации и выбирать олдерменов, а также находиться под особым покровительством датского короля.^[208] Чтобы победить притязания Данцига, он обратился к ливонским городам и по договору с Ригой попытался наладить русскую торговлю, которая могла бы открыть путь в Новгород и на Восток для английских искателей приключений - попытка, которая, однако, была сорвана несколько лет спустя.^[209] В 1491 году в Антверпене состоялась конференция с ганзейскими посланниками, которых Генрих с дипломатической наглостью заставил ждать четыре недели, пока посланники, отправленные им в Данию с дружескими предложениями о заключении договора, максимально неблагоприятного для интересов Ганзы, не вернулись с ответом. Обещания этого неблагоприятного для Лиги открытия сполна оправдались в ходе долгих переговоров, длившихся в Антверпене с 1491 по 1499 год, в которых иностранец последовательно смирялся перед торжествующим торговцем-авантюристом, все его компромиссы отвергались в той мере, в какой они были направлены на ограничение свободы английского торговца, а Лига была вынуждена принять условия, губительные для ее интересов и разрушительные для ее великой традиции верховенства.^[210]

История этих антверпенских переговоров дает нам истинное представление о том месте, которое заняли за последние сто лет купцы-авантюристы на Севере, где, нанеся последние удары древней компании Стэпл и сломив могущество Ганзейского союза, их флоты теперь

триумфально плавали по всем морям. И все же это была лишь половина их работы; ведь завоевать Север было делом невеликим, если не загрузить английские суда грузами с Востока и данью великих торговых городов Средиземноморья. До середины пятнадцатого века торговлей в восточном Средиземноморье занимались исключительно итальянцы.^[211] Только в 1432 году французский купец Жак Кёр (рассказы о богатстве и могуществе которого читаются как басни рядом со скромными делами наших местных торговцев) отправил несколько кораблей для участия в восточной торговле; и Левант был открыт для западных купцов только в 1442 году, когда венецианцы были изгнаны из Египта и монополия итальянцев была разрушена. Вскоре после этого бристольский купец Стурмис снарядил, вероятно, первый английский корабль, посетивший восточные берега Средиземного моря. Но новые наследники Востока были встречены с ожесточенной завистью. Соперничающие суда сражались за трофеи и уносили добычу, как обычные пираты; а генуэзские торговцы в гневе захватили корабль Стурмиса во время его обратного плавания и лишили его груза пряностей и зеленого перца. Он оценил свои потери в 6 000 франков, и по его жалобе правительству все генуэзские купцы в Лондоне были брошены в тюрьму до тех пор, пока они не дадут залог за выплату этой суммы.^[212]

Таким образом, вопрос о Средиземноморье был решительно открыт. В Лондоне итальянцы могли смело рассчитывать на жесткое обращение. Купцы, только начинающие чувствовать свою силу, полуразрушенные стэплеры, лондонские лавочники и фабриканты - все они ненавидели своих итальянских соперников общей ненавистью и взывали к самым решительным мерам против иностранной конкуренции. Менее осторожные, чем их король, в политических союзах^[213] ввиду внешних войн и осложнений, торговцы смело предложили парламенту 1439 года законопроект, запрещающий венецианцам провозить любые товары, кроме товаров собственного производства - мера, которая, если бы она прошла, бы практически уничтожила всю венецианскую торговлю в Англии. Следующим их предложением был закон, запрещающий продавать что-либо генуэзцам или перевозить что-либо в их порт. Как ни поддерживал лангобардов король против народа, они все же видели, как их привилегии с этого времени шаг за шагом ограничиваются; а однажды после гонений 1455 года в Лондоне даже попытались навсегда покинуть столицу. Великие времена их торговой монополии прошли. Эдуард Четвертый и Ричард Третий наложили на них тяжелое бремя. Генрих Седьмой ставил их в зависимость от своего произвола в том, что касается незначительного увеличения свободы, которую он мог сочти нужным предоставлять время от времени, пытался ограничить их доходы и в первый же год своего правления запретил им перевозить французскую вату, вино или шелковые товары, а также препятствовал им в экспорте шерсти.

В это время население Венецианской республики превышало население всей Англии, и у английских торговцев было много других дел, кроме ссоры с Венецией. Тем не менее, спор не утихал. Не успел Генрих провозгласить свои постановления в 1485 году, как английские купцы отплыли на Крит, скупили там запасы мальмси,^[214] и увезли их в Нидерланды на глазах у венецианских капитанов. Венеция приняла закон, запрещающий подобные перевозки, и в стрессе от беспокойства по поводу английской конкуренции начала строить лучшие корабли, чтобы поддерживать свою собственную торговлю; а Англия в ответ создала монополию своей собственной шерсти в отместку за венецианскую монополию на вино.

Тем временем сообразительные флорентийцы, отвыкшие от традиционной рутины из-за напряженной борьбы за господство, начали сомневаться в ценности для них старой политики морской защиты, которую город разделял с Венецией и Генуей, и в 1480 году откровенно приняли систему свободной торговли. В Константинополе и Египте Флоренция

снова начала противостоять Венеции и отвоевывать восточные рынки, и она охотно принимала английских торговцев шерстью в своем порту в Пизе.^[215] В 1485 году, когда Англия вступила в списки с Венецией, они стали настолько многочисленными и влиятельными, что над ними был назначен консул; а пять лет спустя Генрих заключил с Флоренцией торговый договор, который стал одним из самых примечательных актов его правления. Согласно его положениям, английские купцы обязались ежегодно доставлять во Флоренцию шерсть, достаточную для снабжения всех итальянских государств, кроме Венеции, а взамен им предоставлялись все привилегии, которые только пожелает их сердце.^[216] Единственное, что оставалось венецианцам, - запретить отправку вина с Крита в Пизу, так что английские суда, вышедшие в море с шерстью и не нашедшие обратного груза, вынуждены были плыть домой пустыми. Генрих немедленно установил такие высокие пошлины на ввоз мальмси в Англию, что венецианцы, видя, что их виноторговля находится на грани разорения, наконец, склонились перед неизбежным. Победа английских купцов была окончательно провозглашена, когда Генрих в 1507 году согласился продлить хартию, дававшую венецианцам право на торговлю в Англии, лишь при условии, что они обязуются не заниматься перевозками между Нидерландами и Англией, а оставить это на усмотрение купцов-авантюристов.^[217]

Тем временем во всех портах, которые посещали английские корабли между Средиземным морем и Ла-Маншем, тот же бодрый дух успешного предпринимательства побеждал все препятствия. Англичане всегда много торговали со своими соотечественниками в Аквитании. Со времен святого Фомы Кентерберийского велись дела с виноделами юга.^[218] Корабли из Бордо были известны в каждом порту Ла-Манша, а в 1350 году 141 судно, груженное вином, отправилось только в Лондон,^[219] в то время как раннее богатство Бристоля было создано грузами шерсти, перевозимыми из его порта для питания гасконских мануфактур, и бочками вина, отправляемыми обратно для заполнения его погребов. Условия, столь приятные для бристольских мещан, грубо изменились, когда в 1445 году Бордо перешел в руки французов, и английским торговцам, вместо того чтобы быть хозяевами, пришлось покорно идти на поводу у людей из Бордо с красным крестом на спине, ведя дела только в городе или отправляясь в деревню под опекой полицейского агента. Но если мещанам конца XV века не было никакого дела до повторного завоевания французских провинций, то, с другой стороны, они были полны решимости не потерять свою торговлю. Торговцы шерстью, отторгнутые от Бордо, устремились на север, в Руан и Кале, меняли там шерсть на нидербургское вино и таким образом положили начало шерстяным производствам Нормандии, в то время как бордосские пришли в упадок. Последовательностью торговых договоров^[220] и Навигационным актом 1489 года, закрывшим гасконским кораблям доступ к английской винной торговле, Генрих обеспечил английским купцам в Бордо такую адекватную защиту, что попытки Людовика Двенадцатого ограничить их свободу торговли путем принятия собственного Навигационного акта оказались совершенно тщетными. Жители Бордо, охваченные бессильной яростью, наблюдали, как английские торговцы, 6-8 тысяч из которых, по их словам, были вооружены палками и рыскали по стране в поисках вина, ходили вверх и вниз по земле.

Порты Испании и Португалии также посещались все большим количеством английских судов, направлявшихся в Средиземноморье, и старые торговые союзы возобновлялись со странами, чьи гавани были столь ценными местами отдыха.^[221] Уже давно существовали торговые договоры с Кастилией и Каталонией, которые соперничали за прибыль, которую можно было получить, доставляя в Англию испанское железо и фрукты, а также вино и вату из соседних стран. Но Генрих Седьмой воспользовался переговорами о браке с Испанией в 1489 году, чтобы заново оговорить свободу торговли и защиту английских кораблей; в то же

время английские купцы утверждали, что по новому Навигационному акту вся экспортная торговля теперь является их исключительным правом, и под предлогом того, что их корабли не могут совершить путешествие в Испанию, если у них нет уверенности, что они вернутся хорошо нагруженными, запрещали перевозить тулузскую вату и гасконское вино на испанских кораблях. К этому времени англичанин, как обычно, вызвал страх и ненависть местных купцов, и испанцы яростно сопротивлялись новой политике. С каждой стороны взимались высокие пошлины, чтобы разорить торговлю другой стороны, и за один сезон восемьсот английских кораблей были отправлены домой пустыми из Севильи, потому что патриотичные испанские торговцы в один голос отказали врагу в своих товарах. И снова удача пришла на помощь упорству искателей приключений. В 1492 году Испания изгнала евреев и мавров со своих берегов. Но их бизнес просто попал в чужие руки, которые ждали его, и ненавидимые английские купцы стекались в испанские гавани, очищенные от их старых конкурентов, и уплывали обратно в Англию, нагруженные золотом Нового Света.[222]

Не менее удивительной была и удача, которая благоприятствовала им в Португалии. С торговцами Лиссабона и Оporto Англия заключила торговый договор в середине XIV века - договор, который был изменен в 1386 году, чтобы включить в него всю Португалию.[223] Но по воле счастливой судьбы, которая благоволила английским торговцам, они попросили и получили в 1458 году пересмотр старых соглашений, чтобы обеспечить максимальную выгоду для своих собственных интересов, и все это было завершено как раз перед открытием Капского пути, который придал Португалии огромное военно-морское значение и ввел восточную торговлю в новое русло. Ссора с Венецией вдохновила англичан на еще более пылкую дружбу с новыми хозяевами торговли пряностями; и когда португальские торговцы предложили английским купцам заключать сделки на восточные товары в Лиссабоне, а не ехать в Венецию, те в таком количестве съехались в новую империю индийских товаров, что их собственные суда не могли перевозить богатства, предлагаемые, и купцам пришлось нанять португальские суда.[224]

Так в лице могущественных конфедераций, державших в своих руках торговлю Северного и Южного морей, английские купцы наложили жестокие руки на торговлю всего мира. Они победили своих соперников на севере, а на юге прочно обосновались во всех важных торговых портах западного побережья Европы и конкурировали с итальянскими республиками не только за свою собственную торговлю, но и за торговлю Нидерландов. Если в правление Эдуарда Третьего практически вся внешняя торговля Англии велась на иностранных судах, то в правление Генриха Седьмого большая часть торговли перешла в руки англичан. Английских купцов можно было встретить в каждом порту от Александрии до Рейкьявика, и везде, где они появлялись, они оставляли после себя организованную и прочно укоренившуюся торговлю. Как мы видели, в самом начале их борьба за господство в торговле велась вольными торговцами и пиратами против упорядоченных сил организованной защиты; но окончательная победа была присуждена им на их поздней стадии компании монополистов, поддерживаемых и лелеемых государством. Вопрос о том, насколько защита способствовала успеху англичан или поражению иностранцев, далеко не прост. Ведь на первых этапах работа, проделанная протекцией, возможно, состоит на некоторое время в основном в *отмене* привилегий, и этот процесс может очень медленно и незаметно перейти в свою последнюю стадию - *предоставление* привилегий. Поэтому трудно расшифровать урок, когда мы изучаем торговлю, где защита только начала свою работу, в конфликте с торговлей, когда эта работа доведена до совершенства. Кроме того, в истории конца XV века проблема еще более усложняется нынешней работой тех огромных сил, которые делают или не делают судьбы континентов и перед которыми самая мудрая

политика государств, политика защиты, свободной торговли или любого другого продуманного продукта человеческого интеллекта, могущественна, как армия фантомов.

ГЛАВА IV

ОБЫЧНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДА

Мы, воспитанные в рамках современной системы, забыли, как жили люди в старые времена, когда необходимость личных усилий навязывалась каждому члену сообщества свободных людей, у которых была жизнь, свобода или собственность, которую нужно было защищать. Ведь несмотря на энергичность и независимость современной местной администрации, каждый англичанин теперь в конечном счете обращается за законами, которые управляют его действиями, и за силой, которая защищает его собственность, к великой центральной власти, выросшей вне и помимо всех местных властей. Он подчиняется ей во всех жизненных обстоятельствах; выполняет ли она совершенно новые функции, неизвестные в средние века, или берет на себя полномочия, которые раньше принадлежали нижестоящим органам, и заставляет их служить национальным, а не местным целям; утверждает ли она новое направление и контроль над муниципальной администрацией; или, вместо того чтобы заменить городские власти своим правлением, она поддерживает их, опираясь на свои огромные ресурсы и безграничную силу. По какому бы праву государство ни обладало своими многообразными полномочиями - по наследству, или путем покупки, или путем замещения, или путем влияния, или путем превосходства простого могущества, - он чувствует их действие со всех сторон. Для него все грандиозные операции правительства - на виду.

Но для мещанина средневековья забота и защита государства были тусклыми и теневыми по сравнению с теми обязанностями и ответственностью, которые возлагались на самих горожан. Ведь на заре муниципальной жизни дела большого и малого города, его процветание, безопасность, свобода от преступлений, веселье и разнообразие жизни, регулирование торговли были делом исключительно горожан. Огражденный стеной и рвом^[225] - огражденный еще более эффективно чувством опасности снаружи и цепляющийся за привилегии, завоеванные общими усилиями, которые отделяли его от остального мира, - город оставался изолированным и независимым. В этих узких границах люди, отправившиеся завоевывать мировую торговлю, получили первые уроки организации и приобрели характер, благодаря которому англичане должны были построить у себя дома великое политическое общество и завоевать за границей господство на морях - характер, который мы узнаем в раннем исповедании веры, выдвинутом гражданами Херефорда в отношении обязанностей, которые человек должен выполнять перед своим содружеством и его главным судьей. "И он должен быть нашим главой после короля, которому мы должны во всем, что касается нашего короля или состояния нашего города, повиноваться, главным образом в трех вещах: во-первых, когда нас посылают днем или ночью, чтобы посоветоваться о тех вещах, которые касаются короля или состояния города; во-вторых, отвечать, если мы преступим в чем-либо вопреки нашей присяге или нашим согражданам; в-третьих, выполнять дела города *за свой счет, если они могут быть закончены раньше или лучше, чем любым другим из наших граждан*".^[226] Общественные требования были настойчивы, и в первобытных условиях общинной жизни, в небольших обществах, где

каждый человек жил под прямым влиянием общественного мнения, ни одному гражданину не позволялось тщательно просчитывать цену жертв или сдерживать меру своего служения, когда на карту ставилось благополучие его маленькой общины. Его обязанности были ясно изложены перед ним, и они неукоснительно выполнялись. Согласно общепринятой теории, все частные желания и выгоды должны были быть принесены в жертву общему благу, и Лэнгленд с горечью говорит об "индивидуалистах" своего времени.

"Ибо они хотят и желают, как лучше для себя,
Хотя королю и общинам все нипочем.
Весь разум осуждает таких несовершенных людей".[227]

I. Жители средневекового города были подвержены дисциплине, столь же суровой, как и в современном военном государстве. Угрожаемые со всех сторон врагами, постоянно окруженные опасностями, они должны были сами нести все расходы по укреплению и обороне. Если на побережье появлялся французский флот, если валлийская или шотландская армия совершала набег на границу, если начиналась гражданская война и противоборствующие силы шли через всю страну, каждый город должен был заботиться о своей безопасности. Жители несли службу по системе всеобщей воинской повинности. На сборы, проводимые дважды в год, бедные и богатые являлись в военном строю с тем оружием, которое они могли принести на службу королю; бедняки шли с ножом, кинжалом или топором; зажиточные бюргеры, обязанные, согласно средневековым представлениям, жить "в меру", демонстрировали почтовые или ватные плащи, пряжки, луки и стрелы, мечи или даже пистолеты. В любой момент это вооруженное население могло быть призвано на действительную службу. "Что касается нашего колокола, - говорят жители Херефорда, - то он находится в общественном месте, куда может прийти наш главный судебный исполнитель, как днем, так и ночью, чтобы предупредить всех людей, живущих в этом городе и пригородах. И мы не говорим, что он должен звонить, если только не случится какого-нибудь страшного пожара, сжигающего ряд домов в пределах упомянутого города, или какого-нибудь общего спора, в результате которого город может прийти в ужасное движение, или если к городу приблизятся враги, или если город будет осажден, или между кем-нибудь возникнет смута, и об этом кто-нибудь известит нашего главного судебного пристава. И в этих вышеупомянутых случаях, и во всех подобных случаях, все люди, находящиеся в городе, пригородах и свободных местах города, какого бы уровня они ни были, должны приходить на любой такой звон или движение звона, с таким оружием, которое соответствует их уровню".[228] При первом же сигнале о приближении врага мэр или бейлиф становился верховным военачальником.[229] В его обязанности входило следить за тем, чтобы охваченные паникой жители пригородов были собраны в стенах и получили дом и пищу, чтобы все мясо, питье и имущество было передано на государственную службу, а все доспехи - в ратушу, чтобы каждый житель или беженец платил налоги, необходимые для его защиты, чтобы все сильные и способные мужчины, "которые живут в городе или которым город мог бы помочь в чем-либо", следили за ним днем и ночью, а женщины и священнослужители, которые не могут следить за собой, находили себе замену "из самых способных горожан"."[230]

Если в приграничных городах бывали периоды сравнительного затишья, то морские порты, которым угрожали как с моря, так и с суши, жили в вечной тревоге, по крайней мере, до тех пор, пока Столетняя война наводила свои ужасы. Когда жители строили корабли для охраны гавани и выделяли деньги на их пропитание и жалованье команде, их вызывали для ремонта башен и перевозки телег со скалами или камнями для укладки на стены "для защиты города в

противостоянии врагам короля".[231] Пушки нужно было везти к церкви или Общему дому на саях или складывать в ямы у городских ворот, а также покупать камни, селитру и порох. В течение нескольких недель на церковных башнях выставляли дозорных с рожками, чтобы предупредить о появлении врага, а на берегу моря складывали кучи соломы, камыша и дерева, чтобы разжечь сигнальные и сторожевые костры. Даже если горожане собирались на дневное развлечение, чтобы послушать пьесу в здании суда, их караулили, чтобы враг не поджег их улицы - беда, слишком хорошо известная жителям Рая и Саутгемптона.[232]

Внутренние города были не в лучшем положении. Гражданские войны, местные восстания, нападения соседних лордов, вспышки среди последователей великого вельможи, поселившегося в их стенах во главе армии своих сторонников, - все эти повторяющиеся случаи осады и сражений грубо напоминали неприветливым лавочникам и ремесленникам об их военном призвании. В силу малоизученных причин локальные конфликты случались часто, и велись они жестоко и решительно. В конце XIV века некий рыцарь Болдуин из Радингтона с помощью Джона из Стэнли собрал восьмьсот бойцов "для уничтожения и причинения вреда общинам Честера"; эти стойкие воины ворвались в аббатство, захватили вино и разнесли в щепки мебель, а когда мэр и шериф пришли на помощь, едва не убили шерифа.[233] Когда в 1441 году архиепископ Йоркский решил сражаться за свои привилегии на Рипонской ярмарке, он нанял двести воинов из Шотландии и Марча за шесть пенсов или шиллинг в день, а йоркширский джентльмен, сэр Джон Пламpton, собрал семьсот человек; в ходе последовавшей битвы они выпустили более тысячи стрел.[234]

В пределах города мещане должны были служить за свой счет; но когда король призывал их в армию, муниципальные служащие должны были подготовить контингент, обеспечить их платьем или знаками отличия, назначить капитана и собрать деньги с различных приходов для солдатского жалованья, "иначе констебли будут посажены в тюрьму, чтобы оставаться там до тех пор, пока они будут довольны и оплачены".[235] Когда их отправляли на дальние расстояния, горожане покупали соленую рыбу и паниры или хлебные ящики для перевозки продуктов,[236] и неохотно выдавали скудное жалованье, которое еще более неохотно выдавалось солдату его офицером, а возможно, и вовсе не попадало в его карман.[237] Всеобщая воинская повинность как тогда, так и сейчас была великим призывником мира. Для мещанина, призванного от ткацкого станка, красильни и рыночной лавки, чтобы спустить лук или кинжал, война была тяжелой и неблагоприятной службой, где награды и грабежи раздавались скупой рукой; и люди прониклись глубокой ненавистью к раздорам и беспорядкам, на которые они мерили все страдания.[238] Когда простые люди мечтали о светлом будущем, они надеялись, что каждый изготовитель смертоносного оружия умрет от своих орудий; ибо в то лучшее время

"Битвы никогда не будет, ни один человек не будет носить острое-инструмент, И если кто [кует] его, будет поражен им до смерти".[239]

II. Даже в мирное время мещане не могли отложить оружие, потому что беда никогда не отступала от их улиц. Каждый житель был обязан иметь при себе кинжал, нож или ирландский "скин" на случай, если его позовут на королевский сбор или для помощи в поддержании королевского мира. Но кинжалы, которые были эффективны в поддержании мира, были столь же эффективны и в его нарушении, и городские записи полны рассказов о драках и беспорядках, о стычках, которые начинались с "неразумных слов" или с "вырывания человека за волосы на голове", но которые всегда заканчивались появлением короткого кинжала, "и так проливали кровь друг на друга".[240] Ради безопасности общины -

безопасности, которая была признанной обязанностью каждого члена этих простых демократических государств, - каждый домохозяин должен был по очереди нести ночную вахту и караул на улицах. Правда, неохотно граждане постоянно под тем или иным предлогом пытались избежать мучительной и неблагодарной обязанности: то это были целые группы жителей, укрывавшиеся за законными предложениями, то стойкие бунтари, выдыхавшие откровенный вызов городским властям. Так, в Эйлсбери, согласно отчету констебля, некий "Рейгг держал дом весь год, пока не наступало время караула. А когда его позвали на вахту, пришел Эдвард Чалкилл и сказал, что не должен дежурить ни за кого, и тем самым оголил его, отчего тот стал еще смелее, чтобы преградить путь королевским часовым..... Он говорит и угрожает нам своим хозяином", - добавляют констебли, - "и таким образом, мы будем более "crakyd", что мы не смеем идти, ибо, когда они "может десять" они будут смелее." Джон Босси "сказал так же мудро, что не будет нас караулить"; и еще трое "не хватило каждому из них по ночи".[241] Но в таких случаях власть мэра твердо поддерживалась всей общиной: каждый мещанин хорошо знал, что если кто-то из жителей уклоняется от выполнения своих обязанностей, то на плечи его соседа ложится двойное бремя.

III. Все жители боро были также глубоко заинтересованы в сохранении границ, обозначавших пределы их владений, "вольностей", в пределах которых они могли проводить в жизнь свои законы, регулировать торговлю и взимать налоги. Столетие за столетием защита границы оставалась одним из насущных вопросов городской политики, настойчивым, постоянно повторяющимся, то с хитростью и вероломством, то с насилием и накалом страстей, разгорающихся во внезапном пламени. Каждый год мэр и корпорация объезжали границы и осматривали ориентиры;[242] с готовностью тратили общее достояние, если требовались иски и взятки, чтобы установить и сохранить права города; а если закон не помогал, мещане без колебаний прибегали к личной силе. В Кентербери город и монастырь Крайст-Черч находились в состоянии открытой войны по этому вопросу, как и по многим другим. Монахи оставались неубежденными, даже несмотря на то, что мэр и совет из тридцати шести человек периодически "ходили по границам", раздавая медные монеты в различных поворотных пунктах "разномастным детям", чтобы они помнили границы франшизы, а сами они освежались после своих хлопот "потением" в поле близ Фордвича. Однажды спор о границе разгорелся вокруг гигантского ясеня - старого знака, обозначавшего место соприкосновения городских вольностей с фордвичскими, - который в 1499 году был вероломно срублен прихожанами Крайст-Черч; кентерберийцы с обычными пиршествами и торжественным возлиянием вина установили новый пограничный камень. В другой раз спор переместился туда, где у западных ворот города извивалась река с неопределенным и изменчивым течением, оставлявшим границы смутными и неопределенными. Мэр утверждал, что низкая болотистая местность под названием "Розьеры" находится под его юрисдикцией, в то время как приор утверждал, что она относится к графству Кент; и в течение тридцати лет этот вопрос решался в судебных инстанциях. 16 июля 1500 года мэр окончательно заявил о своих притязаниях, собрав двести человек, одетых по-военному, чтобы отправиться в Розьер. Там некоторые монахи и слуги приора выходили на воздух; один из них утверждал, что был "допоздна болен и гулял в поле, чтобы отдохнуть"; у другого на кулаке был воробей, а слуги заявили, что они всего лишь мирные сенокосчики; Но все были готовы к любой ситуации, так как при появлении врага из-под рясы монахов и платьев сенокосов были извлечены луки и стрелы, кинжалы, биллинги и бригадиры. В последовавшей за этим битве монахи были побиты, а горожане срубили ивы и завалили ими дамбу, устроенную монастырем в реке; на следующий день[243] смело приступили к другим бесчинствам. Дело дошло до суда, и мэру был вынесен приговор за бунт, который, однако, чиновник легкомысленно проигнорировал. Напрасно приор, богатый и могущественный, привыкший к столь большому влиянию в суде, обратился в Звездную

палату, чтобы добиться исполнения приговора, поскольку правительство не предприняло никаких дальнейших шагов. Вероятно, оно поступило мудро, поскольку в таком вопросе нравы горожан были высоки, а исправление границ вызывало такое же бурное возмущение, как в наши дни новое разграничение королевств и империй.

IV. Решимость защищать свою территорию, несомненно, усиливалась чувством, которое каждый бюргер разделял с общей собственностью в боро. Ценность лесов, полей и лугов, составлявших "общие земли", хорошо понимал тот, кто отправлял своих овец или коров на отведенное им пастбище или открывал дверь своего двора рано утром, когда общее стадо обходило улицы, чтобы собрать свиней и выгнать их на болото до вечера.^[244] Жители Ромни не жалели своего постоянного труда и затрат на измерение, выравнивание и осушение болот, принадлежащих их городу, и защиту их от посягательств "болотных людей" за его пределами, ради получения пастбищ для своих овец и обеспечения "коровьей тяги" лебедей или синичек для своего господина архиепископа^[245], когда было необходимо "заручиться его дружбой". В таких бедных районах, как Престон, в больших и богатых общинах, как Ноттингем, в таких городах-производителях, как Вустер с его оживленным населением ткачей, в таких богатых столицах, как Йорк, в таких торговых портах, как Саутгемптон, где бюргеры почти забыли свободные традиции народного правления, жители никогда не ослабляли бдительности в отношении защиты своей общей собственности.^[246] Они собирались из года в год, чтобы убедиться, что их права не были урезаны или земля не была отчуждена, или что при периодическом распределении лучшие поля и участки не перешли в собственность олдерменов и советников; и с помощью тщательно продуманных конституционных мер, а если они не срабатывали, то с помощью "бунтарских собраний и восстаний", они осуждали каждую попытку посягательства на болота или пастбища.

V. Так же обстоит дело и с другой собственностью, которой корпорации владели на благо общества - рыбными промыслами, воронками, солончаками, пастбищами, отвоєванными у моря, участками земли, сохранными в сухом русле реки, строительными площадками и всеми пустырями в пределах городских стен, складами, магазинами и доходными домами, трактирами и мельницами, травянистые склоны городского рва, которые сдавались под выпас скота, башни городских стен, сдаваемые в аренду под жилые дома или кладовые, любое имущество, завещанное общине для содержания бедных, ремонта стен или уплаты пошлин и налогов - все это богатство, облегчавшее бремя налогоплательщика, волновало каждого горожанина. Люди сами были совместными хранителями городского достояния. Выбранные мещанами представители хранили один или два ключа от общего сундука, который можно было открыть только с их согласия.^[247] Из года в год мэр или казначей, согласно городским постановлениям, должны были представлять свои счета перед собранием всех людей "во всей нашей общине, звоном общего колокола созывая их вместе для этого"^[248] - собранием, которое, возможно, собиралось в приходской церкви, в которой за государственный счет были установлены места для сидения.^[249] Там люди слышали список штрафов, взимаемых в судах; пошлин на рынке или налогов, взимаемых у ворот или в гавани; "мальтодов", или сумм, уплачиваемых за продаваемые товары; "скота", взимаемого с имущества частных лиц; "ливелода", или средств к существованию, - подоходного налога со ставок или полученной прибыли. Они узнавали, какие средства корпорация использовала для увеличения общего дохода; заказывала ли она "церковный аукцион", выставку танцующих девушек или спектакль о Робин Гуде;^[250] какую помощь бедным оказывали в прошлом году;^[251] какие государственные займы с разумным ростовщичеством более десяти процентов..., как, например, в Лидде, где "присяжные в один год одолжили Томасу Дайгону пять марок из общего кошелька, когда он отправлялся в Северное море, и он хорошо и надежно вернул долг и выплатил прибавку к нему в размере семи шиллингов"; или

им сообщали, предлагает ли городской совет заняться небольшой торговлей на благо общества; и как была построена "общая баржа" из древесины, купленной в одном городе, тросов и якорей - в другом, смолы и холста - в третьем; и как, когда корабль был закончен, корпорация заплатила за скромный запас "хлеба и эля в день установки мачты на барже", прежде чем она была отправлена на ловлю сельди или спекуляцию грузом соли или вина, для прибыли общественной казны.[252]

Уроки общей финансовой ответственности рано стали навязываться мещанам повсеместно благодаря правовой доктрине, согласно которой за долг одного из своих членов может отвечать весь организм, а каждый член, в свою очередь, отвечал за проступки своих товарищей, будь то в одиночку или коллективно. Так, когда в 1286 году Норвич не смог выплатить долги королю, шерифу Норфолка было приказано войти в тюрьму и арестовать двенадцать самых богатых и благоразумных членов общины;[253] а когда в Саутгемптоне образовалась задолженность по арендной плате, один из его бургезов был брошен в лондонский флот.[254] При такой системе обычный интерес горожан к вопросам налогообложения и расходов значительно повышался. Муниципалитеты были суровыми кредиторами. Если человек не платил арендную плату за королевскую ферму, двери и окна его дома снимались, все находившиеся в нем выходили на улицу, и дом стоял пустым год и один день или даже дольше, прежде чем двери могли быть выкуплены в полном судебном порядке или прежде чем он переходил к следующему наследнику.[255] Но, вероятно, скорее благодаря счастливому положению английских городов, чем бдительности бюргеров, в Англии нет ни одного случая катастрофы, которая была слишком распространена во Франции, - катастрофы обанкротившегося района, а через банкротство - кабалы и политического краха.

VI. В городских общинах средневековья все общественные работы выполнялись, по сути, принудительным трудом всего простонародья. Если округа мало страдали от вмешательства государства, они не могли искать помощи в виде государственной помощи или государственных займов; а поскольку кошелек бюргера в ранние времена был, как правило, пуст, ему приходилось отдавать труд своих рук на общее благо. В Ноттингеме "бунеры" - то есть сами бюргеры или заместители, которых они предоставляли вместо себя, - ремонтировали шоссе и поддерживали порядок на улицах.[256] Большая траншея, вырытая в Бристоле для изменения русла реки Фром, была сделана "благодаря усилиям всех жителей как округа Редклифф, так и города Бристоля".[257] Когда в 1412 году Хайт отправил голландского инженера для строительства новой гавани, все жители по очереди были призваны помочь в рытье котлована. И по воскресеньям, и в будние дни горожане должны были работать, питаясь хлебом и элем, предоставляемыми корпорацией для землекопов, а если они не являлись на работу, их штрафовали на четыре пенса в день.[258] Таким же образом Сэндвич нанял голландца, чтобы тот руководил строительством новой дамбы для гавани; мэру было приказано найти трех рабочих, каждому юрату - двух, а каждому члену общего совета - одного человека; все остальные горожане должны были дать работу или найти замену в соответствии со своими способностями. Присяжные были назначены надсмотрщиками и отвечали за выполнение работы, и так успешно справились с этим делом, что в 1512 году в Сэндвичской гавани могли найти приют 500 или 600 хоев.

Принудительный труд, подобный этому, конечно, мог применяться только для работ, где не было необходимости в квалифицированных мастерах; но вскоре участились случаи, когда городскую толпу приходилось заменять обученными рабочими, и мы уже видим следы переходной системы при строительстве гавани Хайта, где муниципалитет должен был привлекать наемных рабочих для тех работ, которые не могли быть выполнены

бюргерами.[259] Но работы, для которых требовались научные навыки, сильно истощали местные ресурсы, и бюргеры были вынуждены обращаться к общественной благотворительности. В 1447 году, когда Бридпорт хотел улучшить свою гавань, по всей стране были разосланы сборщики денег; архиепископы и епископы обещали подписчикам индульгенции на сорок или сто дней; а в копии газеты, которую нес один из сборщиков, сумма молебнов, прочитанных за них в тот год, составляет почти четыре тысячи: "сумму всех других добрых молитв не знает никто, кроме одного лишь Бога".[260] Строительство и ремонт мостов, как работа, требующая науки и квалифицированного труда, требовали серьезных затрат. Когда король позволил мосту в Ноттингеме упасть в реку, он великодушно передал его владение и обязанность по его восстановлению горожанам; те назначили надзирателей, вели тщательную отчетность и несли тяжкие заботы, пока, обнаружив, что расходы на него превышают все их обычные городские расходы, они наконец не стали просить милостыню. Так же и мэр Эксетера молил о помощи в деле моста, который был построен богатым мэром и был "такой же длины или рядом, и такой же каменной работы, как Лондонский мост, с жильем на кроме; этот мост, как известно, самая большая дорогостоящая работа и больше всего милостыни, чтобы помочь ему во всей западной части Англии".[261] Подобные примеры показывают нам постоянные трудности, с которыми сталкивался мир, где примитивные методы совершенно не отвечали новым требованиям и где требование технического качества в работе начинало приводить к новым организациям труда. Тем временем бюргеры должны были бороться за свое существование, не надеясь на помощь государства и мало на что рассчитывая, кроме личных усилий всего общества.

VII. Все горожане принимали участие не только в серьезных и ответственных обязанностях городской жизни, но и, по-видимому, в непрекращающемся веселье. Все общинники участвовали в поддержке менестрелей и игроков города. Вайты" (так их называли от французского слова *guet*) изначально и до сих пор частично остаются городскими стражниками, но именно в роли менестрелей, "которые каждое утро ходят по городу с дудками", им платили пенсы, которые собирали вардмены с каждого дома.[262] Кроме того, в каждом городе была своя особая пьеса, которая разыгрывалась в ратуше или на церковном дворе перед мэром и его братьями, сидящими в штате, в то время как весь город устраивал праздник. В 1411 году в колодце Скиннера в Лондоне была поставлена большая пьеса "*От начала мира*", "которая длилась семь дней непрерывно, и в ней участвовала большая часть лордов и джентльменов Англии".[263] В Кентербери главным спектаклем, естественно, было "*Мученичество святого Фомы*". Расходы на нее тщательно занесены в муниципальные бухгалтерские книги: плата за телеги и колеса, настил, сотни гвоздей, митру, два мешка кожи с кровью, которая должна была вылиться во время убийства, льняную ткань для одежды святого Фомы, оловянную и золотую фольгу для доспехов, нитки и клей, уголь для растапливания клея, альб и амис, рыцарские доспехи, прокат меча, роспись головы святого Фомы, ангел, который стоил 22 д., и хлопал крыльями, поворачиваясь во все стороны на скрытом винте с колесами, смазанными мылом. Когда все закончилось, имущество спектакля убрали в амбар в женском монастыре Святого Сепульхре и хранили до следующего года за 16 дензнаков. Кентерберийские игроки также выступили в "*Трех королях Кельна*" в ратуше, где короли в сопровождении своих приспешников появились украшенные полосками серебряной и золотой бумаги и одетые в монашеские рясы. Три "зверя" для волхвов были сделаны из двенадцати овалов холста, перетянутых обручами и рейками, и "раскрашены с натуры"; был и замок из раскрашенного холста, который стоил 3s. 4d. Художник и его помощники работали шесть дней и ночей над этими приготовлениями и брали три шиллинга за свой труд, еду, огонь и свечу.[264]

Менестрели, арфисты, волынщики, певцы и актеры, которые оставались дома в темные зимние дни "от праздника Всех Святых до праздника Сретения", чтобы устроить музыку и развлечение для своих сограждан, отправлялись в путь, когда наступала хорошая погода, и путешествовали из города в город, давая свои представления, и вознаграждались за государственный счет подарком в 6s. 8d. или 3s. 4 д., а также ужином и вином "для чести города".[265] Это была легкая жизнь.

"Некоторое количество веселья, чтобы сделать, как менестрели знают (знают),
Которые не будут ни трудиться, ни потеть, но будут клясться великими клятвами,
И придумывать нецензурные фантазии, и дураков из них делать,
И имеют смекалку по желанию, чтобы работать, если захотят".[266]

Записи в городских счетах Лидда дают некоторое представление о постоянных визитах этих бродячих войск и о расходах, которые они делали из городской казны.[267] Игроки из Ромни приезжали раз за разом, другие - из Рукинга, Уайтшема, Херна, Хамма, Эпплдора, Стоуна, Фолкстона, Рая; кроме того, приезжали менестрели великих лордов - короля, герцога Сомерсета, герцога Бекингема, лорда де Бурсье, лорда Фиеннеса, графа Уорика, герцога Йорка, лорда Арундела, лорда Эксетера, лорда Шрусбери, графа Пемброка, лорда Дакреса и т. д.; всем им, несомненно, город не смел отказать в приеме, но "из любви к своим лордам литал (слушал) их на пирах".[268] Кроме того, в Лидде были свои особые пьесы, "*Май*" и "*Интерлюдия Страстей Господних*", и весь город собирался в воскресенье, чтобы послушать актеров, а сторожам платили, чтобы они караулили на берегу от неожиданного нападения французов. Его игроки, похоже, задали моду в окрестностях; корпорация Ромни "выбрала надзирателей, чтобы устроить спектакль *Страстей Христовых*, как это было принято с давних времен", и оплатила расходы одного человека на поездку в Лидд "чтобы увидеть там оригинал нашей пьесы", кроме того, лиддские игроки получили вознаграждение в 20 с. за свое выступление.[269]

В ворота Лидда стучались и другие странники: "человек с дромадером", "медвежий ворд" или смотритель королевских львов, приезжавший со своим зверинцем и требовавший овцу, чтобы отдать ее львам; лучники и борцы из соседних городов, которых собирались посмотреть юраты и общинники и снабжали борцовскими ошейниками и кормом для себя и своих лошадей, а также "вознаграждением" за государственный счет.[270] Кроме приманивания быков, в Лидде, несомненно, как и в других городах, иногда устраивали "приманивание медведей". Были и рождественские игры, и муминг, и ежегодный визит "мальчика-епископа"[271] Святого Николая, который приезжал из Ромни, чтобы провести свой праздник в Лидде. А еще был всеобщий праздник "дозора" в канун Святого Иоанна, когда Лидд платил из своего общего сундука за свечи, горевшие всю ночь в Общем доме, и за пир - не такие уж пустяковые расходы, если судить по случаю в Бристоле, где ремесленники, участвовавшие в дозоре, разделили между собой девяносто четыре галлона вина.[272]

Этот праздник отмечался повсеместно, но другие местные праздники устраивались в соответствии с местными традициями. В Кентербери каждый мэр был обязан "нести вахту" в канун Дня перевода святого Фомы. "И в вышеупомянутые часы шериф должен ездить в упряжке с пажом за ним, честно нанятым для чести того же города. А мэру ездить по своему усмотрению, и если мэру будет угодно ездить в упряжке, то олдерменам ездить так же, а если он поедет в своем алом платье, то олдерменам ездить после того же часа в алых и малиновых платьях". Город должен был освещаться мэром, который находил "два крессета, или шесть факелов, или больше по своему усмотрению", каждый олдермен находил два крессета, а каждый из членов Общего совета с каждым констеблем и городским писарем - один крессет.

В Честере большим днем для веселья был масленичный вторник, когда драпировщики, шорники, сапожники и многие другие собирались у креста на Рудее, и там в присутствии мэра сапожники дарили драпировщикам кожаный футбольный мяч "для игры в него от этого места до Общего зала". В то же время шорники подарили "каждому мастеру по деревянному раскрашенному шару с цветами и оружием на острие копья, которые были хорошо одеты на лошадях". Весь город участвовал в празднике, и каждый, кто женился в течение года, вносил определенный вклад в его проведение.[273]

К этим празднествам следует добавить ежегодные представления гильдий - больших обществ, таких как Гильдия Святого Георгия в Норвиче,[274], чей олдермен в алой мантии, за которым следовали четыреста членов с их отличительными красными капюшонами, шествовал за деревянным мечом с головой дракона на рукоятке, подаренным им Генрихом Пятым; или Гильдии Корпуса Кристи, которая, очевидно, играла политическую роль в жизни каждого большого города. В Йорке, как говорят, в шестнадцатом веке в ней состояло около пятнадцати тысяч членов, и на ее великом празднике мэр и городской совет "и другие уважаемые лица" присоединялись к общему пиру и за государственный счет рассылали вино и фрукты знатым вельможам и дамам города, пока, возможно, запасы не закончились и город не был "выпит досуха".[275] Ремесленные гильдии также, добровольно или по приказу корпорации, устраивали свои представления, играя одну и ту же пьесу из года в год.[276]

Принято считать, что в позднее Средневековье английский народ питал страсть к зрелищам и демонстрациям, что было одной из самых сильных сторон в поддержании организации гильдий. Но конце XV века становится все менее очевидным, что свободная воля ремесленников имела большое значение для поддержания этих публичных гуляний, или что они испытывали какой-либо энтузиазм к развлечениям, которые с каждым годом становились все дороже и обременительнее.[277] Были места, где ремесленники, по бедности или из-за экономии, не тратили должную долю своих доходов на общественные праздники, и в одном городе за другим, по мере того как народные усилия уменьшались, власти начинали призывать людей к лучшему выполнению своих обязанностей. В 1490 году в Кентербери жаловались на то, что игра в честь Тела Христова, городская стража в сочельник Святого Фомы и представление Святого Фомы пришли в упадок. Некоторые мэры действительно "в течение года с честью несли упомянутую вахту", но другие пренебрегали ею, и "вся упряжь в городе обветшала и заржавела из-за отсутствия ежегодной вахты". Поэтому было постановлено, что отныне каждый мэр должен "нести вахту", а ремесленники, которые, видимо, надеялись избежать тяжелых расходов на эти спектакли, объявив себя слишком бедными, чтобы объединиться в корпорацию, должны были немедленно объединиться в некую конфедерацию или отдать свои тела для наказания.[278] Точно так же, когда портные Плимута были объединены в 1496 году, они должны были обязаться ежегодно в день Тела Христова устраивать представление в пользу гильдии Тела Христова,[279] и так далее во многих других городах. Иногда корпорация занимала иную, более милосердную позицию; например, мэр и шерифы Норвича обратились к лордам и общинам с просьбой принять закон или указ, чтобы предотвратить появление в городе игроков в интерлюдии, поскольку они забирали столь большую долю заработка бедных рабочих, что вызывали большую нужду в их семьях, и влекли за собой большие расходы для города.[280] и Бридженорт получили от Елизаветы указ, что город больше не может платить игрокам или медвежатникам; кто хочет увидеть такие вещи, должен смотреть их "за свой счет и по собственному желанию". "[281]

В целом очевидно, что задолго до Реформации, даже когда пуританские принципы еще не были привнесены в это дело, веселье городов уже было отрезвлено давлением бизнеса и

ростом класса угнетенных рабочих. Не перед фанатизмом религии, а перед приходом новых форм нищеты и рабства старые игры и представления потеряли свой блеск и угасли, за исключением тех случаев, когда по принуждению городских властей в них сохранялась насмешка над жизнью. А городские власти, вероятно, действовали под давлением мытарей и лицензированных виктуоллеров. Повара, пивовары и хозяева[282], естественно, были глубоко заинтересованы в сохранении старых добрых обычаев, и именно в некоторых случаях именно этот класс, самый влиятельный в средневековом городе, поднимал протест против равнодушия и пренебрежения горожан к публичным шествиям и веселью, потому что "таким образом виктуаллеры теряют свои деньги", и настаивал на возрождении этих праздников для поощрения торговли. Вероятно, там, где ремесла были сильны, а голоса трудящихся имели решающее значение, решение было принято в другую сторону.

VIII. Все многообразные действия и происшествия этой совместной жизни сводились для людей в приходской церкви, стоявшей на рыночной площади, рядом с Общим домом или Залом гильдии. Это была крепость города против его врагов - место безопасности, где в опасные времена хранились сокровища общин, оружие на шпиле, богатство кукурузы, шерсти или драгоценностей[283] в самой церкви,[284] охраняемой приговором об отлучении от церкви всех, кто нарушит столь священную защиту.[285] Ее святыни были увешаны новыми странными вещами, которые английские моряки начали привозить через великие моря, - "рогами единорогов", страусиными яйцами, моржовыми клыками или ребром кита, подаренным Себастьяном Каботом. С церковной башни раздавался колокольный звон, призывавший народ вооружиться для общей обороны, созывавший общее собрание или объявлявший об открытии рынка.[286] Бургомистры занимали места в церкви, которые им отводила корпорация в том же порядке, что и места, которые она уже отвела им на рынке. Городские чиновники и их жены сидели на главных почетных местах; рядом с ними шли торговцы в соответствии с их степенью со своими семьями, почетно "у-паркованные (parked) на скамьях", где Гнев сидел среди гордых дам, споривших о том, кто первым должен получить святой хлеб;[287] а "подмастерья и слуги должны сидеть или стоять в переулках". Туда по воскресеньям и праздникам приходили люди, чтобы услышать любые важные для общества новости, будь то список заблудших овец или объявление судебного пристава о наказаниях, которые были вынесены в суде поместья против нарушителей.[288] Церковь служила им общим залом, где содружество собиралось по разным делам, чтобы проверить городские счета, разделить общие земли, сделать дарственную на имущество, нанять солдат или избрать мэра. Совет собирался там по воскресеньям или праздникам, как им было удобнее; мы даже слышали о плате, которую священник платил корпорации, чтобы убедить их не проводить свои собрания в алтаре во время совершения высокой мессы.[289] Это было естественное место для заседаний судей, где рассматривались дела о нападениях и кражах; или же оно могло служить залом, где юристы могли обсуждать сложные юридические вопросы. В середине XV века, когда между епископом и мэром Эксетера разгорелся ожесточенный спор об управлении городом, они собрались для обсуждения в соборе. "Когда мой господин произнес молитву у главного алтаря, он удалился к боковому алтарю один и призвал к себе мэра и никого больше, и там общались вместе долгое время". И на этом общем месте декан и капитул с одной стороны и мэр и городской совет с другой, сопровождаемые своими адвокатами, боролись за правовые вопросы, на которых держалось дело.[290] В свое время толпа торговцев ожидала, что им разрешат проникать с Хай-стрит на территорию собора, и они "всегда любили и привыкли... выставлять, покупать и продавать различные товары в упомянутой церкви и на кладбище и на королевской дороге, как в Уэллсе, Солсбери и других местах, как блюда, чаши и другие подобные вещи, а в упомянутой церкви - украшения для нее и другие драгоценности, удобные для этого".[291] В проекте представления лондонскому викарию от 1427 года есть письменный меморандум с

приказом короля о том, что в святилищах не должны проводиться ярмарки и рынки "ради чести Святой Церкви".[292] Эдуард Первый, правда, запретил такие ярмарки в своем Статуте о купцах, но такое распоряжение мало соответствовало привычкам и обычаям эпохи; и если время от времени совесть и пробуждалась по этому поводу, то только во времена Лауда общественность пришла к убеждению или согласилась с авторитетным утверждением, что церковь оскверняется ведением в ней обычных дел.[293]

Однако в средние века горожане были связаны со своей приходской церковью по принципу, который давно не известен нам. Они часто были настоятелями; они назначали причетников и церковных сторожей; они контролировали фонды и распоряжались землями, оставленными для поддержания служб и тканей; иногда они претендовали на плату, взимаемую за мессы.[294] Народный интерес мог распространяться даже на критику и дисциплину настоятеля; так, в Бридпорте запрос епископа о том, не пьян ли его капеллан, "иностранец из Британии", "каждый день", был проведен в присутствии "многочисленной толпы прихожан", а двенадцать горожан выступили в качестве свидетелей.[295] Если религиозная гильдия отождествлялась с корпорацией, то городские власти и церковь объединяла еще более тесная связь. Корпорация Плимута, которая с другой стороны была гильдией Богоматери и Святого Георгия, издавала свои инструкции даже по поводу использования облачений в Сент-Эндрюсе, постановляя, когда на похоронах должны использоваться "лучшие копны и облачения", а при погребении любого человека, который умер, не оставив Церкви пожертвования в размере двадцати шиллингов, можно показывать только "вторые голубые копны".[296]

Народ облагался налогом, и немалым, на различные расходы церкви.[297] Сержанты, присланные городским советом, под страхом суровых наказаний собирали пошлины за освященный хлеб и "трендиль" из воска или "светлого серебра" для лампад, возжигаемых у мертвых тел, лежащих в церкви; городская казна платила за "угли для нового огня в канун Пасхи".[298] Если нужно было отремонтировать или перестроить церковь, давление духовных надежд или страхов, привычка к общественному долгу, хвастливая местная гордость, все влияния, которые могли бы стимулировать общие усилия, были подняты до их наивысшей эффективности бдительной заботой корпорации. Все необходимые распоряжения рассылались мэром, который вместе с городским советом определял долю, которую жители должны были принять в работе; и в маленьких и бедных приходах, где принцип самопомощи и независимости был признан так же полно, как и в больших и богатых городах, требовались настоящие жертвы. Люди отдавали свои деньги, свой труд или работу своей лошади и телеги, предлагали овец или птиц, а может быть, кольца и личные украшения.[299] В гордыне растущей муниципальной жизни беднейшие районы строили новые башни и вешали новые куранты, достойные последних народных идеалов. Жители Тотнеса были настолько бедны, что в 1449 году в городе было всего три человека, которые платили двадцатипенсовый налог в размере половины десятой и пятнадцатой части в пользу короля. Но поскольку в Тотнесе появились четыре новых колокола, которые были помазаны и освящены в 1442 году, было решено, что старую деревянную колокольню приходской церкви следует заменить новой каменной башней. В 1448 году был назначен мастер-каменщик, а также выбраны "надзиратели", которые должны были осмотреть колокольни по всей стране и сделать колокольню в Тотнесе "по лучшему образцу". Настоятели церкви предоставили лопаты и кирки, а прихожан позвали копать камни из каменоломни; каждый, у кого была лошадь, должен был помогать в перевозке камней, "но без принуждения", а "те, у кого не было своих лошадей, должны были работать на чужих лошадях, но за свой счет". И наконец, было принято постановление, согласно которому мэр, викарий и настоятели церкви должны были обойти каждого прихожанина и узнать, сколько он готов отдать на сбор средств на

колокольню по воскресеньям, а тех, кто не внесет ничего, должны были записать в список и отправить в архидаконский суд.^[300] Когда Сент-Эндрюс в Плимуте был расширен, городские власти решили, что деньги должны собираться с помощью ежегодного "церковного аукциона". Таверны закрывались по распоряжению совета в определенный день, и каждый приход города выделял для себя "хейл" или будку на кладбище приходской церкви. Всем жителям приходов было велено прийти с максимальным количеством друзей и знакомых "для увеличения количества упомянутого эля" и принести с собой "кроме хлеба и питья такие напитки, какие им больше нравятся"; но они должны были купить в "хейле" "хлеб и эль, какие там есть, для своих ужинов и обедов в тот же день". После десяти лет таких пикников на церковном дворе был закончен новый неф Сент-Эндрюса стоимостью 44 фунта 14 шиллингов. 6d.^[301]

Посреди этой насыщенной жизни - жизни, в которой горожане сами следили за своими границами, защищали свою территорию, поддерживали мир в своих пределах, распоряжались общим имуществом, контролировали расходование городской казны, своими руками трудились на всех общественных работах, сами устраивали свои развлечения, - средневековый бюргер получил свое воспитание. Требования содружества никогда не ускользали от его памяти. Как все дела города были предметом общественной ответственности, так и все происшествия его жизни становились достоянием общности. Древний "общий рог" или "общий колокол"^[302] возвещал об открытии рынка, проведении суда мэра или созывал горожан во время опасности. Глашатаи ходили по улицам, оглашая постановления общины и напоминая горожанам об их обязанностях. С церковной лестницы или на рыночной площади они созывали людей на королевский сбор, призывали их занять место на городском корабле или барже; а если грозила опасность от врага, предупреждали горожан, чтобы "упряжь везли в положенные места" или "уводили скот или свиней с полей". Они увещевали народ "оставить игру в кости", "прекратить игру в мяч и взяться за луки", закрыть лавки в рабочее время, "иметь воду у дверей", опасаясь пожара. Глашатаи "оглашал" любые провозглашения короля в общественных местах города; он объявлял о помиловании преступника или сообщал, что какой-нибудь несчастный, укрывшийся в церкви, отрекся от королевства и ему разрешено спокойно уйти по улицам. Возможно, раздавался "клик" о том, что в городскую тюрьму по подозрению брошен заключенный, и обвинителей призывали явиться, если у них есть какие-либо обвинения против него; или объявлялось, что завещание умершего горожанина должно быть доказано в здании суда, если есть желающие возразить; или объявлялось, что мещанин преступил законы общины и лишен свободы города, а возможно, изгнан навсегда с его территории. В другое время игроки и менестрели проходили по рынку и улицам, "возглашая зазывалы" своих пьес. Купец, подмастерье, ремесленник, лавочник собирались в одну толпу, чтобы послушать глашатая, который записывал каждое происшествие в жизни города или сообщал о грядущих переменах. Новости были открытыми, публичными, без различия лиц.

Там, где требования местной жизни были столь требовательны и непреодолимы, не приходится удивляться тому, что мещанин мало задумывался о делах, лежащих за пределами его "прихода". Но в узких пределах городских владений его опыт был богат и разнообразен. Пока горожанам приходилось на каждом шагу выяснять и обосновывать пределы своих привилегий, или пока среди них шли споры о том, как должно осуществляться управление общиной, недостатка в политическом обучении не было; и все вопросы, "касающиеся великой общности города", за чьи свободы они сражались и чью конституцию формировали, возбуждали в верных горожанах подлинный патриотизм. Торговцы,

заинтересованные в развитии своего дела, также были глубоко озабочены всеми вопросами, которые касались торговли, обеспечения коммуникаций, открытия новых дорог для торговли или организации труда. В таких вопросах активность никогда не спала, ведь города предвосхищали современные нации в том, что выгода одного сообщества должна быть в ущерб другому, а конкуренция и коммерческая ревность были на высоте.[303] Пожалуй, никогда истории Англии местные чувства не были так сильны. Общественная добродетель выражалась в пылком муниципальном рвении, столь же активном среди "императорских сограждан" Нового Сарума[304], как и среди "великой одежды" более крупных районов. В те дни занятые провинциалы, лишь смутно осознающие национальную политику, не находили в путанице придворной политики и отвлекающих интриг или в распрях разделенной и растерянной администрации ни истинного призыва к национальной службе, ни популярного лидера, способного пробудить их симпатии. Гражданские войны, прокатившиеся по стране по приказу раздробленной группы дворян или тщеславного и беспринципного короля, оставили, и справедливо оставили, города совершенно равнодушными ко всем вопросам, кроме того, как выторговать для себя лучшие условия у победившей стороны или использовать бедствия враждующих лордов для расширения своих собственных привилегий.[305] Между тем в напряженных усилиях, вызванных новыми промышленными и торговыми условиями и реорганизацией социальной жизни, которой они требовали, неизбежно должен был вырасти нрав людей, поглощенных критической борьбой за цели, которые, как бы ни были важны, оставались личными, местными, ограниченными, чисто материальными - нрав, вдохновленный частным интересом и с его существенной узостью, не тронутый более тонкими понятиями, через которые питается большой патриотизм. Такие нравы, если и приносили поначалу большие выгоды, в конце концов привели к своим наказаниям, когда города, независимые, не привыкшие к конфедерации для общественных целей, лишенные щедрого духа национального уважения, по своему невежеству и узкому кругозору оказавшиеся беспомощными перед революциями, которые должны были положить начало современному миру, увидели, что управление их торговлей и упорядочение их конституций отняты у них, а их советы превращены поздним королевским деспотизмом в инструменты и поддержку тирании.

ПРИМЕЧАНИЕ А.

Существует множество примеров того, как отдельные граждане несли ответственность за различные расходы, которые были возложены на весь округ. В 1212 году горожане Саутгемптона завладели деньгами короля, прибывшими из Ирландии, и два судебных пристава и шесть главных людей были обвинены в их выплате королю. (Madox Firma Burgi, 158.) В 1395 году судебный пристав Чичестера был оштрафован за неявку на заседание суда, а поскольку у него не было земель и имущества, которые можно было бы арестовать в счет долга, выплата штрафа была поручена двум горожанам. (Ibid. 187.) В 1256 году, когда Уорик должен был заплатить королю штраф в сорок марок за нарушение границ, шерифу было приказано взыскать штраф как с горожан, так и со всех жителей пригорода, как в пределах, так и за пределами свободы, которые занимались торговлей в городе Уорик. (В 1431 году судебные приставы Андовера были привлечены к ответственности за различные побеги из тюрьмы. Их объявили несостоятельными и возложили ответственность на город. Горожане, однако, утверждали, что двое из обвиняемых имели достаточно товаров и имущества как в городе, так и в деревне, чтобы заплатить самим, а что касается третьего, то они никогда его не выбирали. (Мэдокс, 210. Другие примеры, *ibid.* 182, 184 и т. д.; Hist. MSS. Com. ix. 173.) В 1456 году мэр и общий совет Лестера договорились, что все иски, поданные против них в королевский суд судебным приставом, должны оплачиваться всем городом. (Hist. MSS. Com. viii. 422.)

Этот способ сбора денег никогда не был популярным, и почти в каждом случае, когда есть отчет о товарах, изъятых у общины или гильдии для уплаты фермы или штрафа, шерифы, похоже, делают возврат, что эти товары остаются у них на руках из-за отсутствия покупателей. (Очевидно, что в более поздние времена ответственность частных лиц была почти уничтожена (см. Madox, 217), по крайней мере, в некоторых случаях, что можно объяснить тем, что "мэр и бургомистры" заменили в официальных целях "общину" и получили лицензию на владение *корпоративной* собственностью.

Необходимо проводить различие между ответственностью за расходы *города* и ответственностью за *торговые* долги бюргеров. В последнем случае "община" также несла ответственность, но гарантия была строго ограничена бюргерами и не распространялась на жителей. О неудобствах, которым подвергались бюргеры, будучи арестованными за долги, по которым они не были ни должниками, ни залогодателями, см. Derby. (Rep. on Markets, 58.) Мистер Мейтленд указывает, что доктрина, согласно которой торговцы образуют общество, в котором каждый член отвечает за проступки других, о чем свидетельствуют ранние хартии, постепенно изживалась, и в 1275 году был принят закон, согласно которому ни один англичанин не мог быть арестован за любой долг, если он сам не был должником или залогом, хотя, возможно, этот закон по-прежнему оставлял членов общины в положении залогодержателей. Но задолго до принятия этого закона все крупные города уже получили соответствующие хартии. См. хартию Норвича 1255 года. "Мы даровали и этой нашей хартией подтвердили нашим возлюбленным гражданам Норвича, что они и их наследники навечно будут иметь эту свободу на всей нашей земле и во всей нашей власти, а именно: они или их товары, найденные в любых местах в нашей власти, не будут арестованы ни за какие долги, по которым они не являются поручителями или основными должниками". (Стэнли *против* мэра, Норвичский док. 1884, 7.) В 1256 году товары, принадлежавшие свободным жителям Норвича, были арестованы за долги других, не свободных на Бостонской ярмарке. Однако Норвич предъявил свою хартию от предыдущего года, согласно которой их товары были свободны от ареста за любые долги, если только они не являлись главными должниками *или должники не принадлежали к их обществу*. (Blomefield, iii. 50, 51.)

Г-н Мейтланд (Select Pleas in Manorial Courts, Selden Society, ii. 134-5), обсуждая этот вопрос о торговой гарантии, указывает на разницу между ответственностью "communitas" и "cives" или "burgesses" города, показывая, что "communitas" не образует юридического лица, тогда как "граждане" города могут подавать иски и быть судимыми коллективно, под общим именем. Он считает, что под "коммунитас" может подразумеваться купеческая гильдия, "хотя, возможно, не во всех случаях должным образом зарегистрированная гильдия". Доказательств этому нет, и многие серьезные трудности стоят на пути принятия этой гипотезы. В случае с Лестером, где существовала купеческая гильдия, она ни разу не упоминается, ответственность возлагается на "членов общины Лестера" (с. 145-7), а Томас утверждает, что он не состоял в купеческой гильдии, а был родом из Ковентри. Точно так же говорится и о "всей общине Норвича", но в Норвиче *не было* гильдии купцов (с. 149, 152). См. также по этому вопросу Hudson's Mun. Org. 36. Заметки о Норвиче в "Норфолкской археологии", xii. "Город и феодализм"). В Ноттингеме Джон Бистон (р. 153-4) выдвигает встречное обвинение против общины Стэмфорда (р. 159); вероятно, он был одним из очень многочисленных лицензированных торговцев Ноттингема, а не бюргером. (Nott. Rec. ii. 102-4, 240-4; iii. 349-52.) Важно обратить внимание на слова хартии, по которой в 1255 г. ноттингемские бюргеры получили свободу от ареста, "за исключением случаев, когда должники принадлежат к их общине и власти, где их долги могут быть полностью или частично удовлетворены, а упомянутые бюргеры не смогли добиться справедливости по отношению к кредиторам тех же должников." (Nott. Rec. i. 41.) Для Виггенхолла, (Select Pleas,

pp. 157-8.) Взаимная ответственность должна рассматриваться в связи с межуниципальными договорами (см. т. ii. гл. iii.), которые всегда составлялись от имени "общины" в это раннее время, и *никогда* от имени гильдии купцов. В томе II (см. Норвич, Линн, Ноттингем, Саутгемптон) я предложил другое значение слова "communitas", которое, как мне кажется, применимо и к случаям, упомянутым г-ном Мейтлендом.

ГЛАВА V

ГОРОЖАНЕ

В нашем столетии, не только в Англии, но и во всей Европе, не было более ожесточенного спора, чем спор о том, какие качества должны делать человека пригодным для участия в управлении своим государством. Владение землей, фиксированный годовой доход, рождение в определенном звании, возрастной ценз, определенная степень образования - эти и другие критерии оценки заслуг применялись в надежде добиться того, чтобы каждый активный гражданин отличался соответствующими способностями, будь то доказанными его собственными достижениями или гарантированными добродетелями или процветанием его предков. Но тревоги и заботы великих государств в этом вопросе - лишь повторение в больших масштабах тех недоумений, которые одолевали скромные общины, впервые попытавшиеся решить проблему того, как общество свободных людей может лучше всего управлять собой. В ранних "коммунистас" деревни или города, из которых впоследствии должен был вырасти хартерный бор - община, владевшая общими полями или обычными правами на окружающие луга, и которая, несомненно, нашла какую-то регулярную систему управления своими делами[306] - очевидным курсом было считать ответственными людьми в поселении землевладельцев, имевших долю в общей собственности; и когда община получила хартер, превративший ее в свободный бор, та же система, естественно, была продолжена. Те, кто владел домом и определенным количеством земли, измеряемым в соответствии с обычаями города, составляли общество бюргеров,[307] и горожанам, как и Свифту столетия спустя, определением закона была "воля большинства тех, кто имеет собственность на землю". Равенство владений влекло за собой равенство гражданских прав, и каждая община представляла собой однородное тело, все члены которого находились в одинаковых условиях и разделяли одни и те же интересы. Когда жизнь бюргера заканчивалась, сын, унаследовавший его имущество, в течение сорока дней являлся к судебным приставам, передавал им меч отца и приносил присягу свободного человека;[308] и общая жизнь продолжалась, не нарушаемая вторжением постороннего элемента, бродячего, беспокойного, посягающего.

Но такие простые условия жизни, возможные только в стационарном сельскохозяйственном обществе,[309] исчезли, когда промышленность и торговля открыли новые стандарты процветания. В течение нескольких поколений почти не осталось и следа от тех примитивных отношений равенства, из которых возникло раннее равенство прав. По мере того как деревенские жители во все большем количестве переселялись из поместий и деревень в города[310], старые жесткие различия были сметены, а простота и единообразие бургерного владения были полностью разрушены. В Ливерпуле, например, бурги, первоначально основанные Иоанном, уже в XIV веке были разделены на мелкие доли, составлявшие одну восьмую или даже одну сорок восьмую часть от их первоначального размера;[311] и

количество земли, принадлежавшей владельцам недвижимости в Ноттингеме в XV веке, варьировалось настолько сильно, что налоги, взимаемые с них, в одних случаях достигали 3 фунтов 14 шиллингов. 7½d., а в других случаях - до одного фартинга.[312] Владельцы капитала начали вытеснять владельцев земли; лавочник заменил земледельца, торговец и ремесленник получили новую власть, так как боро быстро приспособились к меняющимся условиям того времени и открывали одну дверь за другой для привлечения новых членов, чье богатство или умение могло принести пользу обществу. Владение землей по-прежнему несло в себе древние права.[313] Но сын фримена, который сам не владел землей, мог стать бюргером еще при жизни своего отца. Иностранцы могли купить франшизу. Ремесленники были приняты в круг горожан.[314] В ряды бюргеров вливались рекруты из всех сословий и народов. Были иностранцы из Бордо, Фландрии или Лиссабона,[315] и ирландцы в изобилии, несмотря на периодические вспышки враждебности, когда ирландские мещане лишались свободы, "пока не покупали ее снова кровью своих кошельков, и с плачущими глазами, стоя коленях, просили мэра и его братьев об их милости".[316] Не было установлено никаких ограничений, будь то раса, или род занятий, или происхождение, или богатство, если они "рождены в городе и имеют хорошую репутацию, и если их присутствие может быть выгодно городу как за его мудрость, так и за любые другие достоинства или ценности, известные горожанам".[317] Новое общество принимало в свои ряды торговцев, земледельцев, кабалу, ищущую свободы, приходских священников[318], купцов[319], владевших восемью или десятью кораблями и нанимавших более сотни рабочих; мелких мастеров с одним подмастерьем, а то и двумя; ремесленников, только что вышедших из ученичества и записавшихся в какую-нибудь ремесленную гильдию; богачей, владевших несколькими бургам, и людей, арендовавших крошечную лавку. Повсюду городские общины быстро перерастали старые простые традиции общего знакомства и дружбы, и на протяжении пятнадцатого века печати часто появлявшихся новичков были настолько незнакомы их согражданам, что купчие приходилось постоянно приносить мэру для добавления его печати, чтобы преодолеть колебания и недоверие.[320]

Гостеприимство корпораций в разных местах было разным. Иногда район распахивал свои ворота и принимал любого новичка, который только выберет один из полудюжины путей к гражданству, лежавших перед ним, - купит землю, или женится на свободной женщине, или заплатит установленную цену за свою свободу, или пройдет обучение ремеслу, или примет франшизу как дар общества; В то время как соседний город, с завистью и сомнением взирающий на пришельцев, закрывал свои двери и придерживался более узкой системы предоставления прав, которая сохраняла его ряды чистыми от иностранной крови, а его мещан - свободными от беспокойства конкуренции.[321] Каждая община, по сути, имела полную свободу в проведении собственного политического эксперимента. В вопросах выбора своих братьев-бургов, создания собственного общества и установления границ его роста граждане не знали законов и не признавали никаких авторитетов, кроме своего собственного,[322] и пользовались здесь такой степенью независимости, которая неизвестна в континентальных странах, где мощная феодальная система все еще преграждала все пути к свободе.

Когда новоприбывший, желавший получить "франшизу свободного человека, ... и товарища в ваших списках"[323] был принят общиной, его вызывали в публичный суд, "имея при себе общую хартию города; Затем управляющий брал книгу и предлагал им положить на нее правую руку, приказывая всем, кто стоит рядом, от имени нашего господина короля, хранить молчание", и приносилась клятва в повиновении королю и верности обычаям города[324] -

возможно, как в Винчестере, "клятва присягать людям быть свободными, стоя на коленях".^[325] Далее кандидат должен был найти двух или более добрых людей в качестве залога того, что он будет "соблюдать все законы";^[326] и заплатить обычную плату, которая варьировалась в зависимости от осторожности или бедности города от трех шиллингов до пяти фунтов; в то время как такая бедная корпорация, как Уэллс, довольствовалась получением платы вином, перчатками или воском, когда денег не хватало.^[327]

Новый бургомистр должен был предоставить городу гарантию уплаты налогов или любых других муниципальных требований, доказав, что у него есть либо хороший годовой доход, либо земельный участок, либо сразу же построив себе дом.^[328] Деревянный каркас собирали либо на строительной площадке, либо, возможно, на свободном месте на открытой улице,^[329] и затем переносили на новое место. Промежутки быстро заделывались штукатуркой, и маленький домик был готов. Пара грубых скамеек, один или два горшка и несколько инструментов служили мебелью, и новый бюргер вступал во владение и начинал жить как гражданин-домовладелец. Отныне он обязан был жить в стенах города, так как если он покидал город на год и один день, то лишался права голоса.^[330] За домом, который был обеспечением города в виде арендной платы и налогов, муниципалитет следил: если он становился разрушительным и опасным для прохожих, его сносили за счет владельца или, если нужно, за счет содружества; если из-за небрежения или бедности он приходил в упадок, следующий наследник и содружество вместе могли заставить его привести его в порядок или отказаться от него.^[331] Один или два раза в год мещанин должен был являться в Портмут или Бороуский суд, чтобы доказать свое присутствие в городе и принять необходимое участие в судебных делах.^[332] От него требовалась непоколебимая лояльность и общественный дух, а потеря "фрелиджа", как говорили в Карлайле, каралась за любое нарушение общественного долга, например за отказ помогать мэру в поддержании мира, шум и излишние беспорядки при выборах городских чиновников, разглашение советов общего собрания, сопротивление словом или делом муниципальным чиновникам, неуважение к власти мэра или любое преступление, за которое полагалось наказание в виде столба или тумбрилла.^[333] За такие дела мещанина "вычеркивали из книги судебного исполнителя"; о лишении его свободы объявляли открытым провозглашением глашатая, звоном городского колокола или тем, что его имя записывали на таблице лишенных прав в зале гильдии,^[334] чтобы весь город знал о его позоре. В Престоне тех, кто предавал доверие муниципалитета или выставлял напоказ бедность города, не только лишали права голоса, но и каждый день взимали пошлинный сбор с заклятых и недостойных людей, которым нельзя было доверять дольше, чем на час.^[335]

Быть мещанином в те времена, когда почти все материальные блага, юридические и политические права принадлежали привилегированным классам, и когда именно города открывали рабочему и лавочнику путь к тому, чтобы занять свое место среди людей с привилегиями, было не слишком выгодно. Мещане, конечно, в равной степени имели право на пастбища и пастбища на городских землях, на рыбную ловлю в городских водах,^[336] паром через ручей или морской канал и так далее; но их главной привилегией было право на торговлю. Если обычным жителям разрешалось покупать и продавать продукты питания или предметы первой необходимости, то все прибыльные дела оставались монополией полноправных горожан.^[337] Защищенный от вторжения и конкуренции чужаков,^[338] платил за свои товары при въезде в город пониженную пошлину; его прилавок на рынке арендовался по более низкой цене, чем у чужака; он имел право первого выбора помещения для хранения шерсти, кожи или кукурузы в Зале гильдии; городские часы, отбивавшие час

начала рынка, били для мещанина на час или два раньше, чем для чужаков и приезжих.[339] Если странствующий купец привозил свои товары в город, горожанин мог требовать права покупки, независимо от того, хотел ли владелец продавать или нет, и мог настаивать на доле в прибылях любого торгового предприятия.[340] Он мог один держать подмастерьев и стать мастером своего дела. Если он выезжал за пределы своего города с целью торговли, то везде брал с собой привилегии и уверенно заявлял о своей свободе от "pontage", "passage", "pesage" и "shewage", то есть от пошлин за переход через мосты, за проезд в город, за взвешивание товаров, за показ товаров на рынке,[341] - и от множества подобных пошлин. Куда бы он ни отправился, он был защищен защитой своих сограждан;[342] если у него был иск о долге в любом другом городе, он получал общие письма от мэра и юратов, чтобы помочь ему в его деле;[343] если ему причиняли вред, они требовали компенсации или мстили за нанесенный ущерб, конфискуя товары всех купцов в своих стенах, которые приехали из города-нарушителя.

Кроме того, со всех сторон его ограждали правовые гарантии и привилегии. Он мог быть привлечен к суду только в своем городе, и любой горожанин, подавший иск против него за пределами района, мог быть опозорен и лишен гражданских прав;[344] то время как сам король не мог призвать мещанина предстать перед своими судьями в Вестминстере, кроме как на основании "недостатка справедливости" при первом разбирательстве в суде его собственного города. Ни один "иностранец" не мог вмешиваться в судебное разбирательство, касающееся его дома и имущества;[345] то время как, с другой стороны, каждый горожанин с двенадцати лет мог быть присяжным заседателем по городским делам.[346] Особые льготы распространялись на бюргеров,[347] как, например, в Вустере, где существовали специальные положения, защищавшие его от любого неправомерного штрафа со стороны судебного пристава,[348] а городской сержант должен был выполнять все требуемые от него юридические дела за меньшую плату; или в Кентербери, где особые формальности суда обеспечивали ему более точное и тщательное правосудие; или в Сандвиче, где он мог быть судим только перед мэром и не мог быть вызван к его заместителю, как обычный чужак.[349] Везде он мог претендовать на право быть отделенным от обычных преступников и заключенным в какую-нибудь башню или комнату в Зале гильдии, используемую в качестве тюрьмы фримена.[350]

Но все эти привилегии отнюдь не были бесплатным даром, которым можно было пользоваться в праздности; для каждого отдельного мещанина франшиза практически означала своего рода тщательно выверенную сделку, по которой он в качестве компенсации за уплату определенных пошлин обязывался выполнять работу, причем работу, которая могла быть и дорогостоящей, и трудоемкой, для общества. Горожан было немного, и каждый из них в то или иное время должен был принять участие в общественной службе. Налоги на городские расходы, караулы, работа в суде присяжных, призыв к оружию для защиты города - все это было столь же привычно, сколь и нежелательно в жизни каждого мещанина; но более серьезным делом был вызов на должность мэра, бейлифа, городского писаря, сержанта, сборщика налогов или обычного констебля - должности, не всегда желанные в те дни, когда мэр нес личную ответственность за аренду города, который, возможно, был поражен мором или уничтожен пожаром; когда казначеям приходилось изыскивать средства на слишком частые официальные взятки или государственные приемы великих лордов или придворных; когда бейлифам приходилось нести убытки от неуплаты пошлин и напряженной работы рынков;[351] когда ящики сборщика налогов оставались полупустыми из-за бедности, или бунтов, или спорных вопросов рыночных прав;[352] и когда констебля

днем и ночью "драли" крепкие мужчины с кинжалом в руке, готовые нарушить королевский покой.[353] Было испробовано множество способов бегства. Жители отказывались принимать избирательное право или на время покидали город;[354] избранный чиновник давал обет паломничества к "Святому Иакову в Галлисе"; или влиятельный бюргер мог получить от короля грамоту, дававшую ему право не занимать никаких муниципальных должностей в течение всей жизни.[355] Но, как правило, непокорного горожанина заставляли подчиниться с помощью крупного штрафа, а в крайнем случае община обращалась в Тайный совет с ходатайством о возбуждении против него дела.[356] Город не допускал никаких отговорок, и повсюду горожан строгими законами заставляли брать на себя должности, на которые они были избраны своими товарищами. В Лидде в 1429 году был издан указ, согласно которому любой, кто был назначен судебным приставом или присяжными заседателями отправиться в путешествие по городским делам, должен был заплатить штраф, если он отказывался без уважительной причины.[357] В Синкве-Порте, как правило, если гражданин, избранный мэром или присяжным, отказывался исполнять свои обязанности, его дом сносили;[358] или как в Ромни судебный пристав со всем обществом приходил к его жилищу, выводил его самого, его жену, его детей и всех домочадцев на улицу, закрывал окна и запечатывал дверь, и так оставлял дела, пока "он не желал исправить свое положение, выполнив упомянутую обязанность присяжного". В Сэндвиче также говорилось: "Если человек, избранный казначеем, не возьмет на себя эту должность, ему не разрешается печь или варить, а если он печет или варит, общинники могут взять его хлеб и пиво в свое пользование, пока он не примет эту должность".[359] В худшем случае, однако, мещанин мог с благодарностью вспомнить, что его общественные обязанности практически прекращаются за стеной и рвом, ограничивающими город, и что, внеся деньги на покупку городской хартии, он, по крайней мере, избавлен от опасности быть посланным в качестве сборщика налогов, констебля или присяжного заседателя куда-либо по всей стране.[360]

Привилегии и обязанности свободного гражданина оставались, однако, уделом немногих. То более широкое представление об общих правах человека, которое начало пробивать себе дорогу в боро, на каждом шагу сдерживалось и тормозилось сложными условиями городской жизни, ревностью устоявшихся поселенцев к приезжим, исключительным нравом, который начали проявлять ремесленники, ужасом торговца перед свободной конкуренцией, несовершенной властью корпораций над пространством внутри городских стен, где они не смогли преодолеть барьеры феодального обычая и притязаний церковных корпораций. Как бы ни расширялись границы городов, все равно росло население, которое оставалось за пределами круга свободных граждан, отгороженное по тем или иным причинам от полной муниципальной свободы. Приезжали поселенцы, не желавшие обременять себя обязанностями и повинностями гражданства; были жители церковных дворов и арендаторы церковных имений, которые вели свои дела в пределах городских свобод, но оставались вне городской юрисдикции; землевладельцы из-за стен приносили на городской рынок свою кукурузу и шерсть; время от времени приезжали торговцы с товарами на продажу; были подмастерья и мастера, беглые кабатчики и деревенские жители, приезжавшие в поисках работы. Как все они нуждались в защите города, так и город нуждался в их услугах; и постепенно их соответствующие обязанности и права были закреплены в хартиях, ордонансах или дружеских договорах.

I. Так сложилось, что ниже рядов бюргерства, уверенного в своем муниципальном верховенстве, расположились порядки людей, более или менее высокопоставленных в зависимости от их степени. Сначала шли жители, которые платили за особые права на торговлю в городе или были приняты в купеческую гильдию. Во времена торгового процветания, когда странствующие торговцы и ремесленники привлекались в какой-нибудь

процветающий район для торговых целей, они пополняли этот класс независимых жителей, подчинявшихся юрисдикции городских судов, но не принимавших никакого участия в их политике;^[361] так что иногда случалось, как в Норвиче и Вустере, что город отказывался приютить эту массу безответственных жителей и принимал закон, предписывающий им стать гражданами.^[362] С другой стороны, когда торговля приходила в упадок, а в городе, как в Ромни и Винчестере, поселялась нищета, неудачи жителей были отмечены постоянным уменьшением числа "адвокатов", или тех, кто "объявлял" себя свободными, а жители, которые в своем бедственном положении отказывались или отказывались от права голоса,^[363] переходили в ряды политически несвободных людей.

II. Пока торговые жители находились под юрисдикцией городских судов, их присутствие не создавало серьезных проблем для правящих властей. Но в пределах городских стен существовали и другие группы людей, которые находились за пределами этой юрисдикции и занимали двусмысленное положение, ставшее источником многих ссор за власть и борьбы за права в течение пятнадцатого века. Это были арендаторы и иждивенцы епископа или аббата, какого-нибудь светского лорда или королевского замка - люди, жившие в пределах вольностей боро и имевшие право торговать в городе, но обязанные нести службу при дворе своего особого лорда.^[364] В какой-то степени они были вынуждены признать власть мэра, поскольку их торговые права были гарантированы его защитой, и поскольку он ежегодно напоминал им о своем праве взимать налоги со всего имущества, находящегося в пределах вольностей города. Но их послушание было неохотным, а лояльность - холодной. Мэр не мог вызвать их в свой суд или заставить выполнить свои требования, угрожая штрафами и наказаниями; он едва ли мог запугать их, чтобы заставить подчиниться с помощью своего сержанта и нескольких констеблей. Постепенно, правда, арендаторы королевского замка или феодалы сливались с общей массой жителей. Но арендаторов церковных поместий^[365] содержали лорды, обязанные по всем традициям своего ордена никогда не уступать ни малейшего права светской власти, и меньше всего - светской власти в лице групп начинающих драпировщиков, рыботорговцев и ткачей, чьи скромные лавки и киоски прислонены к стенам аббатства или приората, и чьи притязания, пусть громкие и шумные, в лучшем случае имели столетнюю или около того давность. Таким образом, церковные арендаторы везде оставались чужеродным телом, не участвующим в жизни города, а когда их поддерживал могущественный епископ или аббат, решивший подавить притязания борющегося района, они представляли серьезную опасность для муниципального единства, и власти оказались бессильны ее преодолеть, пока Реформация не решила этот вопрос навсегда.

III. Существовал еще один класс привилегированных торговцев - те, кто жил совсем за пределами города,^[366] не знал его судов и не нес никаких повинностей. Мы повсеместно встречаем этих деревенских торговцев под разными именами и с разными привилегиями, в зависимости от усмотрения и удобства города. Иногда горожане продавали право на торговлю земледельцам и случайным посетителям ярмарки или рынка, а вельможи и землевладельцы были готовы ежегодно платить большие суммы за свободу рынка и право иметь в городе амбары. Крестьяне, владевшие участком земли за пределами города, увеличивали свои скудные запасы, обучаясь какому-нибудь ремеслу или занимаясь мелкой торговлей в городе; а ремесленники селились за его пределами, чтобы избежать городских повинностей и жить дешевле. Поначалу поселение рабочих и торговцев у ворот города могло показаться незначительным, но со временем опасность, скрытая в этих сообществах свободных торговцев, стала очевидной. Мануфактурщик или торговец мог с помощью тех или иных средств защитить себя от предприимчивого человека из пригорода, пришедшего со своим более дешевым товаром; именно подмастерья в городах терпели поражение перед

напряжением борьбы, вытесненные из своих бедных окопов массами, которые наседали со всех сторон, чтобы оспорить у них право на вступление в низшие слои промышленности, где самого скудного мастерства хватало, чтобы заработать на пропитание.

IV. Последними шли небуржуа, не имевшие ни доли в управлении, ни права арендовать лавку на рынке, ни права владеть магазином или рабочим помещением в городе. Они составляли неясную компанию работников без записей и истории. В их число входили древние бюргеры, которые опустили и не могли больше платить подати, а также бедняки, которые никогда не преуспевали настолько, чтобы приобрести право владения или гражданство. Но все они не обязательно были бедными и несчастными.[367] Богатые купцы приезжали из чужих краев, чтобы поселиться на четыре-восемь месяцев, как позволял им закон, и покупали и продавали в четырех стенах комнаты, которую городской совет назначил в каком-нибудь трактире местом их обитания, причем хозяин стоял у их локтя и был свидетелем каждой сделки. Иногда здесь селились иностранные рабочие, например фламандские ткачи в Бристоле или голландские мастера по строительству каналов и шлюзов, которых мы видим в городах южного побережья. Компании плиточников или строителей собирались в городах, где в моду входили каменные дома или где Совет издавал приказ, согласно которому в течение ближайших нескольких месяцев каждый дом должен был обзавестись крышей и дымоходом из кирпича или черепицы.[368] Морские порты имели свой неопределенный элемент - моряков, "которые ничего не имели и не заботились, когда они были в море, придут ли они снова или нет", и которые в Ярмуте составляли беспорядочное население, так что говорили, что "ни один бережливый человек не стал бы жить в нем".[369] Рабочие из деревни приезжали сюда, чтобы получить свободу от крепостной зависимости. Другие приезжали в поисках более высокой зарплаты и надежд, которые давала городская жизнь предприимчивым и амбициозным людям; так что в 1405 году парламентский акт объявил, что поля опустели, а "господа и другие люди нации сильно обеднели" из-за рабочих, ищущих ученичества в городах, "и это из-за гордости одежды и других дурных обычаев, которые слуги используют в этом же".[370] Появлялись дети, постоянно в возрасте семи лет, но никогда не старше двенадцати, когда они должны были приступить к жизненному труду, так же как в этом возрасте их братья более высокого положения принимали на себя обязанности гражданства, ибо "каждый бедняк, воспитавший детей до двенадцатилетнего возраста, ждет, что потом он будет обременен и получит прибыль от своих детей".[371] В дальнейшем им приходилось бороться самостоятельно, обращаясь за помощью не к отцам, а к покровителям, "откуда следует, что, не имея надежды на отцовское наследство, все они становятся настолько жадными до наживы, что не чувствуют стыда, прося почти "ради Бога" самые незначительные суммы денег; и этому можно приписать, что нет такой обиды, которую можно нанести низшим слоям англичан и которая не была бы искуплена деньгами".[372]

Но если подмастерье когда-либо приносило "гордость одеждой", то бедный рабочий класс городов жил тяжело и трудился среди ремесленников, которые "держат полный голодный дом", знают "долгий труд и легкий выигрыш", из недели в неделю не пробуют вина, на чьей кровати нет одеяла, и на чьей доске никогда не бывает белого хлеба".[373] Когда-то такая грубая жизнь и грубый труд были верным способом войти в привилегии муниципальной свободы. Но даже в XIV веке это было уже не так. Более бедные бюргеры противились принятию новых желающих разделить их общие земли и настаивали на том, чтобы дорого продать франшизу. Ремесла уже начали объединяться в тесные компании и запретительными штрафами отгораживаться от всех, кроме потомков своих членов; в то же время рос обычай, согласно которому городские права предоставлялись только тем, кто был записан в ремесленную или торговую гильдию; поэтому чужакам путь был закрыт; они не

могли стать ни мастерами в своем ремесле, ни бюргерами в своем городе и шли пополнять общую массу подмастерьев и служилых людей. Кроме того, крестьянское восстание принесло с собой широкомасштабный террор, и с тех пор некоторые города, например Йорк и Бриджпорт, отказывали любому урожденному бонду, независимо от его состояния, в получении городской свободы. Так по тем или иным причинам в каждом городе образовывались группы людей, отстраненных от участия в гражданской жизни общества, естественной связью которых была враждебность к привилегированному сословию, лишавшему их достоинства свободных граждан и отказывавшему им в честной конкуренции в торговых предприятиях. Мещане ежегодно пополняли свое число полудюжиной, а может, и десятком членов, достаточно состоятельных, чтобы купить привилегию, в то время как рост бесправного класса, начавшийся в самом начале жизни города, шел скачками; Пока в конце концов прежнее равновесие сил в маленьком государстве не было нарушено, древняя конституция свободной общины равных домохозяев была полностью отменена и забыта, и сравнительно небольшой класс привилегированных горожан сильной рукой управлял подданными торговцами и рабочими, которым они не давали ни формы, ни сути свободы.

ГЛАВА VI

ПРОБЛЕМА ПРАВИТЕЛЬСТВА

Бриджпорт

Комфортная независимость, в которой прочно укрепились горожане XIV и XV веков, была наградой за несколько столетий упорных усилий, в течение которых они неустанно трудились над двойной работой по освобождению, освобождаясь, с одной стороны, от феодального ига, а с другой - от политического рабства. Независимая жизнь общества не могла возникнуть до тех пор, пока жители города признавали абсолютное подчинение своему феодалу и несли тяжкое бремя повинностей и налогов, которые, как бы они ни различались в зависимости от обычаев разных маноров, тяготели над людьми повсюду с постоянной и невыносимой силой. Владыка мог уничтожить их промышленность, внезапно призвав жителей отправиться за ним в военный поход, или потребовать от них принудительного труда, или обложить их непосильными налогами; его чиновники могли бросить ремесленника или купца в тюрьму, разорить их штрафами или навязать им методы законодательства, ненавистные и опасные для их представлений о совместной жизни; Поскольку он претендовал на верховные права на землю, мещанин не мог оставить свою собственность по завещанию; а после смерти арендатора офицеры посещали его дом, конюшни и амбары, чтобы конфисковать самое ценное имущество в качестве помощи лорду. Прежде чем принять нового члена в сообщество горожан, необходимо было получить его согласие; без его разрешения ни один житель не мог покинуть город, чтобы заниматься своим ремеслом в другом месте. Он мог запретить брак детей, устроенных отцами, или не разрешить вдове взять нового мужа и тем самым сделать его хозяином своего дома и свободным человеком в своем городе. Он устанавливал рыночные законы и рыночные пошлины. Он заставлял людей молоть на его мельнице и печь в его печи.

Поэтому для того, чтобы мещане когда-либо развивали торговлю, собирали богатства, создавали организованное общество или поддерживали порядок на своих улицах, прежде

всего необходимо было превратить крепостных в свободных людей; и первой целью городских общин было найти освобождение путем покупки или отказа от тех тиранических порядков, которыми их господа давили на них сильнее всего. Вредные феодальные обязательства заменялись фиксированными платежами в одном городе за другим по мере того, как их жители богатели и становились независимыми. Так, например, с лордом Престона была заключена сделка, согласно которой он больше не должен был призывать ни одного бюргера следовать за ним в военную экспедицию, которая длилась более одного дня, и не должен был сажать в тюрьму по любому обвинению горожанина, который нашел поручителей; его заставили продать или отказаться от права заставлять людей носить кукурузу на лордову мельницу, печь или печь и позволить любому домохозяину, который решил построить печь на своей собственной земле.^[374] Повсеместно бюргер становился признанным опекуном своих детей и мог обручать их по своему усмотрению; право вдов на повторное замужество было защищено от любого вмешательства извне; каждому гражданину предоставлялась абсолютная уверенность в том, что ни при каких обстоятельствах на его участок земли не может претендовать ни один вышестоящий лорд.^[375] Когда бюргеры Херефорда попросили соседний город рассказать о своей конституции, они с гордостью рассказали о завоеванной ими свободе. "Мы не прибегаем, - говорили они, - ни к феодальной, ни к какой-либо другой посторонней службе господину податей за наши владения, а только к ренте, получаемой с этих владений; потому что мы говорим, что владеем нашими владениями по бургской службе, или как бургессы, так что у нас нет никакого другого господина между нашим господином королем и нами". "И мы не имеем обыкновения, - добавляют они, - давать кому бы то ни было при смерти любого из граждан, умирающих в пределах упомянутого города или пригорода, какой-либо хериот или мортиру за любое из его владений". Кроме того, "мы говорим, что каждый гражданин города или пригорода может свободно и спокойно передавать свои владения как в здоровье, так и в болезни, когда и кому пожелает, будь то владения, полученные им по наследству или купленные или приобретенные, без какого-либо злонамеренного отнимания со стороны своего господина, если он достиг такого возраста и не меньше, чтобы знать, как измерить ярд ткани, и знать и сказать двенадцать пенсов".^[376]

Этими и многими другими способами, с помощью которых личная свобода сдерживалась и пресекалась, права феодала были неудержимо сметены давлением растущих обществ активных торговцев и ремесленников.^[377] Но потребность в политической эмансипации была не менее острой, и здесь путь к свободе не был ни простым, ни легким. Путь к свободе лежал через иерархию властей. Власть, которую не брал на себя лорд манора, осуществлял шериф графства; а там, где власть шерифа заканчивалась, начиналось верховное право короля. Все управление и юрисдикция были разделены между высшими должностными лицами; и все привилегии, которые могли получить бюргеры, должны были быть завоеваны здесь и там, куплены за деньги, вырваны среди бедствий и несчастий их хозяев или получены как награда за настойчивость, дань за успешное ремесло, вознаграждение за своевременно оказанную услугу.

Случай с Бридпортом иллюстрирует жизнь любого провинциального города в ранние времена, чьи мещане все еще служили многим господам.^[378] В тринадцатом веке это была оживленная торговая община. На его полях выращивали коноплю, которую отправляли в Плимpton для изготовления веревочной пряжи, возвращали в Бридпорт для плетения веревок, а затем снова отправляли в Плимpton на продажу или изготавливали дома подпруги, конские сетки и поводья, которыми славились бридпортцы. Жители получили значительную долю самоуправления. Они избирали двух судебных приставов, которые стояли во главе местного самоуправления, председательствовали в маленьком городском

суде и, несомненно, регулировали рынок и контролировали торговлю. В их подчинении находились помощники приставов, казначеи и констебли; им помогали двенадцать присяжных, которые выбирались каждое майкламское воскресенье и ежегодно обходили город, наблюдая за его границами, а также отвечали за "приходской гроб" и приходское ложе, за столб, бичевание и кунсткамеру. Двенадцать человек также были выбраны для ведения любых дел, в которых участвовал Бридпорт. Во время визитов королевских судей их вызывали вместе с секретарем совета для помощи в делах суда; они представляли своих собратьев в суде шерифов в Дорчестере, или если возникал спор с епископом, или нужно было заключить соглашение с монастырем в Абботсбери.

I. Однако полномочия бюргеров были ограничены самыми узкими рамками. В каждый момент их жизни какая-то власть извне вмешивалась в их жизнь, осуществляя жесткий контроль и непрекращающиеся поборы. Лорд поместья (в данном случае король) владел землей города; поэтому его управляющий проводил День закона,^[379] судил мелкие правонарушения горожан, вызывал их к себе, чтобы убедиться, что каждый из них должным образом записан в систему франкфуртов, и спускал их штрафы и неустойки в казну лорда.^[380]

II. Бридпорт и в дальнейшем был обязан повиноваться чиновникам графства. Коронер^[381] приезжал для дознания в случае загадочной или насильственной смерти или пожара, разбирал причины, изымал конфискованные товары и имущество и начислял штрафы. Шериф графства осуществлял юрисдикцию, которая распространялась на самые важные дела общества и затрагивала повседневную жизнь горожан. Чтобы его надзор был постоянным и эффективным, он имел обыкновение назначать заместителя или помощника шерифа, который представлял его на месте, как правило, какого-нибудь важного человека в самом Бридпорте, который, живя в центре города, мог внимательно следить за его делами и управлять ими с более точным контролем. В обязанности шерифа входило следить за порядком и не допускать нарушений королевского закона. В установленное время он вызывал городского бейлифа и констебля к себе в Дорчестер; преступления, не подвластные суду манора, передавались ему на рассмотрение, а штрафы или подарки, позволявшие избежать штрафов,^[382] напоминали горожанам о его власти. Как глава войск графства он по своей воле приказывал горожанам собираться по тревоге, а во время беспорядков призывал их на службу королю; он устанавливал число лучников и воинов; он регулировал взносы луков и стрел, пеньки и веревки, кукурузы, вина или рыбы. Из года в год он оценивал и взимал королевские налоги,^[383] и собирал ренту, причитающуюся с округа в королевскую казну. В таком городе, как Бридпорт, платежи не производились деньгами; поэтому, когда приближался день выплаты ренты, шериф или его помощник сначала составлял список волов и другого имущества, которое должны были отдать различные жители и в конечном итоге продать в понедельник после Вербного воскресенья за ферму. Тем временем этот список передавался в ведение "судебного пристава-эрранта", который вместе со своим писарем и конюхом^[384] ездил из города в город по делам графства, а определенные граждане несли ответственность за сохранность скота и товаров до назначенного дня. Выбор товара, который должен быть взят у каждого человека, возможность несчастного случая до дня продажи, определение граждан, которые должны были нести расходы по возмещению возможных потерь, различные судьбы аукциона и цен, которые он мог принести, искусные расчеты, необходимые для того, чтобы прибыль ни в коем случае не превысила необходимую сумму, - все это на каждом шагу создавало новые возможности для коррупции, новые надежды на прибыль для власть имущих и новые перспективы разорения для тех, кто находился под властью закона.^[385] Разделение полномочий между шерифом и его помощниками и практическая невозможность установить какую-либо ответственность

или призвать кого-либо из них к ответу оставляли жителей на произвол судьбы, подверженных различным и случайным трудностям; с другой стороны, искусство управления стало для каждого, кто был в нем заинтересован, делом самосохранения. Когда в 1216 году Иоанн послал комиссию для сбора недоимок в Нортгемптоне, комиссару сообщили, что король не может позволить себе платить ни за себя, ни за своих слуг, и поэтому он должен как можно лучше обеспечивать их жалованьем и провиантом из недоимок, которые он послал собрать.^[386] Такая система повышала рвение чиновников, если не облегчала проблемы народа. В те времена каждый чиновник, от шерифа до констебля, подчиняясь требованиям и поборам своего непосредственного начальника, мог только компенсировать себя, оказывая соответствующее давление на тех, кто стоял ниже его, и передавая традиции мошенничества и тирании.

Трудно сказать, какое положение шерифа - сборщика налогов, судьи или рекрута и военачальника - давало ему больше возможностей для вымогательства и тирании; но пока каждая должность, которую он занимал, давала новые поводы для произвольного вмешательства, горожане были вынуждены завоевывать его расположение частыми подарками, будь то ему самому или его жене, которые его помощники строго взыскивали, когда добровольные действия оказывались запоздалыми. Обычно он требовал от подвластных ему городов "годовой дар", чтобы побудить его не вступать в их пределы или напомнить ему о необходимости "проявлять свою дружбу" к жителям в их нуждах;^[387] А когда денег не хватало, было принято собирать их с помощью "скот-але",^[388] и созывать горожан на пиршество, где они были обязаны внести провизию и потратить определенную сумму в эль-будках, установленных на этот день, а выручка от всего развлечения шла в карман шерифа. Способы вымогательства, однако, могли варьироваться до бесконечности. В Кентерберии шериф однажды сломал единственный мост через реку и удерживал его в течение трех месяцев, а на воде поставил паром, которым жители были вынуждены пользоваться и платить за него на его же условиях.^[389] О признанном превосходстве этих чиновников в искусстве мошенничества и тирании свидетельствовали всеобщий страх и ненависть, преследовавшие их, - страсти, которые прорываются в народных балладах, где по традиции народный герой, Робин Гуд, наделен ненавистью ко всем шерифам; и которые будоражат сердце писателя Пирса Плаумена, когда он изображает этих чиновников на первом месте везде, где собираются слуги коррупции, и в своей притче о леди Мид, путешествующей в суд, рассказывает, как именно шериф был назначен нести ее в санях от ассиза к ассизу, с нежнейшей заботой о ее безопасности, поскольку "шерифы широв были shent (без дела), если она не была."^[390]

III. Шериф, однако, был лишь заместителем короны, и суверенные права короля стояли позади и выше всех подчиненных ему властей. Когда королевский гонец проезжал через ворота города, служащие как лорда поместья, так и графства признавали высший закон; и такие посланники не были редкостью. Привычное правило шерифа отменялось всякий раз, когда судьи из Вестминстера заседали в церкви или зале Гильдии, чтобы вершить правосудие королевского суда. Иногда приезжал королевский эскейтор, чтобы расследовать дела о потерянных поместьях, выяснить, не умер ли кто из арендаторов сокажа, и взыскать положенные штрафы.^[391] Время от времени появлялись придворные чиновники, "несущие булаву владыки короля", чтобы объявить о законах или постановлениях, принятых в парламенте, или приходили в качестве непрошенных комиссаров, чтобы просить о благодеяниях и займах. Королевский клерк рынка^[392] мог въехать в город с отрядом лошадей и последователей, везущих гири и меры, подписанные знаком казначейства; он вызывал все городские меры, проверял их по своим образцам, следил, чтобы фальшивые были сожжены, а затем требовал новую эстафету лошадей, чтобы

перевезти его на следующий этап. По желанию государя он мог послать офицера при ассамблее оружия, чтобы тот "сидел в Бридпорте и расставлял людей" и призывал лучников на королевскую службу; а в случае необходимости королевский "предвестник" или "сержант-оруженосец" приезжал, чтобы определить, сколько солдат следует разместить среди жителей. Во время восстания или гражданской войны на город могло пасть подозрение[393] недовольстве, и тогда из Лондона выезжали комиссары, чтобы провести на месте специальную "инквизицию".

IV. Все эти должностные лица представляли короля как верховного главу закона; но от двора приходили и другие посланцы, такие же непрощенные и нежеланные, как и последние, которые требовали от государя дани, принадлежащей его личному достоинству и состоянию. Когда монарх путешествовал, он брал с собой свой закон; куда бы он ни отправлялся, управляющий и маршал его дома имели юрисдикцию на протяжении двенадцати миль, считая от места проживания короля;[394] и их власть отменяли все другие законы, будь то законы округа или графства. Маршал требовал предоставить ему столько лошадей, сколько было необходимо для короля или его посланников; [395] Поставщики, санитары и домашние слуги взымали провизию со всех горожан,[396] кроме тех немногих, кому посчастливилось получить королевскую защиту,[397] отбирали все необходимое из кукурузы, хлеба и соленого мяса, призывали жителей на принудительные работы, размещали толпу, составлявшую королевский поезд, у различных домовладельцев,[398] и фактически управляли по своему усмотрению любым городом, через который проезжал король. Только счастливая безвестность и удаленность от двора могли уберечь такой маленький городок, как Бридпорт, от поборов королевских путешественников; и его жители могли смириться с бедностью и незначительностью, которые, по крайней мере, защищали их от бедствий столь огромного масштаба для бедных и перегруженных работой рабочих.

V. Была еще одна форма, в которой власть короны давила на жителей города. Привилегии, дарованные королем, могли быть отменены по его капризу, и бюргеры находились в полной зависимости от его милости в отношении всех вольностей и прав, которыми они пользовались. В начале каждого царствования подтверждение хартий и прикрепление печати нового короля приходилось выбивать с помощью таких платежей и взяток, которые, по мнению высокопоставленных чиновников, могли позволить себе бюргеры.[399] Король мог в любой момент поставить вопрос о ценности их хартий; он мог сделать какую-нибудь общественную революцию или местные беспорядки поводом для пересмотра или угрозы отмены древних "обычаев".[400] Когда их права оказывались под угрозой, у горожан оставался только один выход: они спешно собирались вместе, как в случае с Бридпортом, чтобы "общим согласием" распорядиться о том, чтобы вожжи и сетки для лошадей были предоставлены за государственный счет и отправлены в Лондон, для "продолжения общего дела".

Вся эта сложная система управления поддерживалась в рабочем состоянии благодаря щедрой системе взяток - взяток, которые давались широко и открыто, регистрировались на государственных счетах и безразлично предоставлялись любому чиновнику, большому или малому, которого своевременный подарок мог побудить "показать свою дружбу". Города добивались возобновления или сохранения своих уставных прав путем подношений королю или королеве, канцлерам, епископам и высшим должностным лицам, к которым они обращались с просьбами с помощью "коровьего пула" из лебедей, сиви или цапель, морской свиньи, запаса сушеных шпрот или бочонка вина. "Закон кончается, когда человек дружит", - говорили мудрые люди XV века, и если возникал какой-либо юридический вопрос, город мог

"вынести вердикт" только тогда, когда были приготовлены "любезности", как их называли, для судей и их клерков, баронов казначейства и шерифов, адвокатов и поверенных, а также все суммы, необходимые для оплаты "дружеского" жюри.[401] Если король присылал настоятельные и непомерные требования денег, депутация ведущих бюргеров спешила в Вестминстер, неся подарки и взятки клерку Роллса и аскеру парламента в качестве мирного предложения.[402] Или же какого-нибудь милостивого покровителя можно было убедить отвести от города "квест Адмиралтейства, чтобы оно не приходило туда, как намеревалось прийти".[403] Когда людей призывали на войну, община советовалась, какими подарками или "любезностями" она может договориться "о помиловании, чтобы мы не прискакали с таким количеством людей, как велел упомянутый ордер".[404] При появлении королевского гонца или сержанта-оруженосца первой мыслью было собрать сумму, которая могла бы побудить их грозного гостя ограничить количество войск, расквартированных в городе, или даже вовсе вывести их.[405] Точно так же, если появлялся гонец с частью тела казненного предателя, которое по приказу короля должно было быть выставлено на воротах города, жители давали ему подарок, чтобы он отнес свою ношу в какой-нибудь другой город.[406]

Причисляемая к обычным явлениям управления и вписываемая в обычные расходы муниципалитета, выплата таких взяток была для всех заинтересованных лиц просто обычным способом покрытия некоторых расходов на управление;[407] и общественное чувство признавали благоразумный и необходимый метод ведения государственных дел. Подарки высокопоставленным чиновникам были не знаками покорности, требуемыми только от зависимых городов, а данью, взимаемой столь же строго со свободных округов. Требуемых взяток было не меньше, главное отличие заключалось в том, что они шли в разные карманы. Так, подношения, которые требовались от Кентербери, когда его муниципальное существование было наиболее энергичным и самостоятельным, естественно, достигали масштабов, не имеющих аналогов в таком маленьком местечке, как Бридпорт.[408] Дары города были разбросаны далеко и широко; щука лондонскому адвокату, вино мастеру Джону Фине, юстициару, угорь - декану Виндзора, вино - канцлеру архиепископа Йоркского, выплаты епископу Винчестерскому, чтобы город мог "иметь его посредничество", подарки кардиналу Бофору, чтобы заручиться его помощью, когда было предложено изменить муниципальную конституцию, подношения епископу Св. Давида - который номинально получил двойную порцию: один подарок был предназначен для епископа Меневенса, а другой - для епископа де Сейнта Таффи[409], чтобы "иметь их дружбу" с королем в тревожные дни 1483 года. Королевские герцоги и придворные, епископы, камергеры, нотариусы, клерки Роллса, рыцари, имевшие доступ во дворец, шерифы, судьи королевского суда, были роскошно накормлены, а в двери их жилищ стучались гонцы с фазанами, цыплятами, каплунами, баранами, быками, гусями, с рейнским вином, тирским вином, кларетом, мускателем, красным и белым вином по тридцать-пятьдесят галлонов за раз. В революционные времена 1470 года горожане по несчастью оказались связаны с партией Генриха Шестого, и в течение многих лет после этого их богатство тратилось на то, чтобы выкупить расположение двора. Герцогиня Йоркская, привыкшая получать дань рейнским, красным и тирским вином, посетила город в 1471 году, когда ее сын оказался в затруднительном положении; но благоразумные горожане теперь предлагали бедной даме только "на хлеб 12d". С другой стороны, когда Эдуард снова стал триумфатором, офицеры и уполномоченные короля всех степеней принимали фазанов, гусей, каплунов и красное вино. Мещане преподнесли герцогу Кларенсу груз кларета и каплунов, для переноски которого потребовалось четыре человека. Вскоре после этого, когда королевский камергер приехал в Кентербери, его угостили обедом в "Лебеде", одном из трактиров, принадлежащих корпорации, где он откушал "дикого зверя под названием букк", привезенного из Вестен-Хангера; После ужина восемь человек отнесли в трактир жертву мира: двух лебедей, двух

жирных каплунов, четырех каплунов, четырех фазанов, пятьдесят шесть галлонов красного вина и полгаллона мускателя; а вскоре после этого в Лондоне ему была отправлена еще одна дань.[\[410\]](#)

Но за этой привычной системой взяток и подарков скрывалась глубокая и постоянная беда - вечная неуверенность и страх. Повсюду власть представлялась несчастным подданным лишь делом произвола и жестокого каприза, а главная функция правительства - грубым вымогательством и успешным грабежом; признание привилегий со всех сторон уничтожало всякое чувство равенства перед законом, и слабые, осознавая всю свою беспомощность, стремились купить товар защиты, как и сильные, сознавая свое могущество, хотели извлечь из этого выгоду. Кентербери искал покровительства у ведущих людей графства или двора;[\[411\]](#) Норвич пользовался, пока был в фаворе, защитой Саффолка; Йорк с благодарностью принимал услуги герцога Глостера. Когда он проезжал через город, корпорация отдавала приказ, чтобы каждый олдермен и член совета в ливрее, а также каждый представитель любого ремесла в своем лучшем наряде выходил встречать его у ворот: простолюдины занимали свои места к рассвету, в три часа ночи, а вельможи - на час позже, учитывая их ранг. В 1482 году герцог выступил посредником между городом и королем в вопросе избрания мэра, и совет решил, что в связи с "великим трудом доброго и благосклонного лорда", который он "всегда делал для блага этого города", вся община должна присоединиться к нему, чтобы воздать ему "хвалу и благодарность"; "И олдермены, одетые в алое, и Совет двадцати четырех в мурри или малиновом, собрались в доме мэра, чтобы преподнести герцогу подарок в виде вина и рыбы всех сортов и возглавить процессию из всех жителей города к его жилищу у монаха Остина.[\[412\]](#)

Однако покровительство и защита во все времена покупались дорого, и в любой момент их цена, определяемая безрассудными привычками лорда, необходимостью короля или жадностью шерифа, могла быть повышена настолько, что привела бы муниципальные финансы в многолетнее замешательство. Требования, внезапные и нерегулярные, которые никакая мудрость не могла просчитать заранее и никакое благоразумие не могло предотвратить, растрачивали народные средства; и бережливые бюргеры научились оценивать свой прогресс на пути к независимости по их успехам в ограничении мотивов, которые великие могли выдвинуть в качестве оснований для взимания пошлин и дани с их труда. Любовь к свободе была навязана им практическими потребностями жизни. Люди, давно привыкшие к лишениям, зависящие от капризной милости своих хозяев, безропотно подчиняющиеся поборам, возложенным на них более сильной рукой, на ежедневном опыте узнали, что управление по законам, принятым без их собственного согласия, и управляемые чиновниками, навязанными им против их воли, - это самое настоящее определение рабства. Грубый опыт чужеземных чиновников научил их, что первой необходимостью свободной общины является право выбирать себе правителей, что управление жизнью и товарами, а также ответственность за любые почетные, прибыльные и доверительные должности в городе не должны больше вверяться чужакам, а должны быть переданы в руки их собственных сограждан, в верности, патриотизме и кредитоспособности которых они могли быть уверены. Невозможно, чтобы все состояние их торговли зависело от воли какого-то далекого хозяина, чья способность управлять ими во всех их делах основывалась на простом превосходстве власти; и торговцы повсюду требовали власти, чтобы упорядочить свои дела и управлять своими рынками. Жители города не могли претендовать на собственность в своем округе, пока не получали право владеть ею непосредственно от короны за ежегодную ренту, которую они сами должны были вносить в казначейство в Вестминстере;[\[413\]](#) и даже тогда их привилегированное существование было лишь делом королевского каприза, пока они не находили средств для юридического признания корпоративного правопреемства

округа.[414] Их муниципалитету грозили финансовые беды, если они не добьются освобождения от Статута Мортмейна и не получат право владеть собственностью на благо города.[415] Кабала, в которой они находились по отношению к шерифу[416] и сборщику налогов, могла быть разорвана только тогда, когда они получают все полномочия по оценке и сбору всех собственных налогов.[417] Измученные и обедневшие от поездок в далекие суды за правосудием, измученные вмешательством в их частные дела какого-то далекого губернатора, вынужденные в каждой повторяющейся чрезвычайной ситуации обращаться за правосудием или прошениями о милости к чужой власти, отделенной от всех их интересов, они выдвигали требование, что право должно осуществляться для бюргеров в их собственных судах и их собственными чиновниками, как самую суть любой истинной свободы. "Мы - граждане нашего господина короля, - говорили херефордские мещане, - и город принадлежит нам, его наследникам и нашим наследникам, и мы не должны выезжать из нашего города для возвращения наших долгов, из-за различных опасностей и несчастий, которые могут случиться с нашими женами и детьми; И если мы должны тратить наши вещи и имущество в дальних краях, обрабатывая их и трудясь для этого, то этим и подобными способами мы обеднеем; и, став бедными, мы не будем иметь средств для содержания города, и таким образом лишение наследства подобными способами легко падет на наших детей." [418]И как мещане утверждали, что каждая община должна иметь абсолютный контроль над своими членами ради мира и порядка в содружестве, так и они были полны решимости, чтобы ни один влиятельный покровитель, внутри или за пределами города, ни под каким предлогом не решился помогать или "содержать" горожанина, преступившего городской закон, "потому что из-за таких содержателей или защитников среди нас может возникнуть общая ссора, и среди нас будет совершено ужасное убийство, и потеря свободы или вольности города приведет к лишению наследства нас и наших детей; что, не дай Бог, в наши дни по недосмотру с нашей стороны должно произойти или выпасть таким образом." [419] С самого начала они были вынуждены смотреть дальше вопроса простого личного отношения, видя, как глубоко юридические формы процедуры влияют на их общую жизнь как отдельного общества, и у них были свои серьезные государственные причины настаивать на сохранении старых форм отправления правосудия в их судах, а суд поединка отвергнуть и упразднить среди них, "по причине вечной вражды нас, родителей, и наших детей, которая может обернуться разорением или гибелью города и другими бесчисленными опасностями". [420] Таким же образом они были вынуждены осознать необходимость участия в принятии законов, которыми им предстояло управлять и которые могли иметь самые серьезные последствия для их маленького государства; как, например, когда жители Лестера обратились к Генриху Третьему с просьбой выдать им хартию, чтобы отменить древний обычай "английского боро" и предоставить право наследования старшему сыну, поскольку из-за дефективных наследников и их слабости город впадал в разорение и бесчестье.[421]

Все эти привилегии и льготы были предметом переговоров между городом и королем или лордом манора, которые можно было купить за деньги, или за политическую поддержку, или за займы в трудную минуту.[422] Люди повсюду просто получали такие преимущества, какие позволяли время и возможности, и добивались льгот, которые измерялись милостью короля, или ценой, которую они могли позволить себе заплатить, или тем сопротивлением, которое они могли оказать своему лорду. В первых зачатках независимой муниципальной жизни также не было ничего поразительного или революционного. Городские собрания, обсуждавшие и принимавшие новую конституцию, вели свои дела с полнотой и точностью методичной рутины, которая могла бы вызвать симпатию у городского совета современного

Бирмингема. В организации "собраний" средневековому англичанину, похоже, нечему было учиться, а действия жителей Ипсвича, получивших в 1200 году первую хартию от короля Иоанна, переносят нас в спокойную атмосферу зала заседаний, где акционеры и директора солидной и старой компании собираются для ведения дел с приличием и пунктуальностью, свойственными почтенной привычке.^[423] Хартия предоставляла те важнейшие привилегии, которые признавались всеми боро как первостепенные - право отныне вести финансовые дела напрямую с Казначейством, а не действовать как частичка шира через шерифа; быть свободными от пошлин на торговлю по всему королевству и иметь гильдию купцов со всеми ее торговыми привилегиями; осуществлять правосудие в соответствии с древним обычаем бора; и ежегодно избирать из своей среды должностных лиц для управления городом, которые, будучи назначены по общему согласию, могли быть смещены с должности только единогласным советом всего народа. Хартия была вручена 25 мая, а в следующем месяце было созвано общее собрание мещан. На этом собрании сначала были избраны главные должностные лица на год - судебные приставы и коронеры, а затем общим советом было принято решение о назначении двенадцати "портманов" в помощь им; через три дня они тоже были официально избраны по другой, более сложной системе выборов специально назначенным для этой цели органом граждан. Приняв клятву верно управлять городом, поддерживать его свободы и справедливо выносить решения судов, новые должностные лица заставили всех горожан протянуть руки к Книге и в один голос торжественно поклясться с этого часа подчиняться и помогать им в охране свобод города. Через двенадцать дней после этого они собрались, чтобы утвердить самые необходимые правила для управления городом. Два месяца ушло на составление "Постановлений", которые, наконец, были торжественно зачитаны перед всем народом, собравшимся на церковном дворе, и получили единодушное согласие. И наконец, месяц спустя, 12 октября, была завершена организация Купеческой гильдии для регулирования торговли и избраны ее должностные лица; была осмотрена только что изготовленная Общая печать^[424]; и община постановила, что запись всех их законов и свободных обычаев должна быть записана для вечной памяти в свитке, который будет называться Domesday. И таким образом, со всей торжественностью, подобающей достоинству новой республики, Ипсвич начал свой независимый путь в качестве свободного города.

ГЛАВА VII

БИТВА ЗА СВОБОДУ

(1.) Города на территории королевских владений

Столь благоприятное начало муниципальной жизни, какое было даровано Ипсвичу, не стало, однако, само собой разумеющимся для каждого английского города; политическая свобода ни в коем случае не была неизбежным следствием благоприятных коммерческих условий и не обязательно уступалась городам с более скромным укладом торговли. В обществе, где все города в равной степени зависели от какого-либо лорда, владевшего землей и осуществлявшего феодальные права над своими арендаторами, главным фактором, определявшим для каждой общины меру ее независимости и цену, которую ее жители должны были заплатить за свободу, была форма лордства, которой она подчинялась.

Решающие случайности положения и владения определяли судьбу города, а не заслуги или старания мещан.

На первом месте по численности и значению стояли города, находившиеся в "древнем владении", то есть принадлежавшие непосредственно королю и считавшиеся частью национального имущества, такие как Кентербери, Йорк, Винчестер, Саутгемптон, Ярмут, Ноттингем, Глостер и др. Вторую группу составляли города, принадлежавшие светскому дворянину, например Морпет, Беркли или Лестер, или принадлежавшие ему на правах особого пожалования от короля, как Барнстапл или Ливерпуль. Наконец, были города на церковных землях, будь то владения епископства, как Линн, подчинявшийся епископу Норвича, Уэллс - епископу Уэллса, Ромни и Хайт - архиепископу Кентерберийскому; или же они были обязаны иском и верностью монастырю, как города Рединг и Сент-Олбанс, принадлежавшие монастырю. Олбанс, которые принадлежали аббатам этих монастырей соответственно, Фордвич - монастырю святого Августина в Кентербери, Уэймут - монастырю святого Свитхуна в Винчестере.[425] Во всех этих различных группах города были одинаково готовы освободить своего феодального начальника, короля, лорда или епископа, от забот по управлению, и вопрос заключался лишь в том, насколько далеко пойдет король в поддержке этих требований или насколько благородные и церковные люди могут быть вынуждены согласиться на перераспределение феодальной юрисдикции и привилегий в пользу торговцев и "подлых" людей.

К счастью для национального богатства и свободы, подавляющее большинство городов Англии, и почти все значимые, были частью королевских владений, а король был лордом земли. Огражденные привилегиями, которые были придуманы для защиты интересов короля и которые они постепенно нашли средства превратить в институты для защиты своих собственных интересов, бюргеры в древних демеснах были связаны в единое сообщество наследованием общей традиции и общих иммунитетов;[426] и рассматривая свои города как аристократию среди боро, наслаждались самосознательным достоинством, подобным тому, которое великие державы Европы могут чувствовать по отношению к менее благосклонным малым государствам. В ответе, присланном херефордцами, когда жители Кардиффа попросили копию их "обычаев", чтобы помочь им в принятии решения о конституции собственного правительства, чувствуется надменный дух. "Граждане короля из Херефорда, - говорят они, - владеющие его городом (поскольку он является главным городом всех рыночных городов от моря и до границ Северна), должны по древнему обычаю передавать свои законы и обычаи таким городам, когда того требует нужда, но в данном случае они ни в коем случае не обязаны этого делать, поскольку, по их словам, они не в таком же состоянии; Ибо есть города, которые принадлежат нашему господину королю Англии и его наследникам без всякого *mesne lord*; и таким городам мы обязаны, когда и как часто, когда потребуется, заверять наши законы и обычаи, главным образом потому, что мы владеем ими по одному и тому же праву; и ничего нельзя брать с них в виде вознаграждения, разве только нашему общему городскому писарю за письмо и его хлопоты, как они могут договориться. Но есть и другие рыночные города, которые принадлежат разным лордам королевства, где живут как туземцы, так и деревенщины древних времен, которые платят своим лордам телесную службу разного рода, с другими услугами, которые не используются среди нас, и которые могут быть изгнаны из этих городов своими лордами, и не могут жить в них или быть восстановлены в их прежнем состоянии, кроме как по общему закону Англии.[427] И главным образом те и другие, которые держат такие иностранные службы в таких городах, не нашего состояния; и они не должны иметь наших законов и обычаев, кроме как путем покупки, чтобы быть исполненными нашему капитальному приставу, как они могут договориться между собой, в удовольствие и на пользу вышеупомянутого города." [428]

I. Городам, удачно расположенным на территории государства, выпали особые преимущества. Король был лордом поместья, слишком отдаленного, чтобы иметь возможность слишком много вмешиваться, и слишком сильно занятого государственными делами, чтобы беспокоиться о деталях управления в своих многочисленных округах.[429] Магнаты графств могли страстно цепляться за право владеть местными судами как источниками власти и еще более важными источниками богатства; но такие права имели мало значения для могущественного государя, который, будучи верховным главой закона, мог призвать преступников к себе на суд из любого суда страны.[430] Уверенный в своем верховенстве, он не решался испытывать его на прочность резкими заявлениями о своей власти, как это могли бы сделать частные владельцы, охваченные страхом и неуверенные в себе; и в своем безразличии к мелким способам использования власти и приспособлений для получения ничтожной выгоды он свободно держался за права, которые приносили много хлопот и мало пользы.[431] Пока его ежегодная ферма исправно выплачивалась,[432] он был готов предоставить горожанам право собирать в свою казну мелкие суммы, собранные в судах боро или маноров,[433] или сделать их мэра королевским эсквайром; и пока он таким образом завоевывал их признательность и дружбу, он ничего не терял от своей щедрости. Отказавшись от местных требований в пользу фиксированного платежа, он не только избавил себя от необходимости платить жалованье множеству мелких чиновников, но и перестал страдать от потери штрафов, пошлин и конфискаций, которые номинально взимались в пользу короля, но имели постоянную тенденцию попадать в карманы городских чиновников или сборщиков налогов, а не в его казначейство. Кроме того, во многих случаях он мог значительно выигрывать за счет цены, которую требовал за свои милости; и, возможно, королевские счета дают очень неполную информацию о количестве специальных денежных даров и ежегодных аннуитетов, выплачиваемых округами королю в обмен на предоставленные им свободы.[434]

II. Таким образом, как лорд манора, король был либеральным хозяином, всегда готовым пойти на компромисс со своими арендаторами в отношении досадных феодальных претензий. Но он также был готов выслушать их мольбы о свободе от контроля чиновников Шира и Сотни. Пока центральной власти было выгодно разрушать и ослаблять провинциальные правительства, ограничивать полномочия шерифа, сбивать с толку честолюбивые замыслы местных магнатов и разрушать притязания дворян, способные усилить наследственных врагов короны, до тех пор горожане могли рассчитывать на поддержку государя в борьбе за независимость. Поэтому в вопросах, возникавших в связи с соперничеством юрисдикций, в претензиях, выдвигаемых боро против соседних лордов за права на навигацию, выпас скота или рыбную ловлю, во всех спорах, которые в последней инстанции передавались на рассмотрение короля, его симпатии, особенно если мещане оказывали соответствующую "любезность", были на стороне его боро.[435] Полномочия, полученные от местных органов власти или от феодалов, были разделены между королем и муниципалитетом, и под защитой королевской власти большие права местного самоуправления быстро перешли в руки мещан. Функции, которые раньше выполняли бейлиф сотни и шериф графства, перешли к мэру; он собирал пошлину, проводил смотр франкфелдов, взимал налоги,[436] муштровал вооруженные силы, председательствовал в гражданских и уголовных судах.

III. Не было никаких серьезных трудностей и с осуществлением суверенных прав короны. Для короля не имело значения, посылал ли он специального заместителя непосредственно от двора или делегировал полномочия мэру и использовал его как чиновника, непосредственно ответственного перед короной; с другой стороны, для горожан такое изменение означало большое утешение. Поэтому между монархом и народом легко был

найден компромисс. Мэр неизменно назначался королевским клерком рынка, мерильщиком и калибровщиком королевского штандарта, управляющим королевской ассамблеей; он становился представителем государя в самых важных административных делах, одним из королевских судей[437] в городе, адмиралом,[438] мэром штапеля. Подобные административные изменения оставляли власть государя нетронутой и ничего ему не стоили; с другой стороны, центральное правительство таким образом получало готовый штат обученных чиновников - штат, который король не мог бы создать,[439] или оплачивать из своей пустой казны, даже если бы он был в состоянии его создать, но который стал абсолютно необходим для осуществления надзора за местными делами в то время, когда такой надзор становился все более важным с каждым днем, как с точки зрения короля, так и с точки зрения народа. Города, избавленные новой системой от страданий[440], от которых они страдали, с готовностью забыли о различиях между законами, принятыми ими и принятыми для них, лишь бы они управлялись чиновниками, которых им разрешалось избирать и контролировать.[441]

IV. Наконец, если города страдали от офицеров королевского дома, им легко было найти выход из положения. Государь не находил никаких личных неудобств в передаче обязанностей этих чиновников самим губернаторам округов; мэр или бейлиф становился королевским стюардом и маршалом королевского дома в округе. Короче говоря, по мере того как города обретали независимость, всевозможные полномочия и обязанности сваливались на их главнокомандующего, причем не было четкого разграничения между его различными и странно смешивающимися функциями. Люди не задумывались, кому из своих хозяев служит мэр в тот или иной момент, действует ли он как глава городского правительства, исполняющий волю мещан, или как чиновник, назначенный государем для исполнения его законов;[442] и приятные вопросы о точном разделении полномочий, которое действительно имело место, были настолько явно неуместны в присутствии гармоничного сосредоточения всей власти в одних руках, что ревность и подозрения с обеих сторон были ослаблены, к большому содействию миру и согласию. Для средневекового поэта, который рисовал образ Любви как "вождя народа нашего Господа на небесах", стоящего в качестве "посредника" или медиатора мира, было одно очевидное сравнение - даже - "как мэр между королем и общинами".[443]

История королевских округов, таким образом, в том, что касается их отношений с королем, сводится к длинному перечню просимых и оказываемых милостей. Частые государственные неурядицы, несомненно, стимулировали щедрость государей; а времена политических беспорядков и революций становились поводом для того, чтобы города обрели независимость благодаря нуждам королей, которые подтверждали старые и даровали новые права, и "по большей части составляли их хартии, чтобы иметь больше доброй воли и любви в своей земле".[444] Гражданские войны при Генрихе Втором,[445] денежные затруднения Ричарда и Иоанна, беспокойное меньшинство Генриха Третьего, беспорядки при Эдуарде Втором, торговая политика Эдуарда Третьего, политическая неуверенность Генриха Четвертого после захвата им трона, финансовые нужды Генриха Пятого, волнения и страхи правления Генриха Шестого, стремление Эдуарда Четвертого примирить королевство - все это было столькими небесными возможностями для бюргеров завоевать новые порции местной свободы; В то время как два периода реакции, вызванные страхом перед крестьянским восстанием при Ричарде Втором и нервными опасениями Ричарда Третьего, были использованы правящим классом в бору для подтверждения и укрепления своей власти. Записи о бюргерах в королевских владениях настолько однообразны, что все они двигаются вместе по одной и той же проторенной дороге к независимости, завоевывают одни и те же привилегии, даже получают их в одно и то же время,[446] что краткое изложение

свобод, обеспеченных каким-либо одним городом, послужит иллюстрацией к общей истории всех.

До эпохи Генриха Второго Норвич пользовался определенными свободами и привилегиями, но его граждане были практически феодальными слугами короля, который назначал их губернаторов, получал прибыль от их судов и смотрел на город как на свое частное владение. Настоящая свобода началась с хартии, дарованной им в 1194 году Ричардом Первым.[\[447\]](#) Они должны были иметь лондонские обычаи; бюргеры не могли быть призваны к ответу по какому-либо делу за пределами города; отныне они должны были избирать своего собственного проректора, "такого, какой будет подобать нам и им"; им разрешалось держать свой город на перманентной ренте в 108 фунтов в год, которую они сами, вместо шерифа, должны собирать и платить в Казначейство. За подтверждение своих прав, "и за то, что город был в их руках", жители Норвича заплатили 200 марок.[\[448\]](#) С этого времени провост занял место должностного лица, ранее назначавшегося королем, председательствовал в суде города в Толбуте и, возможно, держал в руках франкфелд, а также вносил штрафы судов в городскую казну. Шериф графства, однако, все еще держал высший суд, *Курию комитатус*, в пределах замка, где он осуществлял уголовную юрисдикцию, а присяжные заседали по предписаниям Кларендонского присяжного суда.[\[449\]](#)

Но эта власть шерифа продержалась всего несколько лет. В 1223 году между горожанами и Генрихом Третьим было заключено новое соглашение. Норвич состоял из четырех отдельных частей, которые естественным образом образовались из четырех деревушек, созданных первыми поселенцами, и которые постепенно объединились в один город: *Конесфорд*, где первые поселенцы собрались вокруг брода через реку, защищенного с одной стороны потоком, а с другой - насыпью, на которой впоследствии возвышался замок; *Вествик*, название которого свидетельствует о его более позднем основании, и который находился на дальней стороне укреплений, в излучине реки; *Магна Крофта*, или большое поле замка, лежащее под укреплениями на полпути между Конесфордом и Вествиком, которое во время Конквеста превратилось в новый округ, округ Манкрофт; и *Уорд-овер-те-Уотер* на дальнем берегу реки, несколько отрезанный от остальной части города.[\[450\]](#) Для управления этими "литами", как стали называть районы, в 1223 году было решено, что мещане должны избрать четырех бейлифов, по одному на каждый район.[\[451\]](#) Провоста больше не должно было быть, поскольку бейлифы должны были занять его место в совместном управлении городом, а также взять на себя уголовную юрисдикцию, которую до сих пор осуществлял шериф в своем суде в замке. Таким образом, с этого времени большая часть социальных, торговых и уголовных дел города перешла в руки самих бюргеров.

Однако четыре бейлифа по-прежнему не имели власти ни над замком и его укреплениями, ни над обширными землями, лежавшими вдоль реки, простиравшимися мимо Конесфорда и Манкрофта и Уэствика - землями, принадлежавшими настоятелю и монастырю; Не имели они власти и над собором, приорством и епископским дворцом, которые находились в пределах Уэствика, и над имуществом, принадлежащим им или другим церковным органам, которое проникло в самое сердце города; в то время как, с другой стороны, арендаторы замка, приор и епископ извлекали прибыль из городской торговли и пользовались ее покоем и защитой. Поэтому следующим требованием бюргеров стало предоставление королем муниципалитету полномочий облагать налогами на общие расходы всех жителей, под каким бы лордом они ни находились; и в 1229 году они добились королевского пожалования, согласно которому все, "кто должен пользоваться свободами, которые мы даровали указанным гражданам Норвича... должны облагаться налогами и оказывать помощь как указанные граждане"; и что "если кто-либо отступил от их обычаев и шотландцев, он должен

вернуться в их общество и обычай и следовать их шотландцам, так что никто не должен быть отстранен от этого".[452] В этом вопросе муниципальные власти не мелочились; в 1236 и 1237 годах, когда арендаторы замка и приора пытались сопротивляться претензиям на их деньги, шерифу было приказано вызвать их к себе, чтобы показать, по какому праву или ордеру они требуют освобождения от платежей в городскую казну; И снова в 1276 году, когда арендаторы замка отказались платить свою долю налогов, дело было передано на рассмотрение баронов казначейства, и из Вестминстера пришел приказ, согласно которому шериф должен был немедленно взыскать причитающуюся сумму и передать ее городу.[453]

Генрих Третий оказал множество других услуг "нашим возлюбленным гражданам Норвича", возможно, чувствуя выгоду от их дружбы в условиях нарастающих проблем его правления; и бюргеры Норвича, конечно же, как и бюргеры Винчестера, встали на его сторону в войне против Симона де Монфора.[454] В 1253 году им было разрешено обнести свой город рвом.[455] В 1255 году (за двадцать лет до того, как был принят общий закон для всех англичан) их освободили от ареста за долги, по которым они не являлись поручителями или основными должниками. А в 1256 году Генрих издал хартию, которая предписывала "гражданам отвечать в нашей казне своими собственными руками за все долги и требования... и чтобы никакой шериф или другой наш судебный пристав впредь не входил в вышеупомянутый город для наложения бедствий за какие-либо долги"; далее в хартии предписывалось, что все купцы, разделяющие вольности и товары Норвича, должны платить городские налоги, "где бы они ни проживали"; и, наконец, предписывалось, что "никакая гильдия впредь не должна содержаться в вышеупомянутом городе в ущерб ему".[456] Таким образом, шерифу был окончательно закрыт доступ ко всем землям и домам, принадлежащим горожанам, а отсутствующие купцы были подвергнуты их жребию и повинности.

От Эдуарда Первого горожане в 1305 году получили право на владение летом Ньюгейт в Норвиче, который король "недавно отвоевал у приора Святой Троицы"; далее они заплатили штраф и обещали ежегодно вносить 10 фунтов стерлингов в Казначейство на вечные времена за хартию, дающую им право не привлекаться к суду за пределами города; не быть осужденными иностранцами, а только своими согражданами, кроме случаев, касающихся короля или всего общества; что бейлифы должны иметь право начислять тальи и другие разумные пособия "с согласия всего коммондалитета или большей его части" для защиты и пользы города, и делать "разумные бедствия" для взимания этих тальев, как это делалось в других городах; и что они должны владеть летом Ньюгейта, который Корона "недавно взыскала с приора Святой Троицы".[457] Далее мещане вспомнили о неприятности, в которую они попали из-за вора, укравшего несколько тканей и принесшего городу много горя; поскольку, убежав в церковь Св. Георгия, он в конце концов выбрался из нее, хотя дверь охраняли четыре прихода, которые были оштрафованы за слабую бдительность; затем, будучи пойман и осужден судебными приставами и простолюдинами, он был приговорен к повешению, но при погребении его нашли живым, а человека, который его зарубил, бросили в тюрьму; И наконец, бейлифы были обвинены в незаконных действиях, когда повесили его "без чьего-либо иска и без поимки на месте преступления", а также в том, что "взяли воров и злоумышленников за преступления, совершенные за пределами города, и исполнили над ними приговор в городе", а городские вольности были захвачены в руки короля, и королевский чиновник был назначен управлять ими.[458] Поэтому в 1307 году мещане подали на прошение о том, чтобы право на приход и отход, которым они пользовались во все времена, "когда память не бежит", теперь было определенно включено в их хартию. Далее, поскольку шериф "по злому умыслу" все еще находил возможность под тем или иным предлогом время от времени арестовывать граждан - и это при том, что норвичи имели возврат всех видов судебных приказов[459], так что ни шериф, ни какой-либо иностранный

пристав не имели права вмешиваться в их дела, - они потребовали от короля, чтобы по их требованию каждый арестованный гражданин был передан им из рук иностранца. Кроме того, они просили, чтобы до тех пор, пока мещанин живет в городе, он никогда не был обязан присутствовать в каком-либо иностранном суде по причине иностранного владения; и чтобы никакое иностранное владение не давало права шерифам или иностранным судебным исполнителям вызывать его в суд присяжных или на дознание за пределами города. Наконец, в качестве защиты от любой опасности лишиться права голоса из-за неуплаты фермерской ренты, они просили разрешения для корпорации держать в вечном владении определенные земли и дома, прибыль от которых может быть выделена для выплаты ренты.[460]

При Эдуарде Третьем шериф графства был лишен последней возможности вмешиваться в дела города. До этого времени он по-прежнему собирал ренту и налоги и вершил правосудие в отношении арендаторов замка Фэ; а рвы замка и Фэ, освобожденные таким образом от городской власти, стали своего рода убежищем для преступников и злоумышленников, скрывающихся от юрисдикции городских властей. Однако в 1346 году все это было передано бейлифам, и шериф ни в коем случае не должен был вмешиваться.[461] Более того, учитывая затраты, которые горожане понесли, огораживая город, они были навсегда освобождены от юрисдикции клерка рынка королевского дома.[462] Кроме того, Норвич получил собственного адмирала, который плавал на "адмиральской барже", вершил адмиралтейские суды и управлял законом.[463] В 1331 году он стал городом Стейпл, а его мэр был назначен мэром Стейпла с жалованьем в 20 фунтов и печатью, подаренной королем.[464]

Тем временем жители Норвича постепенно совершенствовали свою собственную внутреннюю систему управления - систему, которая будет описана в одной из последующих глав, - и в трудностях Генриха Четвертого они нашли возможность завершить свою работу. Сумма в 1000 фунтов стерлингов, переданная королю, а также крупные штрафы, выплаченные в виде взяток со всех сторон, обеспечили в 1403 году хартию, которая окончательно гарантировала им конституцию по их выбору.[465] Норвич стал самостоятельным графством. Назначался мэр, которому предоставлялись высшие права юриспруденции "в городе, и он получал от самого короля меч, который должен был носить перед собой острием вверх, наряду с золотыми или серебряными булавами, которые носили сержанты-булавоносцы. На смену четверем бейлифам пришли два шерифа, также избираемые бюргерами, которые занимались вопросами, касающимися интересов короны, которые раньше были уделом бейлифов, и отвечали за ежегодную ренту города. Мэр был назначен королевским эсквайром, и, таким образом, последняя должность, остававшаяся в руках иностранцев, была передана муниципалитету. Наконец, в знак завершения муниципальных надежд старая печать бейлифов была упразднена, чтобы освободить место для новой городской печати.

Норвич был лишь одним из множества округов, жители которых спокойно и неуклонно собирали для себя свободы, сделавшие их свободными, ибо в сообществе городов, державшихся королем на едином праве владения по всему "древнему демесну", список привилегий, дарованных любому из них, становился образцом для соседей вблизи и вдали.[466] Планомерно развиваясь, не прерываясь ни одним из бурных и драматических инцидентов, свидетельствующих о времени конфликта, все большие города постепенно завоевывали полную местную независимость. Такие изменения в методах, которые мы наблюдаем, - это просто изменения, вызванные новым национальным законодательством, например, форма регистрации, необходимая после Статута Мортмейна,[467] , или право избирать мировых судей , когда одна власть за другой предоставлялась этим должностным

лицам по закону.[468] Мы не различаем сезоны обильных урожаев и периоды бесплодного роста; в одном веке, как и в другом, короли принимали предложенные "любезности" и оказывали просимые милости. Мы также не находим записей о поспешно предоставленных и робко отмененных преимуществах; и до правления Ричарда Третьего[469] нет никаких признаков беспокойства со стороны королей, чтобы сдержать или ограничить свободные действия округов.[470] Вплоть до этого времени правители государства, похоже, не опасались угрозы общественному порядку, опасности для торговых интересов, ущерба для отправления правосудия, возможных узурпаций со стороны муниципалитетов, которые могли бы привести их к столкновению с упорядоченными силами мира; и в течение трехсот лет государственные деятели свободно позволяли расти муниципальным амбициям и давали полный простор для развития всех различных систем местного самоуправления. Вся важность этих фактов становится понятной только тогда, когда мы обращаемся к истории городов, которые находились в подчинении у других владык, а не у самой нации; и сравниваем мирные переговоры, в результате которых были улажены дела между королевскими округами и государством, с тем ожесточением, которое вызывали опасения и тревоги частных владельцев, когда они вступали в спор.

ГЛАВА VIII

Битва за свободу

(2) Города в феодальных поместьях

На королевских землях, как мы уже видели, интересы монарха никогда не сталкивались с интересами его бюргеров, и горожане находили легкий путь к свободе. Время от времени они подавали прошение о свободе, приносили дары, чтобы завоевать расположение государя, и с радостью несли обратно своим согражданам новую хартию о муниципальных привилегиях. Но положение городов, принадлежавших дворянам или баронам, было вдвойне плачевным по сравнению с их более счастливыми соседями. Второстепенные по численности, богатству и влиянию по сравнению с королевскими владениями, они в большинстве своем никогда не приобретали реального значения; в то время как их лорд имел все основания противостоять росту независимости в своих округах, и для ее полного подавления ему не хватало ничего, кроме необходимой власти. Новые франшизы скорее вымогались у его слабости, чем завоевывались его доброй воле, и там, где согласие на городские свободы не было навязано ему неодолимой силой, его сопротивление было упорным и настойчивым.

Спор был тем более острым, что в условиях английской жизни противоречия между городом и феодалом ограничивались очень узким полем; ведь бюргеры прекрасно понимали, как притязания лорда на верховенство могут надолго сковать активное сообщество торговцев, и по этому поводу горожане сражались с упорством, обусловленным убеждением, что от победы зависят все их надежды на процветание. Для промышленников и купцов правление чужеземного губернатора было фатальным; торговля угасала перед назойливыми проверками и произвольными поборами, и предприимчивые мещане спешили покинуть город, где процветание было чахлым, а свобода неопределенной, и принять гражданство в более процветающем районе. Успех и освобождение шли рука об руку; ведь последствия искалеченной и несовершенной свободы всегда были катастрофическими и далеко

идущими, и нет ни одного случая, когда английский город оставался бы в состоянии зависимости и в то же время процветал в торговле.

Одного-двух примеров будет достаточно, чтобы показать масштабы и характер притязаний торговцев на "свободы". Мещане Тотнеса, оштрафованные Генрихом Вторым за создание гильдии, не успели добиться ее разрешения от Джона, как тут же превратили ее в орудие нападения, причем грозное, с ее списком из более чем трехсот членов, против контроля их лорда над городским рынком и лавочниками. Гильдия требовала права принимать в свою компанию иногородних, чтобы те могли свободно торговать, не платя лорду никакой дани в течение одного года, а затем отдавать шесть пенсов ежегодно; и претендовала на право проверять весы и меры без приказа лорда-бейлифа; проводить ассамблею хлеба и эля и получать штрафы; и, очевидно, вершить правосудие за мелкие правонарушения. Эти узурпации его прав обсуждались между лордом и его арендаторами с бунтами и спорами, в которых лорд одержал победу в 1304 году, заставив бюргеров подчиниться по каждому пункту, в котором гильдия пыталась ввести обычаи, выходящие за рамки древних прав общины. Им было запрещено принимать в гильдию тех, у кого не было дома в городе, а иногородние должны были принести клятву перед своим судебным приставом и ежегодно платить лорду штраф. Ни один суд над весами и мерами не мог состояться до тех пор, пока сенешаль гильдии не получит приказ от лордского пристава; когда суд наступал, пристав и городской староста садились рядом с ним в Гилдхолле, чтобы выслушать обвинения, и даже тогда все ложные или подозрительные меры должны были храниться у старосты до следующего суда лорда. С другой стороны, бейлиф мог провести суд над мерами, если считал, что может сделать это лучше. Так же и хлебная ассамблея была передана лордскому бейлифу, заседавшему вместе с городским старостой; весь подозрительный хлеб и гири должны были быть конфискованы им, нарушители должны были быть оштрафованы в лордском суде, все наказания в виде тумб или столбов налагались по его приказу, а все доходы от штрафов передавались ему. Наконец, при рассмотрении дел о мелких кражах и беспорядках бейлиф заседал в присутствии городских чиновников и стольких бурgeois, сколько желало прийти, и принимал участие в разбирательстве, хотя иногда в его отсутствие городские чиновники могли действовать по общему согласию общины.^[471]

Такова была сравнительная беспомощность общины, которая, при всей своей целеустремленности, не могла привлечь на свою сторону ни обычаи, ни традиции, отстаивая независимые права. С другой стороны, в округе Барнстапл, который был пожалован королем^[472] сэру Джону Корнуоллу и его жене графине Хантингдон, мы имеем пример огромных преимуществ, которыми обладает город, который, хотя и стал частным владением, унаследовал традиции привилегий, которые его жители завоевали как арендаторы древних поместий. ^[473]В 1423 году мэр, олдермены и столичные бюргеры составили список подзаконных актов для надлежащего управления городом, которые, очевидно, вызвали опасения у его лордов. Ведь несколько лет спустя, возрождая древние традиции феодальной власти в иске к бору, они жаловались на то, что мэр и бургомистры своей властью принимали в качестве "бургомистров Винда" "иностранных" купцов и торговцев, которые просто посещали город; обращали в свою пользу штрафы с денщиков, относящихся к их лорду; что они взяли на себя исправление хлеба и эля, и незаконно захватили штрафы и пошлины; что они не позволили его служащим взять обычай по древнему обычаю у жителей Уэльса за их товары; и что они даже захватили штрафы, принадлежащие ему, за кучи мусора на улицах. Кроме того, они не оказывали господскому суду должного внимания и услуг от всех жителей округа, ибо без его разрешения сами устраивали суд каждый понедельник, а вместо того чтобы приходить на каждый суд господского управляющего, они приходили не чаще двух раз в год; также они не позволяли господским чиновникам делать в округе приписки на

Рождество Богоматери по древнему обычаю. Другими словами, горожане, как и жители Тотнеса за двести лет до этого, стремились регулировать свою торговлю и тратить деньги, собранные в судах и на рынках; но они были счастливее, чем жители Тотнеса, поскольку могли утверждать, что все эти так называемые узурпации были древними правами бургов, в силу, как они говорили, хартии, дарованной королем Ательстаном за 500 лет до этого. Но поскольку эта хартия, к несчастью, была "случайно утрачена", городу пришлось опираться на вердикт инквизиции, состоявшейся около 1300 года, относительно узаконений и франшиз, на которые он имел право, а также платежей, которые должны были выплачивать мэры и простолюдины вместо старых феодальных повинностей. Здесь барнстэпльцы успешно держались на ногах, а в 1445 году добились от Генриха Шестого хартии "для размещения бургов в спокойном ведении их дел", которая подтверждала за ними полные права самоуправления.^[474]

Борьба бургов со своими феодалами была, однако, делом малозначительным в Англии, где со времен Завоевания феодализм с точки зрения благородных имел столь неудовлетворительный послужной список. Отброшенный от высокого положения своих собратьев на континенте, лишенный своего могущества одним сильным королем за другим, он был обречен играть в Англии сравнительно скромную роль, а в отношениях с мещанами и торговцами даже вынужден был принимать примирительный, а порой и пренебрежительный тон, но не потому, что ему не хватало "высокого и напыщенного ума", а просто потому, что его судьба пошла на спад. Поэтому конфликт в Англии носил совсем иной характер, чем за границей. Мода на тщательный церемониал действительно долго сохраняла традиционное ощущение непроходимых барьеров между достоинством великих, чьи повседневные нужды обеспечивались трудом других, и низким положением тех, кто должен был зависеть от своего собственного труда. "Когда какой-нибудь дворянин или пэр королевства проезжал через любой приход, все колокола имели обыкновение звонить в честь его персоны и извещать о проезде такого высокопоставленного лица; а когда их письма по какому-либо случаю зачитывались на собраниях, присутствующие прихожане сдвигали свои чепцы в знак почтения к их именам и лицам". Мещане и подмастерья, беззлобно посмеиваясь над людьми, "вечно щеголяющими без лавки",^[475] собрались, чтобы увидеть, как благородный проезжает мимо "в своей мантии алого цвета шириной в двенадцать ярдов, с опущенными до земли рукавами, и с мехом в ней на сумму в 20 фунтов или даже больше", а за ним толпилась целая вереница последователей, с тревогой выхватывая обеими руками из грязи средневековых улиц широкие рукава, которые "скользили по земле" у них на боках, и с нетерпением следя, чтобы дамы не забыли полюбоваться "косичками сзади";", а оживленные насмешники с рыночной площади догадывались, что портные и скорняки скоро должны будут вынести свои ткани и шкуры в поля, если найдут достаточно места для выкраивания подобных одеяний.^[476] Но изящные одежды и неторопливое состояние великих людей, пустое украшение побежденного феодализма, не имели большого значения; Силы будущего лежали скорее на толпе рабочих справа и слева - на людях, которые смотрели, как проносится бравая процессия, а затем собрались в Общем доме и постановили, что любой мещанин, надевший ливрею лорда или принявший его содержание и защиту, должен быть вычеркнут из книги мещан, изгнан с рыночной площади и из зала собраний, и "чтобы он не появлялся среди них в их общинах".^[477]

На мгновение, действительно, благородное сословие было как бы отброшено в сторону сильным течением национальной жизни, и горстка семей, владевших половиной земли Англии, и меньшее баронство, следовавшее за ними, не могли прийти в себя от бессилия, от обеднения ума и упадка сил даже у самого крупного землевладельца и самого типичного члена их тела, Уорика Kingmaker. Пресыщенный владениями, вынужденный занять

руководящую должность главным образом благодаря внушительному списку своих знатных родственников и удивительному количеству своих поместий, патриот, посвятивший свои услуги делу фракции и безудержному господству семейной группы кровных родственников, полководец, так и не вышедший за рамки уже устаревшей системы ведения войны, лишенный, по слухам, личного мужества, покинутый в кризисной ситуации единственной организованной военной силой на государственной службе, - полководец со всеми готовыми инстинктами обычного пирата, - государственный деятель, созданный по старому родовому образцу, который научился политике за пару столетий до своего времени и до последнего оставался абсолютно слепым к великим движениям своего времени - администратор, который никогда не отказывался в критический момент поставить под угрозу самые важные национальные интересы - агитатор, неугомонный к революции, но чье влияние в национальных советах практически не имело значения, когда наступала пауза в простой борьбе - таким предстает перед нами Уорик, совершеннейший представитель своего деморализованного класса.

Условия, в которых жили в это время крупные землевладельцы, действительно были крайне неблагоприятны. С новой торговлей у них было сравнительно мало дел,[478] и дворянин, с его толпой иждивенцев и показным состоянием, действительно жил из рук в рот на урожаи со своих полей и добычу, полученную на войне.[479] По моде того времени сокровища семьи хранились в огромных дубовых сундуках; великолепные одеяния, золотые ткани, фигурные атласы, восточные дамаски и сицилийские шелка, бархаты и фламандские сукна, гобелены и тончайший лен, были навалены вместе с богатыми мехами куницы и бобра. Золотые цепи и ошейники "по старой моде" и "по новой", кольца и броши, украшенные драгоценными камнями, кушаки из золота или серебра, позолоченные знаменитыми иностранными мастерами, хранились в его крепких ящиках или в сейфах монастырей вместе с фужерами, кубками и тазами из золота и серебра, набросанными и тисненными "большими эмалями" или покрытыми серебром "парижской работы".[480] Но владелец всех этих непроизводительных сокровищ едва ли знал, куда обратиться за небольшим количеством готовых денег. Продуктов поместья хватало на нужды семьи, а если лорда вызывали на королевскую службу или ему приходилось присутствовать в парламенте, для лошадей везли запас овса, "чтобы сэкономить расходы его кошелька"; и целая армия слуг постоянно ездила взад и вперед за провизией с полей, прудов и солончаков дома, чтобы он никогда не был вынужден покупать за деньги у пекаря или на рынке.[481] Толпа иждивенцев, пополнявшая его обоз, легко довольствуясь праздным пропитанием, долей добычи во время войны, "содержанием" в судах и защитой от всех врагов, либо вообще не получала жалованья, либо соглашалась на самые ничтожные суммы - несколько шиллингов в год, когда они могли их достать, с "ливреей", поставляемой, как и еда, из поместья.[482] Ибо деньги, которых не хватало везде, нигде не были так скудны, как в домах помещиков, которые среди своих экстравагантных проявлений всегда находили одну вещь недостающей - несколько фунтов, чтобы заплатить старый долг или купить новое пальто. Сэр Джон Пастон, владелец обширных поместий в Норфолке, не раз был вынужден закладывать в Лондоне свое "бархатное платье и другие принадлежности", чтобы получить несколько марок; когда ему пришлось в голову собрать деньги на похоронный палантин отца, он обнаружил, что его мать была заранее с ним и уже заложила его. Во время нежданного визита в Вестминстер в 1449 году бедная леди Беркли с тревогой написала своему мужу, одному из крупнейших землевладельцев Англии: "По милости Божьей пришлите денег, иначе я должна заложить свою лошадь и вернуться домой на своих ногах"; и ему удалось собрать 15 фунтов на ее нужды, заложив книгу месс, потир и потиры из своей часовни.[483] Так и Пламптоны в Йоркшире постоянно испытывали денежные затруднения: слуги не платили, счета не оплачивались, долги в 2 10 фунтов и 4 фунта откладывались от срока к сроку, и наконец друг,

выступивший поручителем за долг в 100 фунтов лондонскому купцу, был арестован. "Мадам, - пишет леди Пламpton бедный торговец, - вы прекрасно знаете, что я живу только тем, что покупаю и продаю, и, мадам, я прошу вас прислать мне мои деньги". Один из членов семьи тщетно пытался уговорить друга купить ему черный бархат для платья. "Молю вас, вините мою неспособность, но не мою волю, - отвечает друг из Лондона, - ибо по вере своей я мог бы сделать это, только если бы мне пришлось бегать по лондонским газетам, чего я так и не сделал, так что с тех пор я жил плохо".[484] Когда наступали тяжелые времена, деревенские семьи свободно брали займы у соседей и родственников; никто, даже сестра короля-изготовителя, не стеснялся ссылаться на бедность как на причину отказа от сделки или просьбы о займе;[485] и те, кто был в лучшем положении, охотно давали в долг в надежде найти такую же помощь в случае затруднений.[486] Год за годом долги накапливались, пока смерть владельца не позволяла кредиторам вскрыть его сундуки и разбросать его сокровища, и тогда "набора, тарелок и вещей из дома и часовни" едва хватало на наследство и счета, отложенные благотворительные взносы и мессы, необходимые для спасения его души.[487]

Правда, бывали случаи, когда растущая бедность знати открывала легкий путь к освобождению городов, поскольку под давлением бедности или банкротства иногда удавалось убедить лорда боро, даже если у него в голове была лишь такая мера здравого смысла

"Как надо мерить туман с утра до вечера".[488]

что баланс выгод лежит на стороне свободы. Ведь в какой-то степени трудности землевладельцев возникали из-за того, что в их поместьях коммутация за феодальные услуги или повинности за владение землей была установлена в ранние времена, когда денег было мало, а требования к прибыли скромны, и эти поборы оставались фиксированными, когда цены росли и остро ощущалась потребность в готовых деньгах.[489] Но в то время как лорд не мог рассчитывать на увеличение своих земель, для него открылся новый источник прибыли в районах его владений. Он мог легко и уверенно находить деньги, сдавая в аренду горожанам права на торговлю, сбор пошлин и другие привилегии. В середине XIII века мэры и бюргеры Беркли получили от своего лорда свободу от всех видов пошлин, которые он требовал или мог потребовать от них;[490] и в XIV веке он сдавал им в аренду пошлины с пристани и рынка и получал от этой сделки большую прибыль, чем от всей аренды города.[491]

К тому же слабейшая корпорация обладала постоянством и непрерывностью жизни, что давало ей неисчислимые преимущества в противостоянии с отдельными людьми, подверженными всем случайностям и изменениям, связанным со смертностью. Для дворян борьба с городом была во многом неравной. Гонимый то туда, то сюда неотложными военными или королевскими делами, лорд почти никогда не был дома, чтобы заняться своими делами. В частых отлучках хозяев Беркли, вечно вызванных "государственными неурядицами", когда король призывал их к себе на помощь, будь то гражданская или завоевательная война,[492] соседние города Бристоль и Глостер находили возможность вырваться из-под их контроля; И поход барона и его сторонников из Беркли был предметом гораздо большей радости для жителей Бристоля, чем для самого лорда замка; ибо "домашние и внешние счета этого лорда, - говорят нам, - показывают его удивительное нежелание участвовать в этой шотландской войне; он отправил множество писем и посланий королю и другим лордам и фаворитам, которые его окружали, для

оправдания." [493] Когда в награду за свои заслуги один из Беркли получил в управление город Глостер, [494] ему также было поручено управление Бервиком, и, кроме того, он отлучался всякий раз, когда король оказывался в военном затруднении; так что бюргерам Глостера не стоило особо опасаться его. Забота о больших поместьях, по сути, постоянно возлагалась на женщин дома и управляющих, в то время как хозяин, движимый честолюбием или, что случалось довольно часто, вынужденный добывать деньги, сражался в Уэльсе или Шотландии, или искал грабежа во Франции, или места при дворе. На протяжении трех поколений земли Пастонов в Норфолке управлялись способными женами отсутствующих домовладельцев - судьи, который, должно быть, проводил большую часть времени в Лондоне или в разъездах; его сына, остроумного лондонского адвоката; и его внука, сэра Джона, молодого солдата, который болтался между Лондоном и Кале и единственной заботой которого о своей собственности было беспокойное требование арендной платы за нее. История семьи Пламpton была примерно такой же. Один из Пламптонов провел свои последние годы и умер во Франции; и не успел юный сэр Уильям достичь совершеннолетия в 1426 году, как он тоже покинул свои йоркширские владения и отправился во французский поход. [495]

На дворянское сословие также падали тяжелые последствия восстаний и гражданских войн, главными сторонниками которых они были. Если лорд погибал в бою, его поместья могли перейти к несовершеннолетнему; если он умирал на эшафоте, они переходили к короне; или долгое тюремное заключение могло нарушить его самые смелые планы по укреплению власти над своими районами. Так, например, молодой лорд Морис Беркли был втянут в восстание против Эдуарда Второго и умер в тюрьме четыре с половиной года спустя. За все время, пока владел своими поместьями, он был на свободе всего четыре месяца; а его старший сын, который был заключен в тюрьму вместе с ним, вышел на свободу только через несколько месяцев после смерти отца. [496] Между тем города всегда быстро извлекали выгоду из таких волнений и революций, как, например, когда граф Девоншир был арестован Эдуардом Четвертым после битвы при Тоутоне за поддержку ланкастерского дела, и жители Эксетера воспользовались столь благоприятной возможностью, чтобы потребовать возвращения пригорода, простирающегося до берега реки, который графы удерживали, чтобы укрепить свою власть над судоходством по Эксе. [497]

Положение лорда также не стало более обнадеживающим из-за яростной вражды между знатными и благородными, которая отвлекала провинции в пятнадцатом веке, и непрекращающихся судебных процессов, с помощью которых землевладельцы пытались поправить свое положение. В 1463 году Джеймс лорд Беркли заключил соглашение с графиней Шрусбери о том, что они больше не будут вести судебные баталии; ведь ему тогда было шестьдесят девять, а ей - пятьдесят два, и ни один из них с тех пор, как достиг возраста благоразумия, "не наслаждался тремя месяцами свободы от судебных тяжб". [498] Они также не вели свою борьбу только в судах, а продолжали открытую войну, от которой Глостершир отвлекался с 1421 года, и которая оказалась одной из самых смертоносных среди многочисленных провинциальных конфликтов пятнадцатого века. Периодически умиротворяемая, чтобы вспыхнуть с новой силой, с обычными инцидентами в виде повешений, штрафов, тюрем и выкупов, она, наконец, достигла кульминации в 1470 году в битве на Нибли-Грин, где Беркли триумфально поддержали свое дело во главе около 1000 сражающихся мужчин, а лорд Лисл, сын леди Шрусбери, возглавлявший вражескую армию, был убит. Для деревенских жителей и торговцев эта вражда дворян несла с собой, как нам говорят, "плохие последствия и разрушения мелкой войны, в которой город Беркли, со своей стороны, видел сожжение и разрушение многих своих старинных домов, а его старая рента, которая до того времени составляла 22 фунта стерлингов в год и выше, в результате этих

разрушений упала до 11 фунтов и ниже, где и остается по сей день, не восстановив своего древнего блеска и величия".[499] Подобные распри были отнюдь не единичными и не имели аналогов, и истории Норфолка, Йоркшира, Дербишира или Ланкашира содержат записи о подобных бесчинствах. Эксетер был взбудоражен большой дракой в Клистхите в 1453 году между графом Девоном и лордом Уильямом Бонвиллом, где многие люди были тяжело ранены и много пострадали: "поводом для этого послужила собака; но в городе возникло большое недовольство, где вскоре после драки лорд Бонвилл укрылся, что граф воспринял с недоверием, думая, что это было сделано городом в знак недовольства собой".[500] Инстинкт самозащиты, естественно, заставлял города отделять свои интересы от знати, чей союз приносил бедствия и разорение простым торговцам, и в каждом боро статут за статутом запрещал жителям носить "ливрею"[501] любого лорда, что свидетельствовало о решимости городов отсечь от великих людей страны любую возможность разжигания раздоров в их пределах.

Но если округа, находящиеся во владении частного лорда, могли получить преимущества за счет его бедности, несчастья или слабости, их положение было существенно хуже, чем у городов, находящихся в общественном владении.[502] В истории Ливерпуля мы имеем любопытную иллюстрацию судьбы района, которому выпало попасть в одно время в руки государства, а в другое - в руки знати, и чьи превратности в конце концов оставили его в каком-то неопределенном состоянии, где он был обязан почтительно повиноваться покровителям или хозяевам со всех сторон.

Ливерпуль, который был пожалован Генрихом Вторым констеблю замка Ланкастер, был возвращен в 1207 году Иоанном, который даровал ему хартию торговых привилегий. Новая хартия Генриха Третьего в 1229 году даровала ему гильдию купцов и гансов, свободу от пошлин и права свободного города; на следующий же день после этого пожалования Генрих передал бургомистрам в аренду на четыре года ферму с гонораром в 10 фунтов стерлингов в год.[503] Таким образом, были заложены истинные основы муниципальной независимости. У города была общая печать; один из двух бейлифов, очевидно, избирался народом и занимался сбором пошлин на ферму; оживленная торговля с Ирландией в то время и более позднее преимущество безопасного места высадки войск, которое стало очень важным по мере заиливания гавани Честера, обещали процветание. Однако в том же году город был отдан королем графу Честеру, затем в 1232 году перешел к графу Дерби, а в 1266 году был отдан Эдмунду Краучбеку, графу Ланкастеру, и под властью лордов Ланкастеров Ливерпуль оставался до столетия, когда в 1361 году он перешел по браку к Джону Гонтскому.

Все надежды на свободу Ливерпуля угасли при новых лордах. Более ста лет пожалование фермы не возобновлялось, а на запрос "Quo Warranto" в 1292 году при Эдуарде Первом "некие люди из Ливерпульского бора пришли от имени содружества и заявили, что в настоящее время у них нет своего бейлифа, но они привыкли его иметь, пока брат короля Эдмунд не помешал им и не разрешил им не иметь свободного бора". Поэтому они требуют только "освобождения от общих штрафов и поборов графства и т.д., а также от пошлин, поборов и т.д. во всем королевстве", ибо "что касается других вольностей", которые они имели раньше, "то их теперь имеет вышеупомянутый Эдмунд". Они цитируют хартии, чтобы показать, что их древние вольности принадлежали непосредственно короне, и суд решил, что "Эдмунд узурпировал и захватил вышеупомянутые вольности", и приказал ему явиться к нему; но, похоже, никаких мер против него принято не было, и в течение сорока лет он и его преемники продолжали сами собирать пошлины.[504] Наконец в 1356 году повелитель Генрих разрешил горожанам ежегодно избирать мэра, а в следующем году первый герцог

Ланкастер (тесть Джона Гонта) сдал ферму мэру и другим лицам в аренду на десять лет,[505] и Ливерпуль, таким образом, был восстановлен в том же положении, в которое король поставил его сто тридцать лет назад. Но и теперь его ограниченные привилегии зависели воли и каприза лорда; он мог передать аренду фермы с правом сбора пошлин за аренду мэру, или бывшему мэру, или кому угодно; он мог предоставить ее на год, или на десять лет, или забрать все в свои руки. В сущности, вопросы удобства и выгоды, похоже, заставляли оставлять сбор налогов в основном за городскими чиновниками. Когда Джон Гонт по просьбе "честных и благоразумных бургомистров" предоставил свою аренду, ее условия были закреплены в патенте "нам самим, мэру и судебным приставам"[506], и в его время аренда обычно предоставлялась на десять лет.[507]

Как бы ни смягчались некоторые недостатки такой системы благодаря благоразумию правителей, стремящихся получить как можно больше прибыли от своих подданных, реальной гарантии свободы или безопасности для народа не было. Но когда после смерти Джона Гонта в 1399 году герцогство Ланкастерское было присоединено к короне, появился новый проблеск надежды. Ферма Ливерпуля, как и Лестера, теперь снова выплачивалась королю; похоже, была предпринята попытка отменить старую неопределенную систему[508], и в 1421 году Генрих V предоставил корпорации ферму на один год, пока проводилось расследование относительно стоимости имущества и условий его владения со времен Джона Гонта. Смерть короля, однако, остановила процесс, и растущее состояние города было погашено двумя великими семьями, которые с этого времени окончательно обосновались в нем.[509]

Теперь Ливерпуль был зажат между двумя враждующими крепостями. Сэр Джон Стэнли с армией приверженцев расположился в большом квадратном укрепленном форте с подчиненными башнями и зданиями, образующими три стороны четырехугольника, и все это было посажено на берегу реки, откуда открывался вид на город и Мерси, где стояли корабли Стэнли и откуда они отплывали в свое новое королевство, на остров Мэн.[510] Сэр Ричард Молино, как наследный констебль, владел королевским замком, расположенным чуть дальше по течению реки, с площадью в пятьдесят квадратных акров, защищенным четырьмя башнями и окруженным фоссом шириной в тридцать ярдов, большая часть которого была вырублена в твердой скале.[511] Когда в 1424 году между хозяевами этих соперничающих крепостей разгорелась ссора, Стэнли собрал в городе множество людей в количестве 2000 или более человек, заявив, что сэр Ричард Молинекс "придет сюда с большим скоплением, беспорядками и великим множеством людей, чтобы убить и избить упомянутого Томаса (Стэнли), его людей и слуг, чему он будет сопротивляться, если сможет". С другой стороны, сэр Ричард собрал свои силы возле болота Западного Дерби, "и там, на лугу в пределах упомянутого города, мы увидели упомянутого сэра Ричарда с большим скоплением, беспорядком и множеством людей, числом в 1000 человек и более, одетых так, чтобы идти на битву, и быстро приближающихся к городу Ливерпулю". Схватку удалось предотвратить только благодаря шерифу графства, который поспешил на помощь во главе своих войск и сумел захватить сначала Стэнли в его башне, а затем Молино, когда тот скакал к городу.[512]

Такие сцены бунта и беспорядков были губительны для процветания и муниципальных надежд Ливерпуля; но от их нежелательных покровителей не было спасения. Оба великих дома сражались за Йорк, и в ответ Эдуард Четвертый пожаловал Стэнли район Ливерпуля и другие владения, ранее принадлежавшие герцогству Ланкастерскому, а Молино стал главным лесничим Вест Дерби, управляющим Вест Дерби и Салфорда и констеблем Ливерпульского замка. Ричард Третий снова дал Стэнли большие наделы в Ланкашире и

утвердил Молиноксов в их должностях, а[513] и Генрих Седьмой благосклонно отнеслись к их притязаниям. В те времена лорды были большими и важными людьми, а маленький городок не имел никакого значения. Его независимость угасла, а проблемы фермы возродились в прежнем дурном виде. Вопрос об аренде так и не был решен, но в любом случае он вышел из-под контроля корпорации. С 1495 года она на долгие годы перешла к Дэвиду ап Гриффиту, который, став мэром в 1502 году, возобновил ее. Генрих Восьмой сдавал его в аренду в 1525 и 1529 годах своей вдове и зятю на срок, который должен был истечь в 1566 году. Однако в 1537 году она была передана Томасу Холкрафту, который сдал ее в субаренду сэру Уильяму Молино. Мэр и корпорация при Эдуарде Шестом объявили власть семьи Молинье незаконной и предъявили претензии по старой аренде, предоставленной Гриффиту. В течение многих лет они упорно боролись за это дело, полагая, вероятно, что дом их старого мэра более точно представляет город и его интересы, чем дом Молинье; один из них был брошен в тюрьму за свое сопротивление при Марии.[514] Окончательно право на ферму было предоставлено корпорации только в 1672 году, и Ливерпуль на протяжении пары столетий был настолько измучен необходимостью поддерживать отношения с двумя великими семьями, которые властвовали над ним, а также с канцлером герцогства Ланкастерского,[515] то ли при сборе скудных налогов, то ли при выборе своих мещан в парламент, что история его гражданского развития долгое время не имела значения.[516]

ГЛАВА IX

Битва за свободу

(3) Города в церковных поместьях

Города, расположенные в церковных поместьях, составляют отдельную группу, чья судьба существенно отличалась от городов, расположенных в древних демеснах или на феодальных землях. Вся мирская собственность подчинялась только законам и обычаям, которые в конечном итоге определялись необходимостью социальной или политической целесообразности, и которые, касаясь светских владений для светских целей, могли быть отменены так же, как и созданы. Но города, причисленные к церковным владениям, находились в особых условиях, которые управляли этими владениями, где религиозное и сверхъестественное влияние было поставлено на службу материальным благам, и духовная власть пыталась зафиксировать колебания политических условий в вечной неизменности. Прелаты Церкви исповедовали двойную власть, не только как феодалы, но и как хранители вотчины святого Петра, держащие имущество в доверительном управлении для великой духовной корпорации и осуществляющие власть, поддерживаемую грозными санкциями. Если слова о собственности всегда впечатляют, то среди мирян они все еще открыты, при достаточно сильном давлении, для разумного обсуждения; и признается, что временные права могут быть благоразумно обменены на другие, более целесообразные, или могут быть справедливо выменены как средство приобретения постоянного и безопасного существования. Однако Церковь, плодотворно смешивая термины "церковный" и "религиозный", предполагала, что владеет собственностью на ином основании, чем любой мирской владелец; обхваченная огромными гарантиями, на которые мирской мир не может претендовать, и опираясь на сверхъестественную поддержку для избавления от всех

опасностей, она тем лучше могла отказаться от обсуждения сделок, предлагаемых простой политической целесообразностью.

Трудность примирения этого предположения о постоянном и неделимом верховенстве с реальными фактами жизни стала очень очевидной с течением веков, когда по целому ряду причин клерикальный орден уже не мог сохранять то место, которое он когда-то занимал в качестве передового стража промышленности и образования, и его тенденция заключалась в том, чтобы опуститься до положения класса-паразита, который сам ничего не производит, но цепляется за средства богатства, созданные трудом подвластного народа. С мудростью, рожденной опытом, церковь была готова предоставить своим арендаторам все торговые привилегии и любые свободы, которые непосредственно способствовали накоплению богатства;[\[517\]](#) но поток ее либеральности внезапно иссяк, когда горожане предложили добавить политическую свободу к материальной выгоде, и вряд ли он снова оживится от грубого простодушия, с которым простой народ решил вопрос о светлости каноников и монахов.

"Unneth (едва ли) might they matins say,
Для подсчета и суда".

"Святой Бенет никогда не заставлял никого из них
Не имел власти ни над городом, ни над людьми".[\[518\]](#)

С другой стороны, поднимающиеся муниципалитеты, даже если их история насчитывала всего столетие или два, были наделены всеми молодыми и энергичными силами современного мира; нет ни одного случая, чтобы в городе оживленная торговля шла рука об руку с покорным духом или чтобы непобедимая дерзость коммерческого предприятия не бросала свою буйную силу в область правительства и политики. Однако при всей своей неиссякаемой энергии бюргерам еще предстояло понять, что свободу можно завоевать где угодно, только не в руках церковного владыки. Если Норвич получал от щедрот королей одну привилегию за другой, пока его освобождение не стало полным, то его сосед Линн, столь же богатый и предприимчивый, но подчинявшийся епископу Норвича, в 1520 году боролся за то, чтобы получить такой же контроль над своими местными судами, какой Норвич получил за триста лет до этого. Королевскому району Сэндвич на протяжении веков разрешалось избирать мэра и управлять собой, а Ромни, тоже один из Синк-Портов, но принадлежавший архиепископу Кентерберийскому, получил право выбирать мэра только во времена Елизаветы, а тем временем управлялся любым из оруженосцев или слуг архиепископа, которого он мог послать в качестве пристава, и был вынужден принимать любые меры, с помощью которых, находясь в кабале, он мог обрести свободу. Дюжина поколений ноттингемских бюргеров распоряжались своим рынком, брали арендную плату за свои мясные и рыбные лавки и кладовые, контролировали торговцев шерстью и мерсеров и принимали новых бюргеров в свою компанию по общему согласию, а жители Рединга все еще тщетно пытались использовать все средства, с помощью которых они могли бы получить подобные привилегии от аббата, владевшего городом. Повсюду повторялась одна и та же история с различными проявлениями страсти и насилия. Иногда борьба длилась веками, в других случаях она заканчивалась рано. Некоторые округа добились умеренного успеха, другие тратили свой труд и свои сокровища ради незначительного вознаграждения. В одном месте на город оседает руина, в другом отблески временного успеха разжигают новые надежды, в третьем упорная борьба продолжается с монотонным упорством; но везде гнев и месть ждут дня возмездия, когда монастырь и приорство будут сравнены с землей.

I. Существовала явная разница в судьбе городов, находившихся под властью епископа, и тех, что подчинялись монастырю. Бюргеры, подчинявшиеся епископу, имели дело с господином, чье богатство, чье влияние, чье политическое положение, чье воспитание делали его гораздо более грозным противником, чем любой светский владыка. С другой стороны, он, вероятно, жил в некотором отдалении от города, и, поскольку на него было возложено управление епископством и владениями престола, помимо всех дел крупного придворного чиновника, занятого важными государственными делами, у него было лишь ограниченное внимание к его делам. По мере того как престол переходил из рук в руки, решительная борьба со слишком амбициозным городом, начатая одним епископом, могла заглотнуть при более слабом правлении, равнодушии или более мудром суждении его преемника. Поэтому в случае с городами в епископских владениях, если борьба была тяжелой и дорогостоящей, все же ее исход не был окончательно определен заранее, и мещане могли надеяться хотя бы на частичную победу. Но освобождение горожан было отложено надолго, и в XV веке существовали районы, где рука епископа все еще сильно давила на жителей.[\[519\]](#)

Один из величайших торговых городов Англии дает такое представление о непрекращающейся борьбе за права, которые были мирно предоставлены задолго до этого каждому процветающему району в королевских владениях. Епископ Норвича был владыкой Линна с самой ранней его истории.[\[520\]](#) Правда, около 1100 г. н. э. некий епископ Герберт передал церковь Святой Маргариты и небольшой район вокруг нее - между Миллфлит и Пурфлит - монахам из Норвича. Но земля за этими границами по-прежнему принадлежала церкви. Расположенный в устье реки Оуз и являющийся единственным выходом для торговли семи графств, Линн должен был стать одним из великих торговых портов восточного побережья, и епископы оказались хорошими распорядителями своих владений. По мере того как население перерастало Линн прежних времен, с его маленьким рынком, закрытым между Гилдхоллом и церковью Святой Маргариты, где киоски тогда, как и сейчас, прислонялись к стенам приходской церкви, и переплетением узких переулков, ведущих к реке, дома стали тянуться над безлюдным болотом, простиравшимся на север вдоль берега реки. Под энергичным руководством прелатов море, которое то и дело разливалось по болоту, было оттеснено назад, и против него возвели огромную стену длиной 340 футов и толщиной девять футов у основания; другая каменная стена шла вдоль восточной стороны, чтобы защитить город от врагов, которые могли бы подойти к нему по суше. Во второй половине двенадцатого века на вновь завоеванных землях вдоль берега реки вырос "епископский Линн" с большой рыночной площадью, церковью, еврейским двором и купеческими домами; вскоре в гуще самого оживленного квартала у пристаней появился "каменный дом" самого епископа, внимательно взирающего на "чужие корабли", которые шли по Оузу, груженные провизией и товарами.

Линн теперь вполне мог стать Ливерпулем средневековья. При короле Иоанне его благоразумный епископ добился для города хартий, предоставляющих ему все вольности и привилегии свободного города, сохраняя права его лордов;[\[521\]](#) и тут же приступил к сделке с монастырем в Норвиче, чтобы отвоевать у него всю мирскую собственность в старом городе, оставив монахам только церкви и духовные права. Вновь став единоличным хозяином города, его верховенство нарушали лишь лорды замка Райзинг, которые на основании пожалования от Вильгельма Руфуса претендовали на половину прибыли от тальбот и портовых пошлин, в то время как епископ имел другую половину. Однако в 1240 году между прелатом и бароном было составлено точное соглашение об их правах, и приставы обеих держав поддерживали несколько бурную юрисдикцию над водами

Линна,[522] взимали свою долю пошлин, уплачиваемых городскими торговцами за грузы сельди или за дерево, шкуры и вино, которые они импортировали из чужих краев, и по своему доставляли неудобства из-за таможен, жалоб и так далее. Так, Роберт Монто, во времена Эдуарда Второго, учредил суд при собственном бейлифе у одного из мостов и заставил купцов, "приплывающих в упомянутый город Линн со своими кораблями и лодками, нагруженными как людьми, так и товарами," и угрожая им камнями, чтобы они высадились на берег и задержались, и вымогая с них большие штрафы", пока, наконец, в отчаянии торговцы не бросили свое дело и не продали все свои корабли и лодки. А когда в 1317 году возмущенные бюргеры в свою очередь набросились на этих чужеземных чиновников и бросили в тюрьму самого Роберта,[523] эта вспышка принесла им только новые беды, поскольку королевские судьи приговорили их к искуплению своего преступления путем выплаты оскорбленному лорду в течение следующих шести или семи лет штрафа в размере четырех тысяч фунтов, что практически равнялось конфискации всех городских расходов в течение примерно тридцати лет. Однако вскоре после этого права лордов Райзинга были проданы вдовствующей королеве Изабелле, а через нее перешли к Эдуарду Третьему; таким образом, грубым и готовым методам их судебных приставов был положен конец.[524]

Власть епископа, с другой стороны, оставалась нетронутой. Через своего управляющего он владел судом Холла; далее ему принадлежал суд Лита и франкпледжа; он владел судом Толбута. Был, правда, и мэр[525], но его власть была невелика, поскольку епископ, который охотно давал своим бюргерам привилегии торговли[526], еще меньше стремился к тому, чтобы они установили какое-либо реальное самоуправление. Если мэр не проявлял послушания или уважения, он мог сразу же лишиться своего поста, поскольку его должность была утверждена и назначена епископом. Его полномочия по взиманию налогов были ограничены и находились под контролем лорда, он также не мог взыскивать суммы, взимаемые с простолюдинов. Ему не поручалась ни охрана, ни защита города; именно епископ распоряжался городскими воротами, мог приказать закрыть их по своему желанию и с помощью вооруженных людей привести приказ в исполнение.[527] Что было гораздо важнее, епископ под предлогом защиты бедняков от тирании забрал у него право заставлять жителей принимать участие в голосовании, и, создав в городе зависимое от себя население, окончательно разделил его силы.[528]

Однако, как и в других городах, так и здесь гильдия купцов оказалась мощнейшей организацией для завоевания местной независимости.[529] Линн уже в тринадцатом веке стал одним из самых богатых городов страны, а мэра поддерживала гильдия, столь же искусная и богатая, как и любая другая в Англии. Когда однажды встал вопрос о том, кто именно - он или епископ - должен командовать в воротах города, в игру вступили две равноценные и грозные силы, и двухсотлетняя война велась с обеих сторон с насилием и хитростью, и до последнего оставалась сомнительной. Епископ внимательно следил за всеми попытками мэра расширить свои полномочия или возвысить государство, а мэр не менее ревниво следил за притязаниями своего господина. В ходе многочисленных экспериментов по созданию конституций для своего правительства Линн снова и снова раздирали споры и мучили трудности, связанные с правильным распределением полномочий между различными сословиями; и в каждую конституционную борьбу епископ вмешивался заново, а зачастую почти диктовал окончательное решение. Мещане обращались с ним по мере необходимости. Чтобы смягчить его сердце, ему постоянно подносили подарки. Трубка красного вина, сосуд рейнского вина, порция овса с осетриной, щукой и десятником составляли одно из этих мирных подношений;[530] в другое время это был бы дорогой подарок из воска. Но то, что они давали одной рукой, они готовы были отнять другой; и при счастливом стечении обстоятельств они бесцеремонно присвоили себе дом,

сто акров земли и двадцать акров пастбищ, которыми епископ владел по праву своей церкви Святой Троицы в Норвиче.[531] Когда споры разгорались, то по одному поводу, то по другому, прелаты и горожане призывали на помощь королевскую власть. Если во время прилива смывало морскую стену, мещане обращались в Тайный совет, чтобы заставить епископа восстановить ее;[532] или требовали правосудия против него, ссылаясь на то, что он узурпировал право их собственных чиновников на проведение суда лита и суда толбута. Решение короны принималось то на одной, то на другой стороне; или же государь мог на время взять спорную власть в свои руки. Но неизбежно, что окончательный выигрыш доставался королю, чей авторитет укреплялся каждой апелляцией к его верховной юрисдикции; в то время как меньшая прибыль поступала в суд в виде подарков высокопоставленным чиновникам и великим людям, а также королевским судьям, когда они приходили на заседания в Гильд-холл, и город щедро тратил свои сокровища на дорогие обеды и разнообразные вина, а также на подарки им и их клеркам.

С начала четырнадцатого века мы можем проследить за тем, как город постепенно совершенствовал свою муниципальную организацию. Сначала были приняты необходимые финансовые меры предосторожности. В 1305 году Гильдия укрепила свои позиции с помощью хартии, закрепившей за ней все земли и владения, а мэр получил право отчуждать суммы, взимаемые в пользу простолюдинов.[533] Затем на собрании, состоявшемся в Гилдхолле в 1314 году, двадцати шести лицам были даны полномочия избрать двенадцать наиболее влиятельных горожан для обеспечения всех дел, касающихся общины, в королевском парламенте и в других местах.[534] Но настоящая борьба, похоже, началась около 1327 года, когда много денег было потрачено на адвокатов, переговоры с епископом и новую хартию, а в 1330 году дела все еще продолжались: увеличилась плата за услуги адвокатов и посыльных в Лондон. Наконец, в 1335 году город получил новую хартию от короля за 55 фунтов стерлингов и множество подарков королю, королеве и епископу.[535] В этом или следующем году он получил, среди прочего, право на то, чтобы все завещания, затрагивающие собственность в городе, доказывались в Гильд-холле перед мэром и бюргерами.[536] Епископ, похоже, нашел средства победить намерения бюргеров в этом конкретном требовании; но оставался один важный вопрос, который лежал в основе всех мелких противостояний, - вопрос об отправлении правосудия в городе: кто должен председательствовать в судах - мэр или церковный чиновник, и должны ли их доходы, штрафы и неустойки идти на пополнение казны епископа или муниципалитета. Мэр проводил суд в Зале гильдии дважды в неделю и обладал юрисдикцией в отношении всех проступков и долгов, возникающих на воде между границами С. Эдмонднесса и Стейпл Вейра,[537] и, похоже, теперь он также претендовал на вид франкфедерации и уголовную юрисдикцию суда Леета. Епископ ответил решительным отказом. В 1347 году он принял вид франкфедерации на людей Линна и владения, ранее принадлежавшие корпорации, и отнял или пригрозил отнять у мещан право избирать своего мэра. В связи с этим была подана апелляция королю, который направил королевскую комиссию для расследования спора, а сам тем временем собственноручно завладел видом на Франкпледж и землями, передав первое на время шерифу графства, а второе - королевскому эсквайру.[538] Возможно, была предпринята попытка компромисса, но новая хартия 1343 года, в которой епископ подтвердил вольности, дарованные его предшественниками,[539] даже если она и разрешала выборы мэра, оставила нерешенным главный вопрос о судах. Мещане по-прежнему спорили о том, не имеют ли городские чиновники права проводить фрэнкпледж и хустинг-суд, разбирать плейсы - в общем, осуществлять все более важные права, которые теперь монополизировал епископ; и настаивали на избрании собственного мэра. Напрасно Эдуард Третий приказал мэру и общине под страхом лишения свободы изменить свое поведение и не причинять вреда епископу;[540] и в конце концов все дело было передано в

королевский суд в 1352 году, когда судьи приняли решение против города по всем вопросам. Однако, несмотря на вердикт, был один пункт, по которому жители отказались подчиниться, и епископ был вынужден подтвердить их право ежегодно избирать одного из них мэром, хотя он и навязал значительное признание подчинения, потребовав, чтобы мэр сразу после выборов предстал перед ним или его управляющим и поклялся поддерживать права церкви Норвича.[\[541\]](#)

Но горожане никогда не соглашались с решением королевских судей и при каждой провокации громко заявляли о своем протесте. Когда епископ посетил Линн в 1377 году, он потребовал, чтобы в знак признания его верховенства городской сержант нес перед ним жезл, увенчанный с обоих концов черным рогом, который обычно носили перед самим мэром. Со своей стороны они охотно согласились, отвечали учтивые мэр и олдермены, но опасались, что при столь вопиющем нарушении древних обычаев и вольностей общинники, "всегда склонные к злу", непременно обрушат на епископа камни и выгонят их города. Но епископ грубо упрекнул мэра и его братьев в том, что они "меки и ублюдки" и боятся вульгарных людей, как будто для него важно, что скажут простые люди; и отправился в путь с жезлом наперевес. Однако он ехал один со своими последователями, потому что никто из мещан не хотел его сопровождать; и когда он ехал, весь народ поднялся и своими луками, дубинами, шестами и камнями разорвал храбрую процессию и обратил епископа и его людей в бегство, унеся с собой множество раненых и пострадавших.[\[542\]](#) Не исключено, что потасовка была затеяна проницательными мэром и советом, чтобы окончательно порвать с епископом и простым народом. Но их противник оказался слишком силен для них. Епископ передал свою жалобу в Королевский совет, и "за проступок, совершенный им в городе", бюргеры едва избежали наказания, потратив сумму, равную, возможно, двум годам городских доходов, на штрафы и подарки королю, его матери и другим людям, которые "трудились для общества"; кроме того, они заплатили 116 фунтов 10 шиллингов. 0d. за расходы мэра, олдерменов и бургезов на поездку в Лондон по этому делу.[\[543\]](#) Семьдесят лет спустя, после ряда конституционных неурядиц, старая ссора о правах юрисдикции и использовании символов верховной власти разгорелась с новой силой. В 1447 году мэр получил от короля разрешение на ношение перед собой меча[\[544\]](#) с поднятым острием - последней и высшей эмблемы абсолютной юрисдикции. В это оскорбление его достоинства епископ вмешался быстро и решительно, и в следующем году король был вынужден написать, что, несмотря на свои добрые намерения, он должен помнить свою коронационную клятву соблюдать права Церкви, и что мэр должен впредь не носить перед собой ни меча, ни булавы. Однако в 1461 году, независимо от того, получил ли город новый грант от Эдуарда или воспользовался смутным временем, чтобы подтвердить свои права, в общих счетах регистрируется выплата 4 д. за "чистку меча мэра" и 6s. 8 д. за "пунцовый бархат для меча и для его отделки".[\[545\]](#) А когда в 1462 году епископ прибыл в город с шестьюдесятью вооруженными людьми и приказал закрыть за собой ворота, отношение жителей не могло быть ошибочным: "мэр и все простолюдины Линна хранили молчание", когда епископу открыто бросал вызов на улицах лорд Оксенфорда со своей дружиной, хотя "епископ и его оруженосцы упрекали мэра Линна и говорили, что он навсегда опозорил и его, и его город, и много других слов". Шестьдесят человек епископской дружины так ясно представляли себе положение вещей, что "когда мы встретились, с ним было не более двенадцати человек с его оружейным сержантом, и *этот сержант был готов положить свою булаву*; и так в тех же воротах мы вошли, мы вышли, и никакой крови не пролилось, слава Богу".[\[546\]](#)

Этот инцидент не смягчил страсти и не примирил соперников, но исход распри по сравнению с боевыми действиями прошлого века показывает, как менялось соотношение сил. Ресурсы епископа истощались быстрее, чем его притязания; каждому торговцу в Линне постоянно напоминали, что в Норвиче, расположенном всего в пятидесяти милях от него, горожане с 1194 года имели свой собственный городской суд, а с 1223 года - высший суд с видом на франкфуртский залог. Сами они ждали этих привилегий уже триста лет, и разрешить их можно было только одним способом. В 1473 году ссора по поводу вида на Франкпледж все еще продолжалась[547], но в конце концов епископ был вынужден пойти на компромисс, который сохранил его исторические претензии нетронутыми в теории, в то же время передав реальную власть муниципалитету. Ради мира он согласился в 1528 году сдать в аренду мэру и бургомистрам ежегодный лейт, порт Стюартс-Холл и порт Толбот;[548] кроме того, различные сборы с ярмарок и рынков, с бродячих животных и некоторые другие права. Более грубый и эффективный конец ссоры был положен резкими методами Реформации, когда епископский Линн окончательно стал королевским Линном.

II. Если города, присоединенные к епископству, находились в сложном положении, то в случае с теми, которые находились под властью и управлением монастыря, эта сложность значительно возрастала. Города, принадлежащие аббату или приору, как и все остальные, были взбудоражены всеобщим рвением к освобождению, но они были практически отрезаны от всякой надежды на настоящую свободу. Сила, с которой им приходилось бороться, была непобедимой. Против маленькой светской корпорации выступала великая церковная корпорация, богатая, влиятельная, сплоченная, упорная, бессмертная. Все элементы, составлявшие силу города, были подняты в монастыре на еще более высокую степень совершенства, и борьба была длительной, напряженной, а в лучшем случае оставалась лишь нарисованным сражением, не ставящим под сомнение ничего, кроме вражды сражающихся. Иногда поражение города в XV веке было столь же полным, как и за двести лет до этого. Чиренчестер, получивший от Генриха Четвертого широкие привилегии в обмен на политические услуги в трудное для него время, был, наконец, полностью побежден,[549] и вернулся под контроль аббатства так же полностью, как и Сент-Албанс в прежние времена.[550] В других случаях сопротивление было более энергичным и продолжительным, и в какой-то мере успех был вознагражден.[551]

Как и в случае с городами в феодальных владениях, любой район, хранящий традиции свободы, переданные от государства с большими свободами, мог иметь некоторую надежду на конечный успех, но в противном случае восстание могло закончиться только поражением, настолько окончательным и решительным, что не оставляло места для дальнейших споров. Под влиянием народного движения, которое, кажется, взбудоражило многие города после восстания, произошедшего во времена Симона де Монфора, жители Сент-Эдмундсбери около семидесяти лет вели отчаянную борьбу с аббатом, который ими управлял. В 1264 году случилось так, что "более молодые и менее осмотрительные" жители города организовали заговор под прикрытием гильдии, названной "Гильдией молодых людей", и, презрев древний рог общины, создали свой собственный общий рог. Триста с лишним заговорщиков, известных под именем "холостяков", обязались не подчиняться никаким приставам, кроме олдерменов и приставов своей гильдии, отвечать на звуки своего нового общего рога вместо старого рога, а всех, кто к ним не присоединится, считать врагами общества, [552] вскоре оказались вовлечены в беспорядки и яростное сопротивление аббату из-за закрытых ворот. Однако после обращения аббата к короне город испугался, гильдия была уничтожена с помощью более благоразумных людей, а восстание подавлено.

Однако не прошло и тридцати лет, как бюргеры вновь вспомнили о своих старых преступлениях: заставляли горожан против их воли идти в зал гильдии и приносить ей клятву верности; взимали пошлины и налоги, натравливали на купцов, торговавших на аббатском рынке, чтобы вымогать у них деньги; препятствовать осуществлению правосудия над купцами, подозреваемыми в продаже товаров за пределами этого рынка, и отказывать любому члену гильдии в праве подать иск в аббатский суд против любого другого брата гильдии: В то время как аббат со своей стороны отстаивал свое право выбирать олдермена города и назначать стражников ворот. Несмотря на компромисс, достигнутый перед королевскими судьями, присланными в следующем году для расследования дела, в 1304 году те же обвинения были вновь выдвинуты против мужчин Бьюри перед королевской комиссией судей. Обвиняемые признали, что аббат был лордом всего города и его судов, но они все еще настаивали на том, что являются свободными бюргерами и имеют олдермена, а также гильдию торговцев с определенными правами правосудия, принадлежащими ей, и с тщательно разработанным кодексом процедур, и утверждали свое право проводить собрания для общей пользы бюргеров и взимать налоги с людей, торгующих в городе. Все это аббат отрицал, будь то право на купеческую гильдию, или мольбы, принадлежащие ей, или община, или общая печать, или мэр; по его мнению, горожане имели право только на пиршество, которое они злонамеренно превратили в незаконный сход, а если они брали какие-либо штрафы, то это было против купеческого закона и мира короля. Дело было передано аббату. Руководителей оштрафовали и посадили в тюрьму, причем некоторые из них избежали наказания, а другие по бедности просидели в тюрьме месяца.

Однако мещане вновь воспряли духом, в 1327 году ворвались в аббатство и заставили аббата предоставить им общину, общую печать, гильдейского купца, охрану ворот и другие свободы. Но их триумф был недолгим: потерпев полное поражение от аббата и короля, они были вынуждены по соглашению 1332 года навсегда отказаться от притязаний на общину;^[553] и когда после крестьянского восстания было много общих просьб о помиловании, люди из С. Эдмундсбери, которым было приказано специально просить о помиловании, должны были найти поручительство не только перед королем, но и перед своим господином аббатом.^[554]

Если Эдмундсбери был одним из самых неудачливых церковных городов, то Редингу, пожалуй, повезло больше всех. Изначально Рединг был городом на королевских землях, которые Генрих Первый пожаловал основанному им монастырю.^[555] С тех пор город находился под абсолютным контролем аббата. Ему принадлежали все его ручьи, из которых жители получали "главным образом воду для варки, выпечки и приготовления мяса".^[556] Мельницы находились в его руках; он делал все, что хотел, с рынком, контролировал торговлю и полностью руководил производством тканей. Он назначал начальника гильдии, или мэра, и различных городских чиновников; ему принадлежал решающий голос при приеме новых бюргеров или членов гильдии; с каждого сына мещанина, вступившего в гильдию, он требовал налог в 4 *фунта*, а с каждого чужака - половину штрафа, уплаченного в качестве вступительного взноса; сумма штрафа устанавливалась в присутствии монаха, который мог выдвигать возражения, пока его не переубеждали совместные голоса шести законных людей гильдии. Кроме того, каждый мещанин, входящий в Гильдию, должен был платить ему ежегодный налог в размере *чепина гавелла* за право покупать или продавать в городе.^[557] За любое нарушение закона собирались штрафы, чтобы увеличить его клад, поскольку все отправление правосудия находилось в его руках. Только перед аббатом можно было носить эмблемы верховной власти, а мэру, когда он отправлялся в путь, разрешалось иметь при себе только два опрокинутых шеста, которые несли перед ним аббатские приставы.

Со времен Генриха Третьего между горожанами и их господами шла непрерывная война. Жестокие разногласия вспыхнули в 1243 году, когда горожане "день и ночь подстерегали аббатских приставов" и "мешали им исполнять свои обязанности", пока порядок не был восстановлен предписанием короля.^[558] Горожане были успокоены предоставлением определенных торговых привилегий, но через десять лет ссора вспыхнула вновь. Аббат, как они утверждали в Вестминстерском королевском суде, лишил их гильдии, вызвал их в другое место, нежели их собственный гильдейский зал, чтобы отвечать на прошения, изменил место расположения их рынка и заставил их оказывать незаслуженные услуги. Перед судьями было составлено соглашение, по которому мещане получили право проводить свой кукурузный рынок на привычном месте, владеть общим гильдейским залом с несколькими прилегающими к нему участками и полем под названием Портманброк (арендная плата с которого шла на жалованье мэру) и содержать гильдейского купца по старинке. С другой стороны, горожане признали право аббата выбирать начальника гильдии из числа гильдийцев и требовать от него присяги на верность как самому, так и бюргерам. Аббат мог в определенное время управлять городом, а его бейлифы по-прежнему вершили правосудие, и в любой момент могли потребовать ключи от гильдейского зала, заседать в нем и вести судебные дела, отчислять все доходы в казну аббата и штрафовать бюргеров на любую сумму, которую они были в состоянии заплатить. Наконец было признано, что луг за Портманбромом принадлежит лорду.^[559]

После соглашения, оставившего аббату все важные вопросы управления, контроль над торговлей мещан и налог на их прибыль,^[560] неудивительно, что не прошло и ста лет, как жители Рединга, беспокойные и недовольные, снова начали борьбу за большие привилегии. В 1351 году мэр и простолюдины отказались подчиняться констеблю, назначенному управляющим аббата, и потребовали для себя права выбирать констеблей, а также представить их к присяге перед королевскими и мировыми судьями, а не перед аббатом. В то же время они поднимали различные фундаментальные вопросы о своих правах, как это делал Линн почти в том же году. Они спрашивали, не является ли город королевским боро и, следовательно, не зависит от аббатства; не имеют ли горожане права избирать собственного мэра; и не должен ли этот мэр осуществлять юрисдикцию над бюргерами и простолюдинами "в соответствии с обычаями боро и гильдии" - вопросы, которые один за другим давали справедливые поводы для споров в течение следующих ста пятидесяти лет.

Отныне мещане не давали аббату покоя. В ходе долгой ссоры купеческая гильдия стала настоящим центром общей деятельности, как это происходило везде, где город, подчиненный мирскому или духовному лорду, не смог завоевать независимую юрисдикцию.^[561] Ибо если в свободных городах мэр со своим советом и общим собранием бюргеров, в котором сосредотачивалось все управление, были по имени и фактически признанными конституционными властями, то в зависимых городах, где политическая свобода была еще неполной, купеческая гильдия представала как якобы единственное средство, с помощью которого воля общины могла найти свое выражение; Поскольку люди признавали в ней единственное общество, в дисциплинированные ряды которого они могли вступить, чтобы бороться за свободы, на которые они претендовали, ее организация считалась самой важной из их привилегий и самым верным символом их общей жизни; и она неизбежно становилась узами товарищества, залогом будущей свободы, школой политической энергии.^[562] Поэтому в таких городах купеческая гильдия имела жизненную силу и постоянную непрерывность жизни, которая была неизвестна в других местах, и часто

сохранялась в полной силе два или три столетия после того, как в других местах она, возможно, пережила упадок или трансформацию.

Так было и в Рединге. Жители города опирались на Гильдию как на единственный разрешенный способ объединения для общественных целей, и на ее "morghespeche", или "утренних беседах", ведущие горожане обсуждали, как можно продвинуть независимость района. Сменявшие друг друга мэры гильдии, хотя внешне все еще назначались должностными лицами аббата, на деле становились представителями города, полностью отождествляли себя с его интересами и с готовностью вели своих сограждан на восстание против монастыря. В 1378 году мещане заплатили около пяти фунтов стерлингов за новую хартию и дважды посылали мэра в Лондон, чтобы отстоять свои привилегии и настоять на том, чтобы монастырь был вынужден нести справедливую долю налогового бремени и выплачивать часть десятой части, требуемой королем. Посланники щедро одаривали судей, офицеров и адвокатов, которые могли им помочь, угрями и щуками, окунями, лососем и каплунами; они преуспели настолько, что городские хартии были подтверждены в 1400, в 1418 и в 1427 годах.^[563] В 1391 году мещане передали спор о назначении констеблей королевским судьям в Вестминстере и, похоже, преуспели и в этом деле, поскольку в 1417 году мэр избрал констеблей в Гильд-холле, а мировые судьи приняли их на службу. Примерно в 1420 году рядом с Освященным ручьем был построен Зал Гильдии, хотя мещане жаловались, что женщины, моющиеся в ручье, "так мешают им бить боевые доры", что они едва могут проводить свои суды или заниматься какими-либо общественными делами.^[564] Они заплатили за дом с часами, установили колокол для общества,^[565] и назначили мэру постоянное жалованье в пять марок, которое должно было выплачиваться из общего сундука вместо неопределенной арендной платы за Портманброк. Но когда они продолжили строительство новой "мясной лавки" и покупку "кузнечных колод" для мясников, не живущих в городе, аббат сразу же увидел попытку ограничить свои собственные рыночные прибыли, что немедленно вызвало его возмущение, и он отказал мещанам в праве держать свою новую мясную лавку или получать с нее ренту. Те, в свою очередь, заявили, что их гильдия является корпоративным органом, имеет общий зал, печать и право владеть общим имуществом; что им также принадлежат пристань, общая балка или весовая машина, а также колодки и шамблы; что им была дарована свобода от пошлин по всему королевству; что они вернули двух бюргеров в парламент и были освобождены от судов шира и сотни; и, наконец, они утверждали, подводя итог всему остальному, что они владели королем задолго до основания монастыря.^[566] В 1431 году были назначены юристы для поиска доказательств в Общем сундуке на предмет соглашений между городом и аббатом. В это же время был начат реестр актов мэра и бургомистров, который продолжался из года в год без перерыва. В 1436 и 1439 годах были произведены выплаты за составление некоторых статей о привилегиях города; в 1441 году для изучения доказательств вновь был нанят адвокат.^[567]

На протяжении всех этих лет мэр и чиновники постоянно находились то в Мейденхеде, то в Лондоне, то в Кентербери, проводя консультации по юридическим делам с Литтлтоном и самыми известными адвокатами. Им удалось купить хартию для своего гильдейского зала на средства, пожертвованные богатыми горожанами, и с благодарностью украсить здание изображением короля. Мэр гильдии все больше и больше становился представителем надежд мещан, а его величие - символом их триумфа. В 1459 году они не только увеличили его жалованье до десяти дворянских^[568], но и, подобно своим собратьям в Линне, добились от Генриха Шестого разрешения носить перед ним булаву; а в 1459 году булава была действительно куплена.^[569] Однако аббат решительно выступил против такой экстравагантности, и Генриху пришлось отправить письмо мэру Рединга, как за одиннадцать лет до этого мэру Линна, с приказом оставить эту привилегию только аббату в знак его

верховенства. Но мэр, возможно, добился своего чуть позже, поскольку в 1487 году ему было разрешено иметь двух мейс-сержантов, так что, похоже, по крайней мере, его опрокинутые шесты теперь несли его собственные слуги.^[570] Он также добился для себя и для бургомистров освобождения от службы в суде присяжных; в том же году он взял на себя надзор за торговлей сукном. В 1480 году бургомистры отказались от индивидуальной уплаты аббату налога "чепин гавель", постановив, что он должен выплачиваться из городского сундука; а в 1486 году один горожанин завещал имущество для его уплаты, так что отныне горожане были избавлены от всех личных трудностей в этом вопросе.^[571]

Либо вопрос о суконном рынке, либо вопрос о булавоносцах привел борьбу к кульминации. Аббат категорически отказался назначать какого-либо "мастера гильдии, иначе называемого мэром", и взял на себя право принимать на должность констебля тех, кого он выберет.^[572] В ответ гильдии сами выбрали мэра, который назначил своих чиновников для поддержания порядка, и все, как и в этой чрезвычайной ситуации, безвозмездно предоставили свои услуги, так как в 1493 году "мэру ничего не платили, потому что ни он, ни кто-либо другой ничего не брал за должность".^[573] В случае с меньшими должностями бюргеры держали себя в руках, и когда в 1499 году аббат назначил двух констеблей, мэр вытеснил их со своих мест.^[574]

Но триумф народа был недолгим, так как в конечном итоге он оказался бессилён против великой духовной корпорации, которая управляла им. Уже в следующем, 1500 году, жители потерпели полное поражение в вопросе избрания самого мэра; и поскольку они все еще протестовали, через восемь лет вновь была подана апелляция на решение Королевского суда. Вердикт судей отбросил весь вопрос почти к той самой точке, где он стоял столетия назад во время предыдущей апелляции в 1254 году, и братья гильдии были объявлены, что в древности не имели другого права, кроме как представить из своего числа трех человек, из которых аббат должен был выбрать одного в качестве мэра. Два констебля и десять стражников пяти приходов могут быть избраны мэром и простолюдинами, но они должны быть приведены к присяге перед аббатом. Согласно древнему обычаю, имя любого предполагаемого бюргера должно быть передано аббату за четырнадцать дней до его избрания, и монах должен присутствовать при оценке его штрафа в сорок шиллингов, половина которого поступала аббату; штраф за чужеземца мог быть определен шестью бюргерами, и если они под присягой подтверждали, что штраф обоснован, аббат был обязан принять его. Вопрос о мясной лавке все еще оставался нерешенным, но спор о торговле тканями был урегулирован компромиссом. Как и в случае с мэром, город должен был выбрать трех человек и представить их аббату, который затем должен был назначить одного из них хранителем печати для запечатывания сукна.^[575]

Так завершилась долгая борьба, длившаяся двести пятьдесят лет, - борьба, чей выигрыш был невелик по сравнению со всеми затратами и трудами, гражданским энтузиазмом, знаниями и способностями, которые были затрачены на нее. Легкий путь к свободе, которым шли королевские города, значительное и регулярное расширение их свобод, либеральное признание их права на верховенство в торговле и в высших вопросах права и правосудия вполне могли зажечь в подданных аббатств и приорств вечное волнение, И гнев против своих хозяев усиливался по мере того, как они видели себя в эпоху всеобщего движения связанными неизменным порядком прошлого и обреченными на вечную зависимость от жестокой системы управления, от которой светское правительство отказалось триста лет назад.

ГЛАВА X

БОРЬБА ЗА ВЕРХОВЕНСТВО

Когда бор отвоевал у своего лорда полные права на самоуправление, его битвы еще не были закончены. Следующей задачей городских властей было добиться полной власти над всеми жителями, проживающими в их стенах, чтобы заставить всех подчиняться городским судам и нести свою долю обременительных повинностей, таких как уплата налогов, несение караульной службы, оборона города, поддержание его торговли или расширение его свобод - в общем, принимать участие в качестве добропорядочных граждан во всем, что касалось общего блага.

Ведь все города, какими бы ни были их уставные права, должны были считаться не только с собственным лордом поместья, но и с великими людьми, будь то король, дворянин, епископ или аббат, а может быть, и все они вместе, которые могли владеть частью земли в их стенах и отстаивать свои различные и противоречивые права, а также множить чиновников всех мастей с судами, тюрьмами и виселицами, чтобы отстаивать власть лорда. Так, в Уорике в одиннадцатом веке, когда население едва превышало тысячу человек, королю принадлежало сто тринадцать домов, различным лордам и прелатам - сто двенадцать, а независимых бюргеров, обладавших правом сак и сок, было девятнадцать. Также во времена Эдуарда Первого в Вустере и округе, непосредственно прилегающем к городу, было пять виселиц. Одна принадлежала городу, другая - епископу, третья - графу Глостеру, а еще две были установлены аббатами Першора и Вестминстера, владевшими имуществом в округе; все эти лорды и прелаты имели право вешать воров и бунтовщиков в этой маленькой общине с населением около двух тысяч человек.[\[576\]](#)

Новый муниципалитет, оказавшись лицом к лицу с этими традиционными претензиями и бессильный перед обычными правами собственности, мог опираться только на дружеские договоры, по которым обе стороны могли получить выгоду от мирного компромисса. Как только бюргеры получали привилегии на торговлю и свободу от пошлин по всему королевству, им было что предложить своим соседям, и начинался торг. Они могли предложить защиту и долю в своих привилегиях, а взамен потребовать, чтобы арендаторы чужих лордов платили налоги, участвовали в общественных работах и, возможно, признавали, в некоторых отношениях, власть их судов. Но ход переговоров и их конечный результат претерпевали значительные изменения в зависимости от того, приходилось ли горожанам иметь дело с констеблем королевского замка, с каким-либо лордом, владевшим собственностью в округе, или с церковным поселением, собором или монастырем, расположенным в пределах вольностей.

I. Замковый сбор был частью королевской территории, совершенно независимой от муниципалитета. В Бристоле, например, у ворот замка был свой рынок, а его жители были освобождены от городского правосудия, так что если кто-то из арендаторов замка совершал преступление, его отправляли в Глостер, расположенный в тридцати милях, вместо того чтобы судить в самом Бристоле. Поскольку замок находился вне юрисдикции города, его рвы стали убежищем для преступников и злоумышленников, скрывающихся от судебных приставов, и уже в 1627 году было заявлено, что в его окрестностях проживает двести бедняков, которые живут в основном попрошайничеством, а также множество преступников, отлученных от церкви, и правонарушителей, которые находят в нем убежище, а когда

солдаты и моряки попадали в плен, множество способных мужчин "бежали туда, как в место свободы, где злоумышленники живут незаконно".[577] В качестве лейтенанта короля губернатор или констебль замка в важных пограничных или морских городах был очень крупным чиновником, обладавшим властью военного командира, которая давала ему право вмешиваться в местные дела, и чья власть могла легко оказаться реальной опасностью для муниципальных учреждений.[578] В Бристоле, где мэры после избрания "приносили и принимали присягу у ворот замка" от констебля как представителя короля, он был практически официальным арбитром в любом кризисе городской политики, и когда в 1312 году вспыхнуло восстание общинников против кучки купцов, контролировавших городское правительство, партия власти сразу же потребовала помощи констебля против своих сограждан. После этого общинники напали на замок и построили против него крепости, так что силы трех графств, отправленные на помощь своими шерифами, не смогли подавить бунт; но в конце концов партия общинников победила, восстание было жестоко подавлено, двенадцать бюргеров изгнаны, власть тех, кто узурпировал привилегии, на которые претендовало все общинники, подтверждена, а враг бристольских бюргеров, лорд Морис Берклийский, назначен королем "смотрителем замка и города".[579]

Однако лишь в некоторых округах, как, например, в Бристоле или Саутгемптоне, исключительные военные трудности делали пост губернатора очень важным и постоянным. Но и в этих городах между королем и бюргерами уже давно установилось взаимопонимание, и полномочия королевских чиновников, препятствовавшие свободному развитию муниципальной жизни, были отменены без ревнивых тревог со стороны государя и длительных волнений со стороны города. Бристольские мэры были освобождены королевской хартией от необходимости приносить присягу констеблю в 1345 году. А в таких городах, как Норвич, где военные соображения рано приобрели сравнительно небольшое значение, арендаторов замка заставили платить городские налоги в XIII веке, а в течение последующих ста лет они были безоговорочно поставлены под контроль городских властей.[580]

II. Случаев, когда светский лорд становился грозным врагом муниципальной свободы, либо из-за размеров его собственности в городе, либо из-за его способности принуждать к исполнению своих требований, было не так уж много. Возникавшие споры разрешались различными способами - покупкой, дружеским договором или получением от короны хартии, предоставлявшей такие права на управление, которые были необходимы для поддержания дисциплины и порядка. Естественно, что города в королевских владениях получали поддержку короля в отстаивании этих требований, но за юридическим урегулированием всегда стоял призыв к силе, и иногда происходило серьезное сражение, прежде чем вопрос о верховенстве был окончательно решен. Ожесточенная борьба развернулась между бристольскими[581] и лордами Беркли, которые владели Редклиффом и считали реку, где они построили пристань, частью своего владения; у которых были свои суды и своя тюрьма; которые устраивали свои рынки и ярмарки; которые нарушали бристольские весы и меры и отказывались принимать меры ассиза от мэра, хотя в таких вопросах он выступал в качестве маршала короля. Они долго и ожесточенно боролись за свою власть, даже после того, как королевская хартия 1240 года передала юрисдикцию над Редклиффом мэру.[582] В 1305 году энергичный молодой лорд Морис Беркли, которому его отец подарил Редклифф-стрит, попытался отстоять свои права, но под звон общего колокола собрались бристольтцы, ворвались в дом Мориса, забрали у него пленника и отказались разрешить ему проводить суд или покупать и продавать товары на Редклифф-стрит. После этого молодой лорд, явившись с "огромным количеством конных и пеших", заставил бургомистров повиноваться ему, а тех, кто отказался, бросил в яму, в то время как женщины, пришедшие помочь своим

мужьям в схватке, были растоптаны ногами. Он освободил заключенных из бристольской тюрьмы, напал на бристольских бюргеров на ярмарке в Тетбери, потребовал владычества над Северном и захватил бристольские корабли. Все это сделал Морис, "более воинственного рыцаря и более дерзкого духом, в возрасте двадцати четырех лет, в королевстве и скудном христианском мире тогда не было"; мэр и бюргеры не давали покоя королю и парламенту своими петициями, рассказывая о возмущении за возмущением, совершенных им, пока не были назначены комиссары для рассмотрения их жалоб, и лорд Морис в результате этого гневного дела получил штраф в 1000 марок, впоследствии замененный службой в королевской армии с десятью всадниками. Несколько лет спустя бристольтцы нашли возможность отомстить за свою горькую обиду, так как, когда его взяли во время мятежа, мэр и простолюдины, "из лютой ненависти и памятуя о былых временах", бросили в общую тюрьму всех, кто хотя бы подозревался в приверженности к фракции Мориса.[583] В 1331 году вновь вспыхнули смуты, и мэр и бюргеры, собравшиеся под звон колокола для нападения на лорда Томаса Беркли, разрушили его тумбу и столб, отвели его судебного пристава в Гильд-холл и заставили поклясться, что он никогда больше не будет исполнять решения в судах. Однако в следующем году город, "воспользовавшись моментом, когда упомянутый лорд был в беде из-за убийства короля Эдуарда Второго в его замке Беркли", навсегда решил этот вопрос, выплатив королю 40 фунтов стерлингов, за которые мэр и бургомистры получили подтверждение всех своих хартий, и особенно той, по которой Редклифф-стрит находилась в их юрисдикции.

Не успел спор быть окончательно решенным, как раскаяние быстро угасло, и бюргеры Бристоля установили самые дружеские отношения с замком Беркли. Лорды Беркли стали торговать шерстью, кукурузой и вином и вместе с бристольтцами грабили гемузские караваны, а также занимались законными перевозками.[584] Колесо фортуны повернулось так далеко, что один из лордов, заключивших мирный договор с графом и графиней Шрусбери, смиренно предстал перед мэром и советом Бристоля, чтобы дать поручительство;[585] и когда он отправился сражаться при Нибли, бристольские купцы прислали ему на помощь людей.[586] Союз был скреплен браком, когда в 1475 году Беркли взял в жены дочь мэра Бристоля;[587] а когда она умерла в 1517 году, мэр, мастер гильдии, олдермены, шерифы, камергеры и надзиратели Бристоля, а также тридцать три ремесленника шли за гробом с двумя сотнями факелов - в общей сложности пять или шесть тысяч человек. Семья устроила "пирушку" для мэра и его братьев в зале Святой Марии, на которой им подали первое блюдо из пирожных, конфитюра, и эля, затем второе из мармелада, снокета, красного вина и кларета, а третье из вафель и бланманже, с ромни и мускателем; "и я благодарю Бога, - писал стюард, - ни одна тарелка и ложка не пропали, но было двадцать дюжин ложек".[588]

III. Церковные корпорации также номинально владели своей собственностью в различных городах по обычному феодальному праву, как и светские лорды; и когда бор официально заявлял о своих теоретических отношениях с ними, и светские, и духовные лорды ставились на один и тот же уровень. Херефордские "Обычаи" показывают нам идеальное представление об этих отношениях в том виде, в каком их любили представлять бюргеры. "Физы" в стенах[589] принадлежали как церковным, так и светским лордам, чьи арендаторы желали получить долю в городских привилегиях, и херефордцы объединяли их всех под общим описанием. "Есть некоторые лорды и их арендаторы, которые живут и владеют землями и владениями в указанных границах, которые они держат по определенному сервитуту, называемому "liberum feodum"; потому что давным-давно они просили нас, чтобы они были с нами, и чтобы их оценивали и облагали налогами вместе с нами, и они свободны среди нас относительно пошлин и всех других обычаев и услуг, установленных нами, но

относительно их иностранных услуг, которые они делают, или должны делать, и издревле делали, их лорды не исключены нами и нашими свободами; ибо мы никогда не смешивались с ними в любых вещах, касающихся этих владений, но только в тех, которые касаются нас, или их владений, которые с некоторого времени были нашим состоянием." [590] Арендаторы, все еще обязанные оказывать феодальные услуги своим лордам, не причислялись к истинной аристократии свободных людей, которые, допуская их к ограниченному общению, подчеркивали свое понимание разницы в статусе между свободным бюргером и человеком, освобожденным лишь наполовину; "и такие люди не должны называться гражданами или нашими согражданами... потому что они "туземцы" или рождены от имени своих лордов, и держат свои владения за счет чужих услуг и не являются бюргерами". И только когда арендатор покупал дом в городе и оказывался на волосок от гибели вместе с горожанами, они разрешали, что он "свободен и находится в нашем состоянии; но пусть следит за собой, чтобы не отлучался из города в какое-либо место во власть своего господина". [591]

Но муниципалитет был совершенно тверд в утверждении власти, которую он имел право осуществлять над всеми, кто был допущен к привилегиям общей торговли, и взял очень решительный тон как с духовными, так и с мирскими лордами. Для херефордских бюргеров было очевидно, что церковные арендаторы пользуются долей в городских свободах только по милости горожан и в силу "договора между нами и ими, который мы из почтения к Богу и Церкви, матери нашей, предоставили им; а также для раздачи различных милостынь нашим горожанам и другим бедным и немощным нашего города в богадельне, которую вечно содержит содержатель оной. И в наши намерения не входило, чтобы эти люди, арендаторы епископа, декана и капитула, имели и пользовались нашими законами и обычаями, разве что так же, как пользуемся ими мы" - то есть, как они тщательно объяснили далее, каждый должен признавать закон, равно как и привилегии, и подчиняться, как граждане, власти. Все они должны были быть послушны бейлифу для исполнения королевских предписаний; они не могли претендовать ни на какие иммунитеты или независимую юрисдикцию на Королевской дороге, поскольку всех задержанных там преступников должен был судить городской бейлиф. Если мир или спокойствие Херефорда нарушалось арендаторами какого-либо сбора, городской бейлиф, "взяв с собой бейлифа этого сбора и двенадцать самых благоразумных и крепких мужчин всего города", мог "всеми способами строгости" заставить нарушителей явиться к ним и принудить их прекратить свои раздоры и загладить вину; если они отказывались, вся община "должна считать и держать их как бунтовщиков, и чтобы они не появлялись среди них в их общинах". [592] Все судебные приставы, как церковные, так и другие, были обязаны помогать главному городскому приставу в задержании воров и злоумышленников и поддержании порядка. Бродяга, даже если он был церковным арендатором, который шумел по ночам "к ужасу своих сограждан", мог быть схвачен любым жителем и доставлен в городскую тюрьму до часа следующего дня; Затем, в знак вежливого признания низших юрисдикций, его торжественно передавали в публичном месте судебному приставу за его собственную плату, и он содержался в тюрьме в течение дня и ночи, а затем возвращался в городскую тюрьму, "где должен был оставаться до тех пор, пока не возместит ущерб, как сочтут нужным судебный пристав и простолюдины". Арендаторам различных сборов разрешалось выступать в городских судах по своему усмотрению, что не предоставлялось иностранцам; а в вопросах, касающихся франкфурта или чего-либо, "что не может быть исправлено в судах этих господ", город требовал права арбитража и власти решать такие дела "по законам города, а не по обычаям, если только это не будет сделано по особой милости содружества". [593] Все вопросы, касающиеся земель и владений в городе, должны были решаться только свободными горожанами; если же церковные арендаторы отказывались подчиниться юрисдикции городских магистратов и не являлись в суд, "тогда наш главный пристав, призвав к себе шесть или более свидетелей из своих горожан, должен

был отправиться в соборную церковь и там перед капитулом уведомить или объявить о неповиновении своих приставов и их арендаторов". Если каноники не помогут или не согласятся, пристав должен объявить, что тогда он должен сам приступить к осуществлению полного правосудия, хотя "по своей воле или знанию он не повредит свободе их матери Церкви". Эта уступка церковным чувствам была воспринята херефордцами как доказательство великодушия. "И не было принято так поступать, но между нами был заключен договор, который мы, ради почитания Бога и спокойствия их арендаторов и наших граждан, предоставили им".

Вся эта история, однако, дошла до нас со стороны города, и в ней есть что-то от гордости муниципалитета; она звучит почти как идеальный взгляд на компромисс между договаривающимися сторонами, как его представляли себе мещане, и на который, должно быть, не соглашалась церковная партия. Во всяком случае, какими бы способами муниципалитет Херефорда ни добился подобной юрисдикции над арендаторами епископа, он был уникален в обладании такой властью, не имеющей аналогов в таких городах, как Кентербери, Йорк, Линкольн, Норвич, Эксетер и многих других. Но ситуация, даже в изложении горожан, настолько сложна по своему устройству, что вряд ли стоит удивляться, если перемирие, зависящее от столь продуманных положений, под влиянием провокации перейдет в состояние открытой войны; не стоит сомневаться и в мудрости горожан, которые повсеместно ставят своей неизменной целью установить единый и верховный закон для управления каждой общиной. Насколько важен был этот вопрос для жизни города, можно судить по истории Винчестера.

Мэр Винчестера возглавлял, по крайней мере на бумаге, мощную и продуманную корпорацию, достойную великого города, который считал себя построенным "в век мира 2995, за девяносто девять лет до возведения Рима" и "обнесенным каменными стенами" ровно 533 года спустя.^[594] Общее собрание собиралось дважды в год. В городе было два коронера и два констебля, шесть олдерменов приходов с их шестью биделями, городской клерк и четыре сержанта, совет из двадцати четырех человек, избираемых каждый год, и четыре аудитора этого совета, а также двенадцать присяжных, выбираемых по мере необходимости, которые заседали в "Павильоне", и с которыми мэр ходил по свободам, чтобы осмотреть реки и речушки.^[595] Границы города, очевидно, были обозначены грубым квадратом, образованным стенами и рвом; но мэру и олдерменам пятнадцатого века мысль о том, что их власть должна простирается до пределов, допускаемых обхватом стен, показалась бы далеким от совершенства советом.

Ведь прямо через весь город от восточных до западных ворот тянулась Хай-стрит, рассекая город на две равные половины; а к югу от Хай-стрит, можно сказать грубо, мэр вообще не имел никакой власти. Рядом с западными воротами стоял королевский замок, где муниципальное право, разумеется, не действовало. Рядом с замком находился большой монастырь Святого Свитхуна, а рядом с ним - кафедральный собор; оба они были огорожены стеной, закрывавшей доступ к мирской юрисдикции и любым посягательствам. Ближе к восточным воротам находился дворец епископа, который, разумеется, также был свободен от светского вмешательства и верховодил епископским соком, простиравшимся за воротами, и взимал пошлину со всех товаров, проходивших по реке.^[596] Его арендаторы, оставаясь вне муниципального контроля, имели право покупать и продавать все виды товаров в городе, что, по жалобе мещан, приносило им вред и убытки; о том, насколько трудно было регулировать торговлю в условиях такой конкуренции привилегированных работников, и чем это грозило разорению городской казны, свидетельствует ссора между епископом и мещанами по поводу улицы, которую епископ объявил своей собственностью в

1275 году; Когда люди обнаружили, что за присвоенную свободу они ничего не платят, поскольку городской пристав не может войти туда, чтобы произвести конфискацию, почти все суконщики немедленно покинули другие улицы и перешли жить туда, к явному убытку общины и большой выгоде епископа.[597]

Северная часть города более чем наполовину была отдана под поля и сады, а лавки и дома торговцев и ремесленников составляли лишь узкое поселение, тесно примыкавшее к центральной улице и отходящим от нее переулкам. И даже из этого района часть была полностью выведена из-под юрисдикции города. Королевы, чьим "утренним даром" был Винчестер, жили "без налогов" в Доме королевы напротив дворца короля у западных ворот, а также брали ренту и пошлины с ряда королевских лавок на Хай-стрит. У восточных ворот находился еще один пояс церковной собственности - поселения францисканцев и доминиканцев, а рядом с ними - группа бедных домов, зависящих от церкви Святого Свитуна.[598] Прямо в центре города, напротив Зала гильдий на Хай-стрит, находилась принадлежащая Святому Свитхуну вольница "Годбейт", где не имели силы ни приказы короля, ни городские власти, а церковь служила убежищем, всегда открытым для злодеев, скрывающихся от городского правосудия. Сам комендантский колокол, висевший на ее башне, звонил в те земли, которые не подчинялись власти мэра.[599]

Винчестер не контролировал даже свои собственные ворота. Одни были в ведении епископа, а двое находились в руках монастыря, который во время гражданской войны мог беспрепятственно впускать в городские стены войска той стороны, которая выступала против горожан.[600] Даже торговля здесь была вырвана из рук мещан. Епископ не только брал пошлину с речных перевозок, но и раз в год, когда проходила большая ярмарка Святого Джайлса, принимал на себя верховное командование в Винчестере; на это время все городское самоуправление полностью приостанавливалось; епископ закрывал все магазины в городе и его окрестностях; торговцы, приезжавшие со своими тканями и шерстяными изделиями, винами, керамикой, медными изделиями или восточными пряностями, подчинялись его юрисдикции и передавали ему большую долю прибыли, которую он делил между различными религиозными учреждениями города.[601] В другое время королевские камергеры и королевский рыночный клерк регулировали дела в интересах своего господина, собирали рыночные пошлины и сборы с каждого груза, ввозимого в город человеком или лошадью.[602]

Винчестер также страдал от воспоминаний о своем древнем состоянии как столицы и резиденции западносаксонских королей, и его мэр почти единственный среди мэров английских городов в XV веке был вынужден ездить в Лондон, чтобы принять присягу у королевских судей,[603] так же, как это делает мэр Лондона и по сей день. Он не мог завоевать ни свободы, ни независимости. Дома его подстерегали опасности: за одно преступление он мог быть заключен в тюрьму королем, а за другое - наказан епископом.[604] Против таких шансов, с которыми столкнулись мещане, было почти безнадежно бороться любой корпорации; и беспомощные горожане могли лишь проявлять свое нетерпение и недовольство в мелких ссорах с монастырем по поводу места для рынка или слепо сражаться за никчемных королей, таких как Генрих Третий или Эдуард Второй, если монахи принимали противоположную сторону.[605] Борьба за независимость не может похвастаться яркими событиями, но то, что до затишья и окончательной апатии вообще не было никакого конфликта, является ярким примером жизнеспособности и стойкости муниципальных институтов.

Нельзя не отнести к безнадежному положению муниципалитета перед соперничающими властями города, и особенно перед могущественными владыками монастыря и собора,

большую часть бедствий его истории. Ведь в то время, когда благосостояние в целом росло, его состояние неуклонно падало. В 1450 году горожане нарисовали ужасную картину местного бедствия, причем не в расплывчатых фразах, которые мы встречаем в других местах, когда ради какой-то особой цели более счастливые районы устраивают временную демонстрацию бедствия, а с точностью до минуты, которая выдает истину и всю меру их страданий. Винчестер, объявили они, "стал совершенно безлюдным". Девятьсот девяносто семь домов стоят пустыми, а в семнадцати приходских церквях больше нет ни одной службы. Приводится список одиннадцати улиц, "которые пришли в упадок в городе Винчестере в течение восьмидесяти последних лет"; и в каждом случае добавляется отчет о количестве домовладельцев, которые раньше жили на этой улице, - сто, сто сорок или двести, в зависимости от случая, - там, где теперь осталось только два или три. Со времени последнего заседания парламента в этом районе исчезла восемьдесят одна семья. "Опустошение упомянутого бедного города столь велико и ежегодно уменьшается, ибо там царит такой упадок и безвластие, что без милостивого утешения короля, нашего суверенного повелителя, мэр и бейлифы должны по необходимости прекратить свою деятельность и отдать город и ключи в руки короля".[606] Чтобы вызвать подобное бедствие, несомненно, действовали промышленные причины, и Винчестер, вероятно, как и Кентербери, пострадал от изменений в шерстяном производстве и торговых путях. Но ни в одном крупном городе мы не находим аналогов полному разорению этой несчастной общины. С другой стороны, нигде условия городской жизни не были столь фатальными, если однажды процветание начинало ослабевать или давление внешних обстоятельств становилось настолько сильным, что требовало напряжения всех сил. Из-за разделения города на отдельные и независимые фрагменты все бремя любых трудностей приходилось нести маленькой компании жителей, управляемой мэром; и так же тяжело ложились общие муниципальные расходы на скудное население мещан, замкнутое в узкой области, которая находилась под муниципальным управлением, и с которой только власти могли собирать подати и королевские налоги, содержать мост и стены, обеспечивать домохозяев для ночного дозора, поставлять людей и оружие для обороны города; И мы не удивляемся тому, что жители в конце концов начали отказываться или не принимать франшизу, которая влекла за собой столь грозные обязанности, или что они стремились бежать из города, обреченного на гибель. В 1430 году была предпринята попытка возродить производство и торговлю, пригласив всевозможных торговцев и ремесленников приезжать и вести дела в Винчестере без пошлин.[607] Но эксперимент со свободной торговлей был быстро прекращен, вероятно, потому, что корпорация не могла покрыть тяжелые ежегодные расходы без обычных налогов, взимаемых с торговли;[608] и в 1450 году горожане подали петицию Генриху Шестому, моля его рассмотреть масштабы их бедственного положения. По их словам, они были обязаны ежегодно выплачивать королю ренту в размере 112 марок, "за которую должны были платить ваши судебные исполнители, у которых мало или совсем нет уверенности в том, что они ее получают, но только от случайностей и ежегодной аренды 40 фунтов или более". Кроме того, была назначена сумма в 50 фунтов 10 шиллингов. 4 д. за налог пятнадцатого года, "который, когда он взимается, с одного человека в упомянутом городе взимается четыре марки, а с другого - пять марок, потому что ваш город опустел от людей". Затем последовала сумма в 60s. для ежегодной выплаты госпиталю Магдалены ;[609] и кроме того, были расходы на двух бурgeois в Парламенте, которые стоили 4s. в день; "а также большие сборы и ежедневные расходы, которые ваш бедный город несет по поводу ограждения и муража вашего города".[610] Ко всем их бедам добавилась субсидия, которую король предоставил муниципалитету в 1439 году в размере сорока марок от ульяна и субсидий на шерстяные ткани, которая была вновь отозвана; и простолюдины с грустью просили восстановить ее.

Король разрешил выплачивать эти сорок марок в течение следующих пятидесяти лет, и Винчестер предпринял еще одну или две попытки поправить свое положение. Жители Саутгемптона еще в 1406 году добились от епископа Винчестерского разрешения на куплю-продажу в своем городе во время ярмарки Святого Джайлса;^[611] и мэр и община Винчестера, возможно, надеялись последовать этому примеру. В 1451 году они подняли дебаты о правах и обычаях ярмарки и вмешались в привилегии епископа; но их преследовало обычное невезение, и они были вынуждены подчиниться и дать обещание, что ему больше никогда не будут мешать держать город и соблюдать обычаи, о которых говорилось выше.^[612] Спустя несколько лет, когда в 1456 году итальянские купцы были изгнаны из Лондона, над несчастным городом забрезжил проблеск надежды, и в этой неожиданной ситуации они наняли "великие старые особняки"^[613], которым винчестерские торговцы позволили прийти в упадок, в результате чего владельцы понесли большие расходы на ремонт. Но, похоже, они так и не заняли эти особняки. Возможно, они были удручены неудачной торговлей и непосильными налогами, а возможно, опасались опасностей, которые могли подстерегать их в городе, который никогда не был наделен полномочиями управлять, защищать и вести справедливые дела своими собственными горожанами. Как бы то ни было, они покинули большие пустые дома и отправились в Саутгемптон, и Винчестер не стал лучше.^[614]

Винчестер был крайним примером трудностей, которые в большей или меньшей степени ощущались в каждом другом городе. Едва ли какой-нибудь важный округ обходился без церковного поселения в своих стенах, и везде спор принимал самые серьезные формы. С королем или с соседним лордом округа могли заключать мир или выдвигать условия как завоеватели, но их самые грандиозные демонстрации неизбежно терпели поражение перед силой Церкви. Вспышки народной ярости, в которых время от времени находило выражение раздражение бюргеров, часто представляли как симптомы духа злобы и неуправляемости, когда невежественную толпу подстрекали напасть на самый благотворный институт, известный их обществу, и без всякого оправдания, кроме как из-за своего незаконного нрава, пытаться присвоить себе его привилегии и владения. Но причины конфликта были более вескими и серьезными. Как показывают примеры, приведенные в следующей главе, бюргеры на собственном опыте научились оценивать благотворность притязаний церкви на мирскую власть. Похоже, в Англии не было, как это часто случалось за границей, дополнительного стимула для религиозного бунта, поскольку практичные горожане, очевидно, не испытывали ни малейших трудностей в проведении различия между духовным влиянием и светской юрисдикцией, главным образом, возможно, потому, что власть церковных властителей в Англии была настолько ограниченной, что вызывала лишь умеренный страх и столь же умеренное волнение. Но перед лицом светской проблемы, созданной наличием соперничающей власти, управляющей половиной пространства, заключенного в городских стенах, - власти, с которой никогда не могло быть заключено постоянного соглашения и которая была явно фатальной для достоинства или успеха муниципального управления, - боро были вынуждены, в целях самосохранения, настойчиво и неоднократно повторять требования, чтобы это двойное правило было отменено и чтобы в каждой общине существовал только один безраздельный и верховный контроль за гражданскими делами. Когда топоры и кинжалы, с помощью которых они поначалу пытались отстаивать свои убеждения, были отброшены, они обратились к судам и бумажным войнам Вестминстера, чтобы найти средство защиты своих обид; и именно в записях судебных процессов, начиная с середины 1500 года XV века и до Реформации, в которых можно услышать доводы обеих сторон, мы находим реальное обоснование претензий бюргеров на гражданское верховенство и их решительных нападков на политическую независимость церковных общин.

ГЛАВА XI

ГОРОДА И ЦЕРКОВЬ

В истории Винчестера мы, возможно, найдем ключ к объяснению того великого спора, который на протяжении столетий разделял средневековые муниципалитеты и религиозные корпорации на две враждебные армии - армии, которые терзались в условиях вынужденного и злобного перемирия и время от времени впадали в кратковременное возбуждение от свободной борьбы. Были города, такие как Эксетер, Кентербери или Норвич, где муниципалитет был настолько свободен, насколько его могли сделать королевские хартии, и не признавал никакой зависимости от собора или приорства, и где, несмотря на это, город и церковь всегда были в оружии друг против друга, а задача урегулирования их взаимоотношений представляла такие неразрешимые трудности, что любой другой вопрос казался легко разрешимым по сравнению с проблемой, столь настойчивой, столь многообразной в своих формах, столь грандиозной по своим пропорциям в глазах мещан и церковнослужителей. Монастырь или капитул, укрывшийся за своим кольцом стен и башен, со своей системой законов, своей исполнительной властью, своей независимой торговлей и доходами, практически не был заинтересован ни в процветании, ни в безопасности города, а его самая активная деятельность, будь то с точки зрения бизнеса или религии, была направлена на бескомпромиссную защиту церковных привилегий. С другой стороны, мещане, осознавая трудности управления, имея на руках массу сложных дел и тяжелую финансовую ответственность, нервно следя за своими франшизами, вдохновленные чувством важности строгой организации и честолубием, стимулируемым традициями, успехом и способностями, находили в общем опыте основания считать, что двойная система закона и двойная власть - это отрицание порядка, мира и материального процветания в их маленькой республике. Их целью было положить конец этому разделению города на два лагеря и обеспечить обществу окончательный контроль над управлением в пределах городской черты. Поэтому вопросы, поднятые между горожанами и духовенством, были прямыми и ясными. Вопросы мирской и духовной власти, церковной юрисдикции, иммунитетов, на которые претендовало "духовенство", пропасти, отделявшей служителя Церкви от гражданина государства, - все это было доведено до людей с остротой, разнообразием и силой практической иллюстрации. Война, которую в XII веке вели от имени государства и церкви их великие представители, Генрих Второй и архиепископ Томас, в течение следующих трех столетий была перенесена в каждый район и велась там в более скромной манере провинциальными мэрами и церковниками с ограниченной и скудной славой.

И поскольку ссора была долгой, она была практически всеобщей. Именно это сделало борьбу столь значимой. В конце концов, лишь немногие округа находились под абсолютной властью церковных лордов, и их попытки завоевать свободу были локальными, изолированными, не имеющими национального значения. Но все крупные города имели в своих границах один или несколько церковных органов, и все они могли оценить характер конфликта, который им пришлось пережить. Последствия спора не преувеличивались ни одной из сторон. На протяжении веков борьбы у них было множество возможностей оценить ее значение - начиная со времен Эдуарда Первого, когда путем ограждения церковных дворов и церковных участков стенами была предпринята попытка замкнуть религиозные власти в их собственных пределах и предоставить городу безраздельную ответственность за

их пределами, и заканчивая тем временем, когда торжествующие бюргеры увидели стены и башни, сровненные с землей при Генрихе Восьмом.

Ибо в войне, которую вели мещане против клириков, использовавших духовную власть для создания мирского суверенитета и находивших в этой мирской власти средства для принуждения к духовным притязаниям, - хотя участники были людьми никчемными и вели свои распри в отдаленных и изолированных районах, и хотя шум битвы уже не раздавался так, как когда-то по всей Европе, - конфликт был все тот же, вопросы были столь же жизненно важны для справедливого устройства человеческого общества, а упорство противников было столь же велико, как и прежде. Споры охватывали всю сферу практической жизни. В торговых делах наблюдалось не только соперничество двух торговых компаний, находящихся в разных условиях богатства, влияния и протекции;^[615] но даже в отношении отдельных лиц имела место нечестная конкуренция, когда горожанин отказывался от своего жилища в городе, получал кормилицу в каком-нибудь церковном доме и требовал преимуществ гражданства, не неся его обязательств.^[616] Иногда мещане оказывались вынужденными защищать от церковных адвокатов право, которое было доказано как существенное для их свободы, - право быть судимыми только в своих собственных судах, - и коммодалитет принимал постановления о том, что ни один судебный исполнитель не должен доставлять или ссылаться на других мужчин или женщин, живущих в городе, а присяжные Леетского суда следили и выносили представления на судей, комиссаров и клерков, которые легкомысленно обращались со свободами или имуществом горожан или вызывали их в отдаленные суды.^[617] Или же под угрозой может оказаться бесценная привилегия, заключающаяся в том, что все дела, касающиеся жителей города, рассматриваются судом присяжных, состоящим из жителей, а не иностранцев. В Линкольне декан и капитул питали особую неприязнь к судам, "проводимым жителями того же города, которые настолько благосклонны друг к другу, что не сомневаются в даче ложных клятв, и это потому, что их поощряют, поскольку до этого времени они не были осуждены иностранцами на основании их права голоса". По их жалобе "наш повелитель король, желая по вышеуказанной причине *обеспечить спокойствие упомянутой церкви*, и полное право на это также принадлежит упомянутым епископу, декану и главе и их преемникам", приказал, чтобы впредь, "если кто-либо из сторон будет огорчен ложной присягой, данной таким присяжным, жюри или дознавателем, аттитюд должен быть предоставлен ему, а протокол отправлен письмом в Королевскую скамью или в суд общей юрисдикции; и чтобы шериф назначал жюри такого аттента из иностранцев графства, не обращаясь к франшизе указанного города, и чтобы судьи брали такое же жюри из тех же иностранцев, несмотря на любую франшизу, предоставленную тому же городу, или другие обычаи, свидетельствующие об обратном."^[618] Вопрос об убежище также оставался постоянным, и судебные исполнители, которые посылали городских дьяков и городских сержантов неделями оглашать у ворот аббатства призывы к должнику, скрывшемуся от своих кредиторов, явиться на суд, не испытывали особого сочувствия к привилегиям аббата.^[619] Всякий раз, когда мещане получали свободу и возможность действовать по собственному разумению, они без труда приходили к решению относительно святости, налагаемой религией на территории, освященные для священного использования. Из старых предпосылок они сделали новые выводы. "Поскольку святость становится Домом Господним, - заявили мэр, присяжные и вся община города Рай в 1483 году, - в будущем, к чести Бога и славной Девы Марии, приходская церковь этого города с церковным двором и поместьем викария должна иметь такую же свободу, как и другие дома свободных людей, особенно в отношении арестов и других дел".^[620]

Пожалуй, нет лучшей иллюстрации характера и условий споров между городом и церковью, чем история ссоры между городом Эксетером и собором, которая сохранилась для нас в письмах способного мэра, который в очень важный момент вел дело своих сограждан против главы, и чьи фразы, написанные в пылу борьбы, переносят нас в самую гущу давно забытых разборок. Происходя из старинной семьи графства, которая вместе с мещанами Эксетера стала торговцами в городе и лидерами в его советах, Джон Шиллингфорд родился в традициях гражданского патриотизма. Его отец занимал пост мэра с 1428 по 1430 год и отличался познаниями в юриспруденции, а сам Джон Шиллингфорд был мэром трижды, а с 1445 по 1448 год - выдающимся лидером борьбы за независимость, которой уже исполнилось сто пятьдесят лет.

С 1206 года или даже раньше Эксетер управлялся собственным мэром и бейлифами, а горожане держали свой город на платной арендной плате у короля. Но столетие спустя мэр был всего лишь зависимым от графа Девоншира, носил его "ливрею" как один из его помощников и признавал его покровительство. Однако в один из дней 1309 года случилось так, что граф и епископ попытались скупить всю рыбу на рынке Эксетера, не оставив ни одной для горожан. Тогда мэр, "заботясь о благосостоянии общин этого города и о том, чтобы они также могли пользоваться благами этого рынка", постановил, что треть рыбы должна быть отдана горожанам. Граф с громкими угрозами гневно приказал своему мятежному иждивенцу явиться к нему. В сопровождении шумной процессии "своих братьев и честных присяжных этого города" мэр отправился из зала гильдии в дом графа, вошел в "покои" своего господина, снял с себя "ливрейный" плащ и вернул его графу, а присяжные тем временем били в дверь и громко требовали своего мэра, пока испуганный граф не попросил его утихомирить их шум. Город тут же принял закон, согласно которому ни один горожанин больше никогда не должен носить "чужую ливрею", и так началась долгая борьба за независимость муниципалитета.[\[621\]](#)

Те же две великие державы постоянно следили за жителями Эксетера и их рынком, чтобы случайно не упустить какую-нибудь выгоду, которую можно было бы обратить в свою пользу. У городских ворот графы Девонширские удерживали остров Экс и прилегающее к нему предместье, контролировали судоходство по Эксу, заставляли мэра откладывать булаву, когда он приближался к предместью, и стремились вспомнить времена, когда он носил их ливрею. Более опасный враг находился в стенах города. Прямо напротив маленькой ратуши возвышалась великая стена с башнями, охранявшая дворец епископа, собор и церковные пределы; внутри этой крепости царила величественная власть, противостоявшая мелким выскочкам мэра и его группы лавочников снаружи. Конфликт города с графами,[\[622\]](#) если он и длился около трехсот лет, все равно был малозначительным. Конфликт с церковью был гораздо опаснее по форме и серьезнее по своим проблемам.

Город и близлежащие кварталы, как сообщает нам мэр в 1448 году, "спорили друг с другом раз за разом почти восемьсот лет, и я никогда не мог узнать, найти или прочитать, что мы когда-либо принимали иск против них, но всегда стояли на защите, как игрок с пряжкой, и никогда не наносили ударов".[\[623\]](#) Но теперь, наконец, горожане решили "однажды поразить, взяв иск",[\[624\]](#) как и подобало нравам и традициям пятнадцатого века, когда подобные ссоры велись не дубинами и кинжалами, а "бумажными войнами Вестминстера". По мере приближения кризиса горожане готовились к бою. Решив, что их битву должен вести самый способный человек среди них, в 1444 году, в Михайлов день, они избрали мэром Джона Шиллингфорда. Тот отказался принять должность, после чего они отправились в Вестминстер и получили предписание за Тайной печатью, предписывающее ему либо подчиниться, либо заплатить штраф в 1000 фунтов стерлингов - сумму, которой, вероятно, не

обладал ни один человек в Эксетере в то время. Поэтому в феврале 1445 года он "пришел в Гильд-холл и был приведен к присяге; и хотя сначала со злой волей, но в конце концов выполнил ее очень хорошо"[625] - настолько хорошо, что епископ даже увидел в "умышленном труде Джона Шиллингфорда" главную причину всех "больших бед и потерь указанной церкви и города".[626]

Как только мэр Шиллингфорд отступил, он быстро бросил вызов главе. В день Вознесения 1445 года городской сержант последовал за слугой канцлера в префектуру и арестовал его, когда тот участвовал в процессии, поднимая с земли золотой посох своего хозяина;[627] и еще два ареста клерков последовали чуть более чем через год. Новый мэр занял его место в Михайлов день 1445 года, но когда в апреле 1446 года глава города подготовил иск против города, установив сумму ущерба в 1000 фунтов стерлингов, город снова ополчился на Шиллингфорда, и в течение двух критических лет борьбы он оставался верховным магистратом и возглавлял борьбу, которая расширялась и охватывала весь спектр гражданской жизни. Партийные распри достигли высокого уровня, и жители вскоре оказались в состоянии открытой войны. Однажды в разгар ссоры большой штабель дров, лежавший между собором и городом, был подожжен в девять часов в самое короткое время года. Бургеры закричали, что это сделали служители собора, чтобы сжечь город. Каноники отбросили это обвинение, заявив, что собор был подожжен жителями того же города намеренно, с согласия простолюдинов, с целью сжечь церковь.[628] То, как метались туда-сюда эти обвинения, дает нам представление о том, в каком состоянии находились чувства. Соборная партия ненавидела горожан как узурпаторскую и мятежную толпу; в то время как для горожан, когда их страсти разгорались, собор в своих стенах выглядел как крепость посреди города, удерживаемая силой древнего врага.

Кто из них был "поражающим" в этой ссоре, сказать трудно. Претензии обеих сторон были абсолютно непримиримы, и каждая из них с большой откровенностью и убежденностью отрицала каждое утверждение другой. Для убедительного доказательства собственного достоинства корпорация смело отнесла свои изыскания к какому-то неизвестному периоду до христианской эры, когда Эксетер "был городом, обнесенным стеной, и пригородом того же самого города с самой высокой репутацией"; и поведала, как "вскоре после страстей Христовых он был осажден Веспасианом в течение восьми дней; который не добился эффекта от своей осады и отправился в Бордо, а из Бордо в Рим, а из Рима в Иерусалим, а затем вместе с Титом осадил Иерусалим и получил и продал тридцать голов евреев за копейку, как это следует из Хроник." Затем они перешли к его положению при саксонских королях; а оттуда непосредственно на сайт пришли привилегии мэра, заимствованные из старого доброго времени, когда бейлифы и горожане держали город на праве собственности от короля, прежде чем были построены монастырь или соборная церковь.[629] Все исторические исследования с этой стороны, по сути, доказывали, что церковная власть - это всего лишь современная узурпация, не имеющая никакого значения и ценности.

Епископ и капитул, со своей стороны, проигнорировали времена до Веспасиана и прямо "заявили, что сомневаются в том, что Веспасиан был в Эксетере, а также в Бордо и Иерусалиме, чтобы продать тридцать голов евреев за пенни"; и сразу же перешли к своему главному аргументу, заявив, что St. Stephen's Fee не был частью города, как следует из книги Domesday, и был действительно "более древним, чем город", поскольку Эксетер был не более чем городом, пока первый епископ не был поставлен там Исповедником. Более того, они заметили, что сам мэр, как известно, был вчерашним чиновником, поскольку до времен Генриха Третьего "не было ни мэра, ни фермера", но городом управлял шериф графства, а

епископы в своей сфере имели абсолютную юрисдикцию, "и без того в городе не было таких мэров, бейлифов и простолюдинов".[630]

Но все аргументы епископа, "этого благословенного доброго человека в себе, если он должен быть Эдмундом, епископом Эксетерским",[631], как вежливо заметил мэр, были отброшены в сторону Шиллингфорда. "Я сказал "нет" и доказал это по Домедею", - пишет он[632], полностью удовлетворенный тем, что милорд "знал об основании этого дела не больше, чем изображение на ткани из арраса"[633] - меланхоличное невежество, "учитывая его благословенность, святую жизнь и добрую совесть". История прелата, как и история его антагониста, не была лишена упреков. В Domesday нет упоминания об отдельных землях церкви в Эксетере; но копий Domesday было мало, и сослаться на его авторитет было вполне безопасно. В любом случае, однако, ежедневное давление обстоятельств было настолько сильным, что для противоборствующих сторон не имело большого значения, оправдывает ли древняя история их позицию или нет. Для бюргеров трудности разделенного управления и унижения, связанные с подчинением, с каждым днем становились все тяжелее из-за растущего благосостояния города и независимых нравов того времени; в то время как глава, уверенный в юридической силе своей позиции, без малейших колебаний настаивал на конфликте.

Судебный процесс, начавшийся в Лондоне в 1447 году, был сложным и дорогостоящим,[634] и мэру, и служителям закона, и городским советникам Эксетера пришлось приложить все свои силы. Бесконечные консультации проходили в ратуше с помощью большого количества мальмси; однажды на пиршество пожаловали две ржанки и куропатка. Со временем расходы на мясо и напитки стали огромными; нужно было пировать для судей, поощрять муниципальных чиновников, дарить подарки лондонским вельможам, а также постоянно посылать гонцов в Лондон, Тивертон, и Кредитон. Даже после того, как вопрос был окончательно решен, городу пришлось в течение следующего года выплачивать денежные вознаграждения, дарить рыбу и вино, за которые он все еще оставался в долгу.[635]

Однако самая тяжелая и дорогостоящая часть работы заключалась в огромном объеме исторических и юридических исследований, которых требовало дело. "Это требует многих великих исследований, - говорил Шиллингфорд, - сначала в нашей сокровищнице дома среди множества великих и старых записей; затем в Вестминстере, сначала в канцелярии, в казначействе, в расписке и в Тауэре; и все эти исследования требуют большого труда, как и после этого, чтобы сделать наши статьи, которых у нас много, правдивыми против одной из их".[636] Свидетельства и документы читались и перечитывались, а аргументы приводились из Черной книги города, из Книги Судного дня, из Магна Харты, из статутов, хартий и жалованных грамот, из глазниц, которые держали в Эксетере судьи Эдуарда Первого, из записей "таможен" при Генрихе Третьем или Эдуарде Третьем. Регистратор Эксетера работал не покладая рук, и мэр с уверенностью обращался к нему, когда юридические вопросы становились особенно неясными. Пока что это "темно для моего воображения, - пишет он из Лондона, - но я верю Богу, что все будет хорошо с вашей доброй информацией и помощью; с этой целью я посылаю вам свиток, в котором содержатся копии Domesday, копии eyres, хартий и другие вещи, которые необходимо увидеть при создании этих копий. Я не могу больше в это время, но я молю вас не быть усталым, чтобы перечитать слышать и видеть все письма, которые я послал домой к вам в это время; и если вы будете, не удивляйтесь, хотя я устал, и Бог с вами".[637]

Сам Шиллингфорд постоянно находился в Лондоне, где запись одного дня работы может служить примером его активности. Он выехал из Эксетера в 6 часов утра в среду и добрался до Лондона в субботу в 7 утра. "В тот день у меня было много дел, - говорит он. Сначала он

отправился в Казначейство, чтобы узнать о порте Эксмут; затем в Вестминстер-холл, чтобы поговорить с различными юристами; после этого он посетил главного судью, сэра Джона Фортескью, и поехал с ним домой; затем он посетил другого судью, сэра Ричарда Ньютона; оттуда он отправился посоветоваться "с нашим советником о наших делах", а после обеда предложил посетить архиепископа в Ламбете.[638] Тем временем он следил за делами дома и время от времени посылал распоряжения о ведении местных дел в Эксетере. "Также я поручаю Джермину (казначею) под руководством и повелением Дж. Котелера, моего лейтенанта, чтобы он делал все, что может, бранился, хвастался и бражничал, лгал и клялся, и в особенности чтобы улицы были чистыми, и особенно маленький переулок на задней стороне под воротами, где лежит много бычьих голов и костей, чтобы они были убраны до моего прихода, как только я смогу с помощью костей Кокки".[639]

В длинных письмах из Лондона к "Братству" на родину перечислялся каждый шаг переговоров, начиная с того момента, когда мэр впервые "пришел в Вестминстер вскоре после девяти часов колокола и там встретился с милордом канцлером у широкой двери немного от лестничной площадки, идущей из Звездной палаты, Я был во дворе, а у дверей преклонил колено и приветствовал его самым благовоспитанным образом, на какой был способен, и рекомендовал его доброй и милостивой светлости мою дружину и всех простолюдинов, своих людей и постельничих из города Эксетера. Он сказал мэру два раза "Добро пожаловать" и в третий раз "Добро пожаловать, мэр", и держал мэра долгое время за руку, и так отправился на свою баржу, а с ним большая толпа, лорды и другие".[640] Точно так же Шиллингфорд тщательно отмечает каждую деталь серьезной церемонии, соблюдаемой перед судьями городской судьбы, когда "милорд занял свое кресло, и судьи сели с ним, и обе стороны со своими адвокатами преклонили колени перед ним".[641] Затем следовал долгий спор, в котором мэр противостоял адвокатам, и "так мы и ушли, стоя вдаль от моего господина, и он попросил вина и послал мне свой кубок, и больше не стал";[642] также "мой господин в это время оказал мне большое поклонение и открыто... похвалил меня за мое хорошее правление дома". Когда письмо от мэра было адресовано лорду-канцлеру, мы слышим, как регистратор "поцеловал письмо и вложил его в благословенную руку милорда, и милорд с радостным лицом принял письмо и сказал, что мэр и все общинники должны получить благословение Христа и его, и велел моему господину Рэдфорду[643] встать, что и сделал, и вскоре милорд затормозил письмо, даже когда произносилась милость, и там прямо читал его каждую сделку или шел к своему обеду."

Дела в Лондоне лучше всего продвигались с помощью разумных подарков, и Эксетер постоянно просили прислать канцлеру рыбу - угря, 400 штук облепихи или сушеной путассу, или "рыбу, называемую крабами".[644] Или вот еще, когда благоразумный мэр услышал, что лорд-канцлер пригласил правосудие на обед в пятницу, "я поступил так, как, по моему мнению, следовало поступить... и послал в тот день два величественных пикерелли и два величественных тенче".[645] Это оказалось очень удачным предприятием, поскольку "оно пришлось как раз в пору" для великих лордов и епископов, которые обедали с канцлером в тот день. На одном из этапов дела мэр действительно счел неразумным продолжать свои аргументы, пока не будет доставлен определенный подарок - рыба. "Я медлил и медлил из-за облепихи, которая еще не пришла, чем вызвал великий гнев и неудобство... ибо было бы хорошим смыслом и порядком, после вышеупомянутого разговора и общения, преподнести облепиху, а мне прийти следом, и так бы все прошло гораздо лучше; но теперь это похоже на неудачу с помехами".[646] Кто виноват - городской казначей или перевозчик - он не знал; он был уверен, что каждый из них обвинит другого. "Проклятие Христово им обоим, - вырвалось у него, - и скажите вы амен, *non sine merito*, и только посмейте сказать так, подумайте так, подумайте так!" Наконец, рог прибыл на Рождество - "лучше поздно, чем никогда", - сказал

раздраженный мэр. "В тот день я был в Ламбете с милордом на мессе и поднес свою свечу к благословенной руке милорда, я стоял на коленях и подносил свою свечу. Мой господин со смехом сказал мне: "Graunt mercy, mayor"; и в тот же день я остался там на мясо по повелению моего господина; я встретился с моим господином за высоким столом в конце пути к мясу, и как только он увидел меня, он быстро взял меня за руку и поблагодарил; я сказал моему господину, что это слишком просто, учитывая его состояние, сказать ему "graunt mercy", но если бы я был дома на этой ярмарке, у него были бы лучшие вещи и другие вещи. Я вышел с ним на середину зала, он стоял в своем имении против огня долгое время, и два епископа, два главных судьи, и другие лорды, рыцари и оруженосцы, и другие простые люди, великое множество, зал был полон, все стояли вдали от него, я стоял на коленях рядом с ним, и после рекомендации я перевел его о нашем деле коротко, как просило время." Он завершил этот аргумент против недобросовестных действий прелата в своей самой изящной манере: "Я, уходя, сказал такие слова: "Мой господин, сжался и помилуй этот бедный город, Иисус взирает на гражданство и любит его"". [647]

Но среди всех модных приемов канцлерского двора мэр ни на минуту не терял чувства собственного достоинства как представитель свободного города. Уступчивый и скрупулезный в соблюдении точных формальностей, Шиллингфорд был непреклонен во всем, что выходило за рамки простого церемониала; ведь, по его словам, "дело касается как великого простонародья города Эксетера, так и его самого". [648] "Упомянутый мэр, - пишет он по одному случаю, - понимал и хорошо знал, что упомянутый господин епископ недостоин, как он мог бы хорошо знать, из-за простоты и бедности говорить или просить с ним. Тем не менее он сказал, что такой простой человек, как он, был мэром Эксетера". [649] В любой дилемме он надменно опускался до собственной "простоты" и подчинения городскому совету дома, "не имея никакой власти, и никто не может сделать, сказать, согласиться или дать согласие без общения с моим сообществом - сообществом, с которым трудно иметь дело", [650] добавил хитрый мэр, с юмором, который его покорные подданные в Эксетере, несомненно, полностью оценили. [651]

Можно с уверенностью предположить, что огромные труды и затраты не были потрачены без серьезных причин жителями Эксетера - общиной трудолюбивых практичных торговцев, знающих цену своему времени и деньгам. А в отчетах мэра о разбирательствах в Лондоне можно найти длинный список претензий, которые продолжали накапливаться в стенах этого маленького города между церковью и государством, пока жители не оказались в рядах двух враждебных армий, сдача одной из которых означала разорение и порабощение.

(1) Самым острым вопросом был вопрос о праве ареста арендаторов епископа, находящихся на территории церковных владений. Среди многих других дел [652] мэр утверждал, что некий "Хью Люкейс, арендатор упомянутого епископа, самый или один из самых плохо управляемых людей во всем городе Эксетер или во всем последующем графстве", устроил драку с горожанином у самых дверей Гильд-холла, а когда сержант схватил его, "прервал арест и пошел своей дорогой" в церковь, преследуемый двумя сержантами. Городские управляющие, следовавшие за ним с королевской булавой для поддержания королевского мира, обнаружили, что двери церкви захлопнулись перед ними, а пленника "наильно отняли у них сильной рукой"; и различные дьяки и служители церкви по приказу декана и капитула обрушились на них с дверными засовами, мечами, кинжалами, длинными ножами и "ирландскими скинами", так что "оба управляющих и сержанты стояли в отчаянии за свою жизнь, и едва ли им удалось выбраться из церкви, сохранив свои жизни". [653] Таков был рассказ мэра. Епископ, в свою очередь, заявил, что Хью Лукас был невиновным человеком, которого загнала в собор во время богослужения буйная толпа бюргеров, вооруженных

"мечами, кинжалами и прочим назойливым оружием", и намеревавшихся лишь творить зло и бесчинствовать.[654] В то же время одного из слуг епископа, который почти до смерти ударил кинжалом в глаз горожанина, не смогли наказать, потому что он стоял в Ближних воротах, между кладбищем и городом. "Также часто мэр не осмеливался исполнять закон и приводить его в исполнение... ибо теперь почти каждый человек принимает цвет от милорда" епископа. Если кто-либо из бунтовщиков устраивал драку, он убегал и "задерживался в церкви"; если человека арестовывали в субботу, "он должен быть доставлен для совершения господского дела" в воскресенье,[655] и с помощью таких приемов и мужчины, и женщины, "которых мэр обличает", оставались безнаказанными. Был заключен компромисс, согласно которому городские служащие не должны производить аресты в церкви или на кладбище с момента прекращения звона Богородицы до окончания Комплина, но глава города позже предъявил им это в качестве доказательства того, что они не имеют права производить там аресты, "что доставляет указанному мэру и жителям города большое беспокойство, вред и помехи, а злоумышленникам, бунтовщикам и нарушителям спокойствия - большую дерзость".[656] Мэр утверждал, что невозможно поддерживать порядок в условиях привилегий, которые делали духовенство и их арендаторов практически независимыми от закона. "Ночные гулянья, сквернословие, визави, плечи и все беспорядки" продолжались бесконтрольно, и мэр "больше не мог управлять людьми короля по его законам и поступать правильно, как он присягал, потому что боялся моего господина".[657] Сразу за Сент-Питерс-Клоуз стояла известная таверна, и каноники, владевшие Широкими воротами, держали ее калитку открытой почти всю ночь, "из этой калитки в таверну приходит большая часть всех бунтовщиков в Клоуз, священников и прочих", говорили горожане, и из-за этого соседи не могли спать всю ночь. Однако каноники считали, что "мэр и такие ужасные люди из его содружества и есть те неуправляемые люди и приезжие, о которых они говорили". По мнению духовенства, весь муниципалитет погряз в грехах; сами городские сержанты были "дикими и неразумными парнями", которые даже слышали, как они угрожали, "что многие священники Эксетерской церкви потеряют голову однажды в середине лета";[658] а что касается таверны, то поддерживать там порядок - дело мэра, если только, как они полагали, он сам "является причиной и примером для всех подобных нарушений".[659] Однако это обвинение, выдвинутое канцлером собственными руками, не вызвало у мэра особого беспокойства. "Что же касается яда, который они выливают на мою жизнь, - писал он Братству, - то я принимаю все на свой счет и грустно говорю *"si recte vivas"* и т. д., я весел и прекрасно живу, всегда благодаря Бога и свой собственный кошелек. И я, лежа на постели во время написания этой книги в самом начале, весело напеваю веселую песенку, а именно: "Не приходите больше в наш дом, приходите, приходите, приходите! I will not die nor for sorrow nor for anger, but be merry and fare right well, while I have money; but that is and like to be scarc with me, considering the business and cost that I have had and like to have; and yet I had with me £20 and more by my troth, whereof troth not right much I spend yet, but like, &c. Подумайте сами, что вам угодно".[660]

(2) Еще больше горожан возмущало то, что епископ претендовал на право быть одновременно судебным бароном и леетом, а также видеть франкпледж, и под этим предлогом рассматривал различные дела, которые должны были рассматриваться мэром и судебными исполнителями, таким образом жадно собирая в свою казну штрафы, на которые они сами положили глаз; кроме того, он забирал себе любые товары, конфискованные у преступников.[661] Гневные чувства вызвало дело Джона Бартона, которого городские власти преследовали за грабеж. Но поскольку он ограбил церковь, а украденное спрятал в епископском доме, церковники, не желая, чтобы светская власть вершила правосудие, захлопнули дверь перед лицом городских чиновников и поспешили увести святотатца в собор, затем тайно переправили его в пекарню и таким образом вывезли из города; В то

время как украденные вещи хранились в руках епископа, "к большому ущербу и помехам для нашего государя короля и упомянутого мэра и простолюдинов". "[662]

(3) Во всех городах, где между горожанами и церковью поднимался вопрос о юрисдикции, разгорались ссоры по поводу коронерских расследований. И церковники, и миряне должны были подчиняться дознанию коронера. Но главы соборов и монастырей считали менее унижительным допускать в свои пределы офицера графства, чем городского чиновника, присланного мэром, который вечно ревностно следил за их воротами. С другой стороны, после долгой и решительной борьбы за освобождение от иностранного вмешательства города с подозрением смотрели на появление в их стенах под любым предлогом любого чиновника графства. В Эксетере, как и в других местах, городской коронер претендовал на "отпевание заключенных, умерших в епископской тюрьме", но епископ категорически отказывался допускать в ее пределы кого-либо, кроме коронера Девоншира, и если муниципальные коронеры, узнав о смерти заключенного, появлялись у ворот Клоуза, их отволакивали "слуги упомянутого епископа, и по его повелению им было позволено исполнять свои обязанности там; и упомянутые заключенные, умершие таким образом, были похоронены без погребения". [663]

(4) Как и следовало ожидать, разгорелся жаркий спор по поводу городских налогов. [664] Мэр утверждал, что он и его помощники привыкли собирать на территории собора определенную часть королевских налогов, ферм и сумм, необходимых для общих городских расходов; а Шиллингфорд подкрепил это утверждение перед лордом-канцлером "долгим пересказом со времен короля Эдуарда и до наших дней, как и в какой форме это делалось в старину". [665] Однако в последнее время арендаторы епископа отказывались приходить в Гильд-холл и оценивать свою долю, "по приказу упомянутого епископа, угрожавшего упомянутым арендаторам... выгнать их из их владений. И поэтому они не смогли прийти, установить и заплатить, как они обычно делали". [666] Епископ оправдывал свои действия различными аргументами. Королевские налоги он, вероятно, не мог оспорить, демонстрируя разум. Но в отношении фермы он использовал всеобъемлющий способ аргументации, который поражал саму основу всей власти мэра или коммонера; по его словам, город не имел права собирать налог, поскольку в Эксетере не было ни мэра, ни бейлифов, ни какой-либо фермы до времен Генриха Третьего, и даже тогда пожалование было незаконно сделано Ричардом Альмейнским, который на самом деле не обладал никакими правами в боро. [667] За налоги, связанные с муниципальными расходами, или, как их называл мэр, "расходы горожан", он утверждал, что его арендаторы не несут никакой юридической ответственности. В любом случае он полностью расходился с горожанами в своем определении "древнего обычая", которым должна регулироваться уплата налогов. [668] и жаловался, что его арендаторы не были должным образом вызваны для участия в оценке, и "по злему умыслу" в их отсутствие была взыскана "значительная сумма... так что в руках мэра осталась бы большая сумма сверх указанного десятицентовика", как и в руках других мэров оставалось до 7 или 5 фунтов, иногда больше или меньше. [669]

(5) В одной из самых обременительных обязанностей городской жизни - несении вахты и стражи - зависимые от платы Святого Петра пытались переложить весь труд на горожан. [670] Арендаторы епископа, когда их призвали "прийти и нести вахту, не пришли... но им запретили это делать под большим страхом и обязали, что если кто-нибудь из офицеров мэра войдет в любой из домов епископа, чтобы предупредить кого-либо, чтобы он пришел на вахту, то ему проломят голову". [671] На самом деле епископ распорядился взыскать штраф в 40 тысяч - штраф, который не под силу заплатить простому торговцу, - с любого, кто осмелится служить в дозоре. "После этого мэр обратился к ним с весьма нелепыми словами.

Мэр уклончиво сказал, что сделает еще больше, что взыщет и с горожан, и с податных хозяйств, и что он хорошо об этом заявит, и велел им всем сообщить об этом судье, и что он сделает то же самое; так мэр и сделал".[672]

(6) "Самой разоблачительной статьей" из всех, по словам епископа, был вопрос об ассизе вина, эля и хлеба. В то время как мэр претендовал на ассиз над епископскими владениями, епископ утверждал, что такой ассиз "времени, в котором нет ума", полностью принадлежит самому епископу, и ни в коем случае мэру.[673] Этот вопрос был отчасти финансовым, а отчасти - вопросом порядка. Пока вино ввозилось контрабандой арендаторами епископа, а затем продавалось в домах каноников и на участках, вопреки "постановлениям и кличу" мэра, город терял таможенную пошлину, которую должен был платить в порту Эксмута с каждой трубы вина; а поскольку ферма оплачивалась из этих таможен, арендаторы епископа уходили от своей доли ренты,[674] и оставляли все бремя на плечи горожан. Кроме того, корпорация лишилась "винной пошлины", которую платили за все вино, продаваемое в розницу в городе. Более того, продавцы-мошенники остались безнаказанными; вместо того чтобы позволить городским служащим сбросить в канал вино, которое было осуждено муниципалитетом как "испорченное и не пригодное для человеческого тела, проклятое и подлежащее проклятию", арендаторы епископа нашли способ извлечь из него незаконную прибыль; "это испорченное вино было перевезено в Топшем и там отправлено, а затем доставлено в Бордо, чтобы там быть поставленным и изготовленным среди нового вина, как это будет хорошо доказано, если потребуется". Точно так же сопротивлялись взвешиванию хлеба и проверке пива, а авторитет города был сведен к нулю.

(7) Кроме того, возникли разногласия по поводу того, кто должен получать прибыль от возросшей арендной платы за ларьки, магазины и дома, которые открывались на рыночной площади[675] и стоимость которых полностью зависела от роста рынка и городской торговли. И муниципалитет, и церковь охотно изъяли бы "нетрудовые доходы". Монастырь устроил лавки и киоски "на земле упомянутого мэра и горожан, не спрашивая у них разрешения" - огромные лавки длиной в шестьдесят футов и шириной более трех футов, где в прежние времена были только витрины, "створки которых уходили внутрь, а других никогда не было". Епископ ответил, что любой житель города может поставить лавки у своего дома, если пожелает; и в любом случае, добавил он, последовательно отрицая власть корпорации, это дело должно быть наказано королем, если таковой вообще имеется, а не простолюдинами. Когда же горожане стали утверждать, что они всегда "в свое время, что ни на есть", устраивали свой рыбный рынок на Фиш-стрит, своего рода спорной земле, которая лежала за пределами кладбища, но в пределах близлежащего квартала, но что теперь декан и глава отказались разрешить устраивать там рынок, и сами устроили лестницы и сады, посягающие на улицу, которые, кроме того, отрезали мэру путь к городским стенам и башням, епископ ответил с придиркой, что поскольку такой улицы, как Рыбная, никогда не было, то на ней не могло быть ни рынка, ни посягательств на него: То, что город предпочитает называть Фиш-стрит, пояснил прелат, в его номенклатуре было улицей С. Мартина или Канонической улицей.[676]

(8) Как и в других городах-крепостях, где стена церковных владений шла бок о бок с городской стеной,[677] возникали бесконечные вопросы об управлении и ремонте стен и башен, о контроле городских ворот, об использовании узкой дороги внутри стены для передвижения войск, перевозки боеприпасов, подхода городских властей или рабочих - вопросы, которые во время войны или гражданского бунта имели жизненно важное значение и которые даже в спокойные дни часто приносили неприятности. Каждая сторона

претендовала на переулок, и мэр и корпорация возражали против каноников, которые, устроив в нем задние двери, открывающиеся из садов, превратили его в просто мусорную кучу, так что "никто не может ни ездить, ни ходить, ни подводить карету к стенам, к большому ущербу и помехам мэра и коммонлати"; кроме того, они разрушили большой сток, который был сделан для отвода дождевой воды из города, и унесли камни. Кроме того, комманданты потратили 20 фунтов стерлингов на строительство большой башни "и крепкой двери с замком и ключом, сделанным на ней и быстро закрывающимся, с этим намерением, чтобы ввозить туда вещи для войны и обороны города и другие вещи упомянутого города, чтобы они были крепкими, безопасными и надежными; но всякий раз, когда этот замок и те различные почтовые двери ремонтировались, "они были злобно сломаны епископом, деканом и главой", а дверь башни оставалась все время открытой, чтобы каноники могли бросать в нее свой мусор. И наконец, каноники снабдили одни из городских ворот новым замком и ключом собственного изготовления, и днем и ночью "в них въезжали и выезжали полные нечестивые кареты". "У этих ворот также часто происходили большие ссоры и споры, и, как будто бы, убийства, и различные ночные гуляки и бунтовщики выходили через эти ворота в город, и там совершали многие ссоры, нападения и другие беспорядки против мира, и вырывались за городские стены, и еще много бед, которые могли бы произойти у этих ворот без лучшего средства защиты". На все эти обвинения каноники ответили, что переулок принадлежит им, и они никогда не ломали там канаву и не выбрасывали мусор; что же касается стены, то это простолюдины, которые "по своей недоброжелательности к злему умыслу" допустили ее обрушение и не ремонтировали ее "ни разу в течение ста лет"; башни же стояли на церковной земле, "и епископ иногда имел свою тюрьму в этой башне".[678]

(9) Общее пользование собором стало еще одним предметом борьбы, поскольку корпорация настаивала на единоличной власти в пределах башенной ограды, а церковная партия в ответ более жестко защищала свою особую собственность. В ярмарочное время было принято устанавливать будки на кладбище и даже в церкви; но теперь декан и капитул стали требовать пошлины, особенно с ювелирных лавок. Город возмутился, и дело передали третейским судьям, которые постановили, что глава не имеет права взимать пошлину ни в церкви, ни на кладбище, "по злобе и злой воле которых упомянутые декан и глава своими служителями и слугами с тех пор выставляют всех таких купцов и торговцев вопреки и против старого правила и обычая, и к разрушению ярмарок и рынков".[679] Кроме того, каноники заперли двери примыкающего к церкви монастыря, который, по словам горожан, был "общим путем мэра и простолюдинов" в собор, а также "местом молитвы и набожности, чтобы молиться за все души, чьи кости там похоронены". По словам церковников, это ни в коем случае не был "общий путь" горожан; Он был обнесен стеной и застеклен, в нем были дом главы и библиотека, и каноники были очень обижены тем, что "безбожно управляемые люди, в основном молодежь из указанного сообщества, в пределах указанного монастыря занимались незаконными играми, такими как топ, "квик", "пенни-прайк", и в теннис, в результате чего стены упомянутого монастыря были осквернены, а стекла в окнах разбиты, как это открыто показывает, вопреки всему доброму и призрачному добру, и прямо против всей доброй политики, и против всех добрых правил в пределах упомянутого монастыря, чтобы позволить любым таким неправильно управляемым людям иметь общий вход." Однако мэр все же утверждал, что "в течение времени из головы не выходило, что там не было такого монастыря, а была открытая церковь, и общий путь в указанную церковь". Что касается игр, то "мэр, судебные приставы и простолюдины заявляют, что по закону они не обязаны отвечать по этому делу".[680]

Среди бесконечных и вульгарных деталей этой запутанной ссоры Шиллингфорд придерживался принципов, которые, как он ясно видел, составляли самую суть истинной

муниципальной жизни. Хартии свободы были бесполезны, если в каждом вопросе, касающемся торговли, полиции, финансов, общественного порядка, в дело вступала церковная привилегия и ставила крест на любом правительстве, кроме своего собственного. Все дискуссии от первой до последней неизменно возвращались к одной центральной проблеме - праву на арест, и здесь мэр был решительно настроен на то, чтобы никакие уговоры не заставили его умерить свои городские притязания. Он не согласился с доводами епископа, почерпнутыми из якобы заключенного дружеского соглашения, согласно которому городские чиновники должны производить аресты только на кладбище и не могут арестовывать там ни каноников, ни людей в религиозном облачении, ни их служителей и слуг, и решительно отрицал, что такое письмо когда-либо было известно или доказано. Отныне он не желал слышать об уступках или компромиссах; "если бы я так поступил, то казалось бы, что я сомневаюсь в нашем праве там, где у меня его нет", [681], как он сказал лорду верховному судье. Когда "сам милорд мрачно говорил о старых добрых хартиях" и убеждал его покончить с этим делом, "и если я так поступлю, то попаду в хронику", мэр по-прежнему оставался тверд. [682] "Я держал себя в руках, у меня было достаточно материала". Особое давление на него оказывал лорд канцлер, который, будучи человеком ученым, веселился над рассказом о связи Веспасиана с городом - историей, на которой мэр не очень-то хотел останавливаться; [683] и как бывший каноник Эксетерского собора он был готов иногда посмеяться над рассказами о своих эксетерских днях, о захватывающих арестах и оживленных спорах, которые он так хорошо помнил; "все это было, чтобы соблазнить меня веселым смехом", - сказал бдительный мэр. [684] "В конце концов перешли к печальным вопросам, заговорили о доме Божьем, церкви Святого Петра в Эксетере, и милорд рассказал о своем доме, зале и правосудии, о том, как им не хотелось бы производить в нем аресты, и сказал, что церковь Святого Петра - дом Божий и зал Его, и т. д., и привел множество доводов в пользу отсутствия арестов. [685] На них отвечали, что Бог даст нам милость". Канцлер, как это было естественно из его старой связи с капитулом, особенно стремился к компромиссу, благоприятному для церкви. Он предложил, чтобы городские власти имели вид франкфедерации на весь город и его окрестности и производили аресты только по приказу этого суда; с другой стороны, епископ "имел свои суды из своих собственных арендаторов и для рассмотрения дел на большую сумму, чем судебный барон, сорок шиллингов, и говорил о сорока марках". На этом умысле он держался твердо и считал его разумным, и много раз спрашивал меня, что я на это скажу, все, как я полагал, чтобы искусить меня и согласиться на умысел; и тогда я сказал, милорд, если вам будет угодно, вы извините меня за ответ, ибо, хотя я и думал, что это умысел разумный, я не смею сказать "да", хотя у меня есть власть, ибо дело касается как большого общества, так и меня, и поэтому я не смею сказать до времени, что я говорил с моим обществом дома." [686]

Два года дискуссии тянулись то в одном, то в другом месте, пока в 1448 году между городом и церковью не было заключено соглашение "при посредничестве Томаса Кортни, графа Девоншира, и сэра Уильяма Бонвиля, рыцаря", которое через четыре дня (16 декабря 1448 года) было подтверждено главным судьей Common Pleas и другим судьей. Эксетеру была прощена огромная компенсация, которую монастырь требовал за незаконные аресты, произведенные городскими чиновниками на территории монастыря за два года до этого, - компенсация в размере 1000 фунтов стерлингов, или суммы, которая должна была равняться многолетнему доходу города. В остальном арбитраж подтвердил разделение власти, против которого город так энергично протестовал. Епископ остался абсолютным властелином своих владений. Все, чего он желал, - судебный барон, леет, вид на франкфедерство, правление без какого-либо вмешательства мэра, бейлифов или коронеров города и абсолютная свобода от бедствий и арестов, - было обеспечено ему навечно. Он лишь обязывался не арестовывать никого из подданных мэра в его округе. Что касается мэра и простолюдинов, то

они сохраняли свои древние полномочия в городе, но не могли производить аресты на церковных землях. Они могли вызывать арендаторов епископа для несения караула в свою очередь, а в случае отказа штрафовать их, налагая взыскание на их товары, найденные без сбора. В королевских налогах и городском мураже церковные арендаторы должны были получать свою долю, но собирать ее должны были их собственные чиновники. Наконец, мэр и бейлифы могли без помех нести свои булавы перед собой в соборных стенах.[687] Было постановлено, что никакие новые хартии не должны нарушать этот порядок;[688] и впредь капитул охранял свои привилегии с особой тщательностью.[689]

Это "окончательное" решение давало городу все, что мог дать ему любой юрист в XV веке, ведь юристы могли лишь декларировать правовые принципы, заложенные в те времена, когда власть в государстве была совсем иначе сбалансирована, а создание законов в этих вопросах находилось в руках церковников. Государственные деятели, подобные канцлеру, могли обсуждать этот вопрос с философским спокойствием; в более важных вопросах государственного управления проблема между церковью и государством была решена за них еще во времена Генриха Второго, причем методами столь же грубыми и готовыми, как и все, что пытались сделать бюргеры более поздних времен; поэтому теперь они смотрели на проблемы горожан со стороны. Давление трудностей изменилось, и если раньше именно народ извлекал выгоду из церковных иммунитетов, а королям и государственным деятелям приходилось терпеть жестокость в борьбе за порядок и авторитет власти, то теперь основная тяжесть борьбы выпала на долю простого народа, в то время как правители в Вестминстере спокойно перечисляли старые аргументы, от которых их более великие предшественники сочли необходимым полностью отречься за триста лет до этого.

Опыт Эксетера отнюдь не был исключительным или редким, и если мы обратимся к истории Кентербери или Норвича, то обнаружим те же самые записи о столетиях страстных распрей, с пожарами, грабежами, убийствами и дорогостоящими судебными процессами, заканчивающимися еще более ожесточенным противостоянием. Множить примеры было бы утомительным повторением, но, учитывая огромное значение, которое эти вопросы имели для средневекового бюргерства, и серьезность их последствий для последующей истории, будет не лишним отметить на примере истории другого города, как, при нескольких поверхностных различиях, основная трудность всегда была одной и той же.

В Кентербери, как и следовало ожидать, все было еще сложнее, чем в Эксетере, и положение горожан вызывало немалое недоумение. Почти с каждого значительного владения в городе какая-нибудь религиозная корпорация требовала арендную плату, которую необходимо было вычитать из городских счетов. Монастырь Святого Григория объявил себя находящимся в графстве Кент и за пределами городской черты, а в 1515 году заявил о своей свободе, отказавшись принять участие в выплате субсидии; когда мэр ввел налог на имущество, монастырь подал на него в суд за нарушение границ, и последовала долгая и дорогостоящая тяжба.[690] Больницы Святого Николая в Харблдауне и Святого Иоанна в Нортгейте были освобождены королевской хартией от всех тальонов, пособий и взносов, а их земли и леса в сотне Уэстгейта были освобождены от взносов на оборону побережья.[691] Но эти пустяковые обиды не привлекали внимания на фоне проблем, вызванных более значительными церковными властями - Приоратом Крайст-Черч, монастырем Святого Августина и архиепископом. Старые разногласия, некогда нарушавшие их общую гармонию, были утихомирены путем полного разделения собственности и юрисдикции архиепископа и монастыря Церкви Христа, которое было окончательно оформлено где-то в 1260 году; а также соглашением, которое было заключено в конце XIV века между монастырем С. Августина и Крайст-Черч, по поводу их особых споров о

церковных прерогативах или о правах монастырей на открытом море, на набережной в Фордвиче, на общих лугах в Стурри и в соседних гаванях Сандвич, принадлежавшей Крайст-Черч, и Стонор, принадлежавшей С. Августину.[692] Но в общем миротворчестве город остался в стороне, и у него были свои отдельные претензии к архиепископу, аббату и приору.

I. Ибо архиепископ обладал определенными правами, которые были крайне неудобны для города. В случае ссоры он мог отказаться рукополагать кентерберийцев, конфирмовать кентерберийских детей или допускать к церковным должностям больных людей, если горожане не поклялись во всем ему подчиняться. Он мог запретить своим арендаторам участвовать в большом городском празднике Перевода святого Фомы. Известно, что он заставил 140 горожан предстать перед ним в Чаринге, в двенадцати лигах от Кентербери и без надлежащего питания, тогда как по обычаю их должны были вызывать в их собственный собор. Таковы были жалобы, с которыми пришлось столкнуться борющемуся городу в 1290 году.[693] Его район Стэплгейт, расположенный прямо напротив дворца и в черте города, был окружен стеной и не подпадал под юрисдикцию ни города, ни графства;[694] даже королевская грамота в нем не действовала. Поскольку его арендаторы в Уэстгейте и Уингхеме были свободны от городских властей, когда жители Уэстгейта стали строить свои дома так близко к реке, что поток бил в городские стены с такой силой, что они падали, город был бессилён остановить это зло, и в 1467 году[695] жаловался на это так же громко, как и в 1290 году. Или когда жители Уингхема перехватывали для своего рынка провизию, которая шла по дороге в Кентербери, и тем самым уменьшали пошлины с провизии, взимаемые у ворот Кентербери, и повышали цены на продукты, у корпорации не было средств защиты, поскольку право архиепископа устраивать рынок в Уингхеме нельзя было отрицать.[696] Более того, рыбаки Уитстапла, также арендаторы архиепископа, в 1431 году получили от него поддержку в своем требовании права продавать рыбу в городе без всякой пошлины, кроме фартинга с каждого человека; а в 1481 году, когда рыбаки отказались платить пошлину или торговать на новом рынке, построенном горожанами, у горожан не было другого средства, кроме как восполнить из собственного кармана потери сборщика налогов во время этих бед.[697] Еще одна ссора произошла в 1480 году, когда архиепископ конфисковал десятину земли на Королевском лугу, после чего мэр немедленно собрал отряд, отправился на луг, расположенный в миле от города, и приказал раздать шестнадцать пенсов вина, чтобы подкрепиться его отрядом.[698]

II. С аббатом Святого Августина у города были споры по поводу мельницы и рынка. Предполагалось, что "аббатская мельница" вредит городской мельнице, расположенной немного выше по течению, и обида была настолько серьезной, что в 1415 году совет инспекторов вбил в русло реки кольцо с железными наконечниками, чтобы отметить самый высокий уровень воды на аббатской мельнице, чтобы падение было достаточно глубоким для воды, поступающей от колеса городской мельницы.[699] В 1522 году между городскими властями и "Милордом из С. Остина" состоялся совет по поводу рыбного рынка, который закончился дружелюбно: аббату подарили угря и бутылку Мальмси.

Однако главная ссора касалась точных границ полномочий аббата, определенных соглашением, составленным в XIII веке и тщательно скопированным заново городским клерком в XV веке; а главным предметом обсуждения на протяжении многих поколений было то, должны ли аббаты под предлогом инфангелов упорно арестовывать злодеев в Лонгпорте, который был королевской дорогой и находился под юрисдикцией его наследников, корпорации Кентербери, но который на всем своем протяжении проходил по землям аббатства.[700] Судя по всему, спор завершился только после 1475 года, когда виселица аббата в Чалденшеме была, по согласию общины и монастыря, разбита на куски. Барон

казначейства и регистратор Лондона, выбранные для арбитража между горожанами и монахами, были приняты в Кентербери с платой за свои труды, поселены в Остинском монастыре, роскошно развлекались за городской счет с щедрыми поставками отборной еды и напитков,[701] и подавались с трехразовым питанием, "fractio jejunii, jantaculum, et coena", пока, наконец, в определенный полдень монахи и корпорация не собрались, чтобы выпить вместе в честь окончательного мира, и послы отправились в свой путь на родину, угощаясь на каждом этапе от прощального кубка в Кентербери до прощального напитка в Ньюгейте. В 1478 году они передали свой арбитраж в Вестминстер, и там была проведена новая серия "potationes", чтобы отпраздновать заключение мира.[702]

III. Аббат монастыря Святого Августина был, конечно, гораздо менее грозным соседом, чем настоятель Крайст-Черч, между которым и городом лежали столетия гневных споров. С ним, разумеется, были связаны и обычные ссоры по поводу отправления правосудия. У настоятеля была своя виселица, на которой вешали людей как за кражу овец, так и за убийство, а когда Кентерберийская кафедра была вакантной, осужденных заключенных, которые "умоляли свое духовенство", передавали ему в качестве ординарцев, что, очевидно, должно было вызывать много горьких чувств со стороны горожан; Например, в 1313 году из девяти человек, осужденных присяжными в суде ассизов за кражу и убийство, которые все заявили о своем духовенстве, семеро очистились перед церковным судьей и были освобождены.[703] Более того, собор был превращен в убежище, где преступники скрывались от справедливого суда своих сограждан. В 1425 году Бернард-ювелир, чужеземец из-за моря, сбежал из городской тюрьмы и скрылся в соборной церкви, преследуемый судебными приставами и дикой толпой горожан. Когда он сидел за перилами нового памятника архиепископу Чичли, толпа просунула руки между прутьями, схватила его и стала бить палками, спрятанными в рукавах, и наконец вырвала его из ограды, вынесла в неф и потащила бы обратно в тюрьму, если бы не внезапное вмешательство комиссара, который со своими последователями отогнал их и вызволил узника из их рук.[704]

Вопрос о налогах также вызвал много споров. Церковь Христа, владевшая в пределах франшизы 200 фунтами ренты и пятью акрами земли,[705] требовала освободить ее от взносов на поддержание городских стен[706] после того, как их обход был завершен архиепископом Садбери и оставлен на попечение народа; этот спор не был разрешен до 1492 года, когда монастырь, получив во владение часть стены, обязался поддерживать ее в порядке.[707] Что касается расходов на сбор солдат для королевской службы[708], то в 1327 году горожане решили взимать часть этого налога с земель, принадлежащих монастырю. По всей видимости, налог требовался только с имущества, находящегося в городе, и архиепископ, посоветовавшись со своим советником, был склонен уступить, "как бы ни хотели этого те, кто принадлежит к нашей церкви", но настоятель решительно выступил и получил от короля письмо с особой защитой для церковного имущества.[709] В связи с этим город был взбудоражен до предела. Люди собрались на церковном дворе Блэкфрайарса и приняли резолюцию, что если монастырь по-прежнему будет отказываться, то они разобьют окна в Бургейте, выведут из строя мельницы, выгонят арендаторов из домов; что они не позволят никому давать, продавать или давать в долг мясо или питье монахам, будут захватывать телеги и лошадей, везущих продукты из их поместий, и продавать их на рынке; Что они будут арестовывать любого монаха, выходящего из монастыря в город, и отбирать его одежду и имущество; что монастырь должен быть отрезан от мира глубокой траншеей, вырытой перед его воротами, и что ни одному паломнику не будет позволено войти в собор, пока он не даст клятву не делать ни малейшего подношения. Наконец, каждый присутствующий на собрании поклялся, что возьмет из святилища святого Фомы по золотому кольцу на палец каждой руки.[710] Угроза вмешательства в дела паломников была для монастыря серьезным делом,

поскольку вся ответственность за обеспечение комфорта и безопасности паломников лежала на мэре. В его обязанности входило не только следить за тем, чтобы в городе было заготовлено достаточно продовольствия для паломников, и вывешивать на столбе перед залом суда все особые указания, которые он считал необходимыми для их питания и проживания, но и следить за порядком среди них. И бывали случаи, когда путешественники отправлялись в путь с опасением, если только, как это случилось в Лидде, официальные посланники из города не отправлялись заранее в Кентербери, чтобы договориться о том, чтобы паломники могли приходить и уходить в безопасности, не подвергаясь опасности ареста, и не завоевывали расположение жены мэра подарком в виде квартиры мальмси.[711] Корпорация фактически обладала властью сделать посещение святыни настолько трудным и неприятным, чтобы серьезно повлиять на поток пожертвований в казну святого, и это в то время, когда беспокойство монастыря о прибылях усилилось из-за настоятельных требований папского двора получить долю в трофеях его великих юбилейных праздников.[712] Денежные распри, по сути, никогда не прекращались ни с той, ни с другой стороны, и в самом конце XV века кардинал Мортон, похоже, увидел в старой вражде шанс заставить Кентербери платить полную дань в королевскую казну; когда в 1494 году он выпустил требования о помощи деньгами или людьми в шотландской войне, он, кажется, послал несколько пустых копий повестки своему другу приору Селлингу, чтобы тот заполнил их и выдал корпорациям и гражданам, которых он считал достаточно богатыми, чтобы заплатить. Вероятно, в своих указаниях сборщику налогов приор Селлинг не забыл о старых врагах монастыря.[713]

Ссоры по поводу городского рынка также продолжались на протяжении всего пятнадцатого века. Городские магистраты действительно имели неоспоримый контроль, но не всегда было легко принудить их к контролю умных людей из монастыря. Иногда монахи пытались избежать поборов и пошлин со стороны бургомистров, отправляясь покупать рыбу на побережье, а горожане защищали себя, конфискуя купленную рыбу по пути в приорство.[714] Другие вопросы возникали по поводу домов, принадлежащих Крайст-Черч, которые выходили окнами внутрь квартала, но выходили на рыночную площадь в Бургейте за воротами приорства; в этих домах можно было опускать ставни и окна, чтобы жители могли выставлять свои товары в базарный день, от чего город страдал вдвойне, теряя аренду прилавков и видя, как растущая арендная плата за дома уходит в монастырскую казну. Наконец, в 1493 году монастырь и город попытались окончательно решить этот вопрос. Были определены границы монастыря, включая многие дома мирян, и в этих пределах город отказался от всякой юрисдикции, кроме домов и магазинов, двери или окна которых выходили на улицу; монастырю же было разрешено распространять право собственности на любые дома, принадлежащие ему в городе. Но в 1500 году ссора разгорелась с еще большим ожесточением, и мэр насильно перенес рынок от ворот настоятеля на открытое пространство возле городской церкви, чтобы ни один дом, принадлежащий монастырю, не имел преимущества выходить на нее. Тогда церковные арендаторы отказались торговать на новом рынке, а городские лавочники обращались с монастырскими слугами без особой любезности. Горожане набросились на катериста церкви Христа, когда он нес палтуса, купленного на рынке, к воротам монастыря, и отняли его, "вопреки всякому праву и доброй совести"; а когда настоятель послал за рыбой на побережье, ее схватили на въезде в город горожане, "разочаровав тем самым братию в месте их обеда".[715] Приор подал жалобу в лондонский суд, после чего весь город горячо взялся за дело, а бюргеры собрали добровольную подписку для защиты своего дела. Ведение дела в Лондоне было поручено мэру. Десять или двенадцать горожан постоянно ездили взад-вперед и слонялись по двору, а в городские записи заносились обычные расходы на выпивку, ужин, конину, наем лошадей до Рочестера, баржи и плащи для путешественников оттуда в Лондон, вплоть до "трех

пенсов, уплаченных в Ситтингборне за стирку моих рубашек". [716] Мастер Пойнингс, которому король в последний раз поручил взять показания на месте, был приглашен на великолепный банкет, и в конце концов образец рынка был отправлен в Королевский совет в Лондоне. В 1501 году новый посланник короля "прибыл в город и задержался не из-за смерти, [717] а поговорил с господином мэром в церкви Святого Андрея, который показал ему рынок, и так он отбыл в Дувр", за ним поспешил гонец мэра с подарками рыбы, дичи, птицы и вина. Затем из города были отправлены новые послы к королю в Ричмонд, а также весело продолжалась уплата пошлин и расходов на еду и питье. Но в конце концов горожане победили, потому что рынок Кентербери до сих пор держится у церкви Святого Андрея и так и не был возвращен к воротам приорства.

Даже контроль над рекой приносил свои неприятности, поскольку всякий раз, когда возникал вопрос о насыпи и выпрямлении русла, приор и мэр собирались на лугах вокруг Чатема со своими приверженцами и проводили консультации, освежаемые обычным запасом мяса и напитков. Однако дела на этих вечеринках делались, и река превратилась из своего извилистого русла с одной стороны долины на другую в прямое русло, по которому она течет сейчас. [718] Вопрос с мельницами было не так просто решить, с сопутствующими проблемами по запруде и вычерпыванию мелководья. Заключенное в 1431 году соглашение о предотвращении ущерба городской мельнице не смогло положить конец спорам, и в 1499 году приор вырыл траншею, отводящую воду от нее, после чего горожане разрушили траншею и приступили к сооружению плотины для сохранения воды, идущей к их мельнице. Приор, в свою очередь, разрушил плотину, после чего мэр созвал свою дружину для поединка на лугах у реки, разгромил вражеские силы, захватив их оружие, и на следующий день в гневе перенес рынок на новое место, как мы уже видели. [719]

Так закончилось пятнадцатое столетие в Кентербери, сопровождавшееся бурей ругательств и свободной борьбы. Мэр протестовал против того, что приор, помимо всех прочих своих преступлений, отобрал булаву у городского сержанта и позволил осквернить городской ров. Приор в ответ обвинил мэра в буйстве, нарушении границ, строительстве мостов и отводе водотоков в ущерб себе, и не только это, но и то, что он по злобе и обиде на настоятеля и монастырь нарушил старый обычай горожан собираться на Рождество у гробницы Садбери, чтобы помолиться за его душу за великие деяния, которые он совершил для города, так что теперь они удалились оттуда, чтобы проводить свои молебны под тюремным домом под названием Вестгейт. Более того, они даже отказались присоединиться к дворянам, которые принесли королевское подношение святому Томасу на рождественском празднике.

Однако, как обычно, вся эта могучая суматоха закончилась ничем. Монастырь предъявил мэру обвинение в бунте, и вердикт присяжных был против него, но никаких особых результатов, похоже, не последовало; и хотя настойчивый приор добился того, чтобы дело было передано в Звездную палату в 1501 году, оно было пропущено за неимением свободного времени. [720]

Практически та же история повторилась и в Кентербери, и в Эксетере, и во всех других городах, где возникал подобный конфликт. [721] Деньги, мастерство, труд и страсть были потрачены без меры, и в конце концов суды постановили, что все должно остаться так, как было, когда муниципалитет едва существовал триста лет назад, - порядок, который государственные деятели, возможно, считали самым безопасным при наличии противоборствующих сил, ни одна из которых не была достаточно сильна, чтобы победить, и ни одна не могла осмелиться проиграть. Но на этом дело не закончилось. За эти триста лет

города окрепли, отточили свой механизм управления и осознали собственную мощь. Богатые, высокоорганизованные, являющиеся центрами рационализма в политике и здравого смысла в бизнесе, их полемика с Церковью, необычайно свободная от теологической озабоченности, неизбежно была во всех вопросах мирского правления более острой и решительной в пятнадцатом веке, чем когда-либо прежде. Напрасно в одном городе за другим возобновлялись попытки утихомирить непримиримые ссоры путем арбитража и компромиссов, которые оставляли реальную проблему нетронутой, и век перед Реформацией повсеместно был временем беспокойного недовольства и спазматических восстаний против чуждых церковных поселений, которые процветали за счет городских богатств и никогда не могли влиться в городскую жизнь. Некоторое время все висело на волоске, а затем наступил крах Реформации. В горечи чувств, порожденной долгой борьбой бюргеров, мы видим отпечаток того темперамента мужественной независимости, который породил бургомистров Средневековья; и когда мы стоим сейчас под стенами Кентерберийского собора и видим его славу, разбитую вдребезги, мы можем задаться вопросом, не было ли в этом великом разрушении иных мотивов, кроме фанатизма религиозного пробуждения.

ГЛАВА XII

КОНФЕДЕРАЦИЯ

Тот факт, что английские бюргеры с таким нетерпением восприняли единственное препятствие, стоявшее на их пути к независимости и превосходству, сам по себе является доказательством привычки к процветанию и успеху, которую они привыкли воспринимать как часть своего естественного наследия в том приятном месте, где выпал их жребий. Насколько мало им приходилось считаться с оппозицией, видно из того поразительного факта, что они никогда не были вынуждены создавать какие-либо союзы или альянсы для достижения общих целей. Здесь история английских боро ярко контрастирует с историей континентальных городов. Мощные конфедерации, созданные в европейских странах городами, которые боролись с огромными трудностями, чтобы защитить свою торговлю, свободу и закон, не имели аналогов в сравнительно мирных и регулярных условиях английской жизни, где самоуправление было так легко достигнуто, а торговля была настолько безопасной, что никогда не возникало необходимости в создании подобных объединений. Города в королевских владениях не нуждались в объединении усилий для защиты своей свободы; а города на церковных землях или в феодальных поместьях, которым было на что жаловаться, были немногочисленны, разбросаны и подчинялись стольким разным лордам, что объединение их было бы совершенно невозможно. Поэтому организованные совместные действия были практически неизвестны в английских боро; ведь слабые узы, связывавшие общины, одна из которых приняла устав и копировала обычаи другой, были узами столь незначительными, что их едва ли можно было признать,^[722] и не предполагали никаких взаимных обязательств. В моменты возбужденной борьбы или бурного конституционного роста район, несомненно, мог воодушевиться примером ближайшего соседа или подхватить заразу, распространившуюся от сообщества, более продвинутого в своих экспериментах и смелого в своих притязаниях; но эти движения симпатии, добровольного присоединения, подражания никогда не приводили к созданию

какой-либо федерации или союза. Для развития своих свобод каждый район в конечном итоге оставался зависим только от своих собственных ресурсов; в то время как общества, созданные в более поздние времена в Англии для торговых целей, имели форму федераций людей, а не городов.[723]

Из этого общего правила было лишь одно исключение: , и в Конфедерации Синкве-Портс мы имеем единственную в Англии иллюстрацию ассоциации городов, созданной и поддерживаемой ради общих интересов. От Сифорда в Сассексе до Брайтлингси в Эссексе порты и деревни были объединены в одно общество. К первоначальной группе из пяти портов - Гастингс, Сэндвич, Дувр, Ромни и Хайт, союз которых, вероятно, восходит к тому времени, когда англичане учились войне и торговле у датских мастеров, - сразу после норманнского завоевания добавились два древних города - Уинчелси и Рай; И, учитывая желание этих семи городов разделить бремя налогов и военных расходов с соседними деревнями, а также готовность деревень добиваться получения привилегий порта,[724] со временем возникла ассоциация, состоящая из семи главных портов с восемью корпоративными и двадцатью четырьмя некорпоративными членами,[725] все они были собраны под управлением лорда-надзирателя. До последнего они несли на себе следы иностранного влияния в виде названия юратов, которыми они называли своих "портовиков", и баронов, которыми они наделяли своих "вольных людей". Но среди любопытных превратностей их истории и странных происшествий, связанных с их владением в те времена, когда казалось естественным и простым отдавать саму пограничную оборону Англии нормандским графам и бретонским герцогам, аббатам Фекампа и монахам Кентербери,[726] и в более поздние времена, когда английские короли осознали преимущества владения главными воротами, через которые их страна открывалась европейскому миру,[727] эти сообщества оставались крепко сплоченными под властью своего федерального правительства.[728] Королевские грамоты не действовали в портах, если на них не было печати лорда-надзирателя. Освобожденные хартией от участия в суде присяжных, ассамблее или признании за пределами своей территории,[729] вольные люди могли быть привлечены к суду только в своих собственных судах.[730] Ни один заключенный из Порты не мог быть вызван судьями в Вестминстер, а в случае прямого приказа короля "следует отказать в первом мандате, пока не будет точно известно, что он этого желает"[731]. С другой стороны, любой незнакомец, совершивший преступление в пределах их вольностей, мог быть истребован мэром и присяжными из любого лордства королевства, даже от самого короля.[732] После борьбы, длившейся несколько поколений, они даже успешно сопротивлялись всем попыткам включить их местную юрисдикцию в общую судебную систему королевства, и выездным судьям было запрещено пересекать их границы или заседать в их Шепвейском суде.[733] Древние привилегии ревностно охранялись. "Новые акты парламента, - говорили они, - не должны изменять свободные обычаи".[734] Короне не давали деоданд , "потому что здесь никогда не было такого обычая".[735] Если церковный чиновник приезжал из Кентербери, чтобы составить опись имущества жителя Сэндвича, умершего без завещания, ему не разрешали действовать, потому что это противоречило древним обычаям и свободам города.[736] Их корпоративное достоинство официально признавалось в торжественных случаях, таких как коронация короля или посвящение архиепископа, когда посланники Синкве-Порт удостоивались особой чести и садились за правый стол в зале; и каждая из Портов, в свою очередь, посылала представителей, чтобы нести балдахин над новоиспеченным королем, а после церемонии нести его обратно с шелковыми подвесками, копьями и серебряными колокольчиками в качестве городских трофеев.[737]

Что касается идеи или принципа, на котором держалось это общество городов, и цели, которой оно должно было служить, то определение, данное министром короны, вероятно, сильно отличалось бы от того, которое дал барон Порты. Для государственного деятеля конфедерация Чинкве-Портс была организована в интересах всей страны и поддерживалась как оплот национальной безопасности; политика западносаксонских правителей, датских завоевателей, нормандских королей, анжуйских государственных деятелей была одинаково направлена на повышение ее общественной полезности. Занимая первые позиции в обороне от вторжения, города Синк-Порта были обязаны держать в своих стенах достаточное количество людей для защиты от врага и следить за тем, чтобы жители не были изгнаны путем взимания неоправданных местных налогов; Они должны были нести большие расходы на снаряды, боеприпасы, укрепления; устанавливать ночные дозоры в каждом районе и у каждого опасного ручья или гавани; иметь вооруженные силы, готовые встретить первый удар, в то время как их граждане могли ожидать во время войны, что их дома будут разграблены и сожжены снова и снова. Каждый год они должны были предоставлять пятьдесят семь кораблей и 1197 человек с провизией для обороны королевства,[738] а если их количество или размер были недостаточны, от них требовалось больше и больше. Если они не решались выполнить эти требования или если было доказано, что они не устояли перед захватчиком, им грубо напоминали о сделке, на условиях которой только и держались все их привилегии, а их хартии и франшизы переходили в руки короля.[739]

Такой взгляд на организацию Синк-Портс для государственной службы был наглядно представлен в правилах королевского чиновника, лорда-надзирателя портов и констебля Дуврского замка. О его власти жители Синк-Порта не забывали ни на минуту, а лейтенант Дувра или его гонцы, постоянно объезжавшие порты с посланиями, воззваниями или для "инквизиции", [740] везде помогали им в пути ужинами, завтраками, трубами вина или спектаклями за государственный счет. Из Дувра приходили прокламации, "предупреждающие нас о датчанах"; приказывающие "не ссориться друг с другом из-за старых болячек"; повелевающие "арестовывать людей, пришедших из-за моря без разрешения и без заготовок"; или захватывать корабли для перехода во Фландрию; вызывать суда "для наблюдения за морем"; или служить королю в осаде или сражении во время французской войны; вызывать людей "для сохранения Дуврского замка"; или определять сумму благодеяний, которые должны выплачиваться королю.[741] Подчинение всей конфедерации его власти публично признавалось каждый год в Шепвейском суде, когда по его вызову из каждого порта прибывали мэр и небольшая группа присяжных, неся с собой требуемые дары и пошлины, вино, лебедей, рыбу и пряности, чтобы обеспечить завтрак для чиновников и женихов при дворе; или дорогие подношения, чтобы смягчить сердца надзирателей и судей и побудить их при первом вступлении в должность благосклонно смотреть на своих подданных. Перед ними, когда они сидели по обе стороны от начальника тюрьмы на открытой равнине близ Лимпна,[742] провозглашались налоги, которые должны быть собраны конфедерацией, особые военные услуги, требуемые от свободных людей, или новые указы, изданные правительством; и выносились приговоры по особым преступлениям против короны. Целая община могла быть обвинена в нарушении королевского мира,[743] или обиженная корпорация обращалась с просьбой прислать офицеров Порты для помощи в аресте и наказании чужака, совершившего преступление в их городе; заключенных из разных городов, обвиненных в чеканке фальшивых денег, государственной измене или подделке королевской печати,[744] судили, и если их признавали виновными, то немедленно привязывали к саням, везли по окрестности Шепвея и вешали на месте.[745]

На Шепвее власть начальника тюрьмы не заканчивалась. Как констебль замка он проводил свой военный трибунал в Дувре.[746] Как адмирал он мог приказывать провести "квест

Адмиралтейства" на морском берегу или, возможно, в одном из портов, нарушивших законы конфедерации - беда, которую город тут же пытался предотвратить путем уговоров и взяток, "чтобы он не проводил суд". В качестве канцлера он издавал предписания и повестки об услугах, которые должны были выполнять Порты в обмен на свои привилегии, и осуществлял в своем канцлерском суде сложную юрисдикцию, которая постепенно возникла из этих записей. Бывали моменты, когда король вспоминал о своем суверенитете - когда города заходили слишком далеко в своей независимости или когда сокровища в королевской казне оскудевали; тогда из Вестминстера приходил запрос о привилегиях Порты, делегаты вызывались из разных городов, чтобы предстать перед начальником, и могли оказаться на много дней и ночей в Дувре[747], пока "инквизиция проводилась для короля". Иногда им приказывали собраться на берегу моря. Иногда начальник спускался по крутому склону крепостного холма к крошечной церкви Святого Иакова, расположенной на первом небольшом участке ровной земли под стенами укрепления, и там присяжные спускались к нему из своих жилищ в нижнем городе и после нескольких дней обсуждения, вероятно, возвращались домой с тяжелыми вестями о штрафах, которые должны быть взысканы за покупку новой хартии или за получение подтверждения какой-либо сомнительной привилегии.

В авторитете начальника тюрьмы мы видим мнение, которого придерживались в Вестминстере относительно использования Синкве-Портс и главной цели их существования. С другой стороны, для народа эта ассоциация имела другой, совершенно иной характер. Все дела суда начальника в Шепвее рассматривались портовиками как дело короля, а их участие в них было столь незначительным, что вскоре они вообще перестали посещать их, оставив, наконец, начальника председательствовать в одиночестве. Со временем даже древнее место было заброшено, и вместо ежегодного собрания в Шепвее президент лишь изредка созывал апелляционный суд в Дувре,[748] и там, окруженный группой юристов для консультаций, восседал на меловой скале перед замком, чтобы рассмотреть некоторые дела, непосредственно затрагивающие интересы короля.[749] Тем временем у баронов Порты была своя традиция независимости и самоуправления; а народная вера в цель и смысл конфедерации воплотилась в другом суде, который заседал на Широком холме, недалеко от Ромни, - суде, где лорд-надзиратель не имел места.[750] Именно там сосредоточились все интересы народа, поскольку, отвернувшись от судов короля и предоставив ему вести через лорда-надзирателя дела, которые были ему свойственны, они занялись управлением своими особыми делами. Ведь для рыбаков побережья конфедерация деревень по своему происхождению и деятельности была просто большой торговой компанией Порты для защиты их основного бизнеса - ловли сельди - и сохранения их древних обычаев гавани и торговли на пряди в устье Яре - вопрос, который приобрел всепоглощающее значение, когда их монополия оказалась под угрозой со стороны рыбаков Ярмута, так что со времен Иоанна они могли защищать свои интересы только с помощью неустанной бдительности и дорогостоящих обращений к королю, парламенту и совету.[751] Поэтому в глазах баронов великим собранием конфедерации было то, которое ежегодно собиралось для обсуждения дел Ярмутской ярмарки. И это был в самом строгом смысле суд самого народа, созываемый только по общему согласию,[752] под председательством главного магистрата каждого порта по очереди, и в котором каждый город был представлен своим мэром или бейлифом, тремя выборными юратами и тремя коммонерами. Укрытая гавань Ромни была своего рода естественным центром Порты, а делегаты встречались для ведения дел на Бродхилле, расположенном неподалеку от Димчерча, откуда, возможно, и пошло название Бродхулл, которое впоследствии, когда первое место было забыто и делегаты встречались в самом Ромни, превратилось в "Бротирхилл", или Братство.[753]

В первый день собрания, как и подобает ассоциации для торговых целей, возникшей еще в те времена, когда лов сельди был основным промыслом Порты, речь неизменно шла о ярмарке в Ярмуте, и суд заслушивал отчет судебных приставов последней ярмарки, которые стояли перед ними с обнаженными головами, и избирал их преемников, которые должны были управлять предстоящей ярмаркой.[754] Но вокруг холма собраний росли и другие интересы. Морское население, хозяева и моряки торговых барж, видели в союзе портов власть, которая регулировала отношения моряков по обе стороны Ла-Манша. Для налогоплательщиков он был добровольным объединением для справедливого урегулирования их бремени. И все жители в равной степени признавали его важность для сохранения против лордов других франций привилегий, которые были предоставлены им в обмен на их услуги.[755]

В тот знаменательный день, когда обсуждалась ярмарка в Ярмуте, Братский суд заседал в одиночестве; но в последующие дни, когда предстояла другая работа - распределение между различными городами налогов[756], установленных в Шепвее, обсуждение торговых отношений,[757] забота об общих корпоративных привилегиях конфедерации[758] - к Братскому суду присоединился Суд Гестлинга, вероятно, потомок древнего Столичного суда, некогда заседавшего в старом городе Гестлингс у границы между Кентом и Сассексом.[759] В этот суд каждый город мог послать мэра, двух присяжных и двух простолюдинов, так что если бы все делегаты приехали, то число участников объединенного собрания составило бы семьдесят семь человек; однако во времена Генриха Шестого делами занимались около тридцати членов.[760] Все важные дела Синкских портов практически находились в их руках, а их решения, зарегистрированные как акты Бродхулла общим клерком Синкских портов,[761] становились законом всей конфедерации.

Постоянно напоминая о своем древнем договоре и конфедерации неминуемыми опасностями, тяжкими трудами и постоянными налогами, приученные к бдительности и взаимной поддержке, Синкские Порты ревностно следили за малейшим нарушением привилегий своего объединения. Но был один вопрос, с которым конфедерация не имела ничего общего. Подверженные различным юрисдикциям, некоторые из них зависели от короля, некоторые от архиепископа, некоторые от более крупного соседнего города, особые вольности каждого района развивались в совершенно различных условиях; и вся ассоциация не принимала во внимание ни защиту вольностей какого-либо одного порта против его лорда, ни расширение привилегий какого-либо одного члена их общества как отдельного от целого.[762] Корпоративное существование объединенного Синк-Порта было совершенно независимым от корпоративного существования каждого города, входящего в его состав; и действительно, ни о каком объединении с целью обеспечения местных свобод не могло быть и речи в конфедерации, где определенное внешнее единообразие было лишь ширмой бесконечного разнообразия, а города, связанные между собой особыми обязанностями и привилегиями, были широко отделены друг от друга во всех условиях управления.[763] Это становится очевидным, если сравнить положение Сэндвича и Ромни - и тем более, если мы рассмотрим положение любого из подчиненных членов Порты.

I. На протяжении многих веков Сандвич принадлежал монахам церкви Христа в Кентербери, и пока он был скромным маленьким портом, могущественные короли, такие как Эадгар, Кнут, Генрих Первый и Генрих Второй, довольствовались этим и с безразличным молчаливым согласием подтверждали права монахов на город. Но когда со временем Сэндвич стал портом, через который проходила почти вся континентальная торговля с Англией, когда его торговля и доходы выросли до того, что по значимости он стал намного превосходить Дувр,[764] когда он стал главной гаванью, из которой монархи или их послы отплывали во

Францию, или из которой во время войны отправлялись армии, король стал более серьезно смотреть на власть, которую осуществлял над ним монастырь. Заказанное короной в 1227 году расследование показало, что права церкви Христа на Сэндвич были подтверждены, но путем разумного торга все было улажено к королевскому удовлетворению. По цене пожалования земель в Кенте Эдуард Первый купил город, и хотя монахи по-прежнему получали некоторые земли и дома, свободные от муниципальных сборов, и продолжали получать большие суммы с пристани, известной как Монкенки с краном для погрузки и разгрузки кораблей,[765] и со складов, окружающих ее, им пришлось отказаться от своих полномочий облагать налогом по своему усмотрению всех пассажиров и товары, которые пересекали границы их территории.[766]

С начала XIII века жители Сэндвича избирали собственного мэра, а за королевскими интересами теперь присматривал бейлиф, назначаемый королем.[767] Однако горожане ревностно следили за своими прерогативами. Когда в 1321 году церковь Христа получила королевский ордер на защиту своей собственности от городских налогов, мэр и община отказались принять его, поскольку он был выдан королевскому приставу, и монастырю пришлось получить новый ордер.[768] Полномочия судебного пристава были тщательно определены и находились в строгом подчинении у мэра. Он взимал королевские пошлины с товаров, ввозимых в город;[769] и именно он каждые три недели созывал Сотенный суд, который собирался в церкви Святого Климента для рассмотрения франкфуртского залога, земельных споров, вопросов нарушения границ, договора, долга, побоев, кровопролития и так далее;[770] но он не мог проводить суд без разрешения мэра и не выдавал повесток без его распоряжения.[771] Мэр, если он избирался в церкви Святого Климента, где проходили суды короля, имел свою резиденцию в церкви Святого Петра, которая стояла в самом центре города рядом с Рыночной площадью и Общим залом, и на башне которой висел "гусиный колокол Бранде", созывавший присяжных и членов совета на Общее собрание и звонивший в часы работы рынка. Он собирал городской совет по делам в соборе Святого Петра и заседал в нем каждый четверг, а если того требовали дела, то и в другие дни, чтобы судить народ.[772] Хотя судебный пристав сидел рядом с ним и принимал участие в делах суда, но за преступления против корпорации мэр и присяжные могли наказывать свободных людей, "не советуясь с судебным приставом или кем-либо еще".[773] Им принадлежало все регулирование торговли и управление весами и мерами, поскольку "судебный пристав не имеет к этому делу никакого отношения". Ни в коем случае ему не разрешалось вмешиваться в работу городского рынка; "это дело полностью принадлежит мэру и присяжным", - гласили городские обычаи.[774]

II. Сандвич фактически после перехода под власть короны пользовался полной свободой, свойственной королевским районам. Связанный только верностью общему закону Синкских портов, он долгое время сохранял, как мы увидим позже, реальную независимость местной жизни и энергичный демократический нрав. Но в Ромни, в том самом порту, где проводила свои заседания Генеральная ассамблея Синкских портов, условия были совершенно иными. Какое-то время Ромни, как и другие города, наслаждался своей долей прибыли в растущей торговле страны.[775] Число виноградарей, занимавшихся виноторговлей, выросло с десяти в 1340 году до сорока восьми, которые возглавили список налогоплательщиков в 1394 году; новый округ был назван в честь торговца тканями Холлингброка;[776] и купцы из Пруссии, Голландии, Испании и Фландрии, граждане Бристоля и Лондона, люди из Йорка и Дорсета собирались в его стенах. Но над городом уже висела гибель. Еще в 1381 году он начал тщетную борьбу с ветрами и приливами, которые заилили его порт, разрушили русло реки и заставили Ротер перейти на новое русло. Были вызваны голландские и фламандские инженеры, чтобы сделать научные шлюзы и заграждения, и все население было создано,

чтобы прорыть водоток, но, несмотря на непрекращающиеся усилия, жители Ромни увидели, что их торговля ушла в другие порты.[777] Сорок восемь виноградарей 1394 года сократились до сорока четырех в 1415 году, до пяти в 1431 году и до одного в 1449 году.[778] Мещане неуклонно разорялись, и история их упадка запечатлена в длинных списках горожан, которые закладывали свои товары в счет долга, отдавая в уплату седла, кубки, скатерти, шлемы, сукна, которые передавались кредитором в руки судебного пристава для хранения в Общем зале "по обычаю", а по истечении дня уплаты оценивались судебным приставом и присяжными, часто в половину или четверть стоимости, по которой они были объявлены, и передавались кредитору.[779]

Вдобавок к этому Ромни приходилось вести постоянную борьбу за свободу. Архиепископ Кентерберийский был лордом поместья и назначал, при условии ратификации лордом-надзирателем, судебного пристава города,[780] выбирая, если это казалось ему выгодным, одного из своих собственных слуг или оруженосцев, и в любопытном исключении из общего закона имея свободу выбирать мытаря.[781] Пристав назначал дни для проведения рынка. Он собирал пошлины архиепископа, следил за тем, чтобы его доля воска, вина или товаров, выброшенных на берег после кораблекрушений, была сдана, и чтобы юраты своевременно собирали каплунов, лебедей и цыплят, которых следовало отправить ему, или чтобы морская свинья, пойманная рыбаками, была должным образом отправлена лорду. На рыночной площади и у креста дважды звучал общий рог, созывая народ к его суду.

Однако вопрос об управлении и должности бейлифа постоянно обсуждался. Лучшие люди города" ездили к архиепископу Кортенею, "чтобы узнать его волю и то, что он собирается сделать против их свобод"; и в течение последующего столетия люди Ромни всегда были начеку и облагались большими дарами и взятками "для защиты свободы города, чтобы упомянутый лорд не мог ее узурпировать".[782] Власть судебного пристава действительно была строго ограничена. В том, что касается отправления правосудия, его полностью контролировали двенадцать присяжных, ежегодно избираемых "для содержания и управления портом и городом";[783] и "в случае, если пристав совершит иное исполнение, чем присяжные люди решили, против обычаев города", они могли оштрафовать его на 10 фунтов стерлингов перед общинами.[784] Но этого было недостаточно. В 1395 году присяжные подали иск лорду-архиепископу, чтобы "передать свой бейливик в руки общины Ромни на ферме"[785], и в течение последующего столетия они постоянно искали способы получить полный контроль над управлением. За неимением лучшего средства защиты было найдено простое решение. Горожане установили обычай, согласно которому архиепископ не должен был каждый год назначать нового чиновника, а тот, кого присылали в город, должен был занимать свою должность постоянно. Когда в 1521 году прелат пожаловался, что присяжные не пускают его пристава в Ромни[786], они ответили, что, когда в городе нет пристава, архиепископ может прислать нового, но привычный пристав, принятый семь или восемь лет назад, все еще живет и имеет "доброе имя и славу", поэтому место не пустует; Кроме того, по их словам, судебный пристав должен являться с соблюдением определенных формальностей и "быть хорошего мнения", а этот новый человек не был послан с надлежащими формами. Непрерывность владения[787], которую горожане возвели в достоинство "обычного" права, была реальной гарантией того, что судебный пристав больше не будет простым иждивенцем, занимающим свой пост по воле далекого хозяина, дрожащим от страха, что он рискует потерять работу, предпочтя интересы простолюдинов интересам своего господина, и стремящимся накопить сокровища на тот день, когда его кредит и работа закончатся. Он все больше и больше отождествлял себя с горожанами, среди которых жил и от одобрения которых зависел, поскольку они утверждали, что он должен занимать должность до тех пор, пока, по их мнению, "имеет доброе имя и славу".

Но мещане все еще были недовольны столь шатким сроком независимости. Было выдвинуто предложение объединить городского бейлифа и присяжных с бейлифом и присяжными болота, но в 1484 году жители, пользуясь неурядицами царствования Ричарда, задумали революцию.^[788] Они поставили себе мэра и послали за серебряной булавой, изготовленной в Кентерберии под самыми стенами собора. Архиепископ призвал на помощь корону и великих людей из лондонской судебной палаты, и после долгих споров и переговоров дело закончилось еще до конца года: в Ромни был отправлен тайный тюремщик, чтобы сместить мэра. Однако не прошло и нескольких поколений, как борьба разгорелась с новой силой, и в 1521 году город и прелат снова ссорились из-за старых обид.^[789]

Главным аргументом мещан было опровержение утверждения архиепископа о том, что "весь город - епископство". Юраты утверждали, что "с самого начала" они имели привилегии одного из столичных Пяти портов, что их пожалование "streme and strond" моря и все другие права достались им от короля, а не от архиепископа; и что большая часть города принадлежит им непосредственно от короны,^[790] на землю которой архиепископ не имел права заходить, а простолюдины имели право на справедливость. Также архиепископ не имел права на болото и пастбища в четыреста акров, которые когда-то были ручьем и гаванью, но с 1380 года остались сухими после выхода моря на расстоянии доброй полумили от города, ибо это "пустое место", оставленное главным течением ручья через город, принадлежало королю. Аргументируя это тем, что город находится на королевской земле, присяжные стали претендовать на народный контроль над правосудием, который использовался в королевских округах, а также нагло держали суды без бейлифа, смело утверждая в свою защиту, что он в лучшем случае был лишь служителем королевских судов в Ромни, а не судьей; Ибо если городские суды действительно были судами короля, то они подчинялись королевским грантам и хартиям, которые предписывали, что мэр и присяжные, или бейлиф и присяжные, *избранные народом*, должны были проводить суды, слушать дела, получать штрафы и амерсименты и другие доходы от летов и законных дней; и поэтому, поскольку бейлиф Ромни не был избран общинами, он был явно исключен и не имел никакого отношения к указанным судам, кроме как в качестве министра и палача, и любые записи дел перед ним были недействительны. В прошлые времена, заявляли они, ему просто позволяли заседать среди них по благосклонности, а не по обязанности. Штрафы, взимаемые на леетах и законных днях, они требовали для городских нужд, говоря, что они были даны преподобному отцу только по милости присяжных, чтобы получить его добрую светлость; но что он никогда не имел никакого права ни на леет, ни на законный день, ни на штраф, ни на амерцемент. Они так упорно отстаивали свою независимость, что, похоже, в конце концов тяжелый гнев архиепископа обрушился на город. Когда Кранмер сдал в аренду бейливик Хайт горожанам,^[791] он отказался предоставить аналогичную аренду Ромни - дар, который тот выпросил у Куртенэ за сто пятьдесят лет до этого. Лордство Кранмера действительно закончилось во время Реформации, но даже тогда Ромни еще некоторое время управлялся старшим юратом, и только в 1563 году он, казалось, достаточно очистился от беззакония, и Елизавета наконец разрешила жителям выбирать мэра.

III. Из примеров Сандвича и Ромни очевидно, что узы, существовавшие между главными портами, служили лишь определенным целям и не оказывали никакого влияния на развитие местных свобод или интимных отношений бора с его лордом. И если так обстояло дело с ведущими портами, то подчиненные члены конфедерации еще меньше могли искать помощи в своих частных спорах. Например, сам Ромни в разгар борьбы с архиепископом предпринимал решительные усилия, чтобы сохранить за собой власть над зависимым от него городом Лиддом. Там архиепископ Кентерберийский был лордом поместья, как города, так и большей части пастбищных земель вокруг него, известных как Денгемарш, на которых

находилась рыбацкая стоянка Лидда, Денге Несс; в то время как остальная часть Денгемарша была разделена между аббатом Батлом, замком Рочестер и церковью Христа, Кентербери, готовыми в любой момент поднять вопрос о спорных правах. Что касается архиепископа, то горожане обменяли свои услуги при его дворе в Олдингтоне на ежегодную плату и стали "лордами в среднем" своего собственного района - возможно, во времена Генриха Шестого, когда они впервые официально начали использовать стиль судебных приставов, юратов и содружества Лидда; но печать архиепископа с митрой по-прежнему использовалась в договорах о продаже или аренде земли.^[792]

Но Лидд также подчинялся Ромни как "член города и порта", и в знак этого подчинения их кустум хранился в Ромни. Если они хотели выяснить свои права, им приходилось посылать гонца в вышестоящий город; в одной из записей на счетах Лидда рассказывается, как корпорация заплатила восемь пенсов "слуге Ромни, чтобы получить полномочия снова иметь нашу франшизу". Ромни претендовал на вынесение решений по спорным вопросам, вмешивался в дела лиддских рынков и приказывал выяснить, не были ли они незаконно удержаны.^[793] Более того, поскольку жители Лидда "до беспамятства были данниками Ромни", их чиновники из года в год должны были являться к юратам Ромни в церкви Святого Николая с отчетами и платежами, которые требовали их правители.^[794] Даже после того, как Эдуард Первый предоставил жителям Лидда те же свободы и свободные обычаи, что и другим баронам Синкве-Порта, сумма их налогов устанавливалась Ромни.

Корпорация находилась в постоянном движении под властью многих хозяев. Границы ее территории были окончательно определены только в 1462 году, и ссора с Батлом по этому поводу заставляла юристов и городских клерков мотаться взад-вперед между Лондоном и Лиддом, или ехать в Кентербери за хартией аббата, или в Уинчелси, чтобы встретиться с его адвокатом.^[795] Еще сто лет город вел долгую борьбу за освобождение от господства Ромни. Уже в 1384 году депутаты от обоих городов собрались в Дувре, чтобы обсудить с начальником тюрьмы условия соглашения между ними, и с тех пор юристы постоянно находились в работе, а один адвокат, похоже, постоянно работал в Лондоне, помимо депутатов от бейлифа, обычного клерка, и присяжных, отправляемых туда, а также в Дувр, Сэндвич или Кентербери, и гонцов с "любезностями" для лейтенанта, сенешаля или клерка Дуврского замка, мэра и клерка города Дувра, архиепископа Кентерберийского и его управляющего, общего клерка Уинчелси и пр; В то время как жалование городского клерка Томаса Кэкстона, вероятно, брата великого печатника, повышалось снова и снова, чтобы обеспечить услуги самого искусного юриста и способного администратора во всей округе.^[796] Даже в таком пустяковом вопросе, как налогообложение, только в 1490 году город смог заключить соглашение о фиксированном ежегодном платеже.^[797]

IV. Таким же образом Сэндвич овладел маленьким городком Фордвич,^[798] который лежал в пятнадцати милях выше по реке и претендовал на владение крошечной территорией, простирающейся от уреза воды по обе стороны настолько, насколько человек в лодке на реке мог забросить топор весом в семь фунтов, называемый "Таперакс". Жители каждый год избирали мэра, казначея и присяжных, чтобы те управляли ими и охраняли свободу города. Мэр с черной узловатой палкой в качестве знака отличия своей должности вершил суд. Ежегодно он назначал четырех свободных людей третейскими судьями в случае нарушения границ, и если кто-то из горожан отказывался принять их решение или пытался передать дело в другой суд, его штрафовали на огромную сумму в сто шиллингов или бросали на год в городскую тюрьму - грязную дыру площадью девять футов, которая существует до сих пор. В делах о смертной казни мэр мог вынести смертный приговор и приказать прокурору, если тот

выиграет дело, отнести осужденного преступника в "Фесвелл" и самому бросить его в нее со связанными руками и ногами, "knebent", как это называлось.[799]

Однако Фордвич был пожалован Исповедником монастырю Святого Августина в Кентербери.[800] Аббат владел землей города; его судебный пристав жил в его стенах и председательствовал в Сотенном суде, который созывал его чиновник "Кашпол"; у него была своя тюрьма; он имел право на штрафы и конфискации с преступников и беглецов; он требовал определенных таможен на весь импорт и утверждал право контролировать рыбный промысел в реке, чтобы снабжать своих монахов в постные сезоны.

С другой стороны, монастырь Крайст-Черч в Кентербери владел пристанью в самом высоком месте, куда могли заходить корабли; на эту пристань привозили вино, квасцы, канский камень и т. д. для использования монастырем, и из-за его торговых монополий возникали бесконечные ссоры.[801]

Будучи членом Сандвичского порта, город подчинялся определенным правилам и налогам, которые Сандвич имел право налагать. Когда главные порты собирались для оценки и распределения налогов между собой, голос меньших членов конфедерации никогда не был услышан, и зависимым городам приходилось просто платить такие доли причитающейся суммы, какие предписывали их хозяева, что, естественно, часто вызывало недовольство и ворчание.[802] Суровые протекционистские законы, принятые жителями Фордвича против Сэндвича в отношении использования общего причала с краном, возможно, свидетельствуют о попытках посягательств, которым можно было как противостоять, так и возмущаться.

Под грубым давлением соперничающих юрисдикций со всех сторон, от которых не было спасения, корпорация нуждалась в постоянной бдительности, заботясь о своих собственных интересах. Как и любой другой большой и маленький город пятнадцатого века, Фордвич тщательно исследовал истинные границы своих прав, закрепленных хартией, и клерк выписал новые копии их кустумала и старой записи об их границах. В единственном месте, где у них был шанс на успех, мещане с упорством боролись за свои привилегии. Протестуя против монопольного владения пристанью, где разгружались корабли, они отказывались от таможенных пошлин, требуемых монастырем Святого Августина, требовали полного контроля над рекой и тремя плотинами, которые делались каждый год в начале рыболовного сезона, и в конце концов вынудили пойти на компромисс, оставив монастырю только продукцию одной плотины.

Если меньшие члены Порты, которые сами были корпорациями, такие как Лидд или Фордвич, не могли ожидать от своего начальства никакой помощи в достижении независимости, то некорпоративные члены были еще более лишены шанса на помощь; ведь семь больших городов ассоциации смотрели бы с небольшой терпимостью на любое восстание в зависимых от них деревнях.[803] Несомненно, жители Чинкве-Портс в полной мере ощутили на себе демократические нравы, царившие в торговых городах восточного побережья от Уоша до Ла-Манша. Бунт был в воздухе; а рабочие и шахтеры Кента и Сассекса имели в Средние века дурную репутацию людей, наиболее склонных к гражданским раздорам, "как потому, что они с трудом переносят увечья, так и потому, что они жаждут новизны".[804] Не было ни одного восстания, в котором бы они не были самыми яркими приверженцами революционной стороны. Мужчины Кента толпились за Кейдом. Гастингс послал одиннадцать солдат ему на помощь; Рай умолял его о дружбе; а Лидд отправил своего констебля на лошади встретить его, написал ему письмо с извинениями за то, что не присоединился к нему, и подарил ему морскую свинью.[805] Когда Уорик поднял клич Кейда,

они встали на его сторону; а когда он вернул Генриха Шестого в 1470 году, они снова оказали ему поддержку.^[806] Во внутренней политике городов мы встречаем те же нравы; и какой бы неясной и незначительной ни была борьба Порты и скромных деревень, собравшихся вокруг нее, она открывает нам воинственный дух самоутверждения, который бушевал в каждой деревушке Англии. Но с этим твердым духом муниципальной свободы вопрос о федеральном устройстве не имел ничего общего. Мы видели, что торговые привилегии, завоеванные в первые дни совместными действиями городов, ограничивались наблюдением за ярмаркой сельди в Ярмуте, и что объединение так и не превратилось в большую торговую лигу по внушительному образцу городов Пикардии или Рейна. Еще меньше союз напоминал федеративные республики, образованные по ту сторону воды в Понте или Лаонне для взаимной помощи против врагов их мира или свобод.^[807] Нет никаких свидетельств того, что конфедерация Синк-Портс обеспечила своим членам какую-либо гарантию муниципальной свободы или расширила права, которые можно было бы отвоевать у нескольких лордов; и на самом деле эта группа привилегированных городов, похоже, не добилась ни малейших успехов по сравнению с другими английскими районами, ни в завоевании более ранней свободы, ни в повышении стандартов свободы. На самом деле история шестнадцатого века должна была доказать, что не было более грозной оппозиции растущей демократии в городах Кента и Сассекса, чем респектабельная чиновничья компания, собиравшаяся в Ромни на ежегодный пир Братского суда.

КОНЕЦ ТОМА. I.

Richard Clay and Sons, Limited,
Лондон и Бангей.

ССЫЛКИ:

^[1] Право на ямы и виселицы никогда не было официально отменено. Последний случай произошел при Карле I. (Rogers's Agriculture and Prices, i. 132). Виселица в Саутгемптоне стояла на общем месте; в Колчестере - в конце Ист-стрит.

^[2] Инквизиция de quo Warranto, изд. I., доказывает, что С. Мартинс и другие деревни находились под юрисдикцией Кентербери; расследования в этих местах проводил городской коронер. Территория Йорка составляла 2700 акров (Agric. and Prices, iv. 579.) Бургомистры Дорчестера претендовали на право взвешивать все товары в пределах двенадцати миль от города. В 1430 году был принят специальный статут, "чтобы их право не нарушалось", в связи с тем, что в 1429 году был принят закон, предписывающий

устанавливать веса и меры в каждом городе. (Другие примеры, такие как Норвич, Ноттингем и т. д., слишком многочисленны, чтобы их приводить.

[3] Моряки Синкве-Порта заключали договоры с "французскими корабельщиками" о выкупе моряков, матросов и рыболовецких судов, которые могли быть захвачены с обеих сторон; жители побережья должны были быть освобождены безвозмездно, а "господа" и купцы должны были заплатить все, что потребуют похитители. Судовладельцы и купцы каждого порта подписали договор, и все города побережья от Саутгемптона до Танета присоединились к лиге. Составленный документ был передан на хранение лорду-надзирателю в Дувре, и в случае споров туда приезжали гонцы из портов, чтобы ознакомиться с его положениями или снять копию для собственных нужд. Hist. MSS. Com. v. 537-8; iv. i. 434.

[4] Hist. MSS. Com. ix. 146; xi. 3, pp. 12-13, 171, 113. Для 1340 г. см. Ashley's Artevelde, 126-7.

[5] Stubbs Const. Hist. iii. 484-488. Hallam Const. Hist. iii. 36. Гнейст, который приводит другие цифры, считает, что одной из величайших опасностей четырнадцатого и пятнадцатого веков было нерациональное и бессмысленное увеличение городского представительства. (Constitution Commune, tr. by Hippert, i. 333, 338; ii. 9.)

[6] Rep. of Com. on Mun. Corp., 1835, 20, 21; 29-34; Papers relating to Parl. Representation, 93, 94. Vol. ix. No. 92. ii.; 31 x.

[7] См. "Письма Пастона", i. 160-1, 337, 339-40; ii. 78, 28, 31, 35-36; iii. 52-3. Ричард Бескрасный, passus iv. Великие люди иногда пользовались влиянием в городах; Hist. MSS. Com. v. 497; ix. 138. О различных способах голосования в городах см. в Lynn, Hist. MSS. Com. xi. 3, 146-151; Чичестер, Gross. Gild Merchant, ii. 48; Reading, Coates, 459; Sandwich, Boys, 402; Exeter, Freeman, 152; Worcester, Eng. Guilds, 373, 393; Bristol, Hunt, 86; Cinque Ports, Boy's Sandwich, 774, 796.

[8] Первое упоминание о бюргерстве в Империи относится к 1066 году в Гюи, в епископстве Льеж. Пиренн, Динант, 18.

[9] Д-р Гросс приводит список из 150 городов, получивших право иметь купеческий золотой - большинство из них в двенадцатом и тринадцатом веках.

[10] Эдуард Первый за тридцать лет своего правления создал пятьдесят четыре новых боро. За первые восемьдесят лет пятнадцатого века короли выдали всего девять подобных хартий.

[11] Лондон, очевидно, не опережал другие города в завоевании свобод. (Round, Geoffrey de Mandeville, 372.) Было достаточно причин для особой осторожности Генриха Второго в отношении Лондона.

[12] Gross, Gild Merchant, i. 73, примечание; Archæologia, vii. p. 337-347; Stubbs, ii. 486.

[13] В самые ранние времена бургажная рента учитывалась чиновниками не единовременно, а "по мере поступления пенни". Rep. on Markets, 13.

[14] Cutt's Colchester, 111-117, 126-7.

[15] У двух других трактирщиков были примерно такие же запасы.

[16] Hist. MSS. Com. vi. part i. 491-2, 478, 489. В Рединге в списке 1311 года было восемь человек, вооруженных мечом, луком, стрелами и ножом; тридцать три - луком, стрелами и ножом; и более двухсот тридцати пяти (кроме нескольких имен, затерявшихся в конце

списка) - с топорами и ножами. В 1371 году город смог набрать лучников для службы за границей, а при Эдуарде Шестом отправил пятьдесят солдат, вооруженных билами, мечами, кинжалами, луками и стрелами, и заплатил каждому солдату по сорок пенсов "за дела короля в Булони". Hist. MSS. Com. xi. 7, 171, 182.

[17] Ibid. v. 497.

[18] Акт парламента о мощении Глостера, 1455 г.; Fosbrooke's Gloucestershire, i. 157. Для Эксетера в 1466 г.; Freeman's Exeter, 91. Для Кентербери в 1474 г., поскольку "дурные вести", разносимые паломниками, "были бы прекращены, если бы дороги были должным образом вымощены валунами и фолкстоунским камнем"; Hist. MSS. Com. ix. 168, 144, 174. Для Саутгемптона в 1477 году, после столетия тщетных попыток вымостить улицы; Davies, 119, 120; в 1384 году был введен налог на мощение; в 1441 году были представлены счета за предоставленную брусчатку; в 1457 году были произведены выплаты лондонскому мостильщику. Согласно этому закону, каждый горожанин должен был вымостить дорогу перед своей дверью до середины улицы, поскольку "город был слабо вымощен, и ездить по нему было опасно и рискованно, особенно на Хай-стрит", так что "прибегающие туда чужестранцы часто получали серьезные травмы и подвергались опасности для жизни". Для Бристоля в 1491 году, когда весь город, похоже, был заново вымощен. Ricart, 47-48.

[19] Приведем лишь один пример: в 1421 году совет взял на себя водоснабжение Саутгемптона, а новые свинцовые трубы были сделаны на средства одного из бургов, который завещал свои деньги "на благо своей души". В 1428 году за большие деньги был построен акведук; за 261 день работы на нем платили от 4 до 6 д. в день; еще более 12 фунтов стерлингов ушло на железную решетку для него, а 27 с. 2 д. было отдано водопроводчику, который ее починил; из Вата везли большие камни, называемые "скаплид-камнями", а также грузы мела, негашеной извести, смолы, канифоли, припоя, воска и дерева. В 1490 году был сделан новый колодец с "местом для водопоя лошадей и местом для мытья женщин". Davies, 115, 117; Hist. MSS. Com. xi. 3, 138-40. Во многих городах колодцы были отремонтированы, обнесены стеной, покрыты крышей и переданы под опеку надзирателей.

[20] Hist. MSS. Com. ix. 137, 145. См. Paston, i. 434; Hist. MSS. Com. xi. 7, 169; x. 4, 529-30.

[21] Английские гильдии, 241, 249.

[22] О контрасте в этом отношении между широм и боро см. в Round's Geoffrey de Mandeville, 356-7.

[23] Luchaire, Communes Françaises, 22-25. См. Piers Ploughman, passus i. 139-146; ii. 90-99; ix. 19-76; x. 223-227.

[24] Piers Ploughman, passus xvi. 248-255.

[25]

"Иудеи, что были господами, Иисуса презирали,
И знания его, и закон его, теперь они - ничтожества,
Во всем мире, где бы он ни жил, никого нет.
Но под данью и поборами, как тики и чурлы.
А те, кто стал христианином по совету Крестителя.
Становятся франклинами и свободными.
И джентльменами с Иисусом".

(Piers Ploughman, ed. by W. Skeat for Early English Text Society, part iii.; pass. xxii. 34.) Я рискнул привести цитаты из средневековых писателей в современной орфографии, поскольку здесь я не занимаюсь ни филологией, ни историей литературы: и есть много тех, для кого старые методы написания лишь затемняют смысл.

[26] Stubbs, ii. 137-144, 239-244.

[27] Там же, ii. 560, 671.

[28] Stubbs, ii. 332-4.

[29] Ibid. ii. 257; iii. 16.

[30] Прежние способы незаконного налогообложения со стороны короля потерпели крах, когда общинники так пристально следили за этими вопросами, что после воцарения Ричарда Второго не было предпринято ни одной попытки несанкционированного налогообложения товаров. Stubbs, ii. 574-578. Насколько полно были продуманы народом отношения короля и общинников, мы видим в сочинениях Лэнгланда.

"Пришел король, и "по короне своей" сказал,
"Я король с короной, чтобы общинами править,
И святую церковь и духовенство от проклятых людей защищать.
И если мне не хватает на жизнь, закон велит мне взять.
Там я могу получить его быстрее всего, ибо я глава закона,
И вы оба члены, а я над всеми".

"При условии, - говорит совесть, - что ты будешь защищать
И править царством твоим по разуму и по правде;
И чтобы ты просил так, как просит закон;
Omnia sunt tua ad defendendum, sed non ad deprehendendum."

(Piers Ploughman, passus xxii. 467-472, 478-481.)

[31] Stubbs, iii. 77; Rogers, Agric. and Prices, iv. viii.

[32] См. описание заседания парламента в "Ричарде Бескрасном", passus iii. 1399 Г. Н.Э.

[33] Piers Ploughman, passus iv. 376, &c.

[34] Ibid. passus v. 176.

[35] Ibid. passus vi. 181. М. Жюссеран (Epopée Mystique du Moyen Age, 101-118) справедливо отмечает, каким типичным представителем общего мнения был Лэнгланд. Сравните популярный манифест 1450 года. (Hist. MSS. Com. viii. 267.) "Они говорят, что король должен жить за счет своих коммун, и что их тела и имущество принадлежат ему; верно и обратное, ибо тогда он никогда не нуждался в парламенте и в том, чтобы просить у них добра".

[36] Бремя налогообложения постепенно перекладывалось с одного класса на другой по мере того, как субсидии на движимое имущество и таможенные пошлины на импорт и экспорт оказывались более продуктивными и легко управляемыми. Stubbs, ii. 570.

[37] Снижение арендной платы слишком многочисленно, чтобы его приводить; оно происходило повсеместно, и иногда, очевидно, покупалось по значительной цене. (См. Round's Geoffrey de Mandeville, 366.) Займы от городов, похоже, были добровольными. В 1435 году сэндвичские простолюдины отказались ссужать деньги королю; кроме того, они

отказались посылать ему солдат для обороны Кале, "поскольку все люди, которых они могли бы выделить, уже заняты на службе у герцога Йоркского". (Boys, 672.) В 1486 г. королю снова было отказано в субсидии (Ibid. 678.) Жители Норвича попали в беду за то, что подали иск о возврате своего займа (Blomefield, iii. 147, 152). В 1424 году Линн одолжил 400 марок, а в 1428 году совет согласился, чтобы бюргеры парламента получили от душеприказчиков покойного короля сто фунтов за заложенный золотой циркуль, поскольку не могли получить больше (Hist. MSS. Com. xi. part 3, 161). В 1491 году король находился в Бристоле, где имел благодеяние в размере 1800 фунтов стерлингов (Ricart, 47-48). Во время приезда Ричарда Третьего в 1484 году Йорк, чтобы добиться снижения пошлыны, согласился дать ему 100 марок в золотом кубке, а королеве 100 фунтов в блюде. Приводится список горожан, которые подписались: мэр дал 20 фунтов, регистратор - 100 фунтов и так далее. Общая сумма подписки составила 437 фунтов стерлингов (Davis' York, 167-9, 174). Упомянуть все займы было бы совершенно невозможно, но пример Кентербери любопытен как первое предвестие национального долга. В 1438 году королю было одолжено 40 фунтов стерлингов, а в 1443 году - 50 фунтов; в этих случаях частные лица предоставляли деньги в различных суммах в соответствии со своим вкусом к спекуляциям и, вероятно, получали сертификаты, обещающие проценты и погашение по номиналу (Hist. MSS. Com. ix. part 1, 139).

[38] Luchaire, 288-9.

[39] Luchaire, 64, 137.

[40] М. Жюссеран в своем *Epopée Mystique du Moyen Age* хорошо указал, что война с Францией была скорее королевской, чем национальной. Рр. 7-9, 117.

[41] Stubbs, *Lectures on Mediæval History*, p. 342; Friedman, *Anne Boleyn*, i. pp. 1-4; Gneist, *La Constitution Communale*, trans. by Hippert, i. p. 334, &c. "Англия во время воцарения Генриха Седьмого сильно отставала от Англии тринадцатого века". (Denton, *Lectures on the Fifteenth Century*, 120, 118.) "Этот низкий и материальный взгляд на домашнюю жизнь привел к столь же низкому и материальному взгляду на политическую жизнь, и жестокость, окрасившая Войну Роз, была лишь результатом такого состояния общества, в котором никто не заботился ни о чем, кроме собственного величия и удовольствия. Идеалом, который сформировался в сознании людей среднего класса, был король, выступающий в роли своего рода главного констебля, который, поддерживая порядок среди великих людей, позволял бы их низшим спокойно зарабатывать деньги". (Gardiner's *Student's History*, 330-1.) "Уныние английского народа, когда его мечта о завоеваниях во Франции рассеялась, сопровождалось полным упадком мысли, гражданской войной и замиранием или, возможно, уменьшением населения и в меньшей степени богатства". (National *Life and Character*, by Charles Pearson, p. 130-1.) "В истории мало более жалких эпизодов. Тридцать пять лет войны, которая была столь же несправедливой, сколь и неудачной, одновременно омрачили и деморализовали нацию". "Англия полностью перестала считаться военно-морской державой". Что касается бюргеров, то "если они не были активными злопыхателями, то были подло инертны". (Oman's *Warwick*, 4-11, 67, 133.)

[42] В календаре Рикарта в Бристоле он должным образом фиксирует факт сражения и победу той или иной стороны без дальнейших комментариев. Он ошибается в дате убийства Саффолка на три года, хотя вполне мог бы ее запомнить; и на полях своей записи он пишет как бы послесловие: "И в этом году два сына короля Эдуарда были преданы молчанию в лондонском Тауэре". (В 1460 году Норвич со своим капитаном и 120 солдатами отправился с королем Генрихом на север, а все остальные имеющиеся силы поспешили к Эдуарду при его восшествии на престол. (Blomefield iii. 162-163.) Город собрал 160 фунтов стерлингов для

приезда в город Ричарда Третьего и 140 фунтов стерлингов для приезда Генриха Седьмого. (Ibid. 173-174.) О Ноттингеме см. т. ii. В Кентербери нет упоминаний о Босуорте, а Генрих Седьмой был принят с той же пышностью, что и предыдущие короли. (Hist. MSS. Com. ix. 145.) О Босворте, где люди стояли в отдалении, ожидая возможности присоединиться к победителю, см. Fabyan, 672-673. В этом отношении политика бюргеров была такой же, как и политика великих церковников, которые были совершенно пассивны в настоящих кризисах гражданской войны и настолько готовы служить каждому королю, что ни один из них не понес потерь от верности какой-либо стороне. (Rogers' Agricul. and Prices, iv. 9, 10.) Народ в целом был столь же безразличен. "Я прочел тысячи документов, написанных в разгар междоусобицы, и нашел только одно упоминание о характере времени в ранней и одно о поздней войне 1470-1 гг.". (Интересную параллель с безразличием торговых сообществ XV века во время Войны Роз можно увидеть в действиях Купеческой компании в гражданских войнах XVII века. (Lambert's Gild Life, 177-178.)

[43] См. т. ii. гл. i.

[44] В Лидде кукуруза раздавалась бедным на Рождество и Пасху, а подарки - прокаженным; в 1480-1485 гг. дочери Годеринги, "бедной служанке", были выплачены "hosen, shoes, her keep, kertyl-cloth and for making itof"; также в 1490 г. "выплачено бедному человеку, содержащему бедного ребенка, 12 пенсов". После длинного списка расходов на вора и изготовление колодок для него и недоуздок, "заплачено за одну пару обуви его дочери 3 д." и "отдано на поиски женщин 4 д."; вызван, возможно, в связи с дочерью. (Hist. MSS. Com. v. 527, 526.) В Рае суммы выплачивались беднякам при открытии ящика с солодом. (Ibid. 494.) Для Саутгемптона, Hist. MSS. Com. xi. 3, 112; книга управляющего в 1441 году содержит список милостыни, 4 фунта 2 шиллинга. 1d., раздаваемых каждую неделю бедным мужчинам и женщинам. (Davies, 294.) Согласно обычному в то время расчету в богадельнях - пенни в день на проживание, эта сумма означала бы, что корпорация еженедельно оплачивала пропитание 140 человек. Для Бристоля, Ricart's Kalendar, 72-80, 82 и т. д. Для Честера, Hist. MSS. Com. viii. 371. Для Ромни, Hist. MSS. Com. v. 535-6. Мэр Сэндвича должен был управлять госпиталями Святого Варфоломея и Святого Иоанна, назначать их служителей, проверять их счета и распоряжаться их владениями, состоящими из бесчисленных участков земли и домов, оставленных благочестивыми людьми. (Муниципальный совет Эксетера ежегодно назначал надзирателя за бедными, чтобы тот заботился о многочисленных благотворительных фондах. В его ведении находились больница Магдалены, больница для бедных "Десять келий", основанная в 1406 году Саймоном Грендоном, мэром города; богадельня Комбрю, основанная сэром Уильямом Бонвилем в 1408 году, и богадельня, основанная Джоном Палмером. (Freeman's Exeter, 175-6.) В Херефорде существовала муниципальная богадельня, поддерживаемая за счет выплат корпорации от церковных арендаторов за долю в городских привилегиях. (Arch. Ass. Journ. xxvii. 481.) В XV веке завещания бюргеров на эти цели были очень частыми и обычно оставались в ведении корпорации. Во всех крупных городах мэр и олдермены председательствовали в суде сирот. (Davies's Southampton, 239.) Указания на помощь бедным со стороны городов должны изменить вывод г-на Эшли (Экономическая история, I. часть ii. 338) о том, что "государство в целом или какая-либо светская государственная власть не предпринимали попыток облегчить бедственное положение. Эта работа была *полностью* возложена на церковь и на действие религиозных мотивов на умы отдельных людей". Кажется, в этой связи трудно проследить его различие между ремесленными объединениями, которые выросли или не выросли из религиозных братств (стр. 325).

[45] Кроме обычных латинских молитв, гильдия из Норфолка использовала английские молитвы о церкви и государстве, урожае и путешественниках, подобные нашей Литании. (Английские гильдии, 111-114.) Инсценировка молитвы "Отче наш" была представлена в одной из гильдий Йорка. "Они обязаны найти одного свечника с семью огнями, в знак семи молитв в молитве "Отче наш". "Также они обязаны сделать и, по мере необходимости, обновлять таблицу, показывающую весь смысл и применение молитвы "Отче наш", и держать ее повешенной на столбе в упомянутой соборной церкви рядом с вышеупомянутым свечником". (Ibid. 137-9.) См. также Hibbert's Shrewsbury Guilds, 62. О Пекоке как "первом авторе Средневековья, который провозгласил разум судьей веры", и о том, кто "может быть назван одновременно предтечей эрастианской теории церкви и рационалистической интерпретации ее теологии"; и о месте, которое теперь отводится генеральным советам, см. Rogers's Agriculture and Prices, iv. 11-13. Первые признаки того, что доходы монастырских домов должны были быть направлены на другие цели. (Ibid. 101.)

[46] Сельское хозяйство оставалось неподвижным в течение пятнадцатого и шестнадцатого веков. Фактически оно мало изменилось с того времени, когда Уолтер из Хенли опубликовал свой трактат, до того времени, когда Фиц Герберт написал свой труд в 1523 году, воплотив в нем большинство правил, которые Уолтер дал до него. Настоящий прогресс происходил не в деревне, а в городе.

[47] Нотт. Records, ii. 143, 145, 167, 179, 191; iii. 21, 29.

[48] Clément, Jacques Cœur, 196-7. В 1442 году Тайный совет приказал Николасу Стерджону "пойти и выбрать шесть певцов из Англии, таких, каких пожелает посланник, прибывший от императора, чтобы они отправились к императору". Труды и постановления Тайного совета, изд. Sir Harris Nicholas, 1834, v. 218.

[49] Мистер Джейкобс говорит мне, что не нашел прямых доказательств того, что евреи давали займы горожанам в двенадцатом веке; есть только некоторые указания, например, что они искали должников в соборе Святого Павла ("Евреи Анжуйской Англии", с. 45) и что они утверждали, что присутствуют на заседаниях суда в Бэри. (Если их дела, как кажется, были связаны с дворянами и землевладельцами, это доказывает отсутствие спроса на капитал в городах.

[50] О скрепках см. Schanz, i. 327 и далее; von Ochenkowski, Englands Wirthschaftliche Entwicklung im Ausgange des Mittelalters, 220; Stubbs, ii. 446-8.

[51] Schanz, i. 329 и др.

[52] Ibid. 657.

[53] Schanz, i. 543; von Ochenkowski, 216-7. О купце-законодателе см. в книге г-на Мейтланда "Судебные дела в манориальных судах" (Selden Soc.), p. 137. О скрепочных статутах см. 14 R. II. cap. 3, 4.

[54] Schanz, i. 332, 338.

[55] См. "Письма Пастона", iii. 166.

[56] Schanz, i. 501.

[57] Фон Оченковский, 202, 210; Шанц, 495-500. Прощение купцов в 1442 году об освобождении от этих правил было отклонено. Proc. Privy Council, v. 217.

[58] В 1442 г. купцы Кале просили, чтобы солдатам была выплачена плата под залог шерсти купцов. (Когда лорды захватили Кале в 1459 году, "они выторговали у Штапеля Кале 18 000 фунтов стерлингов", чтобы вести войну. После воцарения Эдуарда, в 1462 году, купцы потребовали возврата денег. Эдуард отказался, и после долгих усилий купец, представлявший их интересы и взявший на себя основные расходы, умер разоренным в убежище в Вестминстере (Fabyan, 635, 652-3).

[59] Мешок весил 364 фунта 16 унций каждый (Schanz, ii. 569).

[60] Stubbs, iii. 69, Stat. 27, H. VI. c. 2.

[61] Schanz, ii. 15.

[62] При системе выплаты фиксированной суммы в хорошие и плохие годы бедные купцы становились банкротами, и в середине XVI века число экспортеров шерсти сильно сократилось (Schanz, ii. 17). Чрезвычайно интересное изложение причин упадка Стейплеров приводится Шанцем в т. ii. 565-9.

[63] За период с 1485 по 1546 год общая торговля выросла на треть, а торговля шерстью сократилась на треть (Schanz, ii. 12).

[64] В "Письмах Пастона" даже в пятнадцатом веке есть жалобы на качество норфолкского сукна, i. 83.

[65] Эшли "Шерстяная промышленность", 39, впоследствии расширенная в его "Экономической истории", часть ii, глава iii. Эта книга была опубликована после того, как были напечатаны эти страницы. Riley's Mem. London, 149-50; Schanz, i. 436-440, 588-9.

[66] Первая грамота компании драпировщиков или торговцев тканями в Лондоне была выдана в 1364 году.

[67] Это утверждение сделано Шанцем, i. 441, и его причины приведены, ii. 1-7. 31 H. VI. c. 8.

[68] 4 H. VII. c. 11; Schanz, i. 449.

[69] Schanz, i. 11; ii. 17, 18.

[70] Schanz, ii. 571-2.

[71] В 1472 году настоятель Крайст-Черч в Кентербери покупает у лондонского олдермена два куска ткани для ливреи джентльмена, девять для ливреи йомена и пять для ливреи конюха, цена - 39 фунтов 14 *шиллингов*; у "лучезарщика" в Нью-Солсбери он покупает подобные ткани в 1475 и 1480 годах; снова у Хэдли в 1499 году он получил восемнадцать кусков, а у суконщика из Крэнбрука - сукно цвета руссет. (Hist. MSS. Com. v. 436-7, 459.) Фастольф покупал сукно для своих солдат в Кастлкумбе, Уилтс (письма Пастона). Начальник Мертон, епископ Фиц Джеймс, покупал для своих братьев и для себя в Нортон-Мандевилле в Эссексе. (Rogers' Economic Interpretation of History, 151.)

[72] Paston Letters, ii. 235. 1465.

[73] Дебаты между герольдами Франции и Англии, опубликованные, вероятно, в 1458-1461 годах, перевод Рупе, р. 61. Опубликованы на французском языке Обществом древних текстов Франции. В 1454 г. общины подали прошение о разработке серебряных рудников в Корнуолле, Девоне, Дорсете и Сомерсете (Schanz, i. 493). Об угле см. Paston, iii. 363.

Ноттингемские записи, i. 145. В 1307 году поступали жалобы на испорченность лондонского воздуха из-за использования угля. Cruden's Gravesend, 84-5.

[74] Hist. MSS. Com. vi. 347.

[75] Rogers' Econ. Interpretation, 276.

[76] Бронзовые орудия, изобретенные в 1340 или 1370 году, впервые были использованы в Англии при осаде Бервика в 1405 году (Eng. Chron. 1377-1461, p. 184); во Франции они не были так хорошо известны (Три книги "Английской истории" Полидора Вергилия, 9-10 Камденского общества). За лиддскую пушку 1456 года оружейникам заплатили 11s. 8d.; переплет и железо для нее стоили 18s. "Пушки с шестью камерами" упоминаются уже в 1456 году в городах Синк-Порта. (Hist. MSS. Com. v. xvii.)

[77] Journ. of Archæol. Association, 1871, p. 416; Hist. MSS. Com. vi. 489.

[78] Пиренн, Динант, 102, 94, 95. В XV веке динантские торговцы отправляли свои товары через Антверпен, а не через Дамм.

[79] Об английском кирпичном строительстве см. в Rogers' Agric. and Prices, iv. 440. Первое упоминание о кирпиче в Кембридже 1449 г., в Лондоне 1453 г., в Оксфорде 1461 г.; распространен в восточных графствах до конца пятнадцатого века. Ibid. iii. 432, 433. Пословица "красный, как Ротерхэмский колледж" относится к одному из первых кирпичных зданий в Йоркшире.

[80] Хорошее английское стекло XV века есть в Малверне и других местах. Но, согласно Дагдейлу, английское стекло было запрещено в часовне Бошамп в Уорике.

[81] Turner's Domestic Architecture, 98.

[82] Производством шелка в Лондоне в XV веке занимались женщины; их жалобы на ломбардских купцов отмечены в Акте 1454 года (33 H. VI. c. 5). В билле с королевской надписью просят, чтобы король пожаловал домику Роберта Эссекса его рамы "или рамы, или рамы, или рамы". Роберту Эссексу его рамы, "назначенные и сделанные для изготовления силки", с их инструментами, которые сейчас "остаются незанятыми в вашем Вестминстерском монастыре", и он рукоположит рабочих для их использования. Темп. Эдуард Четвертый, Hist. MSS. Com. iv. I, 177.

[83] Обличение английской политики. (Политические поэмы и песни, написанные между 1327 и 1483 годами, ii. изд. Wright Rolls Series). Об экспорте английского пива во Фландрию см. Fœdera, xii. 471 1492. Пиво - "солодовый напиток, ароматизированный горькими травами", в отличие от эля, производилось до 1445 года, хотя обычно приписывается столетием позже.

[84] Бломфилд, iii. 160. 33 H. VI. cap. vii.

[85] Пирс Плаумен, Введение к тексту C, xxxi.

[86] Schanz, ii. 35, 36.

[87] Итальянская реляция, 42-3 (Camden Soc.); Schanz, i. 513; Heralds' Debate, 65.

[88] Plummer's Fortescue, 114-5, 132. Сравните "Генриха Седьмого" Бэкона, 71-72.

[89] Heralds' Debate, 61, 1453-1461.

[90] Ричард Бескрасный, *passus* iii. 172.

[91] Тракаты Бринклоу, опубликованные в первой половине XVI века, представляют собой интересную иллюстрацию типа радикального политика, сформировавшегося в городах. Его предложение о создании единой палаты и перечень реформ не более значимы, чем его критика парламентского деспотизма и неэффективности: "Это тринадцатая статья нашего кредо, добавленная в последнее время, что все, что делает парламент, должно быть хорошо сделано. И парламент, или любое провозглашение из парламентского времени не может ошибаться ... тогда вы привели Рим домой к своим собственным дверям и дали королю и парламенту власть, которую кардиналы-епископы дали папе ... если это так, то напрасно искать каких-либо изменений в чем-либо". Brinklow's Complaynt, E. E. Text Society, 35. См. также стр. 8, 12.

[92] Обличение английской политики (*Political Poems and Songs*, ii. 157-205. Roll's series, ed. Wright). Обличение, вероятно, было написано после 1436 года. Епископ был убит в 1450 году. (*Agric. and Prices*, iv. 533.)

[93] Райт "Пол. Poems, ii. 282-7. Schanz, i. 446.

[94] Сравните очень похожее выражение веры в современной рабочей газете. "Этому острову, как бы мал он ни был, поручена работа по руководству промышленной организацией мира, то есть по управлению и упорядочиванию дел мира". *Trade Unionist*, Dec. 26, 1891.

[95] Сравните *Paston Letters*, i. 531; Brinklow's Complaynt 11.

[96] Pauli, *Drei volkswirtschaftliche Denkschriften*, s. 61, 75.

[97] В 1447 году поборы в Англии были настолько велики, "что умы людей не были настроены на внешнюю войну, но были озабочены сверх меры тем, как отразить частные и домашние обиды, и поэтому ни жалование для солдат, ни снабжение для армии не были приведены в готовность, как того требовала необходимость". (Polydore Vergil, 77 Camden Soc.) О перерыве в торговле из-за войны - *Paston*, i. 425-6. *Davies' Southampton*, 252-3. Стейплеры жалуются, что до войны французы покупали ежегодно 2 000 мешков шерсти, а теперь только 400 (Schanz, ii. 568). О влиянии войны на торговлю солью - *Rogers' Econ. Interpretation of History*, 100. О торговле вином и т. д., Schanz, i. 299-300, 643-50. "Никакими средствами нельзя добиться, чтобы рожденный французом сильно любил англичанина, или, наоборот, чтобы англичанин любил француза; такова ненависть, возникшая из борьбы за честь и империю". (Pol. Vergil, 82.)

[98] Schanz, i. 32-33.

[99] См. серию статутов, которыми открывается правление Эдуарда Четвертого. 4, Ed. IV. с. 1-8. Schanz, i. 447.

[100] *Ashley's Wool. Ind.* 81-2; расширено в его "Экономической истории", часть ii. Schanz, i. 445.

[101] Schanz, i. 446. "Вывоз шерсти в Стапул - большой вред для пепула Англондского; хотя он выгоден и для принца, и для торговца". (Starkey, *England in the Reign of Henry the Eighth*. Early English Text Society, p. 173.)

[102] Brinklow's Complaynt, E. E. Text Soc. p. 11. Schanz, i. 479, примечание.

[103] Братство мерсеров и других купцов и авантюристов, живущих в Лондоне, "конфедерацией, заключенной между собой из-за их немилосердной и неумеренной жажды собственной выгоды и корысти, противоречащей свободе каждого англичанина и свободе тамошней Марты", приняло постановление и конституцию, согласно которым каждый англичанин, торгующий с марками Фландрии или под властью эрцгерцога Бургундского, должен сначала заплатить штраф Братству купцов в Лондоне под страхом лишения всех своих купленных и проданных товаров. Поначалу штраф был наполовину старым, благородным, и требовался под видом братства святого Фомы Кентерберийского, и "так под видом такой притворной святости его терпели несколько лет". Однако в конце концов лондонское братство повысило штраф до 20 фунтов, после чего другие купцы стали уходить с ярмарок, а торговля сукном - страдать. По жалобе купцов-авантюристов, живущих за пределами Лондона, парламент постановил, что штраф должен составлять всего десять марок. (12 Henry VII., cap. 6.) Жалобу торговцев из Халла на лондонских купцов-авантюристов в 1622 году см. в Lambert's Gild Life, 171-2.

[104] Schanz, i. 342.

[105] Schanz, ii. 571.

[106] 3 Ed. IV. c. 4.

[107] Schanz, i. 618-19.

[108] Бэкон "История Генриха Седьмого", 38.

[109] Кельнцы имели дом в Лондоне уже в 1157 году.

[110] Основан до 1240 года (Schanz, i. 291-3). Некоторые интересные подробности приведены в "Записках о Норвиче" г-на Хадсона (Norfolk Archæology, xii. 25; см. раздел о мадере и вате). О купцах из Лотарингии, Дании и т. д. - Liber Custumarum, Nunimenta Gildhallæ Londiniensis (Rolls Series), vol. ii. part 1, xxxiv. &c.

[111] В начале четырнадцатого века (Schanz, i. 113-8).

[112] См. Keutgen, Die Beziehungen der Hanse zu England, 40.

[113] Boys' Sandwich, 375; Paston, iii. 436. Иностранная торговля иллюстрируется некоторыми вещами в доме Фастольфа; силендское сукно, i. 481; iii. 405-латунные горшки и чашки французского производства, i. 481-серебряные парижские чашки, 475; iii. 270-1, 297-8-голубые очки, i. 486 - миланские абержероны, 487 - "переплаченный Рейнс", 489 - аррасское сукно, 479 - упряжь из Альмейна, iii. 405 - немецкие кушаки, iii. 270-1 - горшки с патокой из Генуи, ii. 293-4, купленные у аптекаря. Купеческие марки были особенно заметны из-за страха перед фальсификацией. Бакалейщик, или торговец иностранными фруктами, также продавал ястребов, iii. 55-6. В правление Генриха Восьмого около дюжины магазинов в Лондоне продавали французские или миланские кубки, бокалы, ножи, кинжалы, мечи, кушаки и тому подобные вещи. Hist. MSS. Com. viii. 93. "Рассуждение о содружестве этого королевства Англии".

[114] Libel of English Policy; Political Poems and Songs (Rolls Series), ii. 173, 172. Фабиан, 630. См. петицию бюргеров против лангобардов, 1455 г., в Rot. Parl. v. 334

[115] Шанц, i. 65. Чужеземцы, вывозящие шерсть, должны были платить 43 с. 4 д. за мешок, английские купцы - только 5 дворян или 33 с. 4д. (Fabyan, 594-5).

[116] В 1372 году имеется расписка двух человек из компании Строцци о получении денег от архиепископа Лангхэма (Langham. Hist. MSS. Com. iv. part 1, 186.

[117] Clement, Jacques Cœur, 23-4.

[118] О провале этой компании в 1437 году и ее влиянии на английских торговцев см. в Bekynton's Corres. i. 248-50, 254.

[119] Клевета на английскую политику. Pol. Poems and Songs, ii. 172.

[120] Schanz, i. 124-6.

[121] Hist. MSS. Com. xi. 3, p. 11, 87. 11 Н. IV. с. 7. Пряжа и неполные сукна платили только субсидию - готовые сукна платили также таможенный и измерительный налог. Schanz, i. 448, примечание.

[122] Саутгемптон Дэвиса, 254.

[123] Лекции Дентона, 192; Письма Пастона, iii. 269.

[124] Картины Паули, 126-132.

[125] Keutgen, 41.

[126] Keutgen, 41. Динант был единственным городом за пределами немецкоязычных стран, который входил в Ганзейский союз. Он вошел в Лигу в середине XIV века как своего рода внешний член - только *разделяя ее привилегии в Англии* и никогда не голосуя на ее ассамблеях - скорее терпимый, чем обладающий правом на основании официального гранта. Pirenne, Dinant, 97-102.

[127] Keutgen, 5, 30.

[128] Keutgen, 14-18.

[129] Описание Стальной верфи см. в "Картинках Паули".

[130] Обычный размер французских кораблей, по-видимому, составлял 1 000 или 1 200 тонн. (Heralds' Debate, 51-2.) Каннингс из Бристоля имел в своем небольшом флоте суда в 900, 500 или 400 тонн. (Cruden's Gravesend, 131.) Корабль "Harry Grace à Dieu", построенный в Вулвиче в 1512 году, был весом 1500 тонн и стоил 6 472 фунта стерлингов (Ibid. 143-9.).

[131] 1382; 5 Ричард II, Статут 1, с. 3. О сфере действия этого закона см. Schanz, i. 360.

[132] 6 Richard II., Stat. 1, с. 8.

[133] Небольшое военное судно, на котором, вероятно, было около сорока матросов, десять оруженосцев и десять лучников. Nott. Rec. i. 444.

[134] Саутгемптон должен был содержать за свой счет корабль "Le Grâce de Dieu" для службы королю. В последний год правления Генриха Шестого его хозяин получил от мэра 31 фунт 10 шиллингов. 0d. В первый год правления Эдуарда Четвертого мэр заплатил за пропитание и содержание корабля 68 фунтов 5 шиллингов. 10d. В 1470 году в этом вопросе возникли большие сложности. Король приказал произвести определенные выплаты за корабль, которые город в течение нескольких месяцев категорически отказывался выполнять. В конце концов шериф пошел на нарушение и выплатил причитающиеся суммы из денег, находящихся в его собственном офисе, а в следующем году король заставил город вернуть

потраченные средства. Три шерифа, сменявшие друг друга, оказались в затруднительном положении из-за этого спора между королем и городом. Они производили выплаты по мере своих возможностей, а затем получали компенсацию за потраченные суммы. (Hist. MSS. Com. xi. 3, 98-100; Davies, 77. См. также H.M.C. xi. 3, 215-16, 188-191, 221-2; Ibid. iv. 1, p. 426, 429-31; Ibid. v. 517-18, 521, 494; Boys' Sandwich, 663; Nottingham Records, i. 196; Paston Letters, ii. 100-105; Rot. Parl., i. 414, ii. 306-7). Полный отчет об изготовлении баржи в Ипсвиче в 1295 году приводится в Hist. MSS. Com. ix. 257-8.

[135] Schanz, i. 356-7, 362, 367. На странице 357 он приводит цитату из петиции общин в 1371 году (Rot. Parl. ii. 306-7), чтобы доказать, что одним из результатов внешней политики Эдуарда Первого было *сужение городских прав* и, как следствие, упадок флота. Если прочесть петицию до конца, то этот отрывок покажется просто изящной надписью, призванной привлечь внимание, и городские франшизы больше не упоминаются, когда король просит изложить реальные претензии. Во второй петиции (Rot. Parl. ii. 332) суть жалобы сводится к тому, что иностранным купцам разрешено продавать и покупать в Англии, что представляется как потеря всех их франшиз.

[136] Hist. MSS. Com. v. 501.

[137] Эдуард Четвертый предпринял одну тщетную попытку возродить защиту английского судоходства, но этот закон просуществовал всего три года. (3 Ed. IV. c. i.)

[138] Schanz, i. 328.

[139] Дебаты герольдов, 51-2.

[140] Hist. MSS. Com. v. 528. См. о сдаче в наем лондонской баржи; убытки от бури или врагов падают на простолюдинов; Mem. Lond., 478.

[141] Hist. MSS. Com. xi. 3, 215-16, 221-2, 188-191.

[142] Hist. MSS. Com. v. 534-540.

[143] Hist. MSS. Com. v. 496. В Рае был свой собственный "шипун", Джон Викхэм, который пользовался свободой города в течение шестнадцати лет, пока строил корабли в порту, и наконец покинул его в 1392 году с восторженным отзывом от мэра и баронов Рая. Вместе с другими городами он наживался на продаже кораблей иностранцам, которые впоследствии могли быть использованы врагами Англии, и в 1390 году в Рай была отправлена прокламация, запрещающая такие продажи. Об экспорте яиц из Норвича в 1374 году, а также масла, сыра, кукурузы и, возможно, устриц см. в Hudson's Norwich Leet Jurisdiction (Selden Society), 62, 63, 65. Практика лесоповала, доведенная до такой степени, как описано здесь и в других местах, несомненно, подразумевала закупки для внешнего рынка.

[144] Hunt's Bristol, 74, 94-96.

[145] Schanz, i. 328. О гильдии Святой Марии в Йорке см. Hist. MSS. Com. i. 109, 110. Эта "тайна мерсеров" или "сообщество мерсеров" в Йорке сформировалась в орган с губернатором в 1430 году - фактически, стала компанией купцов-авантюристов. (Гильдия корабельщиков Святой Троицы в Халле разработала свой устав в 1369 году, а первый королевский грант получила в 1443 году. Гильдия торговцев Святого Георгия также датируется пятнадцатым веком. (Lambert's Guild Life, 128-131, 156-161.)

[146] В 1422 году Тайный совет издал приказ, разрешающий бристолюскому купцу захватить два судна, груженные сукном, вином, солью и другими товарами, не принадлежащими

Стейплу. Сукно и вино должны были быть проданы, а мясо, шкуры, лосось, сельдь и рыба - куплены, а соль использована для засолки этих продуктов. Proc. Privy Council, ii. 322-3.

[147] Когда Тавернер построил свой корабль для средиземноморской торговли, он не получил снижения пошлин, но должен был платить высокие экспортные пошлины, установленные для иностранцев. Schanz, i. 367.

[148] Keutgen, 79; Plummer's Fortescue, 232-3.

[149] Eng. Chron. 1387-1461, 113. Французские пираты, "кружившие у берегов так, что ни один рыбак не смел выйти на берег" (Paston Letters, iii. 81), вели себя "так же по-домашнему, как и англичане". (Ibid. i. 114-116.)

[150] О частых спорах в правление Генриха Четвертого см. Hist. MSS. Com. v. 443. В 1419 году, когда некоторые бристольские купцы захватили суда, принадлежавшие генуэзцам, король послал гонца, чтобы тот отобрал для него часть приза, за который, однако, он обещал честно заплатить купцам. Proc. Тайный совет, ii. 267. Мэр Линна в сопровождении двух прокторов отправился с посольством короля в Брюгге в 1435 году "для поклонения города" в качестве его представителя, чтобы заявить о несправедливости, причиненной линнским купцам "хозяином Пруса и его подданными, а также ганзейцами". Hist. MSS. Com., xi. 3, 163; Polydore Vergil, 159; Davies' Southampton, 252-3, 275, 475.

[151] Stubbs, ii. 314, iii. 57, 65; Plummer's Fortescue, 235-7. Время от времени собирались деньги на защиту торговли (Nott. Rec. ii. 34-36). В 1454 году Бристоль дал на эти цели 150 фунтов стерлингов - самую большую сумму, которую дал любой город, кроме Лондона. (Hunt's Bristol, 97-8.)

[152] Rymer's Fœdera, viii. 470.

[153] Дебаты герольдов, 49. В 1488 году в письме из Лондона в Венецию, адресованном денежному меняле Фрескобальдо, рассказывалось, что фландрские галеры, вышедшие из Антверпена в Хэмптон, столкнулись с тремя английскими кораблями, которые приказали им взять парус и, хотя они говорили, что они друзья, заставили их сражаться. Восемнадцать англичан были убиты. Но по жалобе капитана галеры король послал епископа Винчестерского сказать, что ему не стоит бояться, так как убитые должны сами нести потери, а горшок вина уладит дело. Davies' Southampton, 475.

[154] См. "Клевета на английскую политику", Pol. Poems and Songs, ii. 164-5. Жалобы в 1444 и 1485 годах см. в Rot. Parl. v. 113.

[155] Libel of English Policy, Pol. Poems and Songs, ii. 159. Capgrave de Illust. Henricis, 135. В 1448 году некий человек в Кентербери был обвинен в том, что он сказал, что король не может носить флер-де-лис и корабль в своем благородстве. (Hist. MSS. Com. v. 455.)

[156] Дебаты герольдов, 17.

[157] Schanz, ii. 27.

[158] 4 Н. VII. cap. x.; Schanz, i. 368-9. Поощрялось и строительство английских кораблей - например, освобождение от пошлин за первое плавание (Schanz, ii. 591).

[159] Keutgen, 55 и т. д.

[160] Там же. 54.

[161] Schanz, i. 332; ii. 575. Список хартий, выданных им, приводится там же, 575-8. См. также договор, *ibid.* 159.

[162] *Ibid.* i. 339, 340.

[163] Там же, ii. 162.

[164] *Ibid.* i. 340.

[165] 1500; Schanz, ii. 545-7.

[166] В 1505 г. Генрих VII издал правила для торговцев-авантюристов. Они могли собираться в Кале для избрания губернаторов; в то же время они должны были избрать совет из двадцати четырех человек, называемых "помощниками", которые должны были иметь юрисдикцию над всеми членами и право принимать законы, а также назначать должностных лиц как в Англии, так и в Кале для взимания штрафов и заключения в тюрьму преступников. Совет сам заполнял свои вакансии. Каждый купец, пользующийся услугами Авантюриста, должен был не только платить пошлины и налоги, но и вступать в братство и платить свои десять марок. Чиновники Кале должны были провозглашать марты, когда это требовалось. Авантюристы могли назначать своих собственных весовщиков и упаковщиков и не должны были ничего говорить королевским чиновникам". (Schanz, ii. 549-553.)

[167] Шанц отмечает поселение в Антверпене как один из важнейших поворотных пунктов английской промышленной и торговой истории (i. 339). Это движение началось еще в XIV и начале XV века, но настоящий приток английских торговцев произошел в 1442-4 годах (*ibid.* i. 9). О договорах с герцогом Бургундским в 1407 году, касающихся английских торговцев во Фландрии, см. в Rymer's *Fœdera*, viii. 469-78.

[168] Schanz, ii. 577, 581, 582.

[169] *Ibid.* i. 343, 344.

[170] 12 Генрих VII. с. 6.

[171] Wheeler, *Treatise of Commerce*, 19, 23.

[172] "Еще в Квинциевом веке экосцы располагали в Веере в Зеландии депо для своих походных товаров, управляемое "консерватором". Сэр Томас Каннингем занимал эту должность до своей смерти в 1655 г., и только 28 ноября 1661 г. (*sic*) сэр В. Дэвисон стал его начальником; он постоянно находился в Амстердаме, где получал керели по случаю муниципальных налогов. В дальнейшем у него начались разногласия с епископальным пастором Моубрэем, который впоследствии был смещен, а затем и с экосцами из Веера. В 1668 году Дэвисон заключил соглашение с городом Дордрехт, чтобы перевозить туда дела Экоса; но так как экосаи не желали сближаться, Дэвисон был вынужден прервать свое конгрегацию в мае 1671 года; Веер по-прежнему остается центром экосаистской торговли. Обратитесь к редчайшему изданию. "Отчет о шотландской торговле в Нидерландах и о скобном порте в Кампвере". Джеймс Яир, министр шотландской церкви в Кампвере. London, 1776." (*Œuvres Complètes de Huygens*. Amsterdam, 1893. Примечание к письму Р. Морея Гюйгенсу от 30 января 1665 г.).

[173] Клевета на английскую политику. *Pol.* Стихи и песни, ii. 180, 181. См. MSS. Com. x. 4, 445-6. Уильям Маклоу, купец в Лондоне, посылал коммиссионные своему сыну Ричарду в

Антверпен; Ричард Маклоу был причетником церкви Святой Елены в Вустере в 1510 или 1519 году (446). В бухгалтерской книге Вм. Маклоу, купца "в Пассе Марте в Барро, Миддлбурге, в Синксон Марте в Антверпене, в Холодном Марте и в Бамис Марте", в 1511 году записана продажа белой драпировки и покупка различных товаров - шаровой батареи, фустиана, бакрама, ножей, сахара, кистей, атлас, дамаст, сарсенет, бархат, перец, иссингемское сукно, очки, лебединые перья, кушаки, "розетки", патока, зеленый имбирь, ленты, коричневая бумага, брабантское сукно, мешочки, кожа, ведра, "антоновы колокольчики", "сакские колокольчики", простыни и др.с.; а также названия судов, на которых были отправлены товары.

[174] Rot. Parl. iv. 126; Schanz, i. 443-445. Об английских репрессиях: 27 Н. VI. cap. i.; 28 Н. VI. cap. i.; 4 Ed. IV. cap. 5.

[175] Schanz, ii. 191-3, 203-6. В 1499 году все еще продолжались переговоры о торговых спорах между Генрихом Седьмым, эрцгерцогом и Стейплом в Кале (Schanz, ii. 195-202). Главным предметом спора было разрешение на раскрой английских тканей в Нидерландах для пошива одежды.

[176] В 1493 г.; Schanz, i. 17, 18.

[177] Schanz, ii. 582-5.

[178] Ibid. i. 7-11.

[179] Schanz, i. 31, 32.

[180] Ibid. i. 339.

[181] Schanz, i. 345; ii. 561, 562.

[182] Примеры, Schanz, ii. 557, 558.

[183] Там же, ii. 564.

[184] Там же, ii. 543.

[185] Из Антверпенского архива; Schanz, ii. 539-43.

[186] В ноябре 1504 года в Звездную палату явились сшиватели и авантюристы. Штаплеры ссылались на хартию, которая объявляла их свободными от юрисдикции авантюристов. Звездная палата постановила, что каждый штаплер, который ведет дела или торговлю как авантюрист, должен подчиняться судам и пошлинам авантюристов, а каждый авантюрист, который ведет дела как штаплер, подобным образом должен подчиняться штаплеру (Schanz, ii. 547). Это решение, казалось, означало разорение штапелеров, но в следующем году было разъяснено, что подлинное толкование заключалось лишь в том, что "купцы штапеля в Кале, пользующиеся феатом купца-авантюриста, проходящего на рынки в Кале, должны в *этих* случаях вносить взносы в такие пошлины и сборы", которые устанавливали авантюристы (ibid. 549); и что их нельзя было принудить вступить в компанию авантюристов. В 1510 году Генрих Восьмой повторил указ Генриха Седьмого о том, что искатели приключений не должны принуждать стэплеров вступать в их общество (555). О ходатайствах в Звездной палате при Генрихе Восьмом см. Schanz, ii. 556-564.

[187] Schanz, i. 249.

[188] Keutgen, 42, 51-54.

[189] Schanz, i. 251.

[190] Keutgen, 30, 81.

[191] Там же, с. 44, &c.

[192] Картины Паули, 172, 185. Keutgen, 10-43. Ричард Второй жаловался Великому магистру, что торговцы вынуждены везти свои ткани в Эльбинг вместо Данцига (*ibid.* 72). В 1388 году трое граждан Лондона и Йорка были отправлены в Мариенберг с переводчиком, чтобы заключить торговый договор с "генеральным магистром дома Святой Марии Тевтонской". (*Hist. MSS. Com. i. 109.*) В 1397 году, однако, торговля с пасхальцами была практически прекращена. Англичане наложили огромные пошлины на немецкий импорт; немцы запретили торговлю английскими тканями. О переговорах, которые вел Генрих Четвертый, см. *Literæ Cantuarienses*, iii. xxviii.-xxxi. и различные письма по этому вопросу. Английская колония в Данциге значительно увеличилась после Мариенбергского мира. (Schanz, i. 231.) В 1392 году более 300 англичан прибыли в Данциг для перевозки кукурузы. (Keutgen, 71.) Но сопротивление данцигских мещан английской торговле было упорным. Они менее ревностно относились к нидерландским производителям, и Тевтонский орден в XV веке отправлял в Динант грубую ткань, необходимую для балтийской торговли. (Pirenne, Dinant, 97; Keutgen, 81-83.)

[193] Картины Паули, 135-8.

[194] 8 Н. VI. с. 2; *Proc. Privy Council*, iv. 208; Schanz, ii. 170.

[195] В 1425 г. Генрих Шестой писал королю Дакии, Норвегии и Швеции о купцах Линна, которые торговали с частями Северного Берна (*Hist. MSS. Com. xi. 3, 203*). В 1427 году он написал английским купцам "*in partibus Prucie, Dacie, Norweie, Hanse, and Swethie commorantes*", чтобы они собрались в достаточном месте, избрали губернаторов и приняли постановления для самоуправления в торговых делах, а также для разумного наказания непокорных купцов (203). Иногда англичане даже требовали от ганзейских купцов компенсации за причиненные обиды (Schanz, i. 250). В 1438 году рожь была привезена из Пруссии "по провидению Стивена Брауна", мэра города, во время голода в Англии, когда бушель кукурузы продавался за 3s. 4 д., а люди делали хлеб из вики, гороха, бобов и корней папоротника". (Fabyan, 612.)

[196] Schanz, i. 254.

[197] Клевета на английскую политику. *Pol. Стихи и песни*, ii. 191. Бейлифы и община Чепстоу вели торговлю с Исландией и Финмарком. (*Proc. Privy Council*, iv. 208.) В 1426 году Линн запретил своим жителям торговлю с Исландией, и вся община направила петицию против торговли в Королевский совет. (*Hist. MSS. Com. xi. 3, 160.*)

[198] Hunt's Bristol, 94-6. В 1491 году рыбацкие шхуны, отправляющиеся в Исландию, должны были получить разрешение на отплытие, получив гарантию, что они не повезут больше зерна и других запрещенных вещей, чем достаточно для их собственного пропитания. Письма Пастона, iii. 367-9.

[199] Keutgen, 30.

[200] Там же. 84-5, 70-71. Об этих переговорах см. *Rymer's Foedera*, x. 656-7, 666-70, 753. Bekynton, i. 215.

[201] В 1439 году. Bekynton's Corres. i. 183-4.

[202] "Сумма платежа держалась в секрете от писателей" (Fabyan, 657.).

[203] Судьба "Страшного суда" Мемлинга, находящегося сейчас в Данциге, служит любопытной иллюстрацией этой войны и торговых осложнений того времени. Заказанная в Брюгге через флорентийских агентов (Портинари), вероятно, Юлианом и Лоренцо Медичи, картина не могла быть доставлена во Флоренцию из-за войны, начавшейся в 1468 году. Наконец, в 1473 году она была отправлена из Слюйса на корабле английской постройки, который был куплен английскими купцами как французский приз, зафрахтован флорентийцами в Брюгге для плавания в Лондон, зарегистрирован на имя Портинари, поручен французскому капитану и плавал под бургундским флагом для большей безопасности от захвата. Однако у Саутгемптона его захватил капер, шедший под флагом Данцига и под командованием известного капитана Бенеке. Несмотря на буллу, изданную Сикстом Четвертым, груз был продан в Стаде, а картина доставлена владельцами корабля в Данциг. (Crowe and Cavalcaselle, Early Flemish Painters, 257-260.)

[204] Генрих Шестой, напротив, прибег к помощи генуэзцев. Возможно, чрезмерно высокие цены на рыбу, упомянутые в "Письмах Пастона" в 1471 году, были вызваны политическими неурядицами (iii. 22, 254).

[205] Schanz, i. 172-9; ii. 388-396. Картины Паули, 185-7.

[206] Schanz, i, 186.

[207] Шанц, i. 294.

[208] Шанц, i. 257.

[209] Schanz, i. 237-42.

[210] О переговорах между истерлингами и английскими купцами см. Schanz, ii. 397-430; i. 179-201. В 1498 году эрцгерцог Филипп, видя полное разорение Брюгге, попытался возродить его, приказав всем иностранным купцам вести свои дела только там, улучшив гавань *и сделав его штапелем для английских тканей во Фландрии*. (Schanz, i. 26-27.) В 1501 году Филипп сделал Брюгге штаб-квартирой, где английские ткани могли продаваться во Фландрии на строгих условиях. (Ibid. ii. 203-6.) В 1506 году Генрих получил от эрцгерцога право продавать сукно по ярдам и заканчивать его производство во всех своих владениях, кроме Фландрии. (Ibid. i. 31.)

[211] Дружелюбие, с которым английские купцы даже в 1405 году смотрели на генуэзских торговцев, иллюстрирует история, рассказанная Фабианом (571), о трех генуэзских караванах, груженных товарами, разграбленными английскими лордами. Генуэзские купцы обратились к королю с требованием компенсации, а тем временем заняли у английских купцов товары на большие и знатные суммы. Когда выяснилось, что их иск был тщетным, они скрылись со своими трофеями "на погибель" многим купцам.

[212] Hunt's Bristol, 97-8.

[213] О беспокойстве по поводу дружбы могущественных морских государств см. во французском хвастовстве о союзе Испании и Генуи; Heralds' Debate, 59. Интересно отметить, что и Эдуард Четвертый, и Генрих Седьмой предпочитали Флоренцию Венеции. Споры о венецианской торговле шерстью при Генрихе Шестом упоминаются в Bekynnton's Corresp. i. 126-9.

[214] Цена на вино в Англии была повышена из-за новых правил о мерах.

[215] Паломник, отправившийся в Рим в 1477 году, получил в Лондоне письма на имя Якобо ди Медичи. (Hist. MSS. Com. vi. 361.)

[216] 1. Английские купцы могли свободно торговать с Флоренцией всеми видами товаров отечественного и иностранного происхождения.

2. Флорентийцы обещали не покупать шерсть иначе как с английских кораблей. Англичане со своей стороны были обязаны ежегодно перевозить в Пизу среднее количество шерсти для всех итальянских государств, кроме Венеции. В Пизе они должны были обладать всеми привилегиями жителей и иметь землю для строительства.

3. Англичане должны были быть свободны от личных повинностей и от налогов, которые могли бы взиматься с торговли.

4. Купцы могли создать в Пизе корпорацию.

5. Ссоры между англичанами должны решаться их собственным главой. Ссоры между англичанином и иностранцем должны решаться муниципалитетом и английским консулом. Уголовные дела - только муниципалитетом.

6. Англичане будут пользоваться всеми преимуществами, которые флорентийцы могут получить благодаря торговым договорам.

7. Пожелания англичан должны учитываться во всех новых привилегиях, предоставляемых во флорентийских владениях.

8. Английский король не должен был разрешать чужеземцам вывозить шерсть из Англии. Венецианцы могли перевозить только 600 мешков.

9. Шерсть должна быть хорошего качества и хорошо упакована. (Schanz, i. 126-137.)

[217] Schanz, i. 119-142; 7 Henry VII. c. 7.

[218] Интересный рассказ об этом приводится в Hist. MSS. Com. v. 461.

[219] Schanz, i. 298.

[220] В 1475, 1486 и 1495 гг. (Schanz, i. 299-304.) В 1475 году прокламация в Синкве-Портс запрещала англичанам покупать гасконское вино у иностранцев. (Hist. MSS. Com. v. 494.)

[221] Интересный след зарубежных связей содержится в завещании В. Роули, который оставил деньги приходской церкви и женскому монастырю в Даме во Фландрии, а также двум местам в Испании. (Hist. MSS. Com. v. 326.)

[222] Schanz, i. 275-7.

[223] Ibid. i. 285-90. Португальцы были в числе тех, кому было разрешено экспортировать шерстяные ткани при Генрихе Шестом. (Proc. Privy Council, v. ii. 11.)

[224] Сведения об английской торговле с Португалией во второй половине XV века можно найти в жалобах купцов; Schanz, ii. 496-524. О португальцах в Лидде в 1456 году, Hist. MSS. Com. v. 521.

[225] В "Пирсе Плаумене" графическая иллюстрация взята из средневекового района, изолированного и защищенного таким образом.

"Он взывал и повелевал всем христианам
Зарыть глубокий ров для единства,
Чтобы Святая Церковь стояла в святости, как в громаде.
Совесть велела тогда всем христианам копать,
И сделать великий ров, который мог бы стать силой.
Чтобы помочь святой Церкви и тем, кого она хранит".

-Pass. xxii. 364-386.

[226] Journ. Arch. Assoc. xxvii. 461.

[227] Пирс Плаумен, passus iv. 386.

[228] Journ. Arch. Assoc. xxvii. 466.

[229] "И мы пользуемся тем, что во время осады, если бейлиф будет неспособным и бессильным человеком или неучем, выбирать нам другого на время; но не дальнего странника, если только не по желанию содружества". (Ibid. 488.) См. Proc. Privy Council, iv. 217.

[230] Journ. Arch. Assoc. xxvii. 463, 488.

[231] В Рае существовал налог "с каждого чужеземца, как с пленника, взятого в плен, выплата его финансов для выкупа, и когда он вошел в крепости порта, за его проход оттуда, 3s. 4 д.; он должен платить на строительство стен и ворот, что относится к общему благу города". (Hist. MSS. Com. v. 490.) Для укрепления стены Кентербери против французов (ibid. ix. 141.) У него была двадцать одна башня и шесть ворот, и мэры в 1452 и 1460 гг. оставляли деньги на ворота. (Davies' Southampton, 62-3, 80, 105. Hist. MSS. Com. xi. 3, 167.)

[232] Hist. MSS. Com. v. 518-24, 492-3. Общая палата в Ромни была снабжена только луками, пока в 1475 г. на ней не установили пушку. Бургессы иногда были изгнаны из городов из-за чрезмерных расходов на войну, караулы и стражу. (Owen's Shrewsbury, i. 205.) О Саутгемптоне см. Davies, 79, 80, Честер, Hist. MSS. Com. viii. 370.

[233] Hist. MSS. Com. viii. 370. В 1399 году, когда мастера-ткачи и торговцы пришли вооруженными к собору и возглавили нападение на "Уильяма из Вибунбура и Томаса дель Дама и многих их слуг, называемых подмастерьями, в великой ссоре всех жителей города против мира господина короля". Ibid. 367. См. также Paston Letters, i. 408; Hist. MSS. Com. iv. 1, 432.

[234] Plumpton Correspondence, liv. lxii.

[235] Davies' York, 183. Указания по сбору войск см. там же, 152-157. О стоимости вооружения и содержания войск для городов см. Stubbs ii. 309. Hist. MSS. Com. ix. 143.

[236] Hist. MSS. Com. xi. 7, p. 171.

[237] Власти Йорка постановили, что солдатам, отправляемым в шотландский поход, должно быть выдано жалованье за первые четырнадцать дней, а деньги за вторые две недели должны быть у капитана в кармане. Однако войска бастовали и настаивали на том, чтобы им выплатили жалованье за все двадцать восемь дней до начала похода, и город в конце концов был вынужден уступить, поскольку это был единственный способ добиться начала экспедиции. (Davies' York 132-7.) Солдаты, получив жалованье, часто не делали ничего

другого, как отправлялись в путь, а затем "слонялись в одиночку" с жалованьем в кармане. (Paston Letters ii. 1-2.)

[238] Англия. Chronicle, 1377-1461, pp. 71, 83, 90, 109.

[239] Piers Ploughman, passus iv. 478, 479.

"Поэтому я не советую королю спрашивать совета
У совести, если он желает завоевать королевство,
Ибо совесть не должна быть моим констеблем.
Будь я королем, коронованным Марией", - говорит Мид,
И не быть маршалом моих людей там, где я больше всего сражаюсь".

-Passus iv. 254-8.

[240] В Кентерберии любой человек, достающий нож, подвергался штрафу или тюремному заключению на сорок дней. (Hist. MSS. Com. ix. 172.) В Сэндвиче, если кто-либо ранил другого мечом или ножом, он мог выбрать одно из трех наказаний: штраф в 60 с. в пользу простолюдинов, тюремное заключение на год и один день или протыкание руки оружием, которым он нанес рану. (Мальчики 502.)

[241] Паркер, Поместье Эйлсбери, 20-21. "Также я жалуюсь, - жалостливо сказал один из них, - на Джеймса Флекчера за то, что он растерзал мою жену около десяти часов вечера, и я уже готов был лечь спать, как он с руганью стоит у моей двери и просит меня выйти из твоих дверей, а ты смеешь с кинжалом в руке, готовый нарушить покой короля". Благоразумный констебль, однако, воздержался от выхода и довольствовался тем, что обратился в следующий суд: "Он идет, и поэтому я умоляю вас о мире его крестной обители". В Кентерберии один из стражников обратился к человеку, "гулявшему не в свое время", чтобы узнать, почему он пришел так поздно. "Подозреваемый ничего не ответил, но побежал оттуда в Сент-Остинс-Либерти, и перед дверью некоего Джона Шорта его схватили. И тот же Джон Шорт вышел из своего дома с другими неизвестными лицами, отобрал у упомянутых стражников их оружие и угрожал им, чтобы они били вопреки клятве истинного и верного свободника". (Hist. MSS. Com. ix. 174.)

[242] "На этой неделе свободные люди Хантингдонского округа были заняты соблюдением любопытного и древнего местного обычая. Вместе со своими сыновьями все свободные жители района собрались утром на Маркет-плейс. Во главе процессии был поставлен череп быка на двух шестах, затем шли свободные люди и их сыновья, часть из которых несла пики, а часть - палки. После трех приветственных возгласов процессия выходила из города и направлялась к ближайшей точке границы округа, где череп опускали на землю. Затем процессия двигалась вдоль границы района, череп тащили по линии, как плуг. Межевые ямы выкапывались заново, и в каждую из них бросали мальчика и били лопатой. В определенном месте, называемом Блэктон-Лейз, подавали угощение, и мальчики соревновались за призы. Затем череп снова подняли над головой, и процессия вернулась на Маркет-плейс, где прозвучало еще три "ура", прежде чем она разошлась". (Из Pall Mall Gazette, 16 сентября 1892 г.) В Хайте Святой Четверг был днем прогулок. (Hist. MSS. Com. iv. i. 432.) О Кентерберии в 1497 году см. Hasted's Kent, iv. 399-401.

[243] Hist. MSS. Com. v. 434.

[244] История Престона Гильда, 41, 42; Hist. MSS. Com. iii. 345; Nottingham, Records, i. 150-151, 268, 164-165.

[245] Hist. MSS. Com. v. 519.

[246] Об общих пастбищах и закромах см. краткое описание в книге Роджерса "Шесть веков труда и заработной платы", i. 89-90, взятое из "Трактата Фицгерберта". В 1484 году в Йорке вспыхнул большой бунт из-за вопроса об общих землях. Король умолял совет принять постановление о том, что участок, принадлежавший Святому Николаю, но бывший общим от Михаэля до Кандлема, должен быть "закрыт и несколько" для использования госпиталем, если общинники согласятся на это. Приказ был отдан, но через несколько дней после Михаэля, когда ворота не были открыты, как это было принято, горожане устроили "буйное собрание или мятеж", что привело к вмешательству короля. (Davies' York, 190-198.) В Винчестере (1414 г.) Джон Пармитер был наказан за обвинение мэра в намерении продать мельницу Койтбери без согласия горожан. (Kitchen's Winchester, 171.) Другие случаи см. в т. II. "Демократия в городах", примечание А.

[247] В Вустере общий сундук, в котором хранились городские дела и деньги, был заперт на шесть замков; три ключа хранились у бейлифа, олдермена и камергера, выбранных "Большим собранием", или советом "двадцати четырех вышестоящих"; три других - у камергера, выбранного "Низшим собранием", или советом "сорока восьми нижестоящих", и у двух "расторопных простолюдинов". Eng. Gilds, 377.

[248] В случае ошибки или мошенничества, а также если бейлиф отказывался отвечать на жалобы мещан, он представлял перед судом своих сограждан "и должен был принести удовлетворение, как сочтет нужным содружество". Journ. Arch. Ass. xxvii. 462.

[249] В Ромни город ежегодно платил за то, чтобы в день Благовещения в церкви Святого Лаврентия ставили сиденья. (Hist. MSS. Com. v. 546.) Таким же образом городские счета в Рае составлялись и проверялись в церкви в конце года. Лидд в 1471 году "потратил в церкви на бейли и юратов, когда они спросили, сколько ливелод имеет в Лидде два пенса" (Ibid. v. 494.). (Ibid. 525.)

[250] Hist. MSS. Com. i. 106, 107.

[251] См. с. 41, прим. 2.

[252] Hist. MSS. Com. iv. 1, 438. Баржа из Хайта привезла три колоды сельди, которые были проданы за 12 фунтов стерлингов. В 1409 году юраты Ромни получили 6 фунтов стерлингов на белую соль, купленную для общины. (Если корпорация нуждалась в деньгах, она всегда могла прибегнуть к займам у богатых горожан, которые были готовы дать ссуду даже на длительный срок. В 1455 или 1456 году один кентерберийский купец одолжил 13 фунтов 6 шиллингов. 8d., которые были нужны для подарка королеве, совершавшей в то время паломничество, и вернул их только в 1464 году. Трое ведущих людей, которые внесли большие суммы, чтобы оказать честь Эдуарду Четвертому во время его первого приезда в город в 1460 году, ждали своих денег четыре или пять лет. В Линне займы корпорации были очень масштабными по представлениям того времени, а муниципальный долг, полностью собранный на месте, был таким же постоянным и прогрессивным, как в современном городе" (Ibid. ix. 139-140).

[253] Мэдокс, Firma Burgi, 159. См. также 1322 г., когда недостающая ферма должна была браться с имущества, имущества и земель судебных приставов, а если этого было недостаточно, то и с имущества горожан. Документы пр. 1884 г. (Стэнли *против* мэра и т. д., 24.) См. примечание А в конце главы.

[254] Davies, 111, 37.

[255] Англ. Gilds, 362-363; Nott. Records, i. 267.

[256] Записи Ноттингема, iv. 449. После этого был назначен павиор, которому платили или частично платили пошлину за кукурузу, "выставленную" для продажи на рынке. Этот налог, известный как "shewage" или "scavadge", дал начало нашему более позднему слову "мусорщик" (iv. 453). Правила содержания улиц в чистоте в Саутгемптоне. (Gross, ii. 223.)

[257] Рикарт, 28. 1240 г. н. э. За перевозку больших камней для набережной и стен Рая. Hist. MSS. Com. v. 492, 493.

[258] Hist. MSS. Com. iv. 1, 434.

[259] Один человек получил 30 фунтов 10 шиллингов различными суммами, 3s. 4 д. за прут за девятнадцать прутьев, 1с. 8 д. за жезл за 106 жезлов и 12 д. за жезл за 380 жезлов. (Hist. MSS. Com. iv. 1, 434.) В течение сорока лет жители Ромни вели отчаянную борьбу с морем и меняющимся руслом Ротера, чтобы сохранить гавань, от которой зависело их процветание. В 1381 году они потратили почти 9 фунтов стерлингов на строительство шлюза (Boys' Sandwich, 803); в 1388 году за него снова пришлось заплатить, а в 1398 году Джон Роан был привезен из Фландрии, чтобы взять его под свой контроль. В 1406 году общинники занялись "рытьем общего Ри", или русла Ротера, а в 1409 году снова были заняты "рытьем водотока". В 1410 году из Голландии привезли Герарда Маттиссона, который сделал шлюз стоимостью 100 фунтов стерлингов; в 1412 году на него было потрачено более 44 фунтов стерлингов, помимо одежды для Герарда и его домочадцев; в 1413 году ему все еще платили. Через несколько лет, в 1422 году, его место занял другой голландец, Оутердел, который, по-видимому, закончил работу, так как после него остались только сборы на мелкий ремонт. Их усовершенствования оставались образцом для соседних городов, и когда Лидд был занят подобными работами, его жители приезжали изучать причал в Ромни.

[260] Ibid. vi. 495-7. Гонец объехал весь Кент и Эссекс, чтобы собрать милостыню на обустройство гавани. Он собирал крупу, пенсы, очесы шерсти, ломаное серебро и кольца, блюдо, полное пшеницы, солода или ячменя, кусок бекона и т. д.; ему помогал человек, который поклялся перед канониками Крайстчерча, что будет правдив, но заявил, что у него должно быть распятие и письмо как знак власти, и получил хорошее распятие с бериллом внутри и новый костюм одежды, а затем скрылся со своей добычей.

[261] Письма Шиллингфорда, 141, 142. Rec. Nottingham, i. 183. Для Рочестера, Eng. Chron. 124; Hist. MSS. Com. ix. 76. О Лондоне см. лит. Cantuar. iii. 169.

[262] Сэндвич для мальчиков, 673, 676, 684. В 1431 г. городской совет Линна постановил, "что три игрока должны служить общине в этом году за 21 шиллинг, а их одежда должна быть в каждом доме"; но через два года игроки потребовали увеличить их "вознаграждение", и каждому из них было выдано по 20 шиллингов и одежда, в обмен на что "они должны ходить по городу со своими инструментами от праздника Всех Святых до следующего праздника Сретения". (Hist. MSS. Com. xi. 3, p. 162-3.) В Кентербери каждый год назначались четыре менестреля, и каждому давался серебряный жетон стоимостью 100 с. - жетон, который в конце года возвращался городскому камергеру.

[263] Хроника серых монахов Лондона (Камденское общество), 12.

[264] Hist. MSS. Com. ix. 147-8. Интереснейший пример английской пьесы приведен в "Commonplace book of the fifteenth century", ed. by Miss Toulmin Smith, pp. 46-9, пьеса "Авраам и Исаак". Живость, пафос, драматическое движение, сильный человеческий интерес очень примечательны.

[265] Hist. MSS. Com. v. 516-527.

[266] Piers Ploughman, pass. i. 34-38.

[267] Hist. MSS. Com. v. 518, &c.

[268] Ibid. pass. viii. 98.

[269] Hist. MSS. Com. v. 540, 541, 544, 552, 548, 549.

[270] Там же. xi. 7, 172-4.

[271] "Две проповеди мальчика-епископа в соборе Святого Павла" были опубликованы Кэмденским обществом в 1875 году.

[272] Eng. Guilds, 430.

[273] Hist. MSS. Com. viii. 363.

[274] См. т. ii.

[275] Davies' York, 43, 77; Eng. Guilds, 141-3. Расходы, которые ложились на город во время королевского визита, были очень большими (Davies' York, 69.) Для Кентербери, Hist. MSS. Com. ix. 140-151.

[276] В 1415 году в Йорке было пятьдесят семь ремесел, каждое из которых имело свою особую пьесу. (Davies' York, 233-236; English Guilds, 141-3; Hist. MSS. Com. i. 109.) Пьесы были отданы на исполнение определенным ремеслам. Например, пьеса *"Авраам и Исаак"* была отдана сланцевикам в Ньюкасле, боуерам и флетчерам в Беверли, ткачам в Дублине, пергаментщикам и переплетчикам в Йорке, цирюльникам и воскобойникам в Честере. (Commonplace Book, ed. by Miss Toulmin Smith, 47-8.)

[277] Цены, взимаемые игроками и менестрелями, по-видимому, значительно выросли между 1400 и 1500 годами. О растущей экономике см. Hist. MSS. Com. iii. 345.

[278] Ibid. ix. 173.

[279] Ibid. ix. 274. О правилах Вустера 1467 г. см. в English Guilds, 385, 407-8.

[280] Hist. MSS. Com. i. 103-104, без даты.

[281] Ibid. x. 4, 426.

[282] В 1483 году йоркские отельеры заключили договор о ежегодном представлении в течение следующих восьми лет своего собственного спектакля *"Коронация Богоматери"*.

[283] Небольшая плата иногда выплачивалась пастору, когда церковь использовалась в качестве склада для зерна или шерсти, как в случае с Саутгемптоном. Roger's Agric. and Prices, ii. 611.

[284] Письма Пастона, iii. 436.

[285] Hist. MSS. Com. v. 306. Йоркский ритуал.

[286] Колокольня, на которой висели часы, играла столь важную роль в коммунах Франции, что право иметь колокольню и ратушу давалось по хартии при создании коммуны и отнималось при ее подавлении (Ordonnances des Rois de France, vol. xi., cxlii., cxliii.), а

колокольня часто служила городской тюрьмой. В Англии, напротив, городские часы, а также колокола для собраний и комендантского часа почти во всех случаях устанавливались на башне приходской церкви, а звонари оплачивались корпорацией.

[287] Пирс Плаумен, *passus vii*. 144. В Тотнесе в XIII веке есть длинный список записей, подобных этим: "Алиса, жена Уолтера Кошела, сидит над местами Уолтера Рустика"; "Николас, сын Генри, имеет свое место по общей покупке" и так далее. И вплоть до недавних времен мэру, который по традиции является главой купеческой гильдии, поручалось назначать жителям места в церкви. (*Hist. MSS. Com. iii*. 242-3.) В Ливерпуле, "согласно древнему обычаю", городские чиновники и их жены имели специальные места в церкви Святого Николая, а после них - домохозяева; "подмастерья и слуги должны сидеть или стоять в переулках". (*Picton's Liverpool*, *ii*. 53, 54, 57.) О распределении мест в приходской церкви см. *Toulmin Smith, The Parish*, 2nd Edition, 1857, 441.

[288] В Камберленде бродячие овцы объявлялись в церкви в воскресенье. В Ротерхэме наказания, вынесенные в суде манора, обычно публиковались судебным исполнителем в церкви. (*Hunter's Doncaster*, *ii*. 10.) В 1462 году королевские судьи проводили судебные заседания в церкви Серых монахов в Бриджуотере по делам о нападении и краже. (*Hist. MSS. Com. iii*. 316.)

[289] *Hist. MSS. Com. v*. 537. Помни. *Ibid. iv*. 1, 436.

[290] *Shillingford's Letters*, 48, 94. О церкви Святого Николая Помни 1422 года см. в *Hist. MSS. Com. v*. 542. В Дувре бароны Синк-Портс собрались в церкви С. Джеймса. (*Ibid. v*. 528, 538.) О Райе см. там же, 499. Заседания городского совета в Саутгемптоне, вероятно, сначала проходили в церкви Святого Креста или Святого Руда, где висели колокол собрания и колокол комендантского часа; и так тесно идея городской жизни была связана с этим местом, что когда в XIV веке была построена ратуша, церковь перенесли дальше назад, чтобы ратуша могла стоять именно на этом месте. Уже в 1470 году мэр и его братья собрались в приходской церкви, чтобы решить вопрос о городских делах.

[291] Письма Шиллингфорда, 93. Отчет о рынках, 25. Ярмарки запрещены по воскресеньям и праздничным дням; 27 Генрих VI, *cap*. 5.

[292] *Hist. MSS. Com. v*. 436.

[293] Интересно отметить научные эксперименты "доктора Рена" в башне старого собора Святого Павла, описанные в письме Мореля к Гюйгенсу от 23 сентября 1664 года. *Œuvres Complètes de Huygens*. Amsterdam, 1893, *vol. v*.

[294] Мэр и присяжные города Рай были назначены капелланом церкви Святого Варфоломея. (*Lyons*, *ii*. 367.) Для Сэндвичских мальчиков, 672-3. Бриджуотерские бюргеры были светскими настоятелями церкви. (*Hist. MSS. Com. iii*. 312.) Для корпорации Уэллса, *Hist. MSS. Com. i*. 106. В Дартмуте приходская церковь была построена мэром, и между мэром и викарием начался спор о том, кто должен получать плату за мессы; с тех пор каждые тридцать лет возникали новые споры, пока в 1874 году дело не дошло до вопроса об арендной плате за скамьи, и был достигнут компромисс. В Андовере смотрители кладбища выбирались народом (*Gross*, *ii*. 331). "Если кто-либо будет водоносом в Тотнесе, он должен возглашать час дня и разносить святую воду каждое воскресенье по всему городу Тотнес". (*Hist. MSS. Com. iii*. 344.) Плата часто взималась за проповеди. (*Hist. MSS. Com. v*. 549. *Davies' York*, 77.)

[295] *Hist. MSS. Com. vi*. 495. О представлении приходских священников и клириков городскими присяжными см. в *Cutts' Colchester*, 129. "А также приходскому священнику

собора Святого Петра за то, что на Пасху он оценивает бедняков и мужских слуг за их титулы и другие обязанности". (Nott. Rec. iii. 364.) В 1476 году, когда капеллан церкви Олд-Ромни был привлечен к суду за преступление, "согласно обычаю Синк-Портс, для его оправдания было назначено, что он должен иметь 36 хороших и законных людей, которые должны быть в суде Сотни в следующий раз, чтобы прийти на его страх и риск". Hist. MSS. Com. vi. 544. См. гл. v. p. 175, примечание.

[296] История. MSS. Com. ix. 272.

[297] О становлении новой приходской администрации: Gneist i. 282-5; ii. 21.

[298] Hythe, Hist. MSS. Com. iv. 1, 432. Бридпорт, Hist. MSS. Com. vi. 495; Andover, Gross, ii. 345. В Линне все дома, сдаваемые в аренду за 20 с. в год, были обязаны поставлять освященный хлеб и воск для церкви Святой Маргариты, и были разработаны самые подробные правила, регулирующие взносы, которые должны были выплачиваться домами, лежащими вместе, или разными домами под одной крышей. В случае отказа от уплаты обычный сержант или любой офицер, посланный мэром, мог наложить взыскание и отнести товары арендатора в гильдейский зал, где они хранились до тех пор, пока он не принесет удовлетворение или не заплатит штраф в размере 20 с. (Hist. MSS. Com. xi. 3, 161.) Платежи за священный огонь встречаются часто. (Hist. MSS. Com. iv. 432, v. 549.) Иногда штрафы за нарушение торговых законов шли на церковные нужды. (Gross, ii. 331, 345.) В Райе, если какое-либо животное попадало в церковный двор, владелец платил 3s. 4 д. на содержание церкви. (Hist. MSS. Com. v. 489.)

[299] В Бридпорте завещания для церкви с 1450 по 1460 год состоят из таких вещей, как медный черепок, кольцо, небольшие суммы денег, а чаще всего одна или две овцы или ягненок. Hist. MSS. Com. vi. 494. Manorial Pleas (Selden Soc.), 150. Hist. MSS. Com. x. 4, 524, 529, 531. Гросс, торговец гильдиями, ii. 345.

[300] Hist. MSS. Com. iii. 345, 346. Когда в 1480 году в Хайте устанавливали новый шпиль, список подписчиков возглавляли двенадцать юратов, наибольшая сумма, которую они дали, составляла 10s. Затем шли общинники, дававшие от 20 с. до 1 д., то есть дневной заработок. (Ibid. iv. 1, 433.)

[301] Hist. MSS. Com. ix. 273. Деньги для церкви в Яксли, в Саффолке, собирались в 1485 году и в последующие годы по аналогичному обычаю ежегодного "церковного эля", причем обычно каждый домохозяин вносил на хлеб и питье около 4 или 5 шиллингов (Ibid. x. 4, 465).

[302] Сэндвич для мальчиков, 784.

[303] В 1327 году между Сэндвичем и Кентербери вспыхнула жестокая ссора. Монастырь испытывал большие неудобства, и настоятельницы написали "мэру и бейлифу Сэндвича" с просьбой разрешить им купить еду и воск, поскольку они оказались в очень затруднительном положении. Сэндвичцы согласились при условии, что монахи ни в коем случае не будут оказывать помощь и снабжать жителей Кентербери. (Lit. Cantuar. i. 248-254.) Между Норвичем и Ярмутом существовала большая ревность. В 1369 году, несмотря на все усилия Норвича, Ярмут стал городом-штапелем. В 1390 году Норвич заплатил большие суммы за то, чтобы шерсть снова стала штапельной в Норвиче. (В пятнадцатом веке в Ярмуте установили кран, который норвичцы заставили снова убрать.

[304] 1478. Hist. MSS. Com. xi. 3, 88.

[305] Города не были полностью затронуты борьбой, но их интерес был очень вялым. Многие, как и Лондон, были разделены в своих симпатиях. (Polydore Vergil, 106; English Chronicle, 1377-1461, 20-1, 67, 95; Fabyan, 638.) В этот тяжелый сезон мэр Лондона притворился больным и продержал его дома очень долго. (Бристоль и Колчестер были йоркистскими (Hunt's Bristol, 97-100, 102; Cutts' Colchester, 131-2). О Ноттингеме см. т. ii. Главный интерес, вероятно, был проявлен в Кенте и Сассексе. (Английская хроника, 1377-1461, 84, 91-4.) Кентерберий был против Кейда и симпатизировал ланкастерцам (там же, 84-95; Hist. MSS. Com. ix. 140-3, 168, 170, 176-7); но в 1464 г. внес в свои счета подарки братьям короля "nunc". Город сильно пострадал. Чинкве-Порт в целом отходил к Уорику и Йорку. Лидд послал Кейду в Лондон морскую свинью и письмо с просьбой заручиться его дружбой в случае успеха. (Hist. MSS. Com. v. 518, 520, 523, 525.) Для Ромни, там же, 543, 545; Рай, там же, 492-4; Сэндвич, Бойз, 676.

[306] Сельскохозяйственные арендаторы и рабочие в поместье имели обыкновение избирать из своей среды "провоста", который возглавлял их и стоял между ними и их господином, которому они обязывались во всем подчиняться и который, со своей стороны, обязывался отвечать за них перед их господином. Связанные самыми тесными узами взаимной ответственности, их судьбы были неразрывно связаны. Если лорд терпел какой-либо ущерб, малый или большой, по вине арендатора, староста должен был выплатить его стоимость, взыскивая ее впоследствии по мере сил с виновного слуги; с другой стороны, если ущерб был нанесен по недосмотру старосты, и у него не было собственного имущества, чтобы исправить положение, за него должны были платить все те, кто его избрал; Поэтому и народ, и лорд в целях самозащиты поддерживали правило, согласно которому староста должен быть не чужаком с сомнительным характером или имуществом, а выбираться "из своих людей", причем "путем избрания жильцов". (Walter of Henley, edited by E. Lamond, Husbandry, 65.) Легко заметить сходство между простыми методами сельского управления и организацией муниципальной независимости при выборном мэре. Восхитительная иллюстрация приведена в книге мистера Мейтленда "Manorial Pleas", Selden Society, 161-175.

[307] Гражданин Престона был обязан показать двенадцать футов перед улицей; в Манчестере или Салфорде он должен был владеть как минимум акром земли. Customal in Hist. of Preston Guild, 75. Thomson's Mun. Hist. 165; Gross, i. 71, примечание.

[308] Ипсвич, История. MSS. Com. ix. p. 244. В противном случае ему не разрешалось входить в общий совет города.

[309] В Бэри-Сент-Эдмундс было семьдесят пять торговцев разного рода, пекарей, портных, сапожников и т. д., которые были обязаны срезать кукурузу во время жатвы, и эти услуги были обменяны на ренту, называемую жатвенным серебром, когда это место стало боро. В Бэттле при Генрихе Втором 115 бургомистров были заняты торговцами, которые должны были работать на лугах или на мельнице, но назывались бургомистрами "по причине высшего достоинства этого места". Rep. on Markets, 17, примечание.

[310] Изучив имена жителей Норвича в Conveyance Rolls, мистер Хадсон считает, что можно с уверенностью предположить, "что город Норвич к концу XIII века привлек в свои стены уроженцев по меньшей мере четырехсот норфолкских и, возможно, шестидесяти саффолкских городов, деревень и поместий". Заметки о Норвиче, Norfolk Archæology, vol. xii. p. 46.

[311] Picton's Mun. Rec., i. 10-12. О сохранении в Уэрхеме этих буржеджей разных размеров см. в Hutchins' Dorsetshire, i. 77. В начале двенадцатого века Генрих Первый дал хартии некоторым из своих городов в Нормандии, по которым бюргер обязан был иметь дом, и

первоначально ему предоставлялось три акра и сад, но с правом создавать других бюргеров, отдавая им часть своей земли. Flach, *Origines de l'Ancienne France*, ii. 347-8.

[312] В Ноттингеме в списке субсидий 1472 года приводится список 154 владельцев свободной собственности в городе, возглавляемый одним, десятая часть имущества которого была оценена в 74 с. 7½d.; затем идет тот, чья десятая часть стоила 67s. 7½d.; шесть других заплатили суммы от 30s. до 20s., а множество - от 5s. до 2s. В конце списка оказались три человека, чья десятая часть была оценена в 1¼ д. и ¼ д. Nott. Records, ii. 285-297.

[313] Старое отношение к собственности бургов проявилось в обычае Ноттингема, согласно которому при продаже земли ближайшие наследники могли выкупить ее, если в течение года и одного дня после продажи делали предложение в зале гильдии выплатить покупателю цену, которую он дал; и они могли выкупить, даже если покупатель отказывался принять их предложение. Были случаи, когда таким образом выкупались мессуаж и мясная лавка (Nott. Rec. i. 70, 100). См. также в Дувре (Lyon's Dover, ii. 274). В Линкольне и Торксее ни один бюргер не мог без разрешения продать свой надел другому бюргеру или родственнику (Rep. on Markets, 35). Мэр и присяжные города Рай могли заставить арендатора содержать свой дом в надлежащем порядке "по просьбе того, кто владеет им". (Lyon's Dover, ii. 362.)

[314] О правилах Лондона в 1319 году см. Lib. Cust. 269-70.

[315] Как, например, Джон де Ипр в Ромни (Hist. MSS. Com. v. 542. Ibid. iv. i. 427). Иностранцы больше не жили отдельно, как в городах времен Завоевателя, а стремились полностью объединиться с англичанами в обычаях и законах. См. Nott. Rec. i. 109; документы Норвича, напечатанные в 1884 году, по делу Стэнли *против* мэра, стр. 1.

[316] Ricart, *The Mayor of Bristol's Kalendar*, Camden Society, 41. В 1439 году Бристольский совет принял два суровых постановления о том, что ни один урожденный ирландец не может быть принят в совет мэром под страхом штрафа в 20 фунтов стерлингов с мэра и с ирландца. В Кентербери ирландцы были занятыми и непопулярными торговцами (Hist. MSS. Com. ix. 173). Когда в 1422 году ирландцам было предписано покинуть Англию, исключение составляли только бюргеры и жители районов с хорошей репутацией. (Статуты 1-го Генриха VI. глава 3.)

[317] Journ. Arch. Ass. xxvii. 468. Между различными городами постоянно велись переговоры о характере новых поселенцев, которые предлагали себя, и сохранившиеся свидетельства показывают, насколько тщательно города подходили к этим вопросам. (Hist. MSS. Com. vi. 488. *Piers Ploughman*, edited by Skeat, Part iii. passus iv. 108-116.) Никто из незаконнорожденных не мог стать бюргершей. Nott. Rec. ii. 66.

[318] Во многих, если не в большинстве городов, урожденный бонд мог получить свободу города, как, например, в Норвиче, где крепостные были допущены к участию в выборах; но ясно, что здесь простое проживание без получения гражданства не было защитой от притязаний феодала. (Norf. Arch. vol. xii.; Hudson's Notes on Norwich, Sec. xi.) Скорее всего, распространенные фразы "прожить в городе год и один день, владеть землей в нем и быть в лоте и скоте", или быть "в купеческой гильдии", или "оставаться в городе без *вызова*" были фактически эквивалентны принятию в мещане; и в таких случаях освобождение получалось не через год проживания, а через год гражданства. В Норвиче крепостной должен был предъявить лицензию своего лорда. (Hudson's Leet Jur. in Norwich, Selden Soc. lxxxv.-vi.) Подобный пример феодальных притязаний лорда на своего крепостного, живущего в городе,

см. в Owen's Shrewsbury, i. 133. Сравните ссылки, приведенные Гроссом, i. 30. Были и исключения, как, например, в Лондоне, где людям, владевшим землей в холопстве у епископа Лондонского, в 1305 году не разрешалось быть свободными горожанами (Riley's Mem. 58-9). А после крестьянского восстания некоторые города лишились этой привилегии (Hist. MSS. Com. i. 109).

[319] Капеллан и четыре парсона церквей в Норвиче предстали перед Литовским судом Норвича за различные правонарушения в 1292, 1374 и 1390 годах. Один из них занимался крупным пивоваренным бизнесом, другой торговал шерстью, а двое были обвинены в том, что не были гражданами. Во всех городах было много "клириков", которые были гражданами. (Hudson's Norwich Leet Jurisdiction, Selden Soc. pp. 45, 63, 65, 76.) О бургах, принадлежащих парсонам и клирикам в Саутгемптоне, Hist. MSS. Com. xi. 3, 65, 70, 71, 75, 81. В Ромни, где "свобода", по-видимому, означала нечто большее, чем право на торговлю, она была предоставлена викарию и другим лицам. (Hist. MSS. Com. v. 540, 542, 546-7.) Монахи и главы религиозных домов, по словам д-ра Гросса, были исключены из гражданства (i. 66), хотя и наделены правом торговли; но из хартийных списков Джона 1215 года следует, что в Бриджуотере братья госпиталя Святого Иоанна могли занимать бурги в городе и иметь те же свободы внутри и вне города, что и бургессы. Этот пример мне любезно предоставила мисс Гринвуд, изучившая городские документы; она добавляет, что в документах Бриджуотера есть много примеров того, что дома и рыночные лавки принадлежали духовенству. Во всех купчих *лавки на Хай-стрит* названы бургаджами, а судебный процесс показывает, что шерстяная лавка там была продана аббату Мичелни. Об Ипсвиче - Gross, ii. 123; об Андовере - там же, 321. Местные обычаи, несомненно, отличались. Гильдия купцов в Линне не позволяла "духовному лицу" работать на их набережной, то есть торговать там (ibid. ii. 166) - обстоятельство, которое отражает большее доверие к отшельнику, который около 1349 года жил на епископском болоте в Линне и установил за свой счет замечательный крест высотой 110 футов, который служил для всех судов, идущих этим путем (Blomefield viii. 514). Когда бургомистры Тотнеса приняли аббата и монастырь Бакфастли в гильдию купцов, чтобы они могли совершать все свои покупки наравне с бургомистрами, все продажи, которые они могли попытаться совершить "путем торговли", были исключены. Hist. MSS. Com. iii. 343.

[320] В Бристоле; Hist. MSS. Com. v. 327. В Рае - "общей печатью баронов виллы Рай"; ibid. v. 513, 499. О старом обычае запечатывания через камышовые кольца см. ibid. ix. 234-5.

[321] О различных способах завоевания муниципальной свободы см. в First Rep. of the Commissioners on Mun. Corporations, 1835, 19, и особенно таблицу, приведенную на странице 93. Даже такие тесно связанные между собой города, как Синк-Порт, сильно отличались друг от друга по готовности принимать новых бургезов. Свободу в Сэндвиче можно было получить шестью способами: по рождению, по браку со свободной женщиной, по покупке свободного дома, по семилетнему ученичеству, по покупке, по дарственной корпорации. В Нью-Ромни свободу можно было получить только по праву рождения по мужской линии и по дарственной корпорации; в то время как в Хайте все дети, родившиеся после получения свободы отцом, имели право на свободу, а дочери могли передать ее после замужества (Boys' Sandwich, 787, 796, 799, 812, 821). Такие же различия существовали и в других городах. См. Davies' Southampton, 140; Boase's Oxford, 48; English Guilds, 390; Freeman's Exeter, 142; Hereford, Journ. Arch. Ass. xxvii. 471, 468.

[322] Leet Jur. в Норвиче, Selden Soc. xxxvii. Я встречал только один случай вмешательства короля - когда Эдуард Второй королевской грамотой предоставил право бургезов в

Саутгемптоне Джону де Лондону из Бордо, а в 1312 году распространил его на его жену и детей. Генрих Четвертый даровал архиепископу Кентерберийскому право торговать в Ипсвиче, но это право не несло в себе никаких политических привилегий в городе (Davies, 190.). (Hist. MSS. Com. ix. 246.) О предоставлении франков французскими королями см. Luchaire, Les Communes Françaises, 56-7.

[323] Piers Ploughman, passus iv. III, 114.

[324] Херефорд; Journal Arch. Ass., xxvii. 468.

[325] Гросс, ii. 257.

[326] Тотнес, Hist. MSS. Com. iii. 342, 343. Гильдейские списки Престона, xvi., xix. В Ноттингеме в XIV веке требовался один залог, в XV веке - обычно два. См. Nott. Records, i. 285-7, ii. 272, 302, iii. 58, 80, 84, 90, 102.

[327] В 1397 г. бюргеры Престона платили суммы от 3 до 40 с. (Preston Guild Rolls, xvi.-xix.) В Эксетере ремесленник должен был платить 20 с., купец - столько, сколько попросит мэр (Freeman's Exeter, 142). В Кентербери в четырнадцатом веке свободные люди принимались за 10 с.; в 1480 году сумма выросла до 40 с. (Hist. MSS. Com. ix. 144). См. также Херефорд (Journal Arch. Ass., xxvii.). В XVI веке жюри Микл-Турн в Ноттингеме представило требование, чтобы каждый иностранец впредь платил 10 фунтов стерлингов (Nott. Rec. iv. 170-1. Wells, Hist. MSS. Com. i. 106.) В Дувре платеж "клялся в общий рог" новым фрименом (Lyon's Dover, ii. 306).

[328] В Престоне правило гласило, что если он получил в бургадж "пустое место", то должен построить на нем дом в течение сорока дней; в других городах, как в Норвиче или Херефорде, ему давался год и один день. (Кустумал Престона, приведен в Hist. of Preston Guild, 74. Hudson, Municipal Organization of Norwich, 27. Journ. Arch. Ass. xxvii. 468.)

[329] В Престоне пришлось принять постановления, чтобы не допустить перекрытия улицы строителями, временно закрепившими на ней каркас дома (Hist. Preston Guild, 47.).

[330] Carlisle Mun. Records, Ed. Ferguson and Nansen, 63-4.

[331] Journ. Arch. Ass. xxvii. 472, 475; Lyon's Dover, ii. 362.

[332] Гросс, ii. 276. Кустумал, Престонская гильдия, 75. Hist. MSS. Com. viii. i. 426.

[333] В Херефорде свободный человек, потерявший должность за лжесвидетельство, не мог восстановить ее иначе, как по особому благоволению простолюдина, "и выкупив свои вещи и движимое имущество, по крайней мере, за вдвое большую сумму, чем он давал раньше". Любой гражданин, приговоренный к столбу, тумбриллу или тому подобному, "таким образом пусть потеряет свою свободу; но впоследствии по особой милости его судебного пристава и коммодата он может быть выкуплен". (Journal Arch. Ass., xxvii. 468, 481.)

[334] Английские гильдии, 403.

[335] Также в Андовере; Gross, The Gild Merchant, ii. 320, 324. Общественное порицание считалось мощным мотивом. В Херефорде, если истец приносил в суд судебный приказ о праве на владение недвижимостью, а ответчик отказывался явиться в суд, то "с недвижимого имущества должен быть взят один столб и доставлен в суд и передан судебному приставу; во второй раз - два; а в третий раз - три; и *делать это всегда в сторону улицы, в укор ему и в назидание его согражданам*; а если он не придет, то дом следует свалить, отнеся один столб

в сторону улицы, и так вперед и вперед, пока весь дом не будет снесен до основания". (Journal Arch. Ass., xxvii. 481-2.)

[336] Копия хартии Манчестера, дарованной в 1301 году, приведена в "Истории графства Ланкастер" Бейнса (Baines' History of County of Lancaster ii. 175-6. Сравнение особых привилегий бургов с привилегиями престонского кустумала иллюстрирует разнообразие в обычаях разных городов. (Cutts' Colchester, 169-170. Davies' Southampton, 111.)

[337] См. von Ochenkowski, Die wirthschaftliche Entwicklung im Ausgange des Mittelalters, 66. Stubbs' Charters, 107, 159. Иногда монополия была привилегией купеческой гильдии. "Так что никто, кто не принадлежит к этой гильдии, не может делать никаких товаров в этом городе, если только на то нет воли купцов". (Hist. of Preston Guilds, Custumal, 73. Gross, ii. 122, 127, 129.) В других городах, где мы не слышим о купеческой гильдии, она принадлежала всему собранию бюргеров. (Hist. MSS. Com. iv. 1, 425.)

[338] Иностранец, живущий в Ромни, платил городу двойную шотландскую пошлину. (Lyon's Dover, ii. 332.)

[339] Английские гильдии, 392, 384. Lyon's Dover, ii. 332.

[340] Сэндвич для мальчиков, 521. Lyon's Dover, ii. 365, 366, 367, 386; Pleas in Manorial Courts, Selden Soc. 137.

[341] Акт, препятствующий мэрам взимать повинности с жителей. Statutes 19 Henry VII., Cap. 8.

[342] "Мэр города Йорка и его братья обратились к лорду Суррею с просьбой проследить за тем, чтобы их согражданину Томасу Хартфорду, бауэру в Норвиче, не досаждал Томас Хоган, сапожник. (Paston Letters, iii. 366.) Однако эта защита была предоставлена только при условии отказа от любой другой помощи. К мэру Йорка и его братьям олдерменам в 1488 году обратился сэр Роберт Пламpton с просьбой защитить некоторых "слуг и любовников" его дома в Йорке от досады со стороны некоторых горожан. Мэр ответил от своего имени, от имени олдерменов и общего совета, что эти иждивенцы Пламптона были уполномочены и поклялись соблюдать обычаи города Йорка, поэтому они обязаны сообщать о любых разногласиях или проблемах мэру "и никому другому, и он должен видеть конец между ними". Мэр недвусмысленно намекает, что эти люди должны либо вернуться домой и жить под защитой своего хозяина там, либо, если они останутся в Йорке, должны подчинить свои дела только мэру, "как и было заведено". (Plumpton Correspondence, 57-58.)

[343] Hist. MSS. Com. iv. 1, 425.

[344] Preston Guild Rolls, xxiv.; Freeman's Exeter, 144; Hist. MSS. Com. ix. 241, 242, 246. Примеры давления королевской власти на городские суды см. в Proc. Privy Council, ii. 152; Hist. MSS. Com. xi. 3, 97, 99, 100, 102, 104.

[345] При Эдуарде Первом между Уайкомбом и аббатом Миссенденским разгорелся жаркий спор по этому вопросу, и в итоге жюри было сформировано из семи бургезов и пяти иностранцев, "тем самым сохранив указанным бургезам их вышеупомянутую свободу". (Из Pleas de Quo Warranto, Bucks, Rot. i. Edw. I., 1286. Parker's Hist. of Wycombe, 23-4.)

[346] Parker's Hist. of Wycombe, 12.

[347] Особенно в вопросах долгов и арестов. Stubbs' Charters, 107. В Ромни бюргер мог взыскать деньги, причитающиеся ему от незнакомца в городе, самостоятельно

отправившись в отсутствие судебного исполнителя наложить арест на товары незнакомца с единственным условием - передать арест судебному исполнителю. (Hist. MSS. Com. iv. 1, 425. О Райе см. Lyon's Dover, ii. 358; Boys' Sandwich, 449. См. также о трудностях иностранцев в Hist. MSS. Com. ix. 243.)

[348] Английские гильдии, 391; Hist. MSS. Com. ix. 170-1. Генрих Второй предоставил бюргерам Уоллингфорда право, что если его проректор введет в дело любого из них без обвинителя, то он не должен отвечать на обвинение. (Gross, ii. 244.) См. Newcastle, Stubbs' Charters, 107. Важность этих положений очевидна, если обычай Сэндвича был общепринятым. Там мэр мог арестовать и заключить в тюрьму любого, кого он выбирал в качестве "подозреваемого". Через некоторое время заключенного приводили из замка в Мастес и "кричали", чтобы узнать, есть ли кто-нибудь, кто хочет его преследовать. Если никто не появлялся, его отпускали на свободу под залог, а если залог не находился, то по воле мэра он мог быть изгнан из города навсегда. Судебный пристав не мог арестовывать по подозрению, как это делал мэр. (Boys' Sandwich, 687, 466-7.) О средневековых представлениях о наказании см. приговор короля в "Пирсе Пламене", с. 81-82.

"И приказал констеблю заковать Вронга в кандалы, чтобы он в течение семи лет не видел ни ног, ни рук".

[349] Hist. MSS. Com. ix. 170-1. Сэндвич для мальчиков, 445 и 443. В Винчестере фримена вызывали в суд три раза, в других местах - только один. (Английские гильдии, 360.)

[350] Английские гильдии, 391. Hist. MSS. Com. ix. 152.

[351] В Норвиче судебные приставы несли такие большие расходы в плохие годы, что в 1306 году было принято постановление, согласно которому их можно было заставлять служить только раз в четыре года. (Blomefield, iii. 73. Ordinances in Hist. of Preston Guilds, 12.)

[352] Hist. MSS. Com. ix. 145.

[353] Поместье Паркера в Эйлсбери, 20, 21.

[354] Hist. MSS. Com. v. 536-541.

[355] Davies' Southampton, 168. В 1422 году один из бургов Винчестера заплатил 10 фунтов стерлингов, чтобы до конца жизни не занимать никаких должностей, кроме должности мэра. Другой заплатил пять марок, чтобы не занимать должность судебного исполнителя. (Gross, ii. 259-260.) В Линне, когда человек был избран присяжным, "он не торопился до следующего собрания, чтобы принести десять фунтов в зал или иным образом принять бремя". (Hist. MSS. Com. xi. 3, 167.) Штраф за отказ ехать в Ярмут в качестве судебного пристава Синк-Портс и выплата заменяющему его лицу (Ibid. v. 541). В 1491 году был принят закон, запрещающий бюргерам Лестера отказываться от камергерства. Шестьдесят лет спустя другой закон предписывал им не отказываться от мэрства. Согласно законам 1499 и 1500 годов, члены, отсутствовавшие в суде Портманмота на Уитсунтид и Рождество, подвергались штрафу. (Ibid. viii. 426.) В Кентербери некоторые представители власти были освобождены от работы в суде присяжных, 1415 год. (Hist. MSS. Com. ix. 169.)

[356] Письма Шиллингфорда, xxiii.

[357] Hist. MSS. Com. v. 527.

[358] Lyon's Dover, Custumals, vol. ii. 267, &c.

[359] Hist. MSS. Com. iv. 1, 425; Boys' Sandwich, 679, A.D. 1493. Gross, The Gild Merchant, ii. 276.

[360] Хартия Эдуарда Четвертого для Колчестера объявляла, что мещане никогда не должны назначаться против их воли ни на какие ассамблеи или квесты за пределами города; ни на какие должности сборщиков налогов или пособий, ни на должности констеблей, бейлифов и т. д., и они не должны подвергаться никаким штрафам за отказ от этих должностей. (Cromwell's Colchester, 257.) Жители Винчестера заплатили сумму около 1422 года, "чтобы освободить каждого жителя города от обязанности быть сборщиком королевских денег в графстве Саутгемптон". (Hist. MSS. Com. vi. 602.)

[361] Таким образом, в Хайте существовало привилегированное сословие, которое не имело права голоса, но все же, очевидно, подчинялось городской юрисдикции и освобождалось от сотенного суда, суда шира и расследований предписанием под названием Дорманд. См. также "Записи о гильдиях Престона", xii., xvi., xx., xxix.

[362] Английские гильдии, 394. Бломфилд, История Норфолка, iii., 80.

[363] Hist. MSS. Com. v. 544-545. В свое время, когда Престон сильно пострадал, было принято постановление, что обветшавшие бюргеры, не способные платить ежегодные налоги, не должны терять свободу из-за бедности. (Thomson's Mun. History, 104. Customale in Hist. of Preston Guild.)

[364] См. гл. x.

[365] См. гл. xi.

[366] См. т. ii., Городской рынок.

[367] Небургессы Линна, "инфериоры", были людьми значительными и составляли важную организацию, чья борьба за перераспределение власти заполнила летопись города в пятнадцатом веке.

[368] Английские гильдии, 386, 399

[369] Письма Пастона, ii. 293.

[370] 7 Генрих IV. сар. 17. Приход деревенских подмастерьев в города, хотя и был запрещен Ричардом II и Генрихом IV, впоследствии был разрешен в Лондоне, Бристоле и Норвиче. (Статуты 8 Генриха VI. сар. 11; 11 Генриха VII. сар. 11; 12 Генриха VII. сар. 1).

[371] Paston Letters, iii. 481. Подмастерья в Лондоне и Бристоле не могли быть *моложе* семи лет. Рикарт, 102.

[372] Манеры и еда, xv.

[373] Пирс Плаумен, Passus x. 206-207, 253-4.

[374] Кустумал в "Истории Престонской гильдии", 73-78. Еще во времена Якова I лорды то тут, то там боролись за сохранение старых обычаев. Один лорд подал иск против жителя города Мелтон за то, что тот не пек свой хлеб в печи лорда; "и этот иск, - писал управляющий, - похоже, будет частым, поскольку лордский двор там едва ли сможет сохранить свое наследство в этом обычае выпечки". Lives of the Berkeleys, ii. 342-3.

[375] Если престонский бюргер внезапно умирал, ни лорд, ни судьи не могли захватить его земли, которые переходили к следующему наследнику; только если он был публично отлучен

от церкви, они должны были быть отданы в милостыню. Custumal. Hist. Престонская гильдия, 77. Сравните Luchaire 248.

[376] Journ. Arch. Assoc. xxvii. 471. Возраст иногда устанавливался в двенадцать, иногда в четырнадцать лет (Hist. MSS. Com. ix. 244.) Мещанин не имел права оставлять по завещанию земли, которыми он владел за пределами городских свобод; они должны были переходить к наследнику, назначенному по общему праву. О мошенничестве, к которому это могло привести, см. Hist. MSS. Com. x. 3, 87-9. Завещания, завещавшие землю, публично зачитывались в судах боро (Nottingham Records, i. 96) и там же регистрировались мэром в качестве суда записи. Мунименты Кентербери показывают, что на основании этого права мэр стал требовать завещания, возможно, следуя примеру Линна. Это требование было совершенно незаконным, но на нем энергично настаивали.

[377] В Бирмингеме, который при Генрихе Восьмом насчитывал 2000 домов и, как говорили, был "одним из самых справедливых и доходных городов для королевского высочества во всем графстве" (English Guilds, 247-9), в Судный день насчитывалось всего девять глав семейств. В 1327 году их число возросло до семидесяти пяти. Сначала бюргеры добились облегчения феодальных повинностей, когда Бирмингем был освобожден от варда и брака, хериота и помощи, так что в случае смерти бюргера лорд мог забрать только его лучшее оружие - вексель или топор-шестопер - или сорок пенсов. (Обзор боро и поместья Бирмингема, 1553 год. Перевод В. Б. Бикли, с примечаниями Джозефа Хилла, стр. xii, 108). Бейлиф и коммондалти арендовали у лорда прилавки на рынке и сдавали их в аренду своим констеблям горожанам, рыботорговцам, мясникам и кожевникам, обеспечивая таким образом полный контроль над городским рынком (стр. 60-61), где бюргеры были освобождены от пошлин, а свободные от рынка чужестранцы платили небольшую сумму, а несвободные - большую. После чумы возникло "свободное бюргерство по феодальной присяге", с клятвой соблюдать обычаи и службы поместья. Обычный надел холопа, по-видимому, составлял сорок пять акров, а крестьянина - меньше (стр. xii., xiii. См. Rogers' Agric. and Prices, i. 12, 298). По мере роста населения новые пастбища в чужих землях сдавались в аренду на несколько лет за ежегодную плату, и пока рост бессрочных свободных владений таким образом прекращался, отчуждение всего домена было предотвращено (стр. xiv., 74, 102). Хотя город не стал городом по королевскому пожалованию, он уже в XIII веке вел самостоятельную жизнь, называл себя городом и избирал должностных лиц (с. 60-1, 108-9). Его публичные акты совершались в стиле "бейлиф и коммондалти" или "бейлиф и бургессы". См. также "Записи Манчестерского суда" (Manchester Court Leet Records, 12, 14, 169, 170). Примеры первых привилегий, которые стремились получить горожане, см. в "Обычаях" Ньюкасла при Генрихе I., Stubbs' Charters, 106-8.

[378] Hist. MSS. Com. vi. 491 и далее.

[379] Об ущербе, который мог нанести общине лордовский рив, см. в Select Pleas in Manorial Courts, Selden Society.

[380] Если лорд-землевладелец владел городом как рыночным городом, а не как боро, жители должны были посещать собрание шерифа, где он или его заместитель судили их за мелкие правонарушения. Во всех случаях, которые не были специально исключены, они должны были также дважды в год являться в суд графства для рассмотрения откровенных залогов и вынесения приговора по более серьезным преступлениям. Записи Манчестерского суда, 14.

[381] Коронер был должностным лицом, избираемым в полном составе суда графства, и ему вменялось в обязанность охранять интересы короны. Его вмешательство в дела городов вызывало большое недовольство.

[382] Когда разбойник из Бридпорта сбежал из городской тюрьмы, город отправил в Дорчестер набор подпруг или конских сеток, чтобы смягчить гнев шерифа.

[383] О злоупотреблениях при назначении сборщиков налогов см. в Paston Letters, i. li.

[384] Hist. MSS. Com. vi. 491.

[385] См. Round's Geoffrey de Mandeville, 361-3.

[386] Close Rolls, I. p. 273, 1216.

[387] Ноттингемские записи, i. 46.

[388] Это упоминается в записях Глостера. Скот-але был очень распространенным способом сбора денег для других целей. См. Мальмсбери, Гросс, ii. 172, Ньюкасл (183), Уоллингфорд (245), Винчестер (253), Кембридж (358). В 1254 г. это было предметом дознания для странствующих судей. (417) Stubbs' Charters, 258-259.

[389] Hundred Rolls, i. 49, 55. Присяжные Бридженорта в 1221 году жаловались, что бейлифы шерифа и деревенские жители обязали их идти по следу украденного скота через их город и штрафовали их в случае неудачи, тогда как они не могли идти по следу через центр города. Select Pleas of the Crown, Selden Society, 113.

[390] Пирс Плаумен, Пас. iii. 59, 177, iv. 172.

[391] О прибыли, которую можно было получить в этом деле, и о возможностях мошенничества см. в Winchelsea (Rot. Parl. i. 373). Иногда эскейтор делил взимаемые штрафы между собой и королем; в других случаях должность передавалась в управление, и король получал фиксированную сумму, оставляя эскейтору свободу действий. В городах эта должность в конце концов передавалась мэру с фиксированным жалованьем. Мэр Норвича получал в качестве эсквайра 10 фунтов стерлингов, то есть жалованье, равное тому, которое он получал как мэр (Blomefield, iii. 179). Как мэр Стейпла он получал 20 фунтов стерлингов (Ibid. iii. 94.).

[392] Ричард Второй запретил ему ездить более чем на шести лошадях и подолгу задерживаться в городе. (Statutes, 13 Richard II. 1, cap. 4, и 16 Richard II., cap. 3.) В 1346 году король по хартии освободил Норвич от "клерка рынка нашего дома", чтобы он не мог въезжать в город для определения мер и весов или выполнения других обязанностей, связанных с его должностью. (Norwich Doc., pr. 1884, дело Стэнли *против* мэра и т. д., стр. 26.) О клерке рынка в Кале: Lives of Berkeleys, ii. 198.

[393] Hist. MSS. Com. v. 545.

[394] Statutes, 13th Richard II., I, cap. 3.

[395] В Рочестере "королевские хэкнимены" давали клятву быть готовыми в любое время, рано и поздно, служить королевской милости с способными лошадьми хэкни по призыву мэра, и всегда обеспечивать любого человека, едущего с посланием короля, и давать информацию мэру в случае, если какой-либо тяжело управляемый хэкнимен в городе "украдет или спрячет любую из их способных лошадей хэкни в любом тайном месте, что может помешать, продлить или не выполнить королевскую службу". (Hist. MSS. Com. ix. 287.)

О Ромни см. Lyon's Dover, ii. 341. В некоторых городах трактирщики имели право требовать лошадей и повозки для службы королю. Этим правом сильно злоупотребляли, и такие патенты были объявлены недействительными в соответствии со статутом. (28 Henry VI. cap. 2.)

[396] Что касается поставщиков, то Rogers' Agric. and Prices, 1., 119, 166. Жалоба Бринклоу, 19, 20. Rot. Parl. i. 400. В Линне королевский лардер требовал, чтобы корабли отправлялись на ловлю провизии для короля или, возможно, везли 5 000 рыб для королевского дома. (Hist. MSS. Com. xi. 3, 188-9.) Уже в 1493 году Кентербери (который был освобожден от этих поборов в 1414 году) пришлось получить "бreve" от Генриха Седьмого, чтобы дать своим жителям краткую возможность противостоять требованиям королевских провизоров. (Ibid. ix. 168.) О конфискации телег см. в "Ноттингемских записях", i. 118. Королевские тележки в семнадцатом веке, Hist. MSS. Com. v. 407.

[397] Случаи в Честере в 1282 г., Hemingway's Chester, i. 132.

[398] Среди бристольских вольностей была одна, согласно которой ни один бюргер, ни один житель Бристоля не должен против своей воли принимать в своем доме никого из гостей по ливрее королевского маршала. (Ricart, 24.)

[399] Примеры необходимости новых грантов и подтверждений и связанных с этим больших расходов слишком многочисленны, чтобы их приводить. В Кентербери в 1460 году за новую хартию было уплачено 36 фунтов стерлингов, а в следующем году были произведены другие платежи, связанные с тем же делом. В 1472 году в Лондон были отправлены гонцы для повторного получения хартии вольностей. Два года спустя посланник отправился в Лондон, чтобы договориться с казначеем лордом Эссексом о предписании, касающемся вольностей города, и тогда же, вероятно, в обмен на большую плату, была выдана грамота, подтверждающая недавнее восстановление древних привилегий. Великолепный ужин, данный лорду Эссексу, выразил благодарность города. В 1474 году город заплатил за провизию, чтобы подтвердить восстановление своих вольностей. В 1475 году в камере было проведено расследование хартий и муниментов, касающихся границ вольности; а в 1481 году были произведены выплаты друзьям и покровителям, которые вместе с королем помогали им в сохранении вольностей города. После воцарения Генриха Седьмого возникла необходимость в обновлении и подтверждении хартии, что и было сделано в 1487 году. В 1490 году мэр советовался с кардиналом Мортонем по поводу возобновления и расширения вольностей города. (Hist. MSS. Com. ix. 140 et seq., 170.) См. Romney, Ibid. v. 534-5, 537, 539, 543-4.

[400] Инквизиционное письмо о привилегиях Синкских портов. (Hist. MSS. Com. vi. 544.) Случаи конфискации хартий на этих основаниях очень часты.

[401] В Саутгемптоне бочонок гасконского вина был отдан "по общему согласию" шерифу за дружбу с присяжными. В 1428 году сумма в 13 с. 4 д. была заплачена за то, чтобы "друзья города" вошли в состав жюри присяжных для решения вопроса, возникшего между королем и Саутгемптоном, о том, кому должны принадлежать вещи и имущество преступника, который сбежал. (Hist. MSS. Com. xi. 3, 140, 142.) См. также Ibid. v. 518.

[402] Hist. MSS. Com. v. 539. Лейтенант Дувра, который определял сумму и распределение пожертвований, требуемых от Синкве-Порта, также имел свои предложения от различных городов, чтобы они были хорошо обработаны. (Ibid. v. 527.)

[403] Ibid. v. 528. Эти суды на морском берегу требовали значительных расходов на сборы и пиры.

[404] Hist. MSS. Com. v. 491. В 1474 году Кентербери дал деньги Кириллу, чтобы тот отстранил город от отправки людей и кораблей на войну. (Ibid. ix. 143.)

[405] Ibid. v. 518, 522.

[406] Hist. MSS. Com. v. 543. Три и четыре пенса и 18 д. за пару сапог в качестве награды.

[407] См. в Винчестере подарки клерку коронера, присяжным в павильоне, королевским налоговикам, жене шерифа, бейлифу сока Уинтон и т. д. (Hist. MSS. Com. vi. 595-605.)

[408] Hist. MSS. Com. xi. part 3, 138-149. Расходы в Линне были очень велики. (Ibid. 218-225.)

[409] Несомненно, ошибка переписчика в Лландаффе. (Hist. MSS. Com. ix. 145.) Епископ Сент-Дэвидса пишет, что "во многих больших городах ему давали большие суммы денег, от которых он отказывался".

[410] Hist. MSS. Com. ix. 141-3.

[411] На важном собрании в 1474 году, когда была подтверждена конституция города, Уильям Хаут, лорд поместья Бишопсборн (в четырех милях от города), который в то время был покровителем города, был поставлен во главе списка перед пятью олдерменами, шерифом или другими городскими чиновниками, как устанавливающий и утверждающий городские постановления. Пойнингс, Браун, Гилфорд в разное время были покровителями города.

[412] Davies' York, 128-9, 123-5. Интересный пример благотельной защиты в 1605 году см. в Hibbert's Influence and Development of Guilds, p. 95.

[413] Избрание мэра как ответственного лица, через которого король мог вести дела с городом, вероятно, часто было связано с выплатой ренты с фермы. В Ливерпуле первое упоминание о мэре относится к 1356 году, а уже в следующем году ферма была предоставлена мэру и другим лицам от имени бюргеров на десять лет. (Picton, Municipal Records of Liverpool, i. 13-15.)

[414] В противовес идее Мереветера и Стивенса о том, что хартии о муниципальной инкорпорации появились только в 1439 году, доктор Гросс указывает на то, что такая хартия появляется в 1345 году, что во времена Эдуарда Первого техническая концепция муниципальной инкорпорации была уже знакома, и что задолго до появления судебной концепции у боро было реальное корпоративное существование, и он выполнял все функции корпоративного органа. (Gild Merchant, i. 93 и др.).

[415] В 1391 году Статут Мортмейна был распространен на города и боро. (Статуты, 15 Ричарда II, глава 5.) Даже когда лицензия на владение землей выдавалась короной, ее размер был строго ограничен, и право отказа или ограничения было серьезным соображением для города.

[416] По словам мистера Раунда, Лондон нашел способ присоединить к себе графство Мидлсекс, вместо того чтобы просить об отделении от него. (Джеффри де Мандевиль, 347-373.)

[417] Намек на проблемный способ вмешательства в муниципальное налогообложение содержится в инциденте в Норвиче в 1268 году, когда "лорд-король приказал всем своим приставам, что за *штраф* в 10 фунтов, который Маргарет Танересса из Норвича заключила

с тем же лордом-королем, он даровал ей такую свободу, что на все время ее жизни она должна быть освобождена от всех своих таллов в городе Норвич... по какой бы причине они ни были сделаны. И он повелел, чтобы они не досаждали вышеупомянутой Маргарет вопреки этому его пожалованию". (Документы Норвича, кн. 1884 г., 9.) В любом случае, если тальяж был фиксированной суммой, причитающейся городу, кто-то другой должен был выплатить долю Маргарет.

[418] Journ. Arch. Ass. xxvii. 478.

[419] Journ. Arch. Ass. 479. Hist. MSS. Com. ix. 241-2. Статут о содержании, 13 Ричарда II, ст. 3. О ревности городов по отношению к любому жителю, полагающемуся на защиту постороннего лорда, см. р. 183, прим. 2.

[420] Journ. Arch. Ass. xxvii. 482. О дуэли в Лестере в 1201 году см. в Select Civil Pleas, Selden Society, p. 33. Судебный поединок в Фордвиче с иностранцем должен был происходить на середине реки Стоур, причем иностранец стоял в воде до середины, а фордвичец, очевидно, сражался из лодки, привязанной к причалу, с помощью инструмента под названием "руда" длиной в три ярда. (Hist. MSS. Com. v. 442.) В 1200 году "граждане Линкольна пришли и предъявили королевскую грамоту, свидетельствующую о том, что никто из них не должен выступать за стенами города, кроме королевских финансистов и слуг, и что они не должны драться на дуэли из-за какой-либо апелляции". Обвиняемый отвечал на предъявленные ему обвинения "слово в слово, как свободный гражданин Линкольна", и "согласно городскому праву" вел поединок с тридцатью шестью компуртерами. (Select Pleas of the Crown, Selden Society, p. 39.) О компургии в Сэндвиче в 1493 году, Boys, 680.

При старых формах судопроизводства старым формам наказания было позволено сохраниться. В Сэндвиче, если человек не смог очистить себя с помощью компургии от обвинения в убийстве или краже, его приговаривали к погребению заживо в месте под названием Вордаун в Сандауне. (Ibid. 465.) Преступников также топили в ручье под названием "Гестлинг"; но в 1313 году поступила жалоба, что настоятель Крайстчерча изменил русло ручья, и преступников не могут казнить таким образом из-за отсутствия воды. (Ibid. 664.) В Дувре и Фолкстоне вора убивали, сбросив с утеса, а в Уинчелси повесили в солончаке (Lyon's Dover, i. 231.) В других городах Синк-Порта, когда вор был схвачен, его ухо прибивали к столбу или тележному колесу и вставляли ему в руку нож, он должен был освободиться, отрезав себе ухо, заплатить штраф и поклясться городом. В 1470 году было уплачено 12 д. "за прибивание Томасу Норису его уха". (Hist. MSS. Com. v. 525, 530.)

[421] Hist. MSS. Com. viii. 407. Ноттингем сохранял старое употребление до XIV века; Records, i. 175. Эксетер до 1581 года; Freeman's Exeter, 119. Вопрос мог частично зависеть от формы правления, принятой в городе, и от того, какая работа требовалась от общего собрания, в котором голосовали бюргеры.

[422] Утверждается (Gneist, Constit. Communale, tr. Hippert, i. 263; v. 275), что государство создало местное самоуправление в городах как метод развития лучшего управления, и что поэтому независимость и местные свободы появились лишь случайно и как вторичное следствие этой административной системы. Однако факты из их истории совершенно ясно показывают, что муниципальные свободы росли естественным путем и возникли из местных потребностей, а не из придворного государственного устройства.

[423] Gross, i. 23; ii. 115.

[424] Печати английских городов тринадцатого, четырнадцатого и пятнадцатого веков отличались более тонкой работой, чем любые другие в Европе. Обычно на них изображались крепость или городская стена, корабль, святой покровитель или геральдические гербы, но интересно, что ни в одном случае фигура мэра не использовалась для обозначения района, за исключением печати Лондона, где он стоит среди корпорации и горожан. Иногда указывается мост, как в Барнстапле; в двух или трех случаях - зал Гильдии.

[425] Несколько городов, как, например, некоторые члены Cinque Ports, зависели от другого округа.

[426] О положении арендаторов в старинных поместьях см. в Vinogradoff, *Villainage in England*, ch. iii. Мистер Мейтленд (*Select Pleas in Manorial Courts*, ii. 99, &c.) рассказывает о Королевском Риптоне, поместье на древнем демесне, арендаторы которого после передачи аббатству Рэмси постоянно ссорились со своими новыми лордами по поводу услуг, причитающихся с их владений. "Привилегированный характер владения породил привилегированную расу, очень упорную в отношении своей земли и своих обычаев" (с. 105). Изучение того, как обычаи древнего демесна повлияли на последующую конституцию боро, выходит за рамки моей темы и поэтому лишь обозначено.

[427] Vinogradoff, *Villainage in England*, 89. Сравните утверждение Бристоля о том, что он "основан на франшизах, свободах и свободных древних обычаях, а не на общем праве". (*Ricart's Kalendar*, 2.) О его свободах см. с. 24-5.

[428] На самом деле, различные города такого рода, обращавшиеся в Херефорд за информацией о его обычаях по любому вопросу, должны были заплатить сто шиллингов за ответ, который им давали. (*Journ. Arch. Ass.* xxvii. 470.)

[429] Обе стороны постоянно следили за соблюдением своих прав. В 1400 году бейлифы Ипсвича предоставили землю для строительства мельницы в пользу корпорации; офицеры короля объявили, что предоставление было сделано без королевской лицензии, и мельница была конфискована в пользу короля. С другой стороны, когда шериф графства арестовал преступника в свободных районах Ипсвича и посадил его в королевскую тюрьму, бейлифы потребовали, чтобы он был отдан им. (*Hist. MSS. Com.* ix. 231, 246.)

[430] То есть на основании отсутствия правосудия в суде города. В 1401 году, когда жители Кентербери были вызваны короной в Вестминстер по поводу нарушения устава о регулировании торговли продуктами питания, они заявили, что в соответствии с их уставом они не могут быть призваны к ответу по гражданским искам за пределами своего города. (*Hist. MSS. Com.* ix. 167.)

[431] В 1299 году сумма амерсиментов, назначенных судом Литов в Норвиче, составила 72 фунта 18 шиллингов. 10d.; сумма, учтенная сборщиками, составила £17 0s. 2d. (*Hudson's Leet Jurisd. of Norwich*, *Selden Soc.* xl.) Там, где можно было получить прибыль, король, однако, всегда был начеку. В "Пирсе Пламене", *Passus v.*, 169, он горько жалуется на юристов: "Благодаря вашему закону я, кажется, теряю свои выморочные имущества!"; и часто бывало поздно, прежде чем он назначал мэра выморочным имуществом. В 1492 году два шотландских священника были арестованы в Ипсвиче за предательские разговоры, и король пожаловал их имущество одному из своих собственных сержантов. Бейлифы послали городского клерка к Генриху, чтобы тот заявил, что конфискованное имущество преступников по праву принадлежит городу; на что король ответил, что и за тысячу фунтов не нарушит ни в малейшей степени их хартий, но что у общины нет никаких прав на эти вещи, поскольку священники, будучи шотландцами, а не подданными короля, не могут быть

справедливо обвинены в измене и имеют полное право говорить, что им вздумается. На этом основании он оставил вещи у себя. (Hist. MSS. Com. ix. 247.)

[432] Это строго соблюдалось, и в случае просрочки арендной платы городская грамота отменялась. (Поэтому города тщательно заботились о погашении долга, иногда выделяя мельницу или какое-либо ценное имущество для его уплаты (Madox, Firma Burgi, 251-2; Hist. MSS. Com. ix. 198-9; Nott. Rec. i. 313), назначая определенные пошлины или обычаи (Shillingford's Letters, 92), или взимая его как арендную плату от дома к дому (Custumal in Hist. Preston Guild, 75).

[433] Когда ферма Карлайла была повышена с 60 до 80 фунтов стерлингов, горожанам в качестве помощи в ее уплате были предоставлены все штрафы, наложенные королевскими судьями в их стенах. (Hist. MSS. Com. ix. 198, 200.) См. также Норвичские документы, 16, 17.

[434] Так, люди из Ноттингема платили Генриху 13 с. 4 д. в год Генриху Шестому, по крайней мере с 1454 года, за предоставленные им свободы. В счетах короля об этом нет никаких записей, и единственное свидетельство об этом содержится в "Ноттингемских записях" (iii. 133). Лояльная теория Херефорда заключалась в том, что "наши товары и имущество должны быть взяты и обложены налогом по его желанию, сохраняя для себя достаточное количество для нашего пропитания и обучения нашего города". (Journ. Arch. Ass. xxvii. 471.)

[435] Nott. Rec. i. 225, 227, 413, 421.

[436] Соглашение, заключенное в XIV веке, по которому десятые и пятнадцатые доли для городов устанавливались на постоянную фиксированную сумму, позволило королю передать местным чиновникам взимание этого налога, не опасаясь ущерба для казначейства. (Stubbs, ii. 599, 600.)

[437] Бломфилд, iii. 137.

[438] Адмирал и его заместитель имели юрисдикцию над всем, что делалось на море и великих реках вплоть до первого моста. (13 Ричард II. St. 1, cap. 5; 15 Ричард II., кап. 3; Blomefield, iii. 103; Davies' Southampton, 239-40). В 1487 г. простолюдины Ипсвича по договору с королем обязались взять на себя поручительство за каждого владельца, хозяина или коменданта любого английского корабля на сумму, вдвое превышающую его стоимость, чтобы моряки поддерживали мир на море; если поручительство каким-либо образом станет меньше, чем вдвое стоимость корабля, снастей и провианта, то следует взять новое обеспечение; и город должен стремиться арестовать каждого разбойника и губителя в море или в его потоках. (Hist. MSS. Com. ix. 259-60.) В 1463 году корпорации Йорка была дана хартия, согласно которой они становились судебными исполнителями короля по надзору и охране главных рек Йоркшира. О расходах и трудностях, с которыми это было связано, см. в Davies' York, 59-63, 82 и др.

[439] В качестве иллюстрации его трудностей см. статут, разрешающий шерифам и эскейторам оставаться в должности в течение четырех лет, поскольку из-за моровой язвы и войн не хватало людей для занятия этих должностей. (9 Henry V. St. 1, cap. 5.)

[440] За неимением чиновников для исполнения предписаний по контролю за торговлей ряд частных лиц получили королевские грамоты, назначавшие их землемерами и корректорами виктуаллеров в различных городах и округах, и свободно пользовались своими привилегиями для вымогательства и притеснения, а также для взимания больших штрафов и выкупов; постепенно их патенты были отозваны; в 1472 году был принят закон, согласно которому все подобные грамоты и патенты должны были быть недействительными, а

обязанность по поиску и осмотру виктуаллеров должна была полностью лежать на мэре или бейлифе. (12 Edward IV. cap. 8.)

[441] В этот вопрос королю не разрешалось вмешиваться. В 1489 году в Лестере возник спор между городским советом и общинами по поводу избрания мэра. Дело было передано на рассмотрение королю, который издал предписание за печатью герцогства Ланкастерского, показывая, что он вмешивается как лорд поместья, а не как король. Он отклонил обе кандидатуры и вновь назначил последнего мэра. В следующем году вопрос был решен парламентским актом. (Thomson, Mun. Hist., 84.) О власти, осуществляемой парламентом, см. Норвич (док. Stanley v. Mayor, &c. 30.) Когда в 1378 г. горожане обратились к королю и Совету с просьбой возобновить их древнюю свободу, согласно которой никто из посторонних не должен иметь права покупать или продавать в розницу, им ответили, что это не будет действительным "без парламента"; поэтому они просят о предоставлении хартии.

[442] См. Hudson's Leet Jur. in Norwich, Selden Soc. xxvii. xc. "Ибо он представляет нам тело нашего короля". (Journ. Arch. Ass. xxvii. 462.) См. прокламацию мэра Лондона: "Мы повелеваем от имени нашего лорда короля, чтобы ни один красильщик или ткач не дерзал так" и т. д. - "Memorials of London", p. 309. Иллюстрацией того, как бок о бок действовали законы короля и города, могут служить штрафы за нарушение определенных правил, как, например, правило о запрете ливрей, которые должны были выплачиваться как королю, так и городу. (Английские гильдии, 388-9.)

[443] Пирс Плаумен, Passus ii. 156, 157.

[444] Хроника Уоркворта, 2.

[445] См. Гросс, ii. 245.

[446] Примеры подобных жалоб, сделанных различным городам почти в ту же дату, слишком многочисленны, чтобы их приводить, но они составят поразительный список.

[447] Хартия Линкольна в том же году; хартия Винчестера в 1190 году. (Stubbs's Charters, 257-8). Ноттингем и Нортгемптон в 1200 году (ibid. 301-3). Системе управления, принятой в Норвиче, немного позже последовали или подражали соседние города Ярмут и Колчестер.

[448] Доктрина Норвича. Stanley v. Mayor, &c. p. 3. В подавляющем большинстве случаев этот грант давался один раз и навсегда; но иногда он продлевался время от времени. Так, Генрих Шестой в 1437 году предоставил мэру и бюргерам Бристоля аренду города и его доходов сроком на двадцать лет. В 1446 году он предоставил новую аренду на шестьдесят лет. В 1461 году Эдуард Четвертый возобновил аренду, но уже не на годы, а навсегда. (Seyer's Charters of Bristol, 105.) Таким же образом ферма была предоставлена на срок в несколько лет в случае Данвича, королевского города, где она сдавалась в аренду тому, кто больше заплатит. Здесь, однако, сбор ренты был особенно неопределенным из-за особых обстоятельств (Madox, 235-8, 241); и в 1325 году Данвич, разоренный заполнением своего порта, обратился с просьбой взять город в руки короля и назначить опекуна. (О неудобствах такой сдачи в аренду тому, кто больше заплатит, см. Мэдокс, 251.)

[449] Hudson, Municipal Organisation in Norwich, 20; Leet Jur. in Norwich, Selden Society, xvi. lxxii.

[450] Записки Хадсона о Норвиче, Norfolk Arch. vol. xii. p. 25.

[451] В 1288 году четыре судебных пристава председательствовали в судах этих летов. (Hudson, Municipal Organisation, 16, 21.)

[452] Norwich Doc., Stanley v. Mayor, &c., p. 5.

[453] Ibid. 6, 8, 10. Blomefield, iii. 46, 62.

[454] Монастырь встал на сторону де Монфора. О положении дел в городе см. Blomefield, iii. 52 и др.

[455] Blomefield, iii. 49.

[456] Док. по Норвичу, Стэнли *против* мэра и т. д., 7.

[457] Norwich Doc., Stanley v. Mayor, &c., 16, 17.

[458] Ibid. 10-12.

[459] Это означало, что именно городской пристав должен был возвращать свидетельство о том, что он сделал во исполнение предписания, адресованного ему, а не шериф, как это было раньше.

[460] Норвичские документы, 16, 18.

[461] Норвичские документы, 25.

[462] Там же. 26.

[463] Blomefield's Hist. of Norfolk, iii. 103.

[464] Ibid. iii. 81, 94-5. В 1393 году корпорации были предоставлены магазины и дома, принадлежавшие королю и стоившие 10 фунтов стерлингов в год, прибыль от которых должна была расходоваться на ремонт стен и башен. За эту лицензию они должны были заплатить королю 100 фунтов стерлингов. Документы Норвича, 32.

[465] Там же, с. 33-37.

[466] Gross, i. 240-267.

[467] Отчет о муниципальных корпорациях, 1835, с. 16-17. Gross, i. 94, примечание 1.

[468] Это изменение стало очевидным со времен Ричарда Второго, когда полномочия судей были быстро расширены. См. Статуты, 12 Ричарда II. cap. 10; 13 Richard II., 1, cap. 8; 13 Ричард II., 1, cap. 13; 13 Генрих IV. кап. 7; 2 Генрих V., кап. 4; 2 Генрих V., 1, cap. 8; 2 Генрих VI. кап. 12; 2 Henry VI. cap. 14; 2 Генрих VI. кап. 18; 6 Henry VI. cap. 3; 18 Henry VI. cap. 11.

[469] Саутгемптон, Hist. MSS. Com. xi. 3, p. 104. Случаи вмешательства встречаются в неопубликованных записях Ковентри. О Ромни см. Lyon's Dover, 313. В 1489 году подобные проблемы были в Лестере (Thompson, Mun. Hist., 84). А в 1512 году еще один случай произошел в Ноттингеме (Records, iii. 341-2). Начиная со времен Ричарда Третьего, похоже, появляются свидетельства роста нового беспокойства центрального правительства по поводу демократического движения в районах и решимости сохранить власть в руках небольшой корпорации. Более ранний пример, возможно, можно найти в ссоре в Эксетере в 1477-1482 годах (English Guilds, 305, &c.); и в Йорке в 1482 году (Davies, 122-4).

[470] Было много случаев, когда городские привилегии лишались, как за долги по арендной плате (Мэдокс, 139, 161-2), так и по другим причинам (154-5, 157). Франшизы Ноттингема дважды лишались прав по неизвестной причине - в 1283 году на три года (Records, i. 56), а в

1330 году - на короткий срок. (В том же году Эдуард Первый конфисковал франшизы Дерби из-за поборов купеческой гильдии, но восстановил их после уплаты штрафа. (Gross, ii. 53.) В случае с Сэндвичем (Boys, 661, 676). Ипсвичская хартия отозвана в 1285 году; вновь выдана в 1291 году. (Hist. MSS. Com. ix. 230, 239, 243.) Честер в 1409 году. (Hemingway's Chester, i. 137.) Свободы Карлайла были лишены на короткое время за некоторые нарушения в городских судах в тринадцатом веке. Саутгемптон лишился свободы в 1276 и 1285 годах, а в следующем столетии - еще раз за то, что впустил в город французов (Gross, ii. 38.). (Davies' Southampton, 33, 35, 79.) Норвич страдал несколько раз: за нападение на Приорат в 1272 году; за обвинение в превышении полномочий при наказании преступников в 1286 году; за беспорядки в связи с выборами мэра в 1437 году; и за восстание Гладмана в 1443 году. (Стэнли *против* мэра и т. д., Norwich Doc., 9-12. Proceedings, Privy Council, v. 45. Hist. MSS. Com. i. 103.) В этих случаях для управления городом назначался королевский чиновник; и жалоба Скарборо, когда Эдуард Второй в 1324 году лишил его права прямых выплат в казначейство, показывает, как страдал город, когда его фермы сдавались в аренду. (Rot. Parl. i. 423.) Потеря свободы всегда была временной, длилась от нескольких месяцев до пяти или шести лет и не имела такого политического значения, как во Франции, где она была частью устоявшейся политики и привела к результатам, которые для английского ума представляются особенно важными в истории конституционного развития.

[471] Gross, ii. 235-243.

[472] Иногда бор был пожалован знатному вельможе или придворному фавориту; но чаще всего с течением времени пожалование означало лишь взимание платы за аренду города. Так, до 1339 года Престон в разное время был пожалован соседним лордам. В 1361 году манором владел Джон Гонт, но задолго до этого права лорда были настолько урезаны, что в истории города он практически не упоминается. (Hewitson's History of Preston, 7-8.) О проблемах, к которым могли привести претензии дворян на аренду, см. Davies' Southampton, 112. Эдуард Четвертый пожаловал ферму Бристоля королеве на всю ее жизнь. Казначей королевской палаты заявил, что она была передана ему в уплату долга, и подал иск против бристольского шерифа. Бристоль доказал, что деньги были выплачены королеве, и выиграл дело, 1465 год. (Мэдокс, 227-8.)

[473] В 1273 году Генри де Трейси владел этим районом от короля на правах главного владельца за ферму в размере около £5 14s. 2d. В нем было 36 арендаторов, чья рента составляла 23 с. 8d. и несколько арендаторов в пригороде, которые платили неопределенную ренту, но в целом около 6s. 8d. Каждую пятницу проводился рынок, который приносил лорду около 3 фунтов стерлингов в год, а ежегодная ярмарка давала 10 фунтов. Штрафы, пособия и т. д. составляли около 13 с. 4d. в год. Богатство города возросло после строительства "Длинного моста" в 1280 году через "огромную, могучую, перистую и страшную воду по имени Тоу" и роста торговли тканями в 1321 году. К концу XIV века наследство и счета показывают, что горожане накапливали значительные богатства и вели процветающую торговлю. Отсюда, вероятно, и спор о праве на прибыль. Hist. MSS. Com. ix. 206-213. См. также дело Бриджуотера, *ibid.* iii. 310-14.

[474] Они даже заявляли о своем праве входить и выходить за пределы своего дома и быть привлеченными к суду только в своем собственном суде. Hist. MSS. Com. ix. 206.

[475] Rich. Redeless, ed. Skeat, Early English Text Society, Text C, Pass. iii. 177, &c.

[476] Book of Precedence, E. E. Text Society, 105-108. Лэнгленд в "Ричарде Бескрасном" описывает благородного человека, который "не хранит ни одной монеты, которая попадает к

нему в руки, а меняет ее на цепи, которые висят в "Дешевом", и все свое серебро помещает в самиты и рога"; и

"Кто вешает на бедра больше, чем выигрывает.
И не сомневается в долге, так герцоги их хвалят".

Ричард Бескрасный, Passus iii. 137-40, 147-8.

[477] Journ. Arch. Ass. xxvii. 467. Nott. Rec. ii. 425.

[478] Землевладелец пятнадцатого века обычно был простым лендлордом, живущим за счет своей ренты и не заинтересованным в продуктах земли, кроме как в качестве потребителя. Лишь изредка он занимался торговлей. (Rogers' Agriculture and Prices, iv. 2; см. Berkeleys, i. 365-6; ii. 23; Paston, i., lxxxviii-ix., 416, 430, 431, 454; ii. 70, 106; iii. 430; Hist. MSS. Com. viii. 263; iv. 1, 464). По-настоящему важными классами были новые владельцы, которые арендовали землю для торговых целей.

[479] См. Fastolf, Paston Letters, i. 187-8.

[480] Сокровища, очевидно, хранились в разных кварталах для большей безопасности. См. хранилища Фастольфа в Кайстоле. (Paston Letters, i. 416, 473-475; S. Benet's, 468, 508; S. Paul's, London, 493; Bermondsey, 474; White Friars, Norwich, ii. 56). Религиозные дома получали вознаграждение в виде благотворительных пожертвований, за которые пелись мессы в честь дарителя. (Hist. MSS. Com. iv. i. 461.) В доме Пастона хранилось более 16 000 унций серебряных пластин, почти 900 ярдов сукна, около 300 ярдов льна, а также пальто и шляпы без числа. См. также Hist. MSS. Com. vii. 537; viii. 93; Berkeleys, ii. 212. Plumpton Corresp. 10-11, 13, 37.

[481] Berkeleys, i. 167.

[482] Иоанн Гонт оставил Ранкина д'Ипра жить с ним в мире и на войне в течение всей его жизни, предоставляя ему пансион и двадцать пять марок в год из фермы Ливерпуля *в мирное время*. (Picton's Municipal Records of Liverpool, i. 16.) Об управлении большим домом с выдачей шерсти для прядения и ткачества и счетами, проверяемыми мастером-суконщиком, см. Berkeleys, i. 167; Hist. MSS. Com. v. 330; Denton's Lectures, 293; Paston, ii. 354-5; Hist. MSS. Com. x. 4, p. 297. Часто они сами поставляли свою ливрею. (Brinklow's Complaynt, 45; Paston, ii. 139.)

[483] Lives of the Berkeleys, ii. 63.

[484] Переписка Пламптона, 13, 20-1, 41, 71, 72, 97, 99, 148, 194, 206, 187, 198-9. Аббату Фаунтейнса пришлось написать суровое письмо, чтобы приказать заплатить виноторговцу в Рипоне за тун вина. (Ibid. 62.) О придворных, которые "платили пешкам, когда у них не хватало пенсов", Richard the Redeless, Pass. i. 53-4; Paston Letters, ii. 333-5, 349-50; iii. 99.

"В городе есть драпировщики и небокопильщики.
Для таких людей есть особый орсон
Который украшен проклятиями тут и там.
И так будет до тех пор, пока им не заплатят".

Book of Precedence, Early English Text Society, 107.

[485] Paston Letters, iii. 326, 194, 219, 358.

[486] Ibid. iii. 6-7, 20, 23, 24, 35, 46, 49, 114-5, 219, 258.

[487] *Lives of the Berkeleys*, ii., v.; *Brinklow's Complaynt*, 40.

[488] Ричард Бескрасный, *Pass.* iii. 172.

[489] Беркли, i. 159.

[490] Жизнь Беркли, i. 130. Хартия, данная Болдуином из Редверса Плимptonу в 1285 году, предоставляет те же права, что и гражданам Эксетера от короля, за исключением того, что крепостные Болдуина, если они жили в бору, не могли быть наделены его свободами без его разрешения. (*Madox, Firma Burgi*, 42.) Король мог даровать ряд привилегий, которые были не под силу любому другому лорду, например, свободу от пошлин по всему королевству, освобождение от юрисдикции шерифа, свободу от вмешательства королевских чиновников и т. д.; вопрос пошлин был настолько важен, что города, расположенные в частных владениях, практически обязаны были получать королевскую хартию, а также хартию от своего лорда. Сравните хартии, приведенные в *Stubbs' Charters*, 105; и *Gross*, ii, 136; с королевскими хартиями, например, в *Stubbs' Charters*, 103; и *Nott. Rec.*, i. 1. См. также *Hist. MSS. Com.* ix. 273.

[491] Беркли, i. 341.

[492] *Berkeleys*, i. 226, 228.

[493] *Ibid.* i. 183-185.

[494] *Ibid.* i. 227.

[495] Переписка Пламптона, 1-ли.

[496] *Berkeleys*, i. 233-236, 272, 280. Сравните историю сэра Уильяма Пламптона, который сражался при Тоутоне на стороне проигравших. Он предстал перед главным судьей в Йорке и дал залог за выплату 2 000 фунтов стерлингов до следующего Пятидесятницы, и, не сумев получить их, был вынужден отдать себя в Тауэр в качестве узника. Он получил помилование, был освобожден от залога в 1462 году и получил новые письма о помиловании в 1463 году, но не смог вернуться домой до 1464 года, после того как прошел через новый суд и был оправдан. (*Plumpton's Corres.* lxvii-ix. 30.)

[497] *Freeman's Exeter*, 166-7.

[498] *Berkeleys*, ii. 95. Сравните расходы Фастольфа по десятилетней тяжбе, расходы по которой были записаны в рулоне из семи шкур. (*Hist. MSS. Com.* iv. 1, 461.)

[499] *Berkeleys*, ii. 65-73, 75, 84, 103-116.

[500] *Freeman's Exeter*, 164; *Paston*, i. xcvi, 350-1; *Proceedings of the Privy Council*, v., xc-xci.; vi. lxxviii-ix. В 1437 году комиссия по расследованию преступлений и мятежей в Бедфорде не могла состояться, потому что лорд Грей, которому принадлежал город, явился с сильным вооруженным отрядом, и его встретил лорд Фанхоуп, готовый выступить против него с другой армией. (*Труды Тайного совета*, т. V, Предисловие xv-xvi.) Рассказ свидетелей в Тайном совете, т. 35, 39, 57. Новые неприятности в 1442 г., ст. 192.

[501] О вреде ливрей и их содержании при Ричарде Втором см. в *Richard the Redeless*, *Pass.* i. 55 &c., ii. 74 &c., iii. 309 &c. Ношение ливрей было запрещено в Шрусбери, чтобы "при любой ссоре или неприятности в этом городе каждый человек в ливрее обращался к своему хозяину или товарищу, а не к судебным приставам". (*Owen*, i. 217.) Из городов эти пороки, похоже, были строго и эффективно изгнаны постановлениями 1309 года (*Freeman's Exeter*, 165, 143)

на протяжении двух последующих столетий. (Hist. MSS. Com. v. 557; Eng. Gilds, 385, 388-9, 393, 333; Hist. MSS. Com. xi. 3, стр. 16). Случаи неприятностей, которые происходят, редки. (Nott. Records, ii. 384; iii. 37, 344-5. Hist. MSS. Com. viii. 415. Hunt's Bristol, 103-5).

[502] Лестер демонстрирует сравнительно медленный рост свободы в одном из самых благополучных городов, зависящих от великого лорда. Его великая хартия, данная Эдмундом Краучбеком в 1277 году и переведенная на английский язык при Генрихе Шестом, в основном касалась упорядочения судопроизводства для мещан; и только в 1376 году город приобрел у своего графа право назначать собственного бейлифа, получать ежегодную прибыль от своих судов, а также различные другие сборы и штрафы. До 1393 года городская собственность состояла всего лишь из аренды, палаты и небольшого помещения, приносящего несколько пенсов в год, когда было разрешено иметь небольшую собственность для ремонта мостов; и только в 1435 году мэр и корпорация получили право приобретать земли и ренту для поддержания города и мэрии. (Hist. MSS. Com. viii. 404, 412, 413, 414. Томпсон, Мун. Hist., 74. В памфлете "Происхождение корпорации Лестера" Дж. Д. Пола приводится перевод хартии Краучбека). Донкастер принадлежал роду де Маули до середины XV века, когда на несколько лет перешел к герцогу Нортумберлендскому, а в 1461 году перешел во владение короны. Эдуард Четвертый сделал его свободным городом и дал ему общую печать. Генрих Седьмой в 1505 году передал корпорации все имущество, которое корона приобрела в Донкастере после отстранения Перси в 1461 году, и за ежегодную ренту в 74 фунта 13 шиллингов. 11½d. закрепил за ней права, принадлежавшие древним феодалам. (Hunter's History of the Deanery of Doncaster, i. 13-15.)

[503] Picton's Municipal Rec. of Liverpool, i. 1-4.

[504] Picton's Municipal Rec. of Liverpool, i. 5-7.

[505] Ibid. 13, 14, 16. С этого времени аренда ферм была очень многочисленной и постоянно предоставлялась одному или нескольким лицам; между 1354 и 1374 годами Ричард де Эйнесарг и Уильям Адамсон, которые часто были мэрами, брали такие аренды на несколько сроков. (Picton's Memorials of Liverpool, ii. 54.)

[506] Picton's Mem. of Liverpool, i. 35-36.

[507] Ibid. i. 27-28.

[508] В 1413 году бюргеры подали петицию, в которой жаловались на то, что их привилегии нарушаются из-за того, что офицеры графства приходят в город и проводят суды силой, в результате чего "упомянутые бюргеры испытывают серьезные неудобства, досаду и беспокойство, к большой помехе и ущербу для упомянутого города и лишению бюргерства наследства". С другой стороны, было заявлено, что мэр и судебные исполнители проводили Королевские суды без полномочий и получали пошлыны и прибыль. Неизвестно, чем закончилось дело. Ibid. i. 31-2. Picton's Mun. Records, i. 20.

[509] Доход Ливерпуля в 1296 году составлял 25 фунтов стерлингов: тогда в городе было 168 населенных домов. (Picton's Mem. of Liverpool, i. 20.) В 1342 году личное имущество бургов, облагаемое налогом, составляло 110 фунтов 13 шиллингов. 3d., то есть средняя личная собственность каждого составляла около одной марки (25). В 1327 году доход составлял 30 фунтов стерлингов, в 1346 году - 38 фунтов стерлингов (26), и в 1394 году он оставался таким же (31). В 1444 году он сократился до £21; в 1455 году - до £17 16s. 8d.; а при Эдуарде Четвертом - до £14 (36-7). В 1515 году было проведено расследование по поводу упадка доходов (38), а закон 1544 года включил Ливерпуль в список городов, которые полностью

пришли в упадок (45). Две чумы, одна в 1540, другая в 1548 году, вероятно, унесли половину его населения (47); а в 1565 году в городе было всего 138 жилых домов, вероятно, семь или восемьсот жителей, и двенадцать судов, на которых плавало в среднем по шесть человек на каждом (55). При Эдуарде Третьем здесь было пять улиц, а при Елизавете - семь (62).

[510] Укреплен в 1406 году. Picton's Mun. Records, i. 21, 22.

[511] Небольшое соломенное здание на Хай-стрит, которое должно было служить платной башней, ратушей и тюрьмой, но большее количество преступников заключалось в тюрьмы и судилось в замках Стэнли и Молино. Picton's Memorials, ii. 25-6.

[512] Память Пиктона о Ливерпуле, i. 32-3.

[513] Память Пиктона о Ливерпуле, i. 36, 37.

[514] Ibid. i. 37, 38, 46, 48-9.

[515] Picton, i. 63.

[516] В качестве иллюстрации обратного процесса, показывающего, какой импульс получила муниципальная свобода, когда бор перешел из частного владения в собственность государства, см. дело Сэндвича (гл. XII.).

[517] См. хартию в Беверли; Stubbs' Charters, 105; Lambert's Gild Life, 73-6, Йорк; Stubbs' Charters, 304, Солсбери; Gross' Gild Merchant, ii. 209-10.

[518] Pol. Poems and Songs (Rolls' Series). Ed. Wright, i. 327, 334.

[519] Епископ Солсбери по королевской хартии 1304 г. получил право облагать горожан Солсбери, а мещанам были даны муниципальные привилегии, такие же, как в Винчестере. Однако в 1305 году бюргеры, вместо того чтобы платить епископу таллаж, отказались от своих муниципальных привилегий в пользу короля и пообещали передать ему свою общую печать. (Rot. Parl. i. 174-6.) Но по договору, заключенному в следующем году между лордом-епископом и горожанами, те, кто участвовал в восстании и не подчинился, были полностью отделены и лишены торговых и государственных привилегий. (В 1396 году между епископом и горожанами снова произошла ссора, и дело было передано в Королевский совет, где мэр и простолюдины взяли с короля обязательство в 20 000 фунтов стерлингов хорошо вести себя по отношению к епископу, а двести горожан взяли с епископа обязательства в 1000 фунтов стерлингов каждый. В договоре, однако, были сделаны определенные положения, чтобы не позволить церковникам каким-либо образом воспользоваться этим договором. (Мэддокс, 142.)

Коммонеры, давая грант 1435 года, просили, чтобы ни один прелат не мог быть сборщиком, добавляя, что епархии епископов и окрестности аббатств были сильно угнетены церковными лордами. (Rogers' Agric. and Prices, iv. 164.)

[520] Our Borough, by E. M. Beloe, 1-3.

[521] Hist. MSS. Com. xi. part 3, 185-6.

[522] О проблемах мэра и общины, пытавшихся исполнять законы короля в условиях разделенной юрисдикции, см. Rot. Parl. i. 331.

[523] За год до этого случилась беда, которую не смогли рассеять мягкие слова Роберта. "Знайте, дорогие друзья, - пишет он, - что я несомненно обеспокоен вашими

неприятностями, и если бы я мог облегчить или ослабить ваши проблемы, я бы сделал это с готовностью, но, конечно, дорогие друзья, в настоящее время я нахожусь в таком бедственном положении с деньгами, что... поэтому я молю вас, мои дорогие друзья, чтобы вы как можно скорее отдали мне мои деньги, поскольку, по правде говоря, я больше не могу обходиться без них, что меня очень беспокоит. Что же касается обиды, нанесенной моему судебному приставу, то вы прислали мне известие, что стороны пришли к согласию. Но знайте, что, хотя между ними и заключен мир, но нанесенное мне оскорбление не возмещено, и потому молю вас, дорогие господа, распорядитесь между собой, чтобы мне возместили вышеупомянутое оскорбление. До свидания, дорогие друзья! Да подарит он вам счастливую и долгую жизнь!" Hist. MSS. Com. xi. part 3, 241-4.

[524] О королевских приставах см. петицию 1382 г. лорду-канцлеру с просьбой освободить их от непомерных требований приставов Толбута. Приставы, возможно, не были виноваты; в 1396 и 1397 гг. они должны были выплатить 20 марок серебра из расписок герцогу Британскому, в 1398 г. - 10 марок герцогу Йоркскому, в 1400 г. - 8½ марок герцогу Ланкастерскому. Там же. 244-5.

[525] Хартия 1268 года предоставляла право избирать мэра в соответствии с прежней хартией епископа. Hist. MSS. Com. xi. part 3, 186, 246; Gross, ii. 158.

[526] Гросс, ii. 165.

[527] Gross, ii. 155; Paston Letters, ii. 86-7.

[528] Gross, ii. 155-6.

[529] См. т. II, гл. XIV.

[530] Blomefield, iii. 163.

[531] В 1403 году. Бломфилд, viii. 531.

[532] Труды Тайного совета, т. i., 167 (1401).

[533] Hist. MSS. Com. xi. 3, 186-7. В 1307 году мэр и община получили от епископа земельный надел под бассейн для воды. Там же, с. 239.

[534] Hist. MSS. Ком. xi. часть 3, 240.

[535] Там же, с. 213-215.

[536] Завещание доказывалось после объявления сержантом, что в такой-то день оно будет зачитано в зале гильдии перед мэром, и любой, кто захочет опровергнуть его, должен явиться. (Hist. MSS. Com. xi. part 3, 153, 189.) В самых ранних завещаниях не упоминается о завещании перед ординарием; в более поздних регистрационных записях указано, что завещание получило епископальное завещание, прежде чем предстать перед мэром. Затраты на это - вот чего хотели избежать люди (Ibid. 155.).

"Ибо кто так хочет доказать завещание,
Которое не стоит и десяти фунтов,
Он должен заплатить за пергамент
Третью часть всех денег".

-Пол. Poems and Songs, ed. Wright, i. 323.

[537] Hist. MSS. Com. xi. part 3, 207.

[538] Ibid. 205.

[539] Там же. 189.

[540] Hist. MSS. Com. xi. part 3, 188.

[541] Бломфилд, iii. 513. Hist. MSS. Ком. xi. часть 3, 189, 205.

[542] Бломфилд, iii. 516-17.

[543] Hist. MSS. Com. xi. part 3, 222. Похоже, что в 1377 году мэр и бургомистры были назначены ответственными за содержание города и в конечном итоге получили право требовать субсидий на его оборону. (Ibid. 190, 205.)

[544] Hist. MSS. Ком. xi. часть 3, 165.

[545] Там же. 225.

[546] Письма Пастона, ii. 86-7.

[547] Hist. MSS. Com. xi. part 3, 205.

[548] Там же. 246.

[549] Proc. Privy Council, i. 127. Beecham's Hist. Cirencester, 154-8.

[550] В 1333 году Сент-Албанс принес свой устав в королевскую канцелярию и отказался от всех вольностей, содержащихся в этом уставе. Хранитель списков по их просьбе отломал сургучную печать и аннулировал запись в канцелярских списках. Горожане также принесли свою общую серебряную печать, которая по их просьбе была уничтожена, а серебро отдано в святилище святого Альбана. (Мэдокс, 140.) Если во Франции отказ коммуны от своей свободы был обычным делом, то в Англии почти нет примеров, за исключением случаев с церковной собственностью. Случай с Данвичем был особенным, и я не встречал других.

[551] Иногда монастырь заключал жесткую сделку. В 1440 году между монастырем Плимптон и простолюдинами Плимута было заключено соглашение, по которому простолюдины должны были платить 41 фунт стерлингов в год, а если эта рента не выплачивалась пятнадцать дней после четверти дня, служащие монастыря могли конфисковать все товары и имущество мэра и простолюдинов, а также всех бургезов и других проживающих и пребывающих там лиц, которые можно было найти в пределах города и его участка. Мэдокс, 222-3.

[552] Организация гильдии, похоже, была вовсе не демократической или "передовой", а по образцу олигархических обществ того времени. Четыре человека, владевшие товарами на сумму 10 марок, ежегодно избирались комитетом из двенадцати бюргеров в гильдию и призывались к исполнению своих обязанностей двумя офицерами гильдии, называемыми "les Dyes".

[553] Gross, ii. 29-36. Yates' Bury S. Edmunds, 123-135.

[554] Статуты, 6 Ричарда II, 2, cap. 3.

[555] Coates's Reading, 49.

[556] Hist. MSS. Ком. xi. часть 7, 224.

[557] Гросс, ii. 208.

[558] Чтение Коутса, 49-50.

[559] Gross, ii. 202-4.

[560] Некоторые из взимаемых штрафов, несомненно, использовались на благо горожан. Например, в черте города находилось девятнадцать мостов, которые после роспуска монастыря пришли в упадок и были отремонтированы во времена Елизаветы с помощью камней из стен аббатства. Но материальные преимущества не заменили политической свободы (Coates's Reading, 64.).

[561] Гросс, i., 90-1. Число бюргеров в гильдии, по-видимому, было очень небольшим. В 1486 году 28 мещан платили *чепин гавель*, в 1487 году - 22 мещанина, в 1490-93 годах - 31 мещанин. В 1510 году было 45 бюргеров. (Coates's Reading, 58.) Было много тех, кто платил штрафы и пошлины аббату, кто был горожанином, а не гильдией, и этот класс, несомненно, поощрялся монастырем, следуя той же политике, что и епископ в Линне. (Hist. MSS. Com. xi. part 7, 172, 175-6.)

[562] Гильдии в таких случаях, естественно, смотрели на церковных лордов не очень благосклонно. Во времена Эдуарда Первого в Мальмсбери произошел конфликт между аббатом и городом. Мещане потребовали создать гильдию из своих людей, которые одни имели право торговать в городе, и брать определенные налоги на содержание гильдии со всех торговцев, которые не принадлежали к ней. Аббат отказался разрешить им пользоваться своими правами. Город вернулся к своим свободам, *которые он имел, когда был королевским округом*, и обратился к королю. (Gross, ii. 173.) См. также меры предосторожности, принятые епископом в отношении гильдии в Солсбери. (Ibid. 209-10.)

[563] Coates's Reading, 53.

[564] После этого они получили от Генриха Восьмого церковь Серых монахов для своего гильдейского зала.

[565] Hist. MSS. Com. xi. part 7, 172-3.

[566] Coates's Reading, 53, 54. Все это время дела горожан облегчались постоянными разговорами о займах королю. В 1420 году городские чиновники отправились в Уоллингфорд, чтобы обсудить этот вопрос с королем. В 1430 году был сделан заем, а в 1445 году - еще один. Hist. MSS. Ком. xi. часть 7, 173, 174.

[567] Hist. MSS. Com. xi. part 7, 174.

[568] При Генрихе Восьмом он получал 10 фунтов стерлингов (Coates's Reading, 55, 56). В 1479 году одна из жительниц города оставила три серебряных кубка и один позолоченный кубок для мэра. Публичные обеды на каждых выборах начались в 1492 году, а пиры для бюргеров - на Рождество и Масленицу. (Hist. MSS. Com. xi. part 7, 180-1, 176.)

[569] Там же, с. 180.

[570] Англ. Гильдии, 298.

[571] Hist. MSS. Ком. xi. часть 7, 175, 180.

[572] Там же. 212.

[573] Hist. MSS. Com. xi. part 7, 176.

[574] Coates's Reading, 52, 53.

[575] Coates's Reading, 54-5. Hist. MSS. Com. xi. 7, 168-9.

[576] Miller's Parishes of Worcester, vol. I. Rot. Hun., p. 282, 3 Edward I. В Кентербери в 1835 году было еще не менее пятнадцати участков в пределах корпоративной власти, но освобожденных от ее юрисдикции (Rep. on Mun. Corpor., 31). О собственности короны в Йорке, не подпадающей под муниципальное право, см. в Davies' Walks through York, 27-28.

[577] Ricart's Kalendar, 117.

[578] В 1285 году Бристольская хартия была конфискована из-за посягательств на права констебля замка. Seyer's Bristol, ii. 74.

[579] Seyer's Bristol, ii. 88-109.

[580] Док. по Норвичу, Стэнли *против* мэра и т. д., 25. Здесь пошлина была передана горожанам уже в 1346 году.

[581] Периодически возникали сложности с юрисдикцией Бристоля в отношении храмового сбора, который сначала принадлежал тамплиерам, затем рыцарям Святого Иоанна Иерусалимского и был окончательно присоединен к городу только в 1543 году. (Seyer's Bristol, i. 134-6.)

[582] В 1240 году жители Редклиффа были объединены и присоединены к городу Бристоль, а земля собора Святого Остина у реки была пожалована аббатом за определенные деньги, выплаченные этим собором. Рикарт, 28.

[583] Жизнь Беркли, i. 177, 196-201.

[584] Они занялись торговлей около 1367 года. Berkeleys, i. 365-6. Ibid. i. 23. Томас Беркли получил разрешение от Генриха Шестого "на то, чтобы трое из его пайщиков отправились на корабле под названием "*Кристофер*" с любым законным товаром, продали его и вернулись, и снова отправились. А за год до этого этот Томас и два его компаньона получили подобную лицензию на то, чтобы отправиться на своем корабле, называемом "*Троица Беркли*", в Бордо и там разгружаться и снова загружаться, а также ввозить в Англию любые товары". Ibid. ii. 83, 136.

[585] Там же, ii. 68.

[586] Ibid. ii. 113-4.

[587] Новый маркиз был очень разгневан недостойной связью со столь подлой кровью и сделал это поводом для лишения его наследства. Ibid. ii. 172, 173.

[588] Berkeleys, ii. 175, 176.

[589] Journ. Arch. Ass. xxvii. 461.

[590] Journ. Arch. Ass. xxvii. 480.

[591] Там же. 481.

[592] Journ. Arch. Ass. xxvii. 467.

[593] Journ. Arch. Ass. xxvii. 480.

[594] Гросс, ii. 265.

[595] Hist. MSS. Com. vi. 601. Gross, ii. 254.

[596] Судебного пристава сока иногда называли мэром сока, чтобы подчеркнуть его независимость.

[597] Gross, ii. 254. О том, как часть города, находящаяся под церковным, а не муниципальным контролем, могла служить своего рода убежищем от сборщиков налогов, см. жалобу бристольтских простолюдинов на Темпл-стрит. (Rot. Parl. i. 434.)

[598] Когда-то их занимали "добропорядочные граждане", но на протяжении всего Средневековья их заполняло очень бедное население. (Kitchin's Winchester, 75.)

[599] Kitchin's Winchester, 46-7, 75-7.

[600] В 1264 году у Королевских ворот произошла жестокая драка: горожане боролись за то, чтобы монахи не пустили в город последователей де Монфора. Монастырь контролировал Королевские ворота до 1520 года (Ibid. 130.). (Ibid. 132.)

[601] О правах епископа во время ярмарки, таких как тронаж, право брать все весы и меры и нести их в павильон и там производить расчет, требовать, чтобы жители города приходили в павильон для представления поднятых криков и кровопролития, и о других вещах, касающихся мира нашего господина короля, см. Hist. MSS. Com. vi. 595-605. Сравните его полномочия в Саутгемптоне во время той же ярмарки. Там он мог послать своего пристава проследить, чтобы в городе взвешивали и продавали только продукты питания, чтобы ни один купец, будь то местный житель или нет, не смел продавать ничего, кроме продуктов питания, чтобы не было взвешивания или измерения, чтобы купцы, приезжавшие со своими товарами, клялись, что привезли их не для продажи в это время. (Hist. MSS. Com. xi. part 3, pp. 67, 68.) У монастыря также была своя собственная внутренняя и внешняя торговля в очень больших масштабах. (Kitchin's Winchester, 161.)

[602] Английские гильдии, 353 и др. 358. (Hist. MSS. Com. vi. 495-605.)

[603] Этот обычай, когда-то широко распространенный (Madox, 152-3), был отменен в Ипсвиче уже в 1317 году и, похоже, в целом угас в XIV веке, хотя Глостер посылал своих судебных приставов в Вестминстер до 1483 года.

[604] В 1244 году мэр, подчинившийся приказу короля закрыть городские ворота против епископа, избранию которого король противился, был жестоко наказан епископом, когда тот получил во владение свою резиденцию и дворец. (Kitchin's Winchester, 121.) Мэр был брошен в лондонскую тюрьму, потому что из Винчестера сбежал государственный преступник. (Ibid. 139.)

[605] Сравните действия в Норвиче. Во время Войны Роз жители Винчестера, как и их епископ Уэйнфлет, были ланкастерцами, но у них не было ни сил, ни энергии, чтобы играть какую-либо важную роль. (Hist. MSS. Com. vi. 147.)

[606] Archæologia, i. 91, 93-4.

[607] Gross, ii. 260-1.

- [608] Плата за стойла поступала в королевскую ферму. Таким образом, вопрос был связан с доходами, а не с защитой (Ibid. 262).
- [609] Archæologia, i. 102.
- [610] Братство Святого Иоанна выделяло около 35 фунтов стерлингов в год на содержание моста и стен.
- [611] Hist. MSS. Com. xi. part 3, 77.
- [612] Ibid. vi. 595-605.
- [613] Хроника Григория Лондонского, изд. Gairdner, Early English Text Soc. 199.
- [614] В грамоте Эдуарда Четвертого о Винчестере говорится, что теперь он "не в состоянии платить ренту за ферму в 100 марок". (Kitchin's Winchester, 174.)
- [615] См. дело Линкольна, Rot. Parl. i. 156-7.
- [616] Hudson's Leet Jurisdiction of Norwich (Selden Soc.).
- [617] Колчестер Каттса, 149. Юрисдикция Хадсона по литам Норвича (Selden Soc.), 17. См. с. xxxvii., xli. Констебли Ноттингема на судебном лете предъявили "мастеру-чиновнику (архидиакону) за чрезмерное и непомерное взимание пошлин" за удостоверение завещаний и за чрезмерное обложение бедняков и слуг на Пасху за их титулы (Records, iii. 364.).
- [618] 13 Ричард Второй, 1, с. 18. Статут 4 Генриха Пятого, с. 5, повторяет с некоторыми изменениями статут Ричарда.
- [619] 1454 г., Cutts' Colchester, 150-1.
- [620] Hist. MSS. Com. v. 496.
- [621] Freeman's Exeter, 165.
- [622] Freeman's Exeter, 84-5, 165-6.
- [623] Shillingford's Letters (Camden Society), p. 68. В 1339 г. было издано постановление города о том, что ни один клерк консисторского суда не должен быть избран мэром или бейлифом или иметь право вмешиваться в выборы. Freeman's Exeter, 147.
- [624] За несколько лет до этого, в 1432-3 годах, епископ принял соответствующие меры. Письма Шиллингфорда, xiv.
- [625] Shillingford's Letters, xxii.-iv.
- [626] Ibid. 98.
- [627] Ibid. xiv.
- [628] Shillingford's Letters, 86-7.
- [629] Письма Шиллингфорда, 75-6.
- [630] Ibid. p. 95-6.
- [631] Ibid. p. 1, 43.

[632] Ibid. 10.

[633] Письма Шиллингфорда, р. 43, 44.

[634] Ibid. xiv.-xvi.; Freeman's Exeter, 158-60.

[635] Shillingford's Letters, p. 143, *et seq.*

[636] Ibid. p. 58.

[637] Письма Шиллингфорда, 17.

[638] Ibid. pp. 67, 68.

[639] Там же. 23.

[640] Письма Шиллингфорда, с. 6.

[641] Там же, с. 12.

[642] Ibid. p. 12-15, 63.

[643] Регистратор Эксетера.

[644] Shillingford's Letters, 146.

[645] Ibid. 9.

[646] Ibid. 23, 150.

[647] Письма Шиллингфорда, 37, 38.

[648] Письма Шиллингфорда, 11, 47.

[649] Ibid. 43, 45.

[650] Там же, с. 32, см. 11, 14, 20.

[651] Его отношение к церковному вмешательству и урбанистичность в спорах прекрасно показаны в письме к епископскому советнику. Черновой вариант письма заканчивается прекрасной вспышкой гнева. "Мы хотели бы покончить с этим", - пишет он и далее спрашивает, как можно было допустить, что "Джон Шиллинг, не опасаясь великих слов злобы, отрекся, отрекся от языка, от писаний, от создания булл с целью обличить меня и заставить меня отупеть, чтобы трудиться за право, которому я присягнул, ибо воистину я не буду ни обличён, ни отуплён, но стану ещё смелее". Но во втором варианте он вычеркнул этот энергичный отрывок в пользу менее воинственного предложения: "Ибо вы можете полностью понять, что я и мои товарищи хотели бы иметь хороший конец и мир, моля вас применить вашу добрую волю и благосклонность к этому". Shillingford's Letters, 25.

[652] Shillingford's Letters, 52-3.

[653] Там же. 78.

[654] Письма Шиллингфорда, 97.

[655] Там же. 53.

[656] Ibid. 66, 10, 94.

[657] Письма Шиллингфорда, 53.

[658] Там же. 64.

[659] Там же, с. 93, 104.

[660] Письма Шиллингфорда, 16.

[661] Там же, стр. 10, 14, 91, 99, 104.

[662] Там же, стр. 83-4.

[663] Письма Шиллингфорда, 83, 84, 99. Сравните Норвич, Бломфилд, iii. 62. В Кентерберии убийство горожанина извозчиком из монастыря в 1313 году вызвало жаркий спор о юрисдикции городского коронера. Конвент отказал ему в допуске в ворота монастыря, тайно доставил чужеземного коронера для осмотра тела, а затем приказал конюхам настоятеля похоронить его. Эта история приводится в *Inspeximus* Ричарда Второго; *Muniments of Canterbury*.

[664] Распределение налогов в разных городах было делом особого порядка. По требованию каноников церковные арендаторы в Гримсби не были обложены налогами вместе с бюргерами (Madox, 270). В Лестере арендаторы епископского участка за стенами города оказывали услуги епископу Линкольна; в 1281 году был заключен компромисс, согласно которому епископские арендаторы должны были участвовать в некоторых общих расходах, а взамен пользоваться франшизами и свободными обычаями, которые были завоеваны купеческой гильдией Лестера; Но в то время как бюргеры должны были нести расходы как "общины города", так и "общины гильдии", арендаторы епископа платили только за те дела, которые касались "общины гильдии", и не несли общих городских налогов. (Gross, ii. 140-1.) Уже в 1189 году гильдия Ноттингема получила право собирать взносы в фермерскую ренту с арендаторов всех видов пошлин. В Норвиче это право было предоставлено в 1229 году (Norwich Doc., Stanley v. Mayor, etc., 5, 6). Но вопрос о сборах все еще оставался актуальным, и если в 1239 году странствующим судьям не удалось урегулировать отношения между монастырем и городом, то в 1241 году король сам отправился в Норвич, чтобы настоять на заключении соглашения. (Blomefield, iii. 46.) См. с. 357, прим. 4.

[665] Письма Шиллингфорда, с. 13.

[666] Ibid. 79.

[667] Письма Шиллингфорда, 96.

[668] Там же, стр. 98, 108.

[669] О защите мэра см. р. х. 107-9.

[670] Арендаторы госпиталя св. Иоанна в Вустере отказались помогать в таллах, подчиняться присяге на хлеб и пиво под руководством городских чиновников, а также нести вахту и караул. В 1221 году им было приказано выполнять все эти требования. (Select Pleas of the Crown, Selden Soc. p. 97.) В 1331 году Норвич сопротивлялся передаче трех домов настоятелю и монастырю, "потому что очень большая часть того же города, которая населена, находится в руках настоятеля и монастыря и других религиозных лиц, из-за чего жители находятся в бедственном положении, и не могут быть обременены тальянсами и пособиями господина короля и вышеупомянутого города, как положено арендаторам, а

также не могут участвовать в ассамблеях, присяжных и судебных процессах, в результате чего другие жители того же города обременены и огорчены более, чем обычно, такими дарами и пожалованиями." (Документы Норвича, Стэнли *против* мэра, пр. 1884 г., 24, 25).

[671] Письма Шиллингфорда, 44-45.

[672] Там же. 52.

[673] Письма Шиллингфорда, 91-2, 104-5.

[674] Ibid. 92.

[675] Ibid. 100, 109.

[676] Письма Шиллингфорда, 84-5, 99.

[677] В Кентербери монастырь также стремился завладеть той частью крытого пути, которая пролежала по его территории, и самой городской стеной до тех пор, пока она не касалась соборных пределов. Первый шаг был сделан в 1160 году, а окончательный успех был обеспечен лишь в 1492 году, когда город передал Конвенту стену и крытый путь между Бургейтом и Нортгейтом с прилегающими пустолями, а главе было разрешено сделать столб и построить мост через болото. Такое соглашение, конечно, было возможно только в то время, когда мир с Францией и прекращение гражданских войн и беспорядков внутри страны избавили город от опасности осады или революции. (Lit. Cant., i. 60-2, iii. 318-20.) См. также Davies' Walks through York, 11, 12.

[678] Shillingford's Letters, 88, 89, 96.

[679] Письма Шиллингфорда, 93, 94.

[680] Shillingford's Letters, pp. 85, 86, 101, 110.

[681] Там же. 9.

[682] Там же. 20.

[683] Письма Шиллингфорда, 12.

[684] Там же. 10, 19.

[685] Возможно, в 1371 году у общин были основания потребовать, чтобы печатью ведал не кто иной, как мирянин. (Campbell's Lives of the Lord Chancellors, i. 262.) Эта система, однако, просуществовала только до 1378 года, а в последующие сто лет из 35 канцлеров только восемь были мирянами.

[686] Письма Шиллингфорда, 11.

[687] Шиллингфорд, 136-140.

[688] В 1463 году, когда Эдуард предоставил городу новые права и полномочия, он освободил приближенных от гражданской юрисдикции. Freeman's Exeter, 91.

[689] В 1452 году судьи проводили присягу в зале епископского дворца; король находился в городе, и ему было доказано, что проведение присяги в епископском зале нарушает привилегии церкви; поэтому двое предателей, которые были осуждены, были помилованы королем. Там же. 89.

[690] Hist. MSS. Com. ix. 150.

[691] Ibid. 169.

[692] Лит. Cant. i., lxi. Сэндвич и Стонор были двумя портами Лондона и, следовательно, имели большое значение. Историю Стонора см. в Boys' Sandwich, 552-5, 658-62.

[693] Hist. MSS. Com. ix. 172-3.

[694] Ibid. 150.

[695] Там же. 172-3, 141.

[696] Hist. MSS. Com. ix. 139, 145.

[697] Ibid. 173.

[698] Расходы были занесены на счет камергера, но больше ничего не известно о том, чем закончилось дело. Там же. 144.

[699] Hist. MSS. Com. ix. 169-70.

[700] Ibid. 170.

[701] Сохранились подробные сведения о расходах на многие из этих пиров: кларет, белые и красные вина, пиво и эль, которые шли на ужин, состоящий, например, из лебедя, пяти каплунов, двух гусей, туши, двух ягнят, четырех кроликов, говядины, мозговых костей, щековины лосося, пескаррей, плотвы, хлеба, специй, соли, уксуса, масла, молока, яиц, сала и супа. Для приготовления этих больших обедов всегда покупали мешки угля: либо древесный уголь, продававшийся в мешках, либо "морской уголь", продававшийся в кадках. История. MSS. Com. ix. 146, 163.

[702] Там же, с. 143-4.

[703] Hist. MSS. Com. ix. 77.

[704] Ibid. 112.

[705] Лит. Cant. i. 216.

[706] Ibid. iii. 379, 380.

[707] Ibid. 318-320; Hist. MSS. Com. v. 433-4.

[708] В южных городах эти расходы были очень велики. Например, Кентербери и Сэндвич должны были снабжать Уорика и его гарнизон провизией в Кале в 1457 году. Oman's Warwick, 64.

[709] Лит. Cant. i. 213-222. Этой ссоре на тот момент было 100 лет. Hist. MSS. Com. v. 433.

[710] Hist. MSS. Com. ix. 98.

[711] Hist. MSS. Com. v. 521.

[712] Последний Юбилей, когда пожертвования составили 600 фунтов стерлингов, был отпразднован в 1470 году. В 1520 году Папа потребовал половину валовой выручки, но архиепископ и капитул не были склонны предоставить ее, и юбилей не состоялся. Literæ Cantuar. iii. xxxv., xxxvi.

[713] Hist. MSS. Com. ix. 145-146.

[714] Ibid. v. 433.

[715] Hist. MSS. Com. v. 433-4.

[716] Ibid. ix. 146-7. В счетах камергера указаны расходы на одну поездку в Лондон мэра и олдерменов по делам города. Трем адвокатам было заплачено по 10 с.; один из них "в монастыре у Павла, когда он исправлял копию", получил 3 с. 4 д., а его клерк - 12 д. Мэр собрал всех свидетелей в доме у Павла, чтобы повторить их показания "против того, как они придут в Звездную палату", и заплатил за хлеб и питье и за комнату для них 16 д. В Вестминстер-холле три адвоката получили по 3 с. 4 д. каждый, и в течение трех последующих дней ежедневно выплачивалась та же плата. В Звездной палате мастер Ройдон заплатил за допрос шестнадцати человек по 2s. 4 д. за человека, итого 37 с. 4 д.; через два дня после этого гонорары были снова выплачены двум адвокатам, а сэру Мэтью Брауну был дан завтрак. Мастеру Фишеру было выплачено 19 с. за гонорар по делу Хилари. Ордера поверенного стоили 4 с., а копии коллегий - 2 с. Адвокатов приходилось искать в их загородных домах, и гонцы постоянно пересекали Тилбери-Ферри, чтобы разыскать "мастера Раймонда" и дать ему гонорар "за то, что он будет нашим адвокатом", или отправлялись в Финчли, чтобы разыскать "мастера Фровика", возможно, чтобы обнаружить, что "он тогда ехал в Уолсингем, так что упомянутый Томас снова приехал в Лондон". Мастера-регистратора Лондона встретили, когда он прибыл в Храм, и попросили "быть добрым хозяином города", а также оставили на службе за 6s. 8 д. с завтраком для его слуг на Флит-стрит. Затем посыльный ждал регистратора в Гильд-холле и вновь явился за ним "в тот же день после полудня к милорду Доубени, где ждал, пока упомянутый мастер-регистратор не поужинал, а когда он вышел, мы просили его ускорить нас, ибо время неустойки не прошло и трех дней; он ответил, что очень занят и не может так скоро это сделать, где мы взяли с него 6s. 8 д., а затем он велел нам ждать его назавтра в Храме. На следующий день, когда мистер Рекордер составил счет и исправил его, за свое вознаграждение 6s. 8d. Заплатил за шуку, подаренную мастеру Мордаунту, 3s. 4d." Затем мэр отправил в Кентербери распоряжение прислать какой-нибудь подарок, который можно было бы использовать для "завязывания дружеских отношений"; и несколько членов Общего совета отправились туда с двумя форелями (одна форель стоила около 10 с.) и десятью каплунами. Свидетели, допрошенные в Звездной палате, получили по 6 с. 8 д. и дорожные расходы; после экзамена они удалились в маслобойню для развлечения и заплатили "в награду служащим королевской маслобойни за их хорошее настроение 12 д. и повару королевской кухни 8 д.". Помимо всего этого, в восьми лондонских трактирах, в Саутварке, Дешели, на Флит-стрит, в Паульс-Чейн и Холборне, было много пиршеств и выпивки. Hist. MSS. Com. ix. 147.

[717] Чума. Hist. MSS. Com. ix. 147.

[718] Ibid. 150.

[719] Hist. MSS. Com. v. 433-4.

[720] Hist. MSS. Com. v. 434.

[721] Спор в Норвиче был передан на рассмотрение королевского суда в 1512 году. Документы, Стэнли *против* мэра и т. д., кн. 1884, 50-64.

[722] Gross, i. 241-281.

[723] См. высказывание Бэкона, процитированное Андерсоном в его "Происхождении торговли", ii. 232. "Признаюсь, я всегда считал, что торговля в компаниях наиболее соответствует английской натуре, которой нужна та же общая жилка республики, которая течет в голландцах и служит им вместо компании; и поэтому я не осмеливаюсь советовать авантюру этой великой торговли королевства, которое так долго находилось под управлением правительства, в виде свободной или вольной торговли".

[724] Сэндвич для мальчиков, 770. Кустумы Дувра, Сэндвича, Ромни, Рая и Уинчелси приведены в Lyon's Dover, ii. 267-387.

[725] Порты с корпоративными членами были следующими:- Гастингс: (Сифорд, Певенси). Сэндвич: (Фордвич, Дил). Дувр: (Фолкстон, Фавершем). Ромни: (Лидд). Рай: (Тентерден). В Гастингсе было шесть некорпоративных членов; в Сэндвиче - шесть; в Дувре - семь; в Ромни - четыре; в Хайте - один; каждый из них управлялся депутатом, которого посылал главный порт.

[726] Дувр всегда оставался в руках короля, но Хайт и Ромни принадлежали архиепископу, Сэндвич был передан церкви Христа в Кентербери, а Гастингс, Уинчелси и Рай были переданы аббатству Фекампа. Несколько подробностей об отношениях Фекампа к своим владениям в Гастингсе, Уинчелси и Рае можно найти в книге Леру де Линси "Аббатство Фекамп", стр. 289, 294, 300, 327, 331; там же приводится информация о налоге, называемом *aletot*, который жители Рая платили Фекампу, стр. 299. Две приходские церкви Гастингса, будучи частью чужого приорства Фекампа, никогда не принадлежали ни колледжу Святой Марии, ни приорству. Впоследствии они были переданы Генрихом Восьмым (Horsfield's Hastings, i. 448). Графы Эу владели замком со всем изнасилованием Гастингса и поместьем, пока их владения не были конфискованы в результате восстания около 1245 года и переданы Генрихом Третьим своему сыну Эдуарду. Moss' Hastings, 3-4, 63.

[727] За столетие, последовавшее за полным политическим отделением Англии от континента, произошли значительные перемены. Генрих Третий получил обратно Рай и Уинчелси, а также замок Гастингс, если не больше; Эдуард Первый - Сэндвич, а Хайт и Ромни остались за архиепископом.

[728] О правах, которыми обладал Генрих Второй, см. Hist. MSS. Com. v. 454.

[729] Подтверждено Эдуардом Первым в 1293 году. Rot. Parl. i. 101. В Синк-Порте не было коронеров, кроме мэров различных городов. Lyon's Dover, ii. 269, 347, 371, 303.

[730] Постановление об ошибке подавалось в Шепвейский суд только из любого из портов; но из Шепвея, наконец, можно было подать апелляцию в Королевскую скамью. (Boys' Sandwich, 697, 771.) Мэр Сэндвича, обвиненный в нападении на пристава шерифа, отказался отвечать только в суде Шепвея. (Ibid. 661.)

[731] Lyon's Dover, ii. 304. См. Rot. Parl. i. 332. О хартии Эдуарда Третьего см. Boys' Sandwich, 568-9.

[732] Boys, 470-1.

[733] Синкские порты Монтагу Берроуза, 73-4. Синк-Портс присоединился к Симону де Монфору против короля. Возможно, это восстание было вызвано ограничениями, установленными на их территории Генрихом в 1259-60 годах, так как немного позже партия баронов расширила эти границы. Именно в этой войне они окончательно добились свободы от вызова к королевским судьям (Ibid. 107.).

[734] Boys' Sandwich, 445. "В пределах Синкве-Порта нет суда присяжных, как в других местах". Ibid. 452. О системе компургии см. с. 465.

[735] Там же, с. 468.

[736] Boys, 681.

[737] Hist. MSS. Com. iv. 1, 425; v. 496; ix. 151.

[738] Сэндвич Бойса, 682.

[739] В 1395 году Ромни внес около 10 фунтов стерлингов на содержание вольностей Синк-Порта, а в 1407, 1408 и 1409 годах ему приходилось ежегодно тратить более 5 фунтов стерлингов на оплату этих целей. Продление этих хартий в одном случае обошлось Хайту в 17 фунтов стерлингов в качестве его доли. (Hist. MSS. Com. v. 535, 537.) Эти платежи были сверх тех сумм, которые приходилось отдавать за хартии каждого отдельного порта и которые также были тяжелыми расходами.

[740] Hist. MSS. Com. v. 545.

[741] Ibid. 525, 494, 517-18, 520.

[742] Обычно их было четыре или пять. Lyon's Dover, i. 251. Ромни послал шестерых. Ibid. ii. 342. О каплунах, гусях и т. д., которыми они были нагружены, см. Hist. MSS. Com. v. 534.

[743] В 1281 году мэр и жители города Сэндвич были обвинены в нападении на приставов шерифа. Boys' Sandwich, 661.

[744] Ibid. 462.

[745] Lyon's Dover, i. 254.

[746] Ibid. i. 260-1.

[747] В 1410 году присяжные из Ромни провели три дня и три ночи в Дувре на такой инквизиции. Hist. MSS. Com. v. 538.

[748] Примерно с 1471 года суд собирался в Шепвее только для вступления в должность лорда-надзирателя и вручения ему 100 фунтов стерлингов, предложенных по этому случаю его подданными. Montagu Burrows' Cinque Ports, 186. Hist. MSS. Com. v. 539.

[749] Он рассматривал только пять пунктов: государственную измену, подделку денег, неисполнение корабельных обязанностей, ложный приговор и ящик с сокровищами.

[750] Montagu Burrows' Cinque Ports, 66-7, 73-5. См. соглашение портов, составленное в 1358 году. Сэндвич Бойса, 560-3.

[751] См. Rot. Parl. i. 32, 332.

[752] Каждый год в каждый порт посылалось письмо, в котором спрашивалось, "необходимо ли в этом году создать Братство или Гостлинг", и при получении общего согласия выдавались повестки. Burrows' Cinque Ports, 177.

[753] Hist. MSS. Com. iv. i. 427.

[754] Эти четыре бейлифа при содействии проректора, выбранного Ярмутским землячеством, брали в свои руки ключи от тюрьмы, издавали все постановления и

проводили судебные заседания. Так продолжалось до 1663 года. (См. Hist. MSS. Com. v. 553, 533, 535, 539-43.) Boys' Sandwich, 576-7. Но вопрос о ярмарке в Ярмуте постепенно терял свою значимость, а в XV веке стал настолько малозначимым, что в 1515 году Бродхулл постановил отказаться от ежегодного отчета своих судебных приставов, отправляемых в Ярмут. (Lyon's Dover i. xii.)

[755] Lyon's Dover i. iv. v.

[756] Уже в XIV веке, а возможно, и гораздо раньше, было установлено, что постановления Шепвейского суда о налогах, требуемых для короля или для общих целей портов, стали основой для соглашений, заключенных между портами в Бродхулле относительно доли налогов, которые должен был платить каждый порт. См. Burrows' Cinque Ports, 180-1.

[757] В 1412 году Ромни и Лидд, а также, вероятно, все порты от Саутгемптона до Танета подписали любопытное соглашение между мореплавателями Франции и Англии. Оно предусматривало, что в случае захвата какого-либо мастера или моряка единственным выкупом с обеих сторон должны быть шесть дворян за мастера и три за моряка с 20 пенсами в неделю за каждого; рыбацкое судно с сетями и снастями должно быть освобождено за 40 пенсов; за любого человека, захваченного на любом берегу, не должно быть выкупа, но за захваченного джентльмена или купца может быть взыскан любой выкуп, который выберет его похититель. В случае спора назначались арбитры; если они не подчинялись, то 100 фунтов *стерлингов* должны были быть выплачены с одной стороны Святому Николаю в Ромни, с другой - церкви Надежды Всех Святых. (Hist. MSS. Com. v. 537-538.) Соглашение о месте уплаты штрафа, несомненно, было различным в каждом городе лиги. Обычный сержант из Хайта в том же году ездил в Дувр, чтобы получить копию композиции для своего города. В спорном деле, когда истец и ответчик, похоже, были из Ромни, вопросы, касающиеся "Закона Олерона", *то есть* морского права, были решены "судом мастеров кораблей и лодок из вилл Гастингса, Уинчелси, Сэндвича и Дувра", то есть большинством из семи городов. (Hist. MSS. Com. vi. 543.)

[758] В любой момент суд мог быть созван для исправления ошибки, и не только присяжные и простолюдины города, но и любое пострадавшее лицо во всей конфедерации могло потребовать созыва Бродхулла, если его обидели по какому-либо вопросу, касающемуся уставов, обычаев или франшиз Порты. Burrows' Cinque Ports, 181.

[759] Там же, с. 177-8. Иногда Гостилинги заседали отдельно для особых дел, обычно, возможно, в Уинчелси, для дел трех портов Сассекса. Например, в 1477 году, см. Hist. MSS. Com. v. 489.

[760] Moss's Hastings, 21. Значение суда Гостлинга постепенно уменьшалось, и в 1601 году Братский суд (который в то время был близок к своему исчезновению) принял постановление об отмене ежегодного Гостлинга. Lyon's Dover i. xii.

[761] Hist. MSS. Com. v. 539.

[762] Берроуз (Cinque Ports, 238) предполагает, что Лидд, как и Фавершем, мог быть обязан своей инкорпорацией мэру и юратам суду Шепвея. Он не приводит никаких оснований для такого предположения. Лидд подчинялся архиепископу, а Фавершем - аббату вплоть до упразднения аббатства. Ibid. 234.

[763] Дувр и Сэндвич были первыми портами, имевшими мэра, причем мэры Сэндвича были непрерывными с 1226 года. Затем появились Рай и Уинчелси около 1297 года. Остальные три порта, Гастингс, Хайт и Ромни, управлялись бейлифами до эпохи Елизаветы.

[764] О товарах, ввозимых в Сэндвич, см. Boys, 435-9, 658-9. Железо привозили из Испании и Кельна, вино - из Генуи; все виды шкур и мехов, шелка, пряности и ладан - из Леванта. О налогах на товары, погребях и складах см. Hist. MSS. Com. v. 458. При Эдуарде Третьем он снарядил для службы королю 22 корабля с 504 моряками. Boys, 783-4.

[765] Literæ Cant. i. lxxix.-lxxii. Hist. MSS. Com. ix. 74. Сэндвич для мальчиков, 663. Эдуард Третий завершил процесс в 1364 году. Там же, с. 669.

[766] В 1422 году было заключено соглашение о том, что корпорация должна свободно входить и выходить на набережную и пользоваться монашескими воротами, "чтобы обеспечить охрану и оборону города". Земля вдоль набережной должна была считаться дорогой. Там же, с. 671.

[767] По патенту из белого воска, поскольку Сэндвич не подчинился бы патенту Экшекара на зеленый воск. Boys, 441, 404, 435-457.

[768] Literæ Cant., i. 46-48. Однако в 1324 году монастырь повторил это преступление. Ibid. 118-120.

[769] Сэндвич Бойса, 435.

[770] Судебные заседания короны проводились в Сэндауне в месте под названием Мастес либо в понедельник Столичного суда, либо в любой другой понедельник. Там же, с. 443.

[771] Там же, с. 457.

[772] Там же. 311, 501. Мэр является судьей и выносит решение, которое считает нужным, в то время как судебный пристав не имеет никакого отношения к делу, кроме получения амерсиментов. Там же, с. 459.

[773] Сэндвич для мальчиков, 527. См. также 450.

[774] Там же, с. 510, 536-7.

[775] Hist. MSS. Com. v. 533-4, 535, 537, 539, 541-2. В 1340 году Ромни был разделен на тринадцать приходов, и 941 человек старше пятнадцати лет были обложены субсидией, пожалованной королем в том году. Вся сумма была оценена в 48 фунтов 9 шиллингов. 6d. Сорок пять человек были обложены в Старом Ромни на 43 с. 6d. Поступления от налогов, ренты и т.д. в 1381 году, по-видимому, составили около 180 фунтов стерлингов. (Boys, 799-801.) Похоже, что Ромни достиг пика своего процветания около 1386 года. Одна баржа была построена в 1386 году, одна в 1396 году, одна в 1400 году, одна нанята в 1420 году. (Ibid. 535-40.)

[776] Это была старая семья в городе, поскольку в 1314-15 гг. поступила жалоба на то, что Хью Холигеброк и община укрывают и защищают разбойников и преступников, так что страна не может добиться от них правосудия. Rot. Parl. i. 324.

[777] Hist. MSS. Com. v. 535-42.

[778] Ibid. 535-42.

[779] Ibid. vi. 543-4.

[780] Hist. MSS. Com. iv. I, 425, 429; Ibid. vi. 541.

[781] Судебным приставам и юристам разрешалось держать таверны с вином и элем "несмотря на их должность, чтобы они не продавали дороже из-за своей должности". Lyon's Dover, ii. 337.

[782] Hist. MSS. Com. v. 534, 535, 539, 543, 544.

[783] Двенадцать присяжных созывались общим рогом и собирались в приходской церкви, пока в 1410 году они не сняли помещение для проведения заседаний и хранения товаров общины; в 1421 году они построили или отремонтировали общий дом с соломенной крышей и стеклянными окнами, казначейским столом, покрытым зеленым сукном, и колоколом, в который звонили для избрания присяжных. Книга обычаев была составлена, вероятно, при Ричарде Втором, небольшая печать изготовлена в 1389 году, а колокол - в 1424 году. Hist. MSS. Com. v. 534, 537, 540, 541, 546.

[784] Lyon's Dover, ii. 313-14.

[785] Hist. MSS. Com. v. 535.

[786] Сэндвич Бойса, 806-8.

[787] Один бейлиф, назначенный в 1415 году, был ратифицирован только в 1421 году. (Hist. MSS. Com. iv. i. 429.) Контраст с обычаями в других округах очень разителен.

[788] Hist. MSS. Com. v. 547.

[789] Сэндвич для мальчиков, 806-8.

[790] Заметки в Domesday по этому поводу см. в Burrows' Cinque Ports, 48.

[791] В 1412 году Хайт отправил двух своих граждан в Лондон к архиепископу и лорду-канцлеру и сумел добиться некоторого освобождения от древнего обычая служить королю. В пятнадцатом веке архиепископ иногда назначал бейлифа Хайта, а иногда сдавал его в аренду городу на несколько лет. Кранмер сдал его в аренду на девяносто девять лет. Мэр появился только при Елизавете. (Burrows' Cinque Ports, 215, 217-218; Hist. MSS. Com. iv. i. 434, 429. Boys' Sandwich, 811.) Один человек был судебным приставом в течение шести лет с 1389 года; и богатый мытарь в течение двух лет с 1421 года.

[792] Hist. MSS. Com. v. 531-2.

[793] Ibid. 525-6, 532, 536.

[794] В 1403 г. "юраты Лидда и Денгемарша отчитались в церкви Святого Николая в Ромни перед тамошними юратами о всех своих расходах и издержках". Там же, с. 536.

[795] Hist. MSS. Com. v. 524-5.

[796] Ibid. 522, 524, 526, 528.

[797] Там же. 516, 532.

[798] Hist. MSS. Com. v. 606-7.

[799] В Синкве-Портс было принято, чтобы обвинитель был палачом. Burrows' Cinque Ports, 76.

[800] Таможня, взимаемая церковью Святого Августина с импорта на причале Фордвича, должна была быть такой же, как и таможня церкви Христа в Сэндвиче. Hist. MSS. Com. v. 443.

[801] Literæ Cant. iii. 358. Hist. MSS. Com. viii. 326.

[802] См. случай с Олд-Ромни. Hist. MSS. Com. v. 544.

[803] О трудностях, связанных с управлением группой зависимых деревень главным городом, см. Lyon's Dover, i. 26-29. См. также отношения Сэндвича и Стонора. Сэндвич для мальчиков, 547-8.

[804] Полидор Вергилий, 84.

[805] Archæologia Cantiana, vii. 234; Hist MSS. Com. v. 520.

[806] См. особенно рассказ о Кентербери в Hist. MSS. Com. IX. 176-7. Лидд понес большие расходы во время войны 1460 года. В Рае есть запись на 19 с. 3 д. на расходы мэра, бейлифа, обычного клерка и четырех присяжных в Дувре, которые "ехали и возвращались, неся мужские кварталы, когда мэр и бейлиф с четырьмя присяжными были отправлены под страхом самого сурового наказания и под страхом презрения к нашему господину королю". Еще два пенса было потрачено на то, чтобы дать им выпить мальмси перед обедом (Hist. MSS Com. v. 492, 493); и в том же году "люди лорда Уорика вошли в город с сильным отрядом, сняли четверть человека и похоронили ее в церковном дворе". В 1470 году Ромни и другие Синкве-Порты поддержали Уорика против Эдуарда, 1469-70 гг. (Hist. MSS. Com. v. 545.) О Лидде, р. 525; и о Сэндвиче, Boys' Sandwich, 676. Во время возвращения Генриха Шестого с октября 1470 по апрель 1471 года, запись в Лидде гласит: "во второе воскресенье после праздника святого Михаила Архангела в год короля Генриха Шестого". (Hist. MSS. Com. v. 525.) Клерк не знал, какой год назвать. О страданиях Кента во время войны см. хронику Уоркворта, 21-22.

[807] Luchaire, Communes Françaises, 77, etc.

ПРИМЕЧАНИЯ ТРАНСКРИПТОРА:

-Очевидные опечатки и пунктуационные ошибки были исправлены.

-Переводчик этого проекта создал изображение обложки книги, используя первую страницу оригинальной книги. Изображение помещено в общественное достояние.